

РОССИЯ И МИР В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ – ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

РОССИЯ И МИР В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ – ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

Материалы XXV юбилейной ежегодной международной
научной конференции

Санкт-Петербург | 22.03.2019

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна»

РОССИЯ И МИР В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ
– ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

Материалы XXV юбилейной ежегодной международной
научной конференции

Санкт-Петербург, 22 марта 2019 г.

I

Санкт-Петербург

2019

УДК 94(470)+94(100)(063)

ББК 63.3(2)+63.3(0)я43

Р76

Р76 Россия и мир в новое и новейшее время – из прошлого в будущее: матер. XXV юбилейной ежегод. междунар. науч. конф.: в 4 т. Санкт-Петербург, 22 марта 2019 года / под ред. В. М. Доброштана, С. И. Бугашева, А. С. Минина, Т. В. Рабуш. Т. 1. – СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2019. – 360 с.

ISBN 978-5-7937-1663-5

В сборнике опубликованы доклады, представленные на XXV юбилейной ежегодной международной научной конференции «Россия и мир в новое и новейшее время – из прошлого в будущее», проходившей в Санкт-Петербургском государственном университете промышленных технологий и дизайна 22 марта 2019 года. Рассматриваются проблемы, связанные с осмыслением разнообразных процессов развития нашей страны и всего мира в период новой и новейшей истории в рамках широкого спектра гуманитарных и естественных наук: истории, политологии, культурологи, философии, социологии, экономики.

УДК 94(470)+94(100)(063)

ББК 63.3(2)+63.3(0)я43

ISBN 978-5-7937-1663-5

© ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2019

© Коллектив авторов, 2019

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО К УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ «РОССИЯ И МИР В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ - ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ»

Демидов Алексей Вячеславович

доктор технических наук, профессор

ректор Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна

Уважаемые коллеги! Дорогие участники и гости XXV–й юбилейной международной научной конференции «Россия и мир в новое и новейшее время - из прошлого в будущее»! Позвольте мне от своего имени и от имени ректората приветствовать Вас в стенах Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна.

Новое время открыло для нашей страны и мира в целом период головокружительных изменений поистине глобальных масштабов: социальные революции, мировые войны, формирование мирового рынка, научные прорывы в недавно фантастическое будущее. Все это требует соответствующего осмысления. Особую остроту данной проблеме придает прямое воздействие данных изменений на формирование личности студента в условиях современного информационного общества. Эпоха перемен всегда выдвигает повышенные требования к воспитанию и образованию. Не случайно на конференции представлены работы представителей самых разных социально-гуманитарных дисциплин – от истории, философии, культурологи, социологии, до филологических наук и экономики. Также выражаю надежду, что эта конференция и приуроченные к ней мероприятия станут прекрасной школой для студентов и аспирантов, делающих свои первые шаги в науке.

25 лет – солидный рубеж, возраст состоявшегося человека. 25 лет ежегодных конференций со столь представительным участием – свидетельство актуальности обсуждаемых на них вопросов. Сердечно приветствуем на конференции представителей научного сообщества не только из российских регионов, но и стран ближнего и дальнего зарубежья: Беларуси, Узбекистана, Вьетнама, Австралии, Албании, Германии, Республики Йемен.

В заключение позвольте пожелать всем участникам нашей международной конференции «Гуманитарные науки в современном вузе как основа межкультурного взаимодействия» творческих успехов в решении поставленных задач, и выразить уверенность, что наша конференция и сейчас, и впредь будет способствовать развитию академических связей и сотрудничества с нашими коллегами из высших учебных заведений и научных организаций других стран.

Абдуразакова Салихат Магомедовна

кандидат исторических наук, доцент

Алиханова Сайкинат Арсланалиевна

кандидат политических наук, доцент

Дагестанский государственный педагогический университет

МОЛОДЕЖНЫЙ ПАРЛАМЕНТ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ

Одной из важнейших проблем современного дагестанского общества является слабая интеграция молодого поколения в политические и социально-экономические проекты, реализуемые в Республике Дагестан (далее РД). Это определило постановку вопроса о необходимости внедрения механизмов развития гражданской и социальной активности молодёжи.

Согласно Постановлению Народного Собрания РД, «Молодежный парламент при Народном Собрании Республики Дагестан является коллегиальным и совещательным органом при Народном Собрании Республики Дагестан и осуществляет свою деятельность на общественных началах»¹. Марина Абрамкина, заместитель председателя комитета Народного Собрания по образованию, науке и культуре, выступая на сессии НС РД, отметила, что: «Развитие молодежного парламентаризма представляет собой общественную составляющую молодежной политики и механизм привлечения молодежи к активному участию в жизнедеятельности государства, а также реализации им эффективной молодежной политики путем представления законных интересов молодых граждан и общественно значимых идей на уровне властных структур»².

В качестве основных целей и задач Молодежного парламента выдвинуты: выработка и реализация молодежной политики в РД; привлечение молодых людей к депутатской работе, развитие политико-правовой культуры и поддержание гражданской активности молодых людей; участие в обсуждении законопроектов; содействие в реализации информационно-аналитической и консультативной практики в области молодежной политики; исследование молодежного мнения о деятельности органов государственной власти РД; обеспечение взаимодействия Молодежного парламента с Общественной молодежной палатой Госдумы ФС РФ, с другими молодежными объединениями в регионах РФ. Формируется Молодежный парламент (62 человек) «на добровольной основе по представлению региональных отделений политических партий, имеющих представительство в Народном Собрании РД, пропорционально количеству депутатов»³ от соответствующей политической партии.

В апреле 2009 г. Народным Собранием РД был утвержден состав Молодежного парламента 1-го созыва, в котором были представлены все 4 ведущих политических партии (от Дагестанского регионального отделения

Всероссийской политической партии «Единая Россия» вошли 40 представителей, от "Справедливой России" 7, "Патриоты России" – 4, КПРФ – 4). Председателем был избран Тимур Гусаев.

26 мая 2011 г. Постановлением Народного Собрания РД был утвержден состав Молодежного парламента 2-го созыва, в который вошли представители 5 ведущих политических партий, представленных в НС РД (от Дагестанского регионального отделения Всероссийской политической партии «Единая Россия» вошли 41 представитель, от "Справедливой России" – 8, "Патриоты России" – 6, КПРФ – 5 и Правое дело – 2). В качестве председателя была избрана Марина Мутаева, сотрудник аппарата Народного Собрания.

В январе 2014 г. был сформирован Молодежный парламент 3-го созыва, который отличался от двух первых тем, что в его состав вошли «лица прошедшие конкурсный отбор» – 31, «Единая Россия» – 21, КПРФ – 2, Патриоты России – 2, Справедливая Россия – 4, Правое дело – 1. Председателем был избран Магомед Магомедов, ранее возглавлявший Комитет по законодательству, правовым вопросам и местному самоуправлению молодежной структуры.⁴ Положение о формировании половины состава Молодежного парламента на конкурсной основе было введено постановлением Народного Собрания РД от 28 марта 2013 г. №511-V НС, тогда как ранее весь состав формировался только «по представлению региональных отделений политических партий, имеющих представительство в Народном Собрании РД, пропорционально количеству депутатов Народного Собрания от соответствующей партии»⁵.

В февраля 2015 года на итоговом заседании Молодежного парламента при НС РД обсудили Послание Главы республики Рамазана Абдулатипова парламенту Дагестана, в котором Глава республики поручил «в течение трех месяцев провести необходимую работу по подбору кандидатур молодых людей – профессионалов до 35-летнего возраста для назначения на ответственные должности в органы исполнительной власти и местного самоуправления. Причем на должности не ниже начальника управления, заместителя министра или заместителя главы администрации на уровне всех муниципальных образований». В этой связи вице-спикер парламента предложил членам Молодежного парламента представить свое видение реализации данного поручения⁶.

22 февраля 2017г. был утвержден состав Молодежного парламента 4-го созыва в состав которого вошли 31 человек на основе конкурсного отбора: от «Единой России» – 24, от КПРФ – 3, от «Справедливой России» – 4⁷. Председателем Молодежного парламента стал Сергей Никитин.

Молодежный парламента Дагестана наделен правом законодательной инициативы. Соответствующую поправку в законодательство на девятой сессии приняли депутаты республиканского парламента.

Молодежные парламентаские структуры сконцентрированы на формировании кадрового потенциала региона, в качестве главных направлений

их деятельности определены: подготовка и обучение социально активной и талантливой молодежи практике общественной и государственной деятельности; повышение социального, образовательного и культурного уровня молодых граждан; развитие и реализация собственного потенциала, выстраивание собственной карьеры молодыми людьми.

В качестве одной из главных задач развития молодежного парламентаризма указывается «создание условий для системного выявления социально активных молодых людей, потенциальных и уже состоявшихся лидеров, обеспечения их дальнейшего становления и роста». Можно отметить 1 и 2 созывы Молодежного парламента, члены которых смогли реализовать себя в политике в дальнейшем: депутаты Народного Собрания РД 6-го созыва Анна Безрукова, Тимур Гусаев, Магомед Курбанов, и бывшие руководители министерства по делам молодежи — Арсен Гаджиев и Заур Курбанов, Марина Мутаева – начальник управления администрации главы и правительства РД, Магомед Хатипов – руководитель исполкома «Единой России», Магомед Магомедов, соучредители организации «Ассамблея развития гражданского общества» Магомед Багомаев и Нариман Ниматулаев, Курбанов З.М. – член Дагестанского регионального отделения Всероссийской общественной организации "Молодая Гвардия Единой России", Мухтар Амиров – директор ГУ "Информационно-аналитический центр "Комитета по молодежной политике РД" и многие другие.

Если говорить о деятельности молодежного парламента, то определение приоритетов – всегда сложная задача. Использование различных форм и способов работы в рамках системы молодежного парламентаризма дают возможность молодым людям получать теоретические знания и практический опыт управленческой работы. Навыки практической работы молодых людей, в том числе и их знакомство с законотворческой, управленческой и общественной деятельностью служат необходимым компонентом подготовки грамотных специалистов для республики.

Главная задача молодежного парламентаризма – поднять уровень действенного участия молодежи в жизни республики, что способствует реальному достижению конкретных социально-экономических результатов и привлечению молодых людей в политику; повысить уровень правовой культуры и гражданской активности. Другая, не менее существенная задача — активно воздействовать на происходящие в республике политические процессы, предлагать законодательные инициативы, способные искоренить религиозный экстремизм, создание молодежных программ направленного действия, касающихся трудоустройства, строительства жилья, учебы и досуга.

Таким образом, институт молодежного парламентаризма направлен не только на формирование кадрового резерва республики, но и на обучении социально активных и талантливых молодых людей правилам общественной и государственной деятельности. Разнообразная деятельность молодежного парламента дает возможность через проведение в жизнь социально значимых

законопроектов организовать молодежные дискуссии по проблемам развития республики, города, села; точно выдвигать законотворческие инициативы и претворять их в жизнь.

Молодёжь начинает осознавать, что может приобрести возможность принимать деятельность в общественно-политическом процессе, оказывать воздействие на выработку молодёжной политики, а также осуществить свои карьерные амбиции⁸. Молодёжные общественные организации начали выступать в качестве формирующихся составляющих гражданского общества, стремясь восстановить нарушенные контакты между молодыми активистами и государством в лице органов власти, которые занимаются проведением молодёжной политики⁹.

Молодежную политику проводит, с одной стороны, государство, а с другой – общественные организации. На молодежь республики все большее влияние оказывают молодежные общественные организации, в которых формируются не только мировоззрение и жизненная позиция, но и реализуется творческий и лидерский потенциал. Молодёжные организации предоставляют определенные преимущества для развития личности, но несмотря на тенденцию роста их численности, они по-прежнему не являются массовыми. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение деятельности и роли молодежных объединений в современном дагестанском обществе.

В республике действует ряд общественных молодежных организаций. Наиболее активно в последние годы проявило себя движение «Я – помощник Президента», бренд, созданный тогда еще ВрИО главы республики Р. Абдулатиповым. Рамазан Абдулатипов, выступая 31 марта 2013 г. на молодёжной стратегической сессии «За будущее Дагестана» отметил, что, «республика вошла в эпоху перемен, а взаимоотношения молодежи и власти играют в этих процессах очень важную роль»¹⁰. И на этой же сессии он объявил: «Мы создаем движение «Я помощник президента». Оно должно ставить реальные вопросы, выдавать реальные проекты, на реализацию которых мы найдем средства»¹¹.

Молодежное движение «Я – помощник президента» (ЯПП) заявляет своими целями: привлечение молодежи к решению общественно-социальных проблем жителей Дагестана; создание новой альтернативы развития для молодежи; борьба с коррупцией; создание платформы для профессионального и личностного развития молодёжи, помощь Президенту Дагестана в построении гражданского общества. Цель ЯПП – «изменить потребительскую норму общества на норму служения», для этого создается сеть мобильных групп («7-ки»), которые дополняют существующие приемные президента и «помогут жителям РД в решении общественно-социальных проблем»¹².

Участники движения заявили о готовности помогать в борьбе с коррупцией, обеспечивать занятость молодежи и помогать главе Дагестана в построении гражданского общества в республике. По заявлению активистов ЯПП, они действуют по всему Дагестану в рамках Конституции и

законодательства. Оценка их деятельности в народе и социальных сетях носила скорее негативных характер, чем положительный: «действия активистов “ЯПП” носят дестабилизирующий характер»¹³.

Положительную оценку деятельности движения дал Р. Абдулатипов выступая 26 ноября 2013 г. на первом Съезде молодежи республики: «Очень хорошо работает в последнее время в республике движение «Я – помощник Президента» Это движение, которое мне помогает раскрывать коррупционеров, бороться с наркоманией, это необходимо мне и Дагестану в целом. Молодежь должна формировать такие движения»¹⁴.

«Помощники» работали в приемных Президента, принимали обращения граждан, функционировали во всех районах республики. Возглавил движение ЯПП с момента его основания Ахмед Дибиров. В СМИ стали говорить о лидере движения Ахмеди Дибирове как о «дагестанском Навальном»¹⁵, который избрал изобличение в коррупции местного чиновничества. При нем «помощники», проводили громкие, шумные акции, вместе с сотрудниками Госнарконтроля вламывались в аптеки и разоблачали их руководство, которое попустительствовало реализации запрещенных препаратов дагестанским токсикоманам и наркоманам.

Вторым лидером «ЯПП» стал Магомед Магомедов, который сменил А. Дибирова, назначенного заместителем министра по делам молодежи Республики Дагестан. Данное назначение в «ЯПП» объяснили «стандартной ротацией – лидер должен быть свеж, горяч и не засиживаться в лидерском кресле»¹⁶. В 2015 г. движение «Я – Помощник Президента» возглавил начальник Управления по воспитательной и социальной работе ДГУ, член Общественной палаты РД, ялен Российского союза молодежи Арсен Гаджиев.¹⁷

Глава Дагестана Р. Абдулатипов на встрече со студентами в Дагестанском государственном техническом университете в январе 2016 г. сообщил о назначении руководителя дагестанского молодежного движения «Я — помощник президента» 29-летнего Арсена Гаджиева министром. После отставки Р. Абдулатипова министр по делам молодежи Дагестана Арсен Гаджиев объявил о своем решении уйти в отставку: «Рамазан Абдулатипов меня назначил, с ним я и ухожу».¹⁸

Таким образом, личный контакт активистов таких организаций с представителями властных структур, стал первым механизмом во взаимоотношении власти и молодёжного движения. Также существовавшие «акции прямого действия» давали возможность заявить о себе и выразить протест существующей политической реальности. Массированная пиар-кампания любых инициатив «ЯПП» в последние годы сошла на «нет». «ЯПП», можно сказать, стал своеобразной площадкой молодых кадров республики. Свидетельство этому – назначение заместителем министра по делам молодежи Ахмеда Дибирова, министром по делам молодежи Арсена Гаджиева.

Молодежные движения – это своего рода трамплин для молодых людей: здесь и социализация, и личностный рост, и возможности реализации на

крупных молодежных форумах, знакомства с интересными людьми, получение практических навыков командной работы и т.д.

В то же время сам механизм взаимодействия с молодёжными политическими движениями отсутствовал, за исключением механизма прямых акций. Правовое закрепление статуса молодежных организаций и движений заключалось лишь в законодательном признании их права на существование. Деятельности этих молодежных организаций не препятствовали, но и всерьёз не воспринимали. По всей видимости, подобное отношение к молодёжным организациям со стороны органов государственной власти в целом было вызвано и оправдывалось их собственной слабостью, малочисленностью и раздробленностью действий. Таким образом, в ходе исторического развития молодёжный парламентаризм, как политический субъект, имеет огромную потребность широкого общественно-политического участия в устройстве гражданского общества и правового государства.

¹ Постановление от 27 мая 2004 г. № 236-III НС РД «О Создании Молодежного Парламента при Народном Собрании Республики Дагестана». // <http://www.zakonprost.ru/content/regional/13/1215812> (дата обращения 18.12.2018 г.).

² При Народном Собрании Дагестана создан молодежный парламент. // <http://rosmolodezh.ru/novoteka-rosmolodezh/705-492> (дата обращения 18.12.2018 г.).

³ Народное Собрание Республики Дагестан. Постановление от 27 мая 2004 г. № 236-III НС. // www.regionz.ru/index.php?ds=2117436 (дата обращения 18.12.2018 г.).

⁴ Постановление Народного Собрания Республики Дагестан от 20.12.2013 N 710-V НС (дата обращения 18.12.2018 г.).

⁵ Народное Собрание Республики Дагестан. Постановление от 27 мая 2004 г. № 236-III НС. // www.regionz.ru/index.php?ds=2117436 (дата обращения 18.12.2018 г.).

⁶ Молодежный парламент при Народном Собрании Республики Дагестан подвел итоги работы за 2014 год и обсудил Послание Главы РД. // <http://dagestan.mprf.ru/news/view/68> (дата обращения 18.12.2018 г.).

⁷ Дагестан сегодня: информационный портал. // <http://dagtoday.ru/novosti/obshestvo/izbran-novyj-sostav-molodyozhnogo-parlamenta-pri-narodnom-sobranii-dagestana.html> (дата обращения 18.12.2018 г.).

⁸ Луков В. А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 12..

⁹ Караткевич А. Г. Политические аспекты гуманизации взаимодействия основных субъектов гражданского общества // Вопросы теории и практики. 2012. № 12. С. 113..

¹⁰ Глава Дагестана и молодёжь // Свободная республика. 5 апреля 14 (371) 2013. <http://www.respublic.net/2013/04/08/%D0%B3/> (дата обращения 18.12.2018 г.).

¹¹ Глава Дагестана и молодёжь // Свободная республика. 5 апреля 14 (371) 2013. <http://www.respublic.net/2013/04/08/%D0%B3/> (дата обращения 18.12.2018 г.).

¹² Источник: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/245277/> (дата обращения 18.12.2018 г.).

¹³ Движение “Я – Помощник Президента” – экстремистская организация // <http://karpess.ru/archives/54959> (дата обращения 18.12.2018 г.).

¹⁴ Календарь Общественной палаты Республики Дагестан. // http://opdag.ru/kalendar-oprd/podrobno/?tx_tnews (дата обращения 18.12.2018 г.).

¹⁵ Дагестанский Навальный Ахмед Дибиров // <http://kavpolit.ru/blogs/dagestan/7083/> (дата обращения 18.12.2018 г.).

¹⁶ Движение «Я – помощник Президента» возглавил Магомед Магомедов. РИА Дагестан. // https://www.riadagestan.ru/news/society/dvizhenie_ya_pomoshchnik_prezidenta_vozglavil_magomed_magomedov/ (дата обращения 18.12.2018 г.).

¹⁷ У движения "ЯПП" новый лидер // <http://www.interdag.ru/news/6774/u-dvijeniya-yapp-novyy-lider> (дата обращения 18.12.2018 г.).

¹⁸ <https://regnum.ru/news/2327482.html> (дата обращения 18.12.2018 г.).

Абравитов Денис Владимирович

кандидат психологических наук, старший преподаватель

Паневин Кирилл Васильевич

кандидат исторических наук, доцент

ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия им. Н. Г. Кузнецова»

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАК ФАКТОР УСПЕХА В ВОЙНАХ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ (ПО ВЗГЛЯДАМ М.И. ДРАГОМИРОВА)

Морально-психологическое обеспечение боевых действий прочно вошло в боевые уставы современных армий, став неотъемлемой частью боевого обеспечения. И хотя в разных армиях оно имеет свои названия, связанные с их особенностями и традициями, содержание этого понятия везде примерно одинаково. Под ним понимается целенаправленная, систематическая деятельность военных органов, командиров и начальников по формированию у личного состава высоких морально-боевых качеств и готовности выполнить свой воинский долг в любых условиях и любой ценой.

Личный состав Вооруженных Сил должен четко понимать, во имя чего он должен сражаться, быть уверенным в силе своего оружия и компетенции командиров, ясно представлять своего противника, его сильные и слабые стороны, быть соответствующим образом обеспечен всеми видами довольствия, обладать психологической устойчивостью к любым негативным факторам развития событий. Такая уверенность не появляется сама собой, а достигается повседневной, кропотливой работой соответствующих структур.

Сам термин «морально-психологическое обеспечение» появился и прочно вошел в руководящие документы только в конце XX века, но для его появления к этому времени созрели необходимые предпосылки. До появления этого термина в основном употреблялись понятия «моральный дух войск» и «моральный фактор», которые известны с древнейших времен. Практически любой великий полководец уделял моральному духу войск самое пристальное внимание. Поэтому широко известны выступления перед своими войсками в дни решающих битв видных военачальников, разнообразные обращения к ним не только полководцев, но и государственных деятелей.

Были выработаны и определенные подходы к морально-психологической подготовке войск в мирных условиях. В каждой армии они опирались на свои национальные особенности. Но общая система сводилась к жесткой дисциплине, беззаговорочному выполнению распоряжений командиров. В истории сохранились свидетельства самоотверженности римских легионов,

упорство и настойчивость восточных армий от персидских до монголо-татарских войск.

В русской военной истории эта проблема стала актуальной с появлением профессиональных войск. В службе стрелецких полков, полков «иноземного строя» царя Алексея Михайловича основной составляющей была материальная. Но с введением рекрутской системы Петром Великим стало понятно, что строить подготовку войск надо на другой основе. Массовые армии Нового и Новейшего времени потребовали нового подхода к морально-психологическому сплочению войск. И одной из эффективнейших в этот период стала прусская система, основанная на муштре и жесточайшей дисциплине. А так как правящая в России династия имела германские корни, прусская система пользовалась в русской армии большим уважением.

Однако в российской армии и военном флоте всегда были военачальники, говорившие о необходимости опоры в формировании высокого морально-психологического духа на национальные черты русского солдата и офицера. Однако до определенного времени они были в меньшинстве.

В разные исторические периоды отношение к этим вопросам было разное. Наиболее прогрессивные из военачальников заостряли на них внимание, но, как правило, новые подходы принимались не сразу, а иногда и отвергались представителями военной элиты. В российской военной истории всегда с уважением относились к военным деятелям, уделявшим большое внимание моральному духу войск. В первую очередь надо отметить Петра Великого, П.А. Румянцева, Г.А. Потемкина, А.В. Суворова, М.И. Кутузова, М.И. Драгомирова, М.Д. Скобелева, флотоводцев Ф.Ф. Ушакова, П.С. Нахимова и многих других военных деятелей.

Особо хочется остановиться на личности Михаила Ивановича Драгомирова, который был не только военным и государственным деятелем, но и военным теоретиком и педагогом. Именно этот сплав практической деятельности и умения обобщить проделанную работу и сделать выводы, а потом на их основе готовить современные военные кадры, отличали боевого генерала. С его именем связано появление в России своей школы обучения и воспитания личного состава. Эта школа основывалась на самых передовых идеях военно-педагогической мысли. Она учитывала особенности российского менталитета, исходила из реальностей жизни русской армии своего времени, связанных со спецификой национального характера.

Но появилась эта система не сразу, а явилось плодом долгих раздумий и практического опыта. И для понимания этого процесса очень важна биография Михаила Ивановича Драгомирова. Он родился в дворянской семье Черниговской губернии в 1830 году. Как было принято в то время, военное образование он получил в Дворянском полку, откуда в возрасте 19 лет в звании прапорщика был направлен в лейб-гвардейский Семеновский полк и сразу получил боевое крещение, приняв участие в Венгерском походе 1848-1849 годов.

В чине поручика Михаил Иванович был зачислен в Императорскую военную академию, после блестящего окончания которой, был назначен в Гвардейский генеральный штаб. Будучи офицером генерального штаба был направлен за границу для изучения военного дела, принял участие в качестве наблюдателя при штабе сардинской армии в Австро-итало-французской войне 1859 года. И в этом же году он назначается адъютант-профессором в Николаевскую академию Генерального штаба по кафедре тактики, ему присваивается звание капитана.

С 1864 года Драгомиров совмещает преподавательскую деятельность с выполнением обязанностей начальника штаба гвардейской кавалерийской дивизии уже в звании полковника. В 1866 году в качестве военного агента прусской армии принимает участие в Австро-прусской войне. Через год ему присваивается звание генерал-майора и Драгомиров назначается начальником штаба Киевского военного округа. В должности командира 14-ой пехотной дивизии он принимает участие в Русско-турецкой войне 1877-1878 года, а после ее окончания в звании генерал-лейтенанта был назначен начальником Николаевской академии Генерального штаба.

В этой должности Драгомиров прослужил 11 лет, воспитав целую плеяду блестящих командиров и преподавателей. Именно в это время Драгомиров уделил особое внимание развитию военно-педагогической мысли в России. Он уделял большое внимание моральному фактору в подготовке войск, настойчиво продвигал в жизнь суворовскую идею о необходимости в мирное время готовить воинов к тому, что необходимо на войне. Он считал основным в подготовке солдата формирование у них сознательного отношения к выполнению своих обязанностей, а у офицеров – личной примерности.

В последние годы жизни Михаил Иванович занимал ответственные государственные должности, будучи генерал-губернатором и членом Государственного Совета. Ушел из жизни видный военный теоретик и практик в 1905 году, но его идеи и сегодня актуальны для воспитания защитников Отечества в современной России.

Как мы видим из жизненного пути Драгомирова, он прошел военную службу от прапорщика до генерал-лейтенанта, находился на разнообразных командных и штабных должностях, преподавал в качестве профессора, а потом и возглавил Николаевскую академию генерального штаба – центр военно-научной мысли России того периода. В качестве участника или наблюдателя он принял участие в многочисленных войнах. Все это и позволило ему создать целостную систему воинского обучения и воспитания, получившую наименование драгомировской.

Многие положения этой системы и сейчас лежат в основе морально-психологического обеспечения действий войск (сил). Основной идеей Драгомирова для войн Нового о Новейшего времени явился взгляд на человека, как решающего звена успеха. Никакое развития оружия и техники не умаляет его роли, а только возвышает. И с развитием военных технологий роль

солдата и офицера в бою будет только возрастать, соответственно основной задачей является нецеленаправленная подготовка личного состава к выполнению задач по его боевому предназначению.

Драгомиров сумел обосновать основные принципы обучения и воспитания войск для успешных действий в боевых условиях. В основу боевой подготовки он положил гуманистический подход к солдату, который заключается в необходимости раскрыть заложенные в новобранце природные способности и возможности. Именно такая подготовка и позволит воину проявить себя в бою.

В основе принципов обучения и воспитания воинов находится принцип целесообразности. Он достаточно емко, Михаил Иванович под ним понимал необходимость учить войска тому, что необходимо в бою при выполнении своего предназначения. Чем лучше будет воин подготовлен к конкретной задаче, и тем эффективнее будут его действия. Лишние навыки иногда могут помешать при выполнении конкретной задачи, затруднить ее выполнение.

В основе его подхода стоит воспитание у бойца непреклонной решимости, воли к победе. А это возможно только при нравственном превосходстве над противником, уверенности бойцов в правоте своего дела. Особенно это актуально в российском менталитете. Наш человек обладает обостренным чувством справедливости. Поэтому Драгомиров считал, что нет универсальной системы обучения и воспитания личного состава. В основе их должен лежать конкретно-исторический подход.

В русской культуре это часто связано с жертвенностью. Победить, несмотря ни на что, не постоять за ценой – это в нашей традиции. И хотя Драгомиров считал необходимым беречь каждого солдата, с другой стороны, как военный человек и командир, он знал, что нет войны без потерь. И задача командира не заставить своего подчиненного безропотно идти на убой, а морально подготовить к тому, что для общей победы может придется и пожертвовать собой. Он писал: «...выше всего... готовность страдать и умирать, т.е. самоотвержение: оно освящает повиновение, оно злейшее иго делает благим, тягчайшее бремя легким; оно дает силу претерпеть до конца, принести родине жертву высшей любви...»¹

Но это должен быть осознанный выбор солдата, его внутреннее убеждение. А формируется оно кропотливой работой командира, моральной и физической закалкой. И основывается жертвенность на патриотизме, а также преодолении чувства страха.

Следующим важным принципом Драгомиров считал системность и последовательность в обучении. Надо идти от простого к сложному, от понятного к непонятному. Овладевать новым приемом следует только тогда, когда в совершенстве овладел предыдущим. Новое знание, новый навык должны опираться на уже освоенные знания и умения.

Этот принцип тесно связан с сознательностью. Воин должен знать и понимать, зачем он осваивает тот или иной прием. Драгомиров считал, что

вначале должна быть работа мысли, а потом овладение навыком. Это касается не только сложных движений и умений, но даже самого элементарного приема. Одновременно он выступал против зубрежки и муштры. Прочное освоение знаний и навыков возможно только через понимание воином своих действий. Поэтому в основе обучения должен лежать известное суворовское правило «Каждый воин должен знать свой маневр».

Тесно связаны с рассмотренными принципами принцип наглядности в обучении, который требует вначале показать вещь, а потом работать над ее образом и принцип прочности усвоения знаний и умений. Эти принципы были развиты работами многих учеников Драгомирова, например, таких как подполковник Н.П. Бирюков. Последний рекомендовал расчленять при объяснении осваиваемый элемент на несколько частей, творчески соединяя рассказ с показом, закреплять пройденный материал неоднократным повторением.

Но особую роль в морально-психологической подготовке воинов имеют идеи Драгомирова о воспитании солдат. В основе его системы воспитания лежат следующие подходы:

- основная цель воспитания состоит в формировании надежности воина, его убежденности в правоте своего дела, правдивости в любой обстановке перед своей совестью;

- гармоничность в формировании личности воина, единство воспитания ума и воли с воспитанием нравственным и физическим;

- основную роль в воспитательной деятельности отводилась офицерам, которые в силу своей подготовленности должны служить примером для солдат. При этом он выдвигал очень высокие требования к подготовке и нравственным качествам офицерского состава;

- в условиях новой войны, как отмечалось ранее, на первый план выходит человек с его нравственными качествами, преданностью делу, ради которого он должен быть готов к самопожертвованию;

- в основе воинского воспитания стоит формирование сознательной дисциплинированности. Он писал: «Дисциплина - дело взаимное, т.е. бывает крепка только там, где она существует не только снизу вверх, но и сверху вниз, ибо тот же самый закон, который налагает на солдата известные обязательства, обеспечивает его от неправых посягательств и начальствующие лица, которые позволяют себе подобные посягательства, суть нарушители и закона и дисциплины»;²

- в основе морально-психологической подготовки лежит формирование у воинов высоких морально-боевых качеств, таких как храбрость, решительность, неустранимость, чувство взаимной выручки, воинская честь.

Эти и многие другие положения системы обучения и воспитания воинов актуальны и в современных условиях. Так в руководящем документе о работе с личным составом в Вооруженных Силах Российской Федерации требуется сосредоточить усилия на формировании и развитии у солдат и матросов:

«- высокой мотивации и осознанного отношения к службе в Вооруженных Силах, готовности к вооруженной защите Российской Федерации, верности Военной присяге, готовности выполнить приказ командира (начальника);

- необходимых морально-психологических и военно-профессиональных качеств, стремления к преодолению трудностей военной службы, добросовестному освоению военной специальности;

- высокой дисциплинированности и законопослушного поведения, уважительного отношения к сослуживцам, войскового товарищества.»³

То есть драгомировский завет о подготовке сознательного, знающего свой маневр бойца, преданного своей Отчизне, верного воинскому долгу и готового выполнить приказ командира претворяется в жизнь его наследниками в рядах нашей армии и флота.

¹ Драгомиров М. И. Избранные труды. Вопросы воспитания и обучения войск / Под ред. д.и.н., профессора Л. Г. Бескровного. — М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1956. — 326 с.

² Там же, С.613.

³ «Основы организации работы с личным составом в Вооруженных Силах Российской Федерации. Статья 6.» Из Приказа Министра Обороны Российской Федерации №655 от 12 октября 2016 года, Статья 6, пункт «в».

Аверьянова Ольга Владимировна

кандидат экономических наук, преподаватель

Семенов Сергей Леонидович

кандидат медицинских наук, доцент

«Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова» МО РФ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛЕТОПИСАНИЯ НА РУСИ

Летописи – важнейшие источники изучения древней Руси. Они повествуют о разнообразных событиях, объединенных внешней погодной сеткой. Структурной единицей летописи является погодная статья, начинающаяся со слов «В лето...». Хронологически они охватывают период X-XVII вв. В настоящее время известно свыше 200 списков летописей, большинство из которых опубликовано в Полном собрании русских летописей.

Зарождение летописания было связано с необходимостью передавать информацию потомкам. Первоначально в устной традиции содержались рассказы о глубокой древности, предания о родоначальниках, героях и т.п. Познание письменности позволило повествование фиксировать документально, происходит зарождение летописания. Со становлением государственной власти оно приобретает важный характер. На страницах летописей стала отражаться

деятельность князей, которая могла преподноситься в нужном ракурсе. Заказчиками летописных текстов могли стать церковные служители. Как правило, центры летописания размещались на княжеских дворах, епископских и митрополичьих кафедрах, в приходских церквях и монастырях.

Летописание строится на основе погодных записей, каждое известие имеет точную хронологическую привязку в виде указания на год, месяц, иногда день недели или время суток. Записи в тексте могут носить разный характер. Если в тексте погодной записи отсутствует единый стержень повествования, то следует говорить о дискретной (прерывающийся) записи. Она является открытой, т.е. в нее можно внести дополнения другими известиями, не разрушив структуры летописного текста. Другими словами, в погодную запись можно было внести любую не связанную друг с другом информацию, но относящуюся к данному году. Другой характер приобретает погодная запись, в которой имеется сквозная тема. В данном случае под одним годом соединялись события, свершившиеся в разное время, но имеющие общую тематическую привязку. Примером может послужить погодная запись 996 (6504) г. из Повести временных лет о жизнедеятельности князя Владимира. В летописях XI-XV вв. такое объединение в погодной записи свидетельствовало об устных традициях информации или отсутствием необходимых письменных материалов. Такой тип повествования (соединение информации за несколько лет в одну погодную запись) характерен для поздних летописей, что объяснялось обработкой информации, стремлением к подробному освещению событий.

Повествование в летописях часто охватывают продолжительный хронологический промежуток: в них могут содержаться и библейские сюжеты, и древнейшие века отечественной истории. Очевидно, что они написаны не одним автором, а поколениями авторов, сама же летопись является компиляцией более ранних произведений. Изучение следов использованных компиляций является важнейшей источниковедческой задачей. Разновременные текстовые слои, гипотетически восстановленные исследователями как принадлежащие разным авторам, называются летописными сводами. Исходный текст летописи принято называть протографом. Большую роль в выявлении летописных сводов сыграли ученые П.М. Строев, А.А. Шахматов, Д.С. Лихачев. Почти каждый известный сегодня летописный текст состоит из гипотетических сводов. Так, Повесть временных лет дошла до нас в многочисленных летописных сводах, которая, в свою очередь, являлась сводом еще более древней летописи.

Другой важной источниковедческой задачей является анализ работы летописца. Мировоззрение средневекового человека отличалось провиденциализмом, т.е. происходившие в мире события рассматривались как действия Бога. В результате, это и предопределило хронологический характер изложения событий в летописании, а не причинно-следственный. Работа летописца зачастую заключалась в компиляции старых текстов при минимальной их обработке (как правило, лингвистических) – такую копию

принято называть списком летописи. Также авторы могли хронологически продолжить летописное сочинение предшественников. В творчестве летописца можно выделить две жанровые разновидности: «протокольные» погодные записи, воспроизводящие фактическую сторону событий, и рассказы, имеющие оценочный характер.

Принято различать редакции (изводы) летописи или свода в случае, если текст предшественника подвергался осознанной обработке, которая существенно изменяла описание событий, поведение людей. Редакции можно определить при сравнении схожих летописей. Существование редакций летописей указывает на их политическую, классовую пристрастность.

От крупных летописей отличаются летописцы – небольшие по охвату хронологии событий и территории произведения.

В XVIII-XX вв. складывается система наименований летописей. Ряд летописей сохранил самоназвание («Новый летописец» – летопись XVII в.). Другим давали название в связи с различными обстоятельствами: по месту ее находки и хранения (Ипатьевская летопись), имени ее владельца (Радзивилловская летопись), принадлежности к авторству (Лаврентьевская летопись). В названии может присутствовать географическая привязка, нумерация (Новгородская вторая летопись). Название получают и гипотетические летописные своды (Повесть временных лет).

Основным методом при работе с летописями как источниками является сравнительно-текстологический метод. Он предусматривает несколько этапов: 1) отбор нескольких летописей для исследования, сходных по содержанию; 2) определение времени их создания, происхождения, состава, назначения; 3) полное сравнение текстов отобранных летописей; 4) восстановление протографа и определение степени зависимости летописей; 5) установление состава и содержания выявленного гипотетического свода; 6) сравнение реконструированного свода с другим гипотетическим сводом и определение их общего летописного источника.

Вопрос об исходной точке древнерусского летописания остается открытым. В дореволюционный период считалось, что первым летописцем был монах Киево-Печерского монастыря Нестор, а первым произведением – Повесть временных лет, написанная в 1110–1113 гг. А.А. Шахматовым было выдвинуто предположение, что первый летописный свод относится к 1037–1039 гг. и возник он в Киеве при митрополичьей кафедре. Этот гипотетический текст ученый назвал Древнейший летописный свод. Им же была выдвинута версия о существовании Начального свода, который возник в 90-е гг. XI в. В советское время порог возникновения летописания был отодвинут на X в. Л.В. Черепнин исходной точкой летописания считал 996 г., с его точкой зрения согласился Б.А. Рыбаков. Исследователь М.Н. Тихомиров отнес возникновение летописания к рубежу X-XI вв., причем оно существовало и в Киеве, и в Новгороде. По его мнению, оно началось с написания трех сказаний: «Сказания

о начале Руси», «Сказания о призвании варягов», «Сказания о русских князьях». Д.С. Лихачев отнес возникновение летописания к 40-м гг. XI в.¹

Летописание велось в двух центрах – Киеве и Новгороде. Киевское летописание не ограничивалось региональными событиями, а регистрировало все, что происходило на территории древнерусского государства. Таким образом, оно носило общерусский характер.

Крупнейшим произведением считается Повесть временных лет, названная так по первым строкам текста. Выделяются две летописные традиции. Одна сохранилась в Ипатьевской летописи, Хлебниковском, Погодинском, Ермолаевском списках. Другая традиция сохранилась в Лаврентьевской летописи, написанной в 1377 г. монахом Лаврентием. Эту же традицию содержат Троицкая летопись, лицевая Радзивилловская, а также большинство летописей XVI-XVII вв.

Имя автора можно определить по Хлебниковскому списку – Нестор, в Ипатьевской летописи указано, что он был монахом Киево-Печерского монастыря. Несторовская редакция охватывает период 852-1113 гг., после чего под 1116 г. в Лаврентьевской летописи следует приписка игумена Выдубицкого монастыря Сильвестра о написании им этого произведения. Третья редакция относится к 1118 г., авторство которой установить не удалось. В основе Повести временных лет лежали гипотетические летописные своды (Начальный свод, Древнейший свод и др.), устные источники, иностранные произведения, тексты Ветхого и Нового Заветов.

¹ Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе Л: Наука, 1986. 408 с.

Акимов Юрий Германович

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ В США И КАНАДЕ В КОНЦЕ XIX В. (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ)

В отличие от других конфессий, православие пришло в Северную Америку не со стороны восточного (Атлантического) побережья, а с крайнего северо-запада – со стороны Аляски и Алеутских островов, являвших объектом русской колонизации с середины XVIII в. до 1867 г. Что касается основной («континентальной») территории США и территории Канады, то вплоть до посл. трети XIX в. православного населения там практически не было. Однако затем ситуация стала меняться. За несколько десятилетий появились десятки приходов в самых разных местах. В настоящей статье мы постараемся выяснить, какими путями шло распространение православия в Северной

Америке, определить этнокультурный / этнонациональный состав паствы Русской Православной Церкви (РПЦ) в США и Канаде, выявить специфику отношения российских властей (светских и духовных), а также российского общества к вопросам, связанным с поддержкой американских и канадских православных общин.

После продажи владений Русско-Американской компании Соединенным Штатам на территории «Округа Аляска» проживало, по разным данным, от 11 до 12 тыс. православных христиан из числа аборигенов. Их приходы находились в ведении Камчатской, Курильской и Алеутской Епархии, кафедру которой в то время занимал выдающийся церковный деятель святитель Иннокентий (Вениаминов), много сделавший для распространения православия в Сибири, на Дальнем Востоке и в Северной Америке (сама кафедра с 1858 г. находилась в Благовещенске). По его предложению в 1869 г. для Америки была образована отдельная Новоархангельская и Алеутская епископская кафедра, в 1870 г. переименованная в Алеутскую и Аляскинскую. Первоначально она находилась в Ситке (бывшем Новоархангельске), но уже в 1872 г. была перенесена в Сан-Франциско (причем, официально Св. Синод дал на это санкцию только в 1881 г.). По охвату территории она была самой большой в РПЦ, однако все остальные ее показатели были очень скромными.

С конца 1860-х до конца 1880-х гг. деятельность РПЦ в Америке была в основном ограничена Аляской. Однако и там ее положение было весьма сложным, поскольку она была плохо подготовлена к существованию в новых для нее условиях религиозного плюрализма, республиканского правления и свободного рынка со всеми издержками его развития. Свою негативную роль играли такие факторы как начавшаяся «конкуренция» со стороны различных протестантских деноминаций, нехватка священнослужителей, недостаточный уровень их подготовки, а порой и невысокие моральные качества. Даже в официальном отчете Обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева признавалось, что в вышеуказанный период в Алеутской и Аляскинской епархии «личный состав духовенства стоял на низком уровне образования и нравственно не соответствовал своему призванию»¹.

Что касается основной территории США («континентальных штатов») то там в то время было всего три православных прихода: в Сан-Франциско, Новом Орлеане (там с конца 1870-х гг. существовала небольшая греческая церковь, и находился священник Константинопольского патриархата) и «консульский» в Нью-Йорке. Последний в 1870-е гг. приобрел определенную известность благодаря деятельности Николаса Бьерринга – американского религиозного деятеля, некоторое время находившегося в лоне православия². Однако все эти приходы были очень небольшими (так, в полумиллионном Сан-Франциско насчитывалось 500 православных разного этнического происхождения, из них церковь хотя бы изредка посещало не более 1/3). Общая численность православных в Соединенных Штатах в конце 1880-х гг. оценивалась в 17 тыс.

человек, подавляющее большинство из которых было сосредоточено на Аляске³.

Ситуация стала меняться на рубеже 1880–90-х гг. Это было связано сразу с несколькими моментами. Во-первых, несколько оживилась деятельность РПЦ. В декабре 1887 г. епископом Алеутским и Аляскинским был назначен Владимир (Соколовский) – священнослужитель, имевший опыт миссионерской деятельности (в Японии) и служения в инославной среде (в «Холмской Руси»), а также, что немаловажно, владеющий английским языком. После церемонии наречения в своей речи к Св. Синоду он в частности заявил:

«...волею Вашего Святейшества Бог судит мне служение народам чуждым нам – по отечеству, но родным по вере или дружественным в политическом смысле – колошам, алеутам, индейцам, креолам и великому англо-саксонскому племени Северо-Американских Соединенных Штатов, сильному своей независимостью, гордому высшей цивилизацией, самодовольному и дружески расположенному к России. Многие лучшие люди там не подражают большинству в материальном и нравственном самодовольстве, а со смирением ищут истинного религиозного просвещения <...> В этом кроется великая надежда на лучшее будущее для православной Церкви в Америке ко спасению людей»⁴.

Вместе с преосвященным Владимиром прибыло 22 человека (священники, дьяконы, певчие и т.п.). Некоторые из них впоследствии стали выдающимися проповедниками православия как в Америке, так и за ее пределами (в частности, Василий Мартыш, впоследствии причисленный к лику священномучеников). В 1889 г. при архиерейской кафедре в Сан-Франциско была основана духовная школа для начальной подготовки священнослужителей, а также воскресная школа для прихожан. В обеих занятия велись на английском языке. Епископ Владимир также стал широко использовать английский язык в богослужебной практике. Это позволило существенно увеличить численность прихожан.

В то же время следует подчеркнуть, что в центре внимания епископа Владимира, как и его предшественников, находились приходы на Аляске и Алеутских островах. Он регулярно посещал их, направлял и поддерживал миссионерскую деятельность, помогал отстаивать интересы местного православного населения, встречался с представителями американских властей и т.д. Во многом благодаря владыке Владимиру положение православия на Аляске стало более стабильным.

Во-вторых, в «континентальные штаты» стало приезжать все больше православных иммигрантов. Они были частью так называемой второй волны иммиграции в США, пришедшейся на конец XIX – начало XX в. и в значительной степени состоявшей из выходцев из Центральной, Восточной и Южной Европы. Среди них были русские, греки, сербы, буковинцы, которые оседали либо в крупных промышленных центрах (Нью-Йорк, Чикаго), либо в рабочих поселках Северо-Востока. Преосвященный Владимир (единственный в

то время православный епископ на Североамериканском континенте) собирал сведения о православном населении США и уже в 1888 г. посетил несколько центров притяжения православных иммигрантов. Он побывал в Чикаго, где, по его словам, насчитывалось до тысячи православных, не имевших, однако, ни церкви, ни священника. Тогда же он заезжал в Детройт, Нью-Йорк и Новый Орлеан. Везде перед ним ставился вопрос об оказании материальной помощи для строительства и/или обустройства церквей, покупки земли под кладбища, о присылке священников и т.п. Однако епископ весьма сдержанно реагировал на эти просьбы, поскольку, с одной стороны, просто не располагал средствами, а с другой – видимо все-таки считал приоритетным для РПЦ «аборигенное» / «аляскинское» направление деятельности. Тем не менее, процесс формирования первых православных приходов в «континентальных штатах» сдвинулся с мертвой точки. В частности, в Чикаго по предложению епископа Владимира было создано церковное общество, которое занялось сбором средств на постройку церкви.

В-третьих, с начала 1890-х гг. ряды православных в США стали пополняться за счет переходов в православие униатов (греко-католиков / католиков восточного обряда). Это были выходцы из беднейших восточных областей Австро-Венгрии – Галиции, Закарпатья, Лемковщины (массовое переселение за Океан оттуда шло с 1870-х гг.)⁵. Следует подчеркнуть, что значительная часть из них идентифицировала себя в качестве русских, хотя они не были подданными Российской Империи, не говорили на русском языке и не имели никакого отношения к РПЦ и вообще к православию! С самого начала своего пребывания в Америке униаты столкнулись с резким неприятием «восточного обряда» со стороны местных католических епископов, всячески препятствовавшим налаживанию их церковной жизни и стремившихся привести их в лоно «чистого» римского католицизма. Однако для основной массы галицких и угро-русских / русинских иммигрантов главным было сохранение именно «восточного обряда», близкого к православному и называемого ими «русским». Все это, в конце концов, подвигло их к переходу в православие под юрисдикцию РПЦ.

Первым униатским приходом, перешедшим в православие, был приход в Миннеаполисе (штат Миннесота) во главе со священником отцом Алексеем Товтом. Епископ Владимир совершил чин его присоединения 13/25 марта 1891 г., однако Св. Синод дал соответствующую санкцию только в июне 1892 г.⁶. Примеру Миннеаполиса последовало еще несколько униатских приходов. В 1893 г. в лоно РПЦ перешли приходы в городах Стритор (штат Иллинойс), Уилкс-Бери, Питтсбург и Осцеола-Милс (все в штате Пенсильвания, где на угольных шахтах тогда работало много иммигрантов восточнославянского происхождения); в 1894 г. – приходы в Филиппсбурге (штат Пенсильвания) и Бриджпорте (штат Коннектикут); в 1895 г. – приход в Ансония (штат Коннектикут) и т.д. Огромную роль в это процессе сыграл вышеупомянутый

отец Товт – выдающийся проповедник, вскоре после кончины причисленный к лику святых Американской православной церкви.

Данный процесс, безусловно, имел огромное духовное и политическое значение. В России газеты с энтузиазмом писали о «конце унии в Америке», приводя порой совершенно фантастические данные о десятках и даже сотнях тысяч обращенных в православие (реальные цифры были на порядок ниже – вышеназванные приходы насчитывали в среднем по 300–500 человек). В то же время он породил ряд проблем – как чисто технических / организационных, так и материальных. Так, в ряде приходов не были урегулированы вопросы, связанные с оформлением прав собственности на церковные здания. Остро стоял вопрос о назначении казенного жалования священникам и причту. Кое-где имели место внутриобщинные конфликты.

Решать эти проблемы пришлось уже преемникам епископа Владимира – Николаю (Зиорову) и Тихону (Беллавину), будущему патриарху. При них постепенно стала происходить переориентация деятельности РПЦ на «континентальные штаты». Православие пускало в США все более глубокие корни и становилось одной из уважаемых конфессий, в целом органично вписавшись в жизнь страны.

В конце XIX в. православие стало распространяться и на канадской земле. Здесь оно также распространялось либо благодаря притоку православных иммигрантов (прежде всего украинских⁷), либо благодаря переходам в православие униатов⁸.

Весьма деликатным является вопрос о поддержке православных приходов в Северной Америке со стороны России. Эта поддержка, безусловно, имела место (практически все эти приходы относились к РПЦ, даже «сиро-арабские»), однако ее объемы были весьма скромными. Специалист по истории американского православия Дж. Солдатов, в частности, отмечает, что Алексей Товт и другие бывшие униатские священники в открытую заявляли, что имея больше средств они могли бы легко «покончить с унией» в Америке и недоумевали, почему Св. Синод не всегда спешит им помогать⁹. Однако очевидно, что для российских властей американское направление объективно не было приоритетным.

Вскоре после получения известия о продаже Аляски Соединенным Штатам упоминавшийся выше святитель Иннокентий писал: До меня дошел из Москвы слух, будто я в письме кому-то выразил свое большое неудовольствие относительно продажи наших колоний в Северной Америке американцам. Это совершенно неверно. Напротив, я усматриваю в этом событии один из промыслительных путей, посредством которых Православие сможет проникнуть в Соединенные Штаты, где оно уже стало привлекать к себе серьезное внимание.¹⁰

Конечно, можно дальше спорить о целесообразности заключенной в 1867 г. российско-американской сделки, однако события последних

десятилетий XIX в. безусловно подтвердили правоту святителя Иннокентия относительно распространения православия в Северной Америке.

¹ Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству Православного исповедания за 1888 и 1889 годы. СПб.: Синодальная типография, 1891. С. 255.

² См.: Herbel D.O. Turning to Tradition: Intra-Christian Converts and the Making of an American Orthodox Church. A Dissertation <> Doctor of Philosophy, Saint-Louis, 2009. P. 59–116.

³ Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству Православного исповедания за 1888 и 1889 годы. СПб.: Синодальная типография, 1891. С. 255.

⁴ Цит. по: Никифорова О.В. Архиепископ Владимир (Соколовский). Последний настоятель московского Спасо-Андроникова монастыря. М.: Изд. дом «Переход», 2014. С. 95.

⁵ См.: Акимов Ю.Г., Минкова К.В. Особенности формирования русинской диаспоры в США в конце XIX в. // Русин. 2016. № 1 (43). С. 128–144.

⁶ См.: Акимов Ю.Г., Минкова К.В. Переход в православие эмигрантов униатов в США в 1891–1892 гг. и Святейший Синод РПЦ // Вопросы истории. 2018. № 1. С. 160–170.

⁷ Кукушкин В.Е. У истоков Канадского православия: украинская иммиграция конца XIX – начала XX в. и возникновение православных приходов в западной Канаде // Петербургский исторический журнал. 2016. № 1. С. 83–96.

⁸ См.: Минкова К.В., Писарева М.В. Переходы в православие эмигрантов-русинов в Канаде (некоторые аспекты) // Материалы Всероссийской научной конференции «Мавродинские чтения-2018». СПб., 2018. С. 436–440.

⁹ Soldatow G. Introduction // Archpriest Alexis Toth. Selected Letters, Sermons, and Articles / Translated and Edited by G. Soldatow. Chillikack: Synaxis Press, 1978. P. 7–9.

¹⁰ Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского / Собр. И. Барсуковым: Кн. 1–3. Кн. 3: СПб., 1901. С. 139–140.

Александрова Марина Геннадьевна

старший преподаватель

Хиневиц Марина Александровна

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ БЮДЖЕТНОЙ И НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА 2019-2021 ГОДЫ

Ответственность за социальное обеспечение в Российской Федерации лежит на государстве, соответственно, и финансирование социальных программ в нашей стране производится из бюджетной системы. В свою очередь основными источниками пополнения бюджетов разных уровней являются налоговые доходы. Поэтому для более полного понимания того, чего стоит ожидать в предстоящем периоде в социальной сфере, важно знать планы государства в области бюджетной и налоговой политики.

Согласно ст.165 Бюджетного кодекса Российской Федерации ¹ разработка «основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной

политики Российской Федерации» (далее - Основные направления бюджетной и налоговой политики) и представление этого документа в Правительство РФ являются бюджетными полномочиями Министерства финансов РФ (далее - Минфин РФ). Данный документ проходит предварительный парламентский контроль в виде обсуждения в палатах Федерального Собрания Российской Федерации согласно ст.11 Федерального закона «О парламентском контроле»². В рассматриваемом документе определяются условия, необходимые для составления в дальнейшем проектов бюджетов разных уровней на среднесрочную перспективу, то есть на ближайший год и плановые два года.

Рассмотрим некоторые положения Основных направлений бюджетной и налоговой политики на 2019-2021 годы. В указанном документе рассматривается прогноз того, какими будут условия, в которых предстоит реализовывать принятую политику. Одним из внутренних условий является изменение средней величины доходов населения. Прогнозируется, что в 2019 году темп роста заработных плат в стране снизится. Это связано с повышением зарплат в 2018 году работникам социальной сферы, а также с тем, что минимальный размер оплаты труда был повышен до прожиточного минимума. На темпах роста доходов граждан России скажется и то, что индексация некоторым категориям бюджетников будет осуществлена не в начале года, а с 1 октября. Кроме того, на покупательной способности доходов населения скажется инфляция, рост которой прогнозируется в текущем году.

Но уже к 2020 году предполагается, что увеличатся темпы роста российской экономики, на что благоприятно повлияет в том числе и предполагаемый рост инвестиционной активности представителей частного сектора. Также государством будут создаваться и внедряться инструменты долгосрочных сбережений, такие как добровольная накопительная пенсионная система и другие.

"Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов" дают также представление о планируемых доходах и расходах федерального и региональных бюджетов Российской Федерации на среднесрочную перспективу. Согласно данным, представленным в таблице 1, предполагается, что бюджет в период 2019-2021 годов будет бездефицитным.

Таблица 1 - Планируемые доходы и расходы консолидированного бюджета Российской Федерации на 2019-2021 годы³.

Показатель	2018	2019	2020	2021
Доходы, всего	34 386	38 167	39 407	41 464
Расходы, всего	34 216	36 472	38 307	40 582

Рассмотрим в структуре предполагаемых расходов затраты, которые понесут бюджеты разных уровней для обеспечения здоровья граждан России.

Данные приведены в таблице 2. Также в таблице рассчитана доля, занимаемая расходами каждой категории в общих расходах Консолидированного бюджета РФ, Федерального бюджета РФ и Консолидированного бюджета субъектов Российской Федерации.

Таблица 2 - Планируемые расходы бюджетов разных уровней в период 2019-2021 гг. на статьи расходов, связанные со здоровьем людей.

Показатель	2018	% от всех расходов	2019	%	2020	%	2021	%
Охрана окружающей среды	1 347	3,9	1 436	3,9	1 489	3,88	1 549	3,8
в т.ч. расходы Фед.бюджета	95,9	0,6	197,1	1	230,9	1,2	267,5	1,3
<i>расходы Конс. регион. бюджетов</i>	<i>1251,1</i>	<i>10,7</i>	<i>1238,9</i>	<i>9,9</i>	<i>1258,1</i>	<i>9,6</i>	<i>1281,5</i>	<i>9,4</i>
Здравоохранение	3 296	3,3	3 657	3,5	3 961	3,6	4 079	3,4
в т.ч. расходы Фед.бюджета	479,7	2,9	653,2	3,6	918,4	4,8	855,9	4,3
<i>расходы Конс. регион. бюджетов</i>	<i>2816,3</i>	<i>24,1</i>	<i>3003,8</i>	<i>24</i>	<i>3042,6</i>	<i>23,2</i>	<i>3223,1</i>	<i>23,6</i>
Физическая культура и спорт	318	0,3	316	0,3	327	0,3	337	0,3
в т.ч. расходы Фед.бюджета	64,8	0,4	54,7	0,3	54,9	0,29	49,5	0,24
<i>расходы Конс. регион. бюджетов</i>	<i>253,2</i>	<i>2,2</i>	<i>261,3</i>	<i>2,1</i>	<i>272,1</i>	<i>2,1</i>	<i>287,5</i>	<i>2,1</i>

Анализ данных таблицы 2 показал, что планируемые затраты Консолидированного бюджета России на охрану окружающей среды, здравоохранение, физическую культуру и спорт будут составлять около 7,5% от общих затрат бюджетов ежегодно вплоть до 2021 года. При этом доля расходов Федерального бюджета будет постепенно увеличиваться с 3,9% до 5,84%, а доля Консолидированного бюджета субъектов РФ постепенно снижаться с 37% до 35,1%. Однако затраты региональных бюджетов на указанные статьи расходов превышали затраты Федерального бюджета 2018 г. примерно в 7 раз. В 2021 году такое превышение планируется уменьшить до 4 раз.

Рассмотрим планируемые в среднесрочном периоде расходы бюджетов на социальную сферу и жилищно-коммунальное хозяйство. Они представлены в таблице 3.

Таблица 3 - Планируемые расходы бюджетов разных уровней в период 2019-2021 гг. на социальную политику и жилищно-коммунальное хозяйство.

Показатель	2018	% от всех расходов	2019	%	2020	%	2021	%
Жилищно-коммунальное хозяйство	1 347	1,3	1 436	1,4	1 489	1,3	1 549	1,3
в т.ч. расходы Фед.бюджета	147,6	0,9	192,2	1,1	197,1	1	187,6	0,9

<i>расходы Конс. регион. бюджетов</i>	1199,4	10,3	1243,8	10	1291,9	9,9	1361,4	10
Социальная политика	12 322	12,2	12 856	12,1	13 305	12,0	13 691	11,6
в т.ч. расходы Фед. бюджета	4 654,6	28,1	4 890,5	27,1	4 924,1	25,9	4 757,7	23,8
<i>* расходы Конс. регион. бюджетов</i>	7667,4	65,7	7965,5	63,7	8380,9	64	8933,3	65,5

Согласно данным, приведенным в таблице 3, долю расходов Консолидированного бюджета Российской Федерации на социальную политику в общей величине расходов предполагается снизить примерно на 0,6% к 2021 году. Это снижение запланировано за счёт уменьшения доли расходов Федерального бюджета на эти цели. А вот долю затрат на жилищно-коммунальное хозяйство снижать не предполагается, зато на эти цели снизится доля затрат Консолидированного бюджета субъектов РФ. В целом на жилищно-коммунальное хозяйство и социальную политику в настоящее время выделяется 13,5% от общих затрат Консолидированного бюджета России, к 2021 году эту долю планируется снизить до 12,9%. Отметим, что затраты регионов на жилищно-коммунальное хозяйство превышают аналогичные затраты Федерального бюджета примерно в 8 раз, а будут примерно в 7,2 раза. На социальную политику такое превышение в настоящий момент составляет примерно 1,6 раза, а планируется 1,9 раз. Однако суммы (*), которые предположительно расходует Консолидированный бюджет субъектов РФ, не расшифрованы в Основных направлениях бюджетной и налоговой политики. Поэтому предполагаем, что это затраты не только вышеуказанного бюджета.

Рассмотрим ещё такие статьи расходов как образование, культура, кинематография и средства массовой информации. Считаем, что именно эти сферы оказывают в настоящее время наибольшее воздействие на формирование и становление человека как личности. В таблице 4 приведены сведения о планируемых затратах на эти статьи расходов.

Таблица 4 - Планируемые расходы бюджетов разных уровней в период 2019-2021 гг. на образование, культуру, кинематографию и СМИ.

Показатель	2018	% от всех расходов	2019	%	2020	%	2021	%
Образование	3 572	10,4	3 832	10,5	3 989	10,4	4 228	10,4
в т.ч. расходы Фед. бюджета	689,7	4,2	829,2	4,6	847,1	4,5	881,3	4,4
<i>расходы Конс. регион. бюджетов</i>	2882,3	24,7	3002,8	24	3141,9	24	3346,7	24,5
Культура, кинематография	563	1,5	609	1,7	624	1,6	662	1,6
в т.ч. расходы Фед. бюджета	103,2	0,6	125,3	0,7	116,2	0,6	122,1	0,6
<i>расходы Конс. регион. бюджетов</i>	459,8	3,9	483,7	3,9	507,8	3,9	539,9	4,0
Средства массовой информации	128	0,4	119	0,3	112	0,3	113	0,3

в т.ч.	расходы Фед.бюджета	84,1	0,5	75,0	0,4	68,4	0,4	68,7	0,3
	<i>расходы Конс. регион.бюджетов</i>	<i>43,9</i>	<i>0,4</i>	<i>44</i>	<i>0,35</i>	<i>43,6</i>	<i>0,3</i>	<i>44,3</i>	<i>0,3</i>

Анализ таблицы 4 показал, что существенных колебаний долей затрат на образование, культуру и СМИ в среднесрочной перспективе не планируется. Но в настоящее время затраты Федерального бюджета на СМИ превышают аналогичные затраты Консолидированного бюджета субъектов РФ примерно в 2 раза. Это превышение планируется снизить к 2021 году до 1,5 раз.

Расходы на образование составляют в расходах Федерального бюджета всего около 4,5%, в то время как в расходах бюджетов регионов эти затраты составляют около 25%.

Нужно отметить, что основными статьями расходов региональных бюджетов являются, в первую очередь, социальная политика, во вторую, образование и здравоохранение и, в третью очередь, ЖКХ. В среднесрочной перспективе такое распределение расходов планируется сохранить.

В расходах Федерального бюджета РФ указанные статьи занимают более скромное место. Исключением является социальная политика, доля расходов на которую согласно Основным направлениям бюджетной и налоговой политики в общем объеме расходов Федерального бюджета РФ будет к 2021 году снижаться, но не опустится ниже 23%.

Большое внимание в Основных направлениях бюджетной и налоговой политики уделяется введению системных мер, которые должны позволить сформировать «стабильные налоговые условия». При этом стабильность этих условий подразумевается зафиксировать на 6 лет, но при этом осуществлять «донастройку» налоговой системы. Именно она должна будет способствовать «реализации национальных целей развития». Поскольку деньги на реализацию любых целей не берутся из воздуха, а любое повышение налогов (даже налогов с юридических лиц) бьет по карману конечных потребителей, то есть населения страны, то вышеуказанная «донастройка» налоговой системы выглядит угрожающей. Будем надеяться, что этот новый термин не принесет с собой новую налоговую нагрузку на граждан России. А новые «бюджетные правила» позволят государству более рачительно обращаться с теми доходами, которые поступают в бюджетную систему Российской Федерации согласно существующей налоговой системе, и выполнять все свои социальные обязательства.

1 Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 27.12.2018).

2 Федеральный закон от 07.05.2013 N 77-ФЗ (ред. от 03.08.2018) "О парламентском контроле".

3 "Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов" (утв. Минфином России).

Бадьянов Александр Борисович

кандидат социологических наук, доцент

ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия им. Н. Г. Кузнецова»

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА КАК ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Общенациональный кризис в России начинается с церковного раскола XVII века.

В книге Петра Паламарчука: «Москва или Третий Рим» Патриарху Никону отводится роль духоносного пастыря. Патриарх Никон думал ограничить власть олигархии в России, которая к тому времени фактически уже срослась с государством. Но вместе с тем он и сам стремился к неограниченной власти над паствой. Исходя из этого, русская церковь повернулась «лицом» к политике. Этот вывод основывается на том, что:

1. Церковь в лице патриарха Никона в XVII веке сделала серьезный шаг в направлении своей политизации, то есть участия в государственных делах (Никон, например, носил звание «Великий Государь» и т. д.)

2. Политизация церкви и появление в ней сильного лидера в лице патриарха Никона привели к усилению в религиозной жизни власти церковной бюрократии и отрыву ее как от народа, так и от тех священников, которые на местах были тесно связаны с народными массами. Отсюда следует вывод, что церковный аппарат патриарха Никона во второй половине XVII в. «покраснел», то есть руководствовался в духовной жизни не любовью, а больше властью, то есть опирался не на правду, а на силу.

3. Патриарху Никону удалось «найти» Идею «Царьградского освобождения» – близкую для церковной бюрократии и далекую от народа и превратить церковную бюрократию в самую настоящую «партию», стремящуюся к порабощению своей собственной паствы.

4. «Покраснение» государственно-церковного аппарата «замкнутое» на эсхатологические чаяния русского народа, создало условия и для раскола и для ожидаемого конца «света».

В 1666-1667 гг. Собор русской Православной Церкви предал анафеме старый обряд, а с ним и всю церковную жизнь за семь столетий.

Россия после раскола становится страной с резким перевесом учреждения над корпорацией. Земские соборы уже при царе Алексее Михайловиче перестали собирать, а при Петре Алексеевиче церковь превратилась в придаток государства. А, отсюда, и абсолютизм и господство дворянства в России.

Дворян же устраивала такая система власти, которая устанавливала некое равновесие между царской властью и дворянским «самоуправлением».

Для установления же дворянской «власти» помещикам необходимо такое самодержавие, которое отдавало бы крестьян в полную зависимость от помещиков. Но, указанная система отношений вела к экономической

зависимости России от развитых капиталистических стран. Внутри общества нарастал общенациональный кризис, который привел страну к революции 1917 года и установлению в стране партийной диктатуры.

Гениально прозревая подмену страха Божия и смирения в христианстве страхом и смирением перед пролетарским «вождем», К.Леонтьев предвидел в социализме псевдовизантизм и псевдособорность, то есть социалистический вариант неравенства и своеобразного «крепостного права» осуществляемого на классовой основе.

Партийную номенклатуру в СССР устраивала такая система власти, которая устанавливала равновесие между партийным «царем» и партийной «демократией».

Но, данная система отношений вела к отчуждению народа и от власти и от собственности, так как оставляла народ и вне власти и вне собственности. Постепенно внутри советского общества нарастал общенациональный кризис, разрушавший Советский Союз.

После разрушения Советского Союза мы наблюдаем в стране новый вариант псевдовизантизма и псевдороссийской соборности, то есть буржуазный вариант неравенства и «крепостного права», установленного на псевдолиберальной основе. Конкретным примером нового «крепостного права» является пенсионная реформа, после принятия которой многие граждане России пенсию вообще не увидят, так как средний уровень жизни в стране не превышает 65 лет!

И.А. Ильин в статье: «Что есть государство-корпорация или учреждение?» отмечает, что государство как субъект права, может быть или «корпорацией» или «учреждением». Кооперация начинается с индивидуума: с его мнения, изволения, решения; с его «свободы» и интереса.

Напротив, жизнь учреждения строится не снизу, а сверху. Люди, заинтересованные в жизни этого учреждения, получают от него благо и пользу, но не формулируют сами ни своего общего интереса, ни своей общей цели. Они не имеют и полномочия действовать от лица учреждения.... Они не выбирают его органов. Следовательно, учреждение строится по принципу опеки над заинтересованными людьми. Оно имеет свои права и обязанности, свой устав, свою организацию; но всё это оно получает не от опекаемых; оно не отчитывается перед ними, и органы его не выбираются, а назначаются. [1, с. 85]

И.А. Ильин пишет, что «грядущей России предстоит найти для себя свою, особую, оригинальную государственную форму, такое сочетание из «учреждения» и «корпорации», которое соответствовало бы русским, национальным историческим данным, начиная от наличного в России пореволюционного правосознания и кончая национальной территорией». [1, с. 89]

Для того чтобы найти идеальное сочетание из «учреждения» (управление) и «корпорации» (самоуправления) следует определить «границы»

государства и самоуправления, которое должно иметь свои общественные суды, управление и исполнительную власть.

Во избежание национализации или приватизации муниципальной собственности правительство должно быть подотчетно Народному Собору в вопросах, связанных с совместной хозяйственной деятельностью. Соответственно, во избежание «движения» части «земцев» к демократии как власти, государство в лице его руководителя усиливает патриотический настрой и влияние на массы через подчиненный государству идеологический аппарат. В свою очередь самоуправление создает общественную милицию и вместе полицией разрабатывает мероприятия по улучшению правопорядка на местах.

Возникающее при этом национальное равновесие значительно уменьшит социальное неравенство в обществе, так как без этого нет и не может быть общественной (муниципальной) собственности на средства производства, а значит, нет и не может быть независимого от государства местного самоуправления.

В Третьем Риме (Монархия, «ограниченная» самоуправлением) власть не делегируется монарху, монарх правит «Божией милостью», опираясь на народную поддержку (местное самоуправление и трудовые коллективы). А вот вся собственность в стране должна принадлежать народу (Земскому Собору), который будет делегировать руководителю страны право на использование части этой собственности и требовать отчета от царя и правительства за результаты его хозяйственной политики. Точно также ситуация должна проходить и в церковной сфере: власть там также не делегируется Патриарху, но вся церковная собственность должна принадлежать царственному священству, которое делегирует Патриарху право на ее использование для нужд Церкви, но и имеет полное право требовать от Патриарха отчитаться по вопросам использования церковного хозяйства. Эта мера необходима для того, чтобы церковь, как и государство не «отрывались» от народа.

Б.П.Кутузов в книге: «Церковная «реформа» XVII века: ее истинные причины и цели» говорит о том, что в русском обществе в то время присутствовали противоположные друг другу ценности: с одной стороны – «духовное целомудрие», а с другой стороны – «западное разложение...». [2, с. 472] Эти противостоящие друг другу ценности и привели страну к церковному «расколу». Нечто подобное мы наблюдаем и сейчас: церковь раскалывается на церковных патриотов и церковных «власовцев». В обществе с одной стороны присутствует «духовное целомудрие», а с другой стороны – «западное разложение».

Для преодоления этого противоречия следует усилить влияние церковных «десяток», «двадцаток» и т.д. в организации приходской жизни, осуществлять «внедрение» идеологии Третьего Рима через приходские советы, а также утвердить съезды священников и мирян по различным вопросам церковной жизни для соборного их решения в масштабах Русского мира.

Церковь должна быть не только очищена от «власовщины», но и вновь стать единой, такой, какой она и была до раскола.

Формирование же новой социальной системы (Третий Рим XXI в.) осуществляется путем соединения элементов экономического, социального и политического характера.

В экономическом отношении количественные изменения в виде многочисленных различного рода единоличных хозяйств (фирм) обретают качественный характер в форме хозяйства местного самоуправления имеющего свой высший орган в лице Земского Собора.

В социальном плане количественные отношения в виде народностей и этносов превращаются в качественные изменения в форме нового национального союза, во главе которого стоит титульная нация!

В политическом плане количественные изменения в виде различных форм власти (княжеской власти, демократии, самодержавия, диктатуры пролетариата и т.д.) переходят в качественные в виде народно-монархической власти, главной целью которой является борьба с олигархией и установление в России равновесия между властью и народом.

Список литературы:

1. Ильин И. А. Стратегические ошибки Гитлера Наши задачи. / Историческая судьба и будущее России. Ст.: 1948-1954. В двух томах – М.: МП «Рарог», том 1.
2. Кутузов Б. П. «Церковная реформа» ХУП в.: ее истинные причины и цели.- 5-е изд.- Барнаул, 2009.

Березкина Оксана Степановна

кандидат политических наук, доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТОВ И СТАНОВЛЕНИЕ МЕХАНИЗМА «РАТИФИКАЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ»

Изучение опыта формирования и деятельности Советов представляет существенный интерес, так как позволяет выявить характеристики институтов, возникших в ходе революции и пытавшихся стать альтернативой классическим парламентским органам, выполняя в то же время функции представительства и принятия политических решений. Советы можно рассматривать как вариант развития парламентаризма, если трактовать парламент в широком смысле – как любой выборный представительный орган, прерогативой которого является принятие законов. В узком же смысле парламент трактуется как законодательный орган в системах, где установлено разделение властей. Советы, как и парламенты либеральных демократий, являлись органами, в которых было представлено все население страны (на начальных этапах – подавляющее большинство), которые формировались в результате выборов,

формально осуществляли законодательные функции в государстве, образовывали исполнительные структуры.

Главная проблема Советов как субъекта политики сказалась вскоре после революции, когда выявилась невозможность осуществлять через эти широкие демократические органы устанавливавшийся режим «диктатуры партии». Характерной чертой политического развития периода Гражданской войны становилась прямая опора на вооруженную силу и отдельные ведомства, позволявшая не считаться с оппозиционными настроениями в Советах. Уже в этот период выявилась невозможность проводить партийные решения через Советы «так резко и так открыто», как того требовала обстановка. Советы в силу своей демократической природы, широкого представительства не смогли стать базовой опорой новой власти. Кроме того, сосредоточение власти в Советах сразу после революции привело к «захирению» партийных организаций, что было воспринято как тревожный симптом и явилось одной из причин курса на частичное перераспределение функций от Советов к партии уже в марте 1918 года.¹

К 1921 году политическая власть сосредоточилась в руководящих органах партии, Советы утратили контролирующие функции. Партия превратилась в руководящее ядро аппарата государственной власти и управления. Действенность партийного контроля обеспечивалась за счет организованного массового включения членов партии в состав всех непартийных организаций и институтов и через партийные фракции, подчинявшиеся Уставу партии. Переход от войны к миру сопровождался усилением тенденции к концентрации политической власти: лишаются самостоятельности профсоюзы, принимается резолюция «О единстве партии», окончательно уничтожаются остатки оппозиционных партий. Идет построение партийного аппарата сверху донизу, к этому аппарату перемещаются функции принятия политических решений и контроля над их реализацией на всех уровнях власти.

На XI Всероссийском съезде Советов и II-м съезде Советов Союза ССР, проходивших после перехода от войны к миру, коммунисты составили около 90 % участников, а сводные данные о персональном составе госорганов к XIII партийному съезду со всей очевидностью свидетельствуют о полном подчинении их партийному контролю.²

Наименование органов	Партийность
«Руководящий состав»: президиум ВЦИК, СНК, НКВД, НКЮ, председатели и зампреды губисполкомов, председатели губернских отделов ГПУ и т.д.	75,8% в центре 99% на местах
Из них «Советско-административные органы»	90,7%
ЦИК 2-го созыва	87,5%
Аппарат ВЦИК, СНК и их комиссий	75,4%
Пленумы губисполкомов	89%

6 главнейших центральных газет и РОСТА	70,8%
Редакторы местных газет	94%

Начиная с XII партийного съезда создается номенклатура должностей, замещение которых может производиться только с ведома соответствующих партийных комитетов; партийные органы начинают отвечать за подбор не только партийных, но и беспартийных работников госорганов. В рамках этого курса в ноябре 1925 году постановлением Оргбюро ЦК в номенклатуру были включены должностные лица ЦИК СССР, ВЦИК и СНК, ЦК РЛКСМ и ВЦСПС, которые отныне являлись «кандидатурами для избрания» на съездах и собраниях, утверждаемыми специальными комиссиями ЦК партии.³ Это означало создание выборной номенклатуры, включавшей на указанный момент времени 1590 человек.⁴

Уже к 1920 году фактическое влияние Советов упало настолько, что, как отмечалось на IX партсъезде, центральные ведомства вообще перестали считаться с Советами, отдельные наркомы не только угрожали арестом целым губисполкомам, но иногда и приводили угрозы в исполнение.⁵ Английская делегация, посетившая Россию в середине 1920 года, не смогла, по словам входившего в нее Б. Рассела, провести исследование на тему эффективности системы Советов в сравнении с парламентской системой, ибо система эта, как писал Рассел, находилась в агонии.⁶

Фактическое соотношение ролей в политике в 1921 году характеризует, в частности, следующая выдержка из отчета ЦК РКП(б) на X партсъезде: «В области советской работы ЦК руководил проведением июньской, сентябрьской и октябрьской сессии ВЦИК, направлял систематически, не вмешиваясь в детали, работу Совнаркома, Совета труда и обороны и Президиума ВЦИК, и провел VIII Всероссийский съезд Советов. Вопросы о порядке дня этого съезда были предварительно детально обсуждены на заседаниях ЦК, затем подверглись обсуждению в Совнаркоме и Президиуме ВЦИК и уже после этого были поставлены на съезде. За исключением небольших мелких поправок съезд единодушно присоединился ко всем предложениям ЦК». ⁷ В 1924 году на одном из Пленумов ЦК партии А. Микоян заявлял: «Кому ни известно, что съезд Советов – это не что иное, как всесоюзный митинг». ⁸ В. Ленин характеризовал сложившуюся систему как диктатуру партии через советский аппарат на фундаменте профсоюзов.⁹

Уже в первой половине 1920-х годов работа в советских органах стала рассматриваться членами партии как «низшая категория» партийной работы. При этом высшей, дающей доступ к реальной власти, категорией являлась работа в партийных органах: по словам И. В. Сталина, это была «чисто партийная работа в губкомах, обкомах, ячейках, ЦК партии». ¹⁰ Создалась, таким образом, ситуация, характеризующая систему с преимущественным осуществлением политики через партию, когда стремление к власти стало означать стремление занять место именно в партийной иерархии, ибо

государственный аппарат, по образному выражению А. В. Луначарского, призван был служить лишь «отражением» монополюльно правящей партии.¹¹ Как отмечал, в частности, Г. Зиновьев, по сравнению с ЦК партии уже в первой половине 1920-х годов «все остальные всероссийские центры» были «гораздо менее авторитетны и гораздо менее сильны».¹² В то же время на местах к 1923 году губкомы становятся «во главе всей хозяйственной и политической жизни».¹³ На практике ситуация на местах в этот период еще не везде могла характеризоваться столь однозначно, однако основная тенденция политического развития была указана верно.

Советские структуры реально являлись, в значительной мере, субъектом административной деятельности под контролем парторганов. В формулировках партийных резолюций 1920-х годов «советско-административные органы» фигурируют вместе с кооперацией, профсоюзами и другими организациями, по отношению к которым осуществляется партийное руководство, что подчеркивало дистанцию между партией как реальным субъектом власти и всеми другими организациями и институтами. Интерпретируя отношения партии и Советов, Г. Зиновьев утверждал, что партия должна решать принципиальные, политические вопросы, а затем «все остальное» передавать Советам. «Без губкомов, - говорил Зиновьев, - мы не можем провести ни натуралога, ни регулировать заработную плату, ни руководить хозяйством... Разделение труда – да, разделение власти – нет».¹⁴ На практике партия не только решала принципиальные вопросы, но и вмешивалась в административную деятельность Советов. Многочисленные решения, принимавшиеся впоследствии в плане подъема авторитета Советов, прекращения подмены партийными органами Советов, дублирования их работы и т.д. ни к каким принципиальным изменениям не приводили, ибо не предполагали реального перераспределения ролей.

В то же время Советы продолжали участвовать в политическом процессе в качестве органов одобрения партийных решений. При этом, хотя одобрение приобретало по большей части формальный характер, не предполагало внесения в партийные директивы принципиальных изменений, оно было необходимым компонентом политического процесса, придавало ему легальность и легитимность. Советы играли роль органа легитимации партийной власти, служили воплощением союза рабочих и крестьян, партийных и беспартийных, были органом представительства и каналом общественно-политического участия. Неслучайно на одном из пленумов ЦК 1924 года говорилось о необходимости послушать, «пощупать» съезд Советов, «хорошенько прислушаться к настроениям», чтобы понять обстановку в стране, поскольку на съезде Советов осуществляется представительство подавляющего большинства населения страны.¹⁵ Деятельность Советов базировалась на Конституции и рационально понятном интересе, прежде всего, крестьянства, Советы являлись источником институциональной легитимности верховенства партии. Именно опасения подорвать эту легитимность, на наш взгляд, имели

решающее значение в проведении в середине 1920-х годов кампании по «оживлению Советов».¹⁶

В течение 1920-1930-х годов партия осуществила процесс самолегитимации, превратилась, в значительной мере, в источник власти и источник легитимности одновременно.¹⁷ Решающую роль в этом процессе сыграла трансформация общества, в результате которой была создана более благоприятная для партии социальная среда, достигнута большая социальная однородность, идеология пришла в соответствие (по крайней мере, формальное) с общественными реалиями, успехи индустриализации подтверждали харизматический авторитет «несгибаемых большевиков». Партийный аппарат позволял коммунистической элите осуществлять управление на всей территории страны, стал механизмом вертикальной интеграции общественной жизни. Если и вести речь о наличии в СССР «квазипарламента», то эту роль де факто выполняли пленумы ЦК КПСС, в ходе работы которых согласовывались интересы групп элиты, идентифицировавшихся по корпоративно-бюрократическому принципу (регионы и ведомства). Специфика советской системы заключалась в том, что в такой форме осуществлялись артикуляция и агрегирование общественных интересов: с работой каждого ведомства, деятельностью местной власти были связаны судьбы миллионов людей.

Тем не менее резолюция XII партсъезда, провозглашавшая «диктатуру партии», официально более не повторялась, И. Сталин уже в середине 1920-х годов подверг эту резолюцию критике, предлагая формулу: Советы осуществляют диктатуру, а партия руководит Советами.¹⁸ Собственная институциональная легитимность, закреплённая впервые в 1936 году скромной 126 конституционной статьей о руководящей роли партии, была недостаточной, партия по-прежнему нуждалась в существовании представительного органа, который после 1936 года формировался на основе всеобщего равного избирательного права.¹⁹ Деятельность Советов, символизировавшая широкое участие граждан в политическом процессе, расценивалась как важнейшая составляющая политической системы СССР, позволявшая провозглашать «демократию для большинства».

Таким образом, уже в начале 1920-х годов Советы утратили руководящие функции, превратившись в «советско-административные» органы, не являвшиеся субъектом реального принятия принципиальных решений, но участвовавшие в политическом процессе, прежде всего, в качестве органов представительства и легитимации режима. Возможность вносить поправки в партийные директивы способствовала учету различных интересов, хотя главными структурами, в рамках которых осуществлялись артикуляция и агрегирование интересов, становились партийные органы. Существенного изменения роли Советов при переходе от войны к миру не произошло, на практике закреплялись и оформлялись тенденции, обозначившиеся уже в военные годы.

Если попытаться дать наиболее обобщенное определение механизма принятия политических решений в СССР, то можно условно употребить термин «ратификационная демократия», в которой Советы играли свою роль. Это означает, что принятые партийной верхушкой (Политбюро) принципиальные решения предполагали так или иначе «утверждение» на партийных форумах разных уровней (пленумах ЦК, конференциях, съездах), а законопроекты, выработывавшиеся на основе партийных директив, проходили процедуру принятия в Советах, в ходе которой могла происходить их корректировка. В данной связи следует обратить внимание на исследование С. Байбакова, показавшего, как напряженно шла работа бюджетной комиссии сессии Верховного Совета РСФСР даже в крайне неблагоприятных для дискуссий условиях «культы личности» и военного 1944 года.²⁰ Отечественный политолог Г. Голосов говорит об «открытии», сделанном на материале СССР и Польши в конце 1970-х годов, когда выяснилось, что в этих странах многие законопроекты корректировались на этапе слушаний в комитетах и комиссиях парламентов.²¹ Возможности корректировки решений, хотя и ограниченные, не позволяют говорить только о формальной законодательной деятельности советских органов.

В целом Советы не могут оцениваться как «декоративный» орган, они означали существенное расширение общественно-политического участия, создание представительных структур, которые были задействованы в согласовании общественных интересов, привлекали граждан к голосованию на плебисцитарных выборах, общению с депутатами, работе в комиссиях и комитетах, в том числе «на общественных началах», даже если эта деятельность не предполагала решающего влияния на принятие ключевых решений. Понятие «ратификационной демократии» не может употребляться буквально, поскольку отказ в одобрении партийной линии не предполагался, однако оно, на наш взгляд, более точно отражает реалии процесса принятия решений в СССР как типологической единицы, нежели представления о диктатуре Генерального секретаря или партийных «олигархов». Несмотря на слабость Советов как субъектов политики, анализ их функционирования продолжает оставаться актуальным, позволяя оценивать особенности политического режима в модели советского типа и в целом – вариативность мирового процесса политической модернизации.

¹ УП экстренный съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1962. С. 171; Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 106, № 4. С. 150-151.

² Статистические данные о составе съездов Советов: П-го съезда Советов Союза ССР и XI Всероссийского съезда Советов. М., 1924; Руководящие кадры РКП. (большевиков) и их распределение. М., 1924. С. 113-134.

³ Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 27.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ IX съезд РКП(б). Протоколы. М., 1960. С. 51.

-
- ⁶ Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 42-43.
- ⁷ X съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1963. С. 803.
- ⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 128. Л. 14.
- ⁹ Ленин В.И. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого // Полн. собр. соч. Т. 42. С. 203-204.
- ¹⁰ XIII съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1963. С. 123-124.
- ¹¹ X съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1963. С. 152.
- ¹² XII съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1968. С. 227.
- ¹³ Там же. С. 66.
- ¹⁴ Там же. С. 47.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 109. Л. 11.
- ¹⁶ Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000. С. 109.
- ¹⁷ Березкина О.С. Проблема легитимации в истории коммунистической элиты (20-30-е гг.) // Политические партии России. Страницы истории. М., 2000. С. 140-165.
- ¹⁸ XII съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1968. С. 232; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 218. Л. 196-199.
- ¹⁹ Политические партии и движения России. Документы и материалы. Том II. Коммунистическая партия (1917-1985). Кн. первая. М., 2008. С. 65-66.
- ²⁰ Байбаков С.А. Военная сессия Верховного Совета РСФСР // Традиции исторической мысли: Материалы научного семинара памяти В.И. Злобина. Вып. 5-6. М., 2018. С. 255-258.
- ²¹ Голосов Г.В. Сравнительная политология. Новосибирск, 1995. С. 168.

Богатырёв Арсений Владимирович

кандидат исторических наук, доцент
Поволжский православный институт

ПОМЕТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ В БУМАГАХ МИССИИ В. М. ТЯПКИНА (1673–1677 ГГ.)

Примечания, пометки, уточнения являются неременной составляющей авторского текста, несут информацию об интеллектуальном уровне, интересах, потребностях его создателя. Изучение таких ментальных «следов», как отметил один из их исследователей С. Г. Мереминский¹, ныне находится на новом этапе, что подтолкнуло нас к размышлениям над предметом собственных изысканий – письмами и черновыми записями первого русского резидента в Речи Посполитой Василия Михайловича Тяпкина. Именно черновики, содержащие правки, различные дополнения, особенно интересны для подобного рода анализа. Тем более свидетельства иностранца Тяпкина, попавшего в иную культурную среду, должны скрывать множество маргиналий, примечаний, поясняющих малопонятные россиянину явления «заграничной» жизни.

Вообще, тема надписей в дипломатических документах XVII столетия еще таит немало нового: ученые сконцентрировались больше на владельческих и иных пометах в печатных изданиях, литературных творениях, научных трактатах. Но, как свидетельствует опыт исследования маргиналий «Выписки из посольских книг» о сношениях России с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой², попытки подступиться к вопросу предпринимались.

Обойдены вниманием в этом отношении и «тетради» Тяпкина, заставляя нас перейти к решительным действиям.

Наблюдения над источником показали: великое число пометок, как и следовало ожидать, содержит черновой вариант статейного списка (дневника-отчета) Тяпкина³. Точно сказать, кто их оставил – задача довольно сложная. Обычно для всяких «письменных» дел имелись подьячие, но это не мешает дипломату и самому внести дополнения. Некоторые фрагменты текста написаны неразборчиво, неряшливым почерком⁴, явно отличающимся от «правильной» руки подьячих. Даже беглое сравнение показывает определенное сходство части «вписок» с подписью Тяпкина⁵ в документах миссии. В пометах из переводов присланных в Москву текстов можно подозревать участие кого-то из переводчиков Посольского приказа.

Если говорить о «типологизации» маргиналий, то чаще всего попадаются рисунки рук и креста. Многие из них выполнены толстым пером, достаточно грубо, кажется, наскоро. Это объяснимо – большинство помет находим опять-таки в черновике статейного списка Тяпкина, что заставляет предполагать их «рабочий» характер при подготовке беловика отчета.

Остановимся подробнее на перечисленных символах. Горизонтально расположенная рука с вытянутым указательным пальцем («указующий перст») приковывает взгляд читателя к какому-то месту, абзацу, заставляет акцентировать на чем-то свое внимание. В нашем случае так был выделен следующий фрагмент: «Сродников наших по тем же правам имети будем как и шляхту полскую и на те права и волности никаких прав и преимуществ признавать им не будем, наипаче же в равенстве прав чтоб все пребывали постерегать учнем, а род из лона нашего прямо идущей тех всех преимуществ употреблять будем...»⁶. Данный тип читательского знака «обрати внимание»⁷ знали под именем маникул (от лат. «маленькая рука»), имевших широкое распространение в эпоху Возрождения⁸.

Вышеназванная разновидность маргиналий у нас наличествовала⁹, другое дело, что обычно она подробно не разбиралась. Между тем вопрос использования «рук», правда, в западной культуре, не столь давно обсуждался в исследовании Ю.П. Крыловой¹⁰. Ее замечания относительно маникул (с определенными оговорками) мы и будем использовать уже применительно к «московским» рукописям миссии Тяпкина.

«Маленькими руками» помечались самые разные предметы, касающиеся военных дел, дипломатии, внутренней политики государств¹¹ и пр. Отдельного внимания требовали ошибки и оплошности, допущенные представителями дипломатической службы. Так, пальцем маргиналии указали на незнание гонцом Максимом Бурцовым тонкостей дипломатического этикета¹². А бывало наоборот, когда особо подчеркивалась находчивость дипломата, как в эпизоде с Тяпкиным, ловко ответившим на критику великого литовского гетмана М. К. Паца – «И резидент царского величества на те гетмановы жарты... платил теми словами...»¹³. Пометка могла в выгодном свете показать старательность строго

придерживавшегося правил посланника (как, например, уточнение «по обычаю в пояс»¹⁴ при передаче польскому королю Яну III Собескому поклона от царя), посвящала в нюансы польского придворного «обращения».

Вслед за Ю. П. Крыловой¹⁵ попробуем понять, каким смыслом наполнялось понятие «руки» в Московии XVII столетия. В старое время так называли подпись, идентифицируя документ «за руками и за вислыми печатми многими...»¹⁶. Десятки упоминаний рук содержат тексты самого Тяпкина¹⁷. Видим их в польском церемониале, особо отмечалось «быть у руки»¹⁸ и в российском этикетном обычае. Рука связана с властью (целуют руку государя, чувствуя милость правителя), являлась своеобразным «мерилом» почета – «по правую руку» сидеть значит почувствовать уважение хозяина¹⁹. «Властным» семантическим значением наполняется она и в виде маргиналии, обозначая наиболее важные отрывки. Иногда палец украшается длинным заостренным ногтем²⁰, что отсылает к негативным образам, напоминает о хищных птицах: «Исторгни мя от скудости моя, яко серну от тенета, аки утя, носимо в *когтях* (курсив мой. – А.Б.) у сокола...»²¹.

Другим ментальным «маячком» для ориентации в тексте выступает четырехконечный крест. Чем продиктована необходимость применения разных значков? Возможно, ответ кроется в информации, которую ими отмечали: крест, к примеру, как символ духовный, указал место с вестями о паломничестве польского короля²². Учитывая определенный опыт²³, нельзя исключать, что отличающиеся друг от друга пометы были оставлены не одним, а несколькими людьми. Косвенно это подтверждает тот факт, что маргиналии не однотипны – у одних «палец» острый, у других – нет. Быть может, некоторые «руки» и «кресты» попросту перерисовали, скопировали из обильного аналогичным²⁴ польского образца.

Итак, обозначения располагаются на полях рукописи, как правило, справа (отдельные пометки наблюдаются и по левую сторону от текста, а также внизу страницы²⁵), при этом соблюдается соседство²⁶. Такие “Nota Bene” – обычный инструмент в арсенале редакторов прошлого²⁷, для нас же особенно ценно то, на что указывали маргиналии. Например, одна из помет в черновике статейного списка Тяпкина находится напротив заявления о намерении Яна III устроить военное училище: «Школу воинскую для учения людей молодых в воинском деле..., в пушкарских вещех и в ыных подобных учениях здесь в Варшаве... выставить и людей в том деле искусных для наставления юношей шляхетцких коронных и литовских держать обещаем...»²⁸. Маргиналия сообщает, что идея профессионального военного учебного заведения витала в воздухе задолго до подобных «умствований» Петра Алексеевича²⁹.

Изобилие “NB” ожидаемо наблюдаем в переводах, включенных в архив «посольства» Тяпкина иностранных документов. Словами С.А. Кудрявцева, их наличие «в значительной степени определяет восприятие текста...»³⁰. Несут они функцию глосс, раскрывая смысл не всегда понятных лексем («конвент[ы]», «литания», «прикащики», «присяга», «элекция»)³¹, поясняя

имена из античной мифологии («Атланты – исполин эленский»), объясняя географические названия («Аравия – земля Аравийская»)³². Располагаясь напротив «хитрого» словца³³, они облегчают его восприятие, как в случае с уточнением «знамя» для предложения «на тех хоругвях гербы государственные вышиты волоченным золотом...»³⁴. Не являясь чем-то исключительно новым, глоссы давно были «на вооружении» у справщиков, комментаторов, читателей³⁵.

«Редакторы» донесений резидентуры Тяпкина не ограничивались только «галочками», не стеснялись прямо помещать дополнительный материал в «тело» документа, наличествуют записи как кириллическими, так и латинскими знаками, а также тайнописью³⁶. Их, подобно «руке» и «кресту», размещали на полях документа, писали более мелким почерком. Таким образом был откорректирован текст со сведениями о церемонии, нуждавшийся в примечании: «А корону и скифетр... везли сенаторы на золотых подушках...»³⁷. Избыточную информацию относительно присутствовавших на аудиенции Тяпкина у архиепископа польских сенаторов также вывели в «сноску», перечислив польских господ поименно: «Киприан Бростовский, Андрей Марштын»³⁸ и др. Иногда написанное сопровождалось особым пояснением, которое обретало форму пометки «так»³⁹, отсылающей нас к латинской традиции “sic”⁴⁰, наиболее же значимые места могли выделить заключением их в рамку⁴¹. Бывало, что вне основного текста оказывались слова, которые в спешке или по какой-то иной причине были попросту пропущены – нечто похожее произошло с докладом Тяпкина о посещении польских господ: забыв вставить уточнение «приезжал», писавший просто вынес его на поля⁴².

Зачастую «вкрапления» не балансируют лишь на краю документа, но буквально «проникают» в сам текст рукописи, отделяясь от него квадратными скобками⁴³, что практиковалось прежде⁴⁴. Вот один из примеров: «Варшавские радные паны, бурмистры, райцы, лавники со многими мещаны... отдавали вернаго своего подданства [поклон] государю своему, его королевскому величеству, поклон...»⁴⁵. Как видим, некто так торопился, что дважды повторил одно и то же слово. Скобки использовались и для напоминания об уже отправленных вестях. Сталкиваемся с таким при описании въезда Яна III на коронацию в Краков в 1676 г. – «Башни триумфальные изяшны зело... на них же ангелские образы спущали на главу королевского величества венцы [о которых башнях помянуто в прошлой почте генваря в (17. – А.Б.) день]...»⁴⁶. Надо сказать, при публикации П.И. Ивановым извлечений из рукописей московской миссии квадратные скобки были заменены круглыми⁴⁷.

Вписанное ошибочно и требовавшее исправления в черновике бумаг Тяпкина радикально вычеркивалось, перечеркивалось линией. Такие отрывки с правками имеют значительную ценность, так как нередко показывают истинный ход мыслей, обнаруживают подлинные чувства, неосторожно поверенные бумаге, но потом вымаранными из беловика документа. Поясняют

они уровень знаний некоторых россиян о Речи Посполитой, ее церковном устройстве. Не до конца понимали достоинство примаса, который писался только «Польским»: «Тогда приступи к королеве арцыбискуп и примас короны Полские и Великого (зачеркнуто. – А.Б.) княжества Литовского...»⁴⁸.

Случалось, страсти водили рукой писавшего, потом вынужденного вычеркивать эмоциональные строчки. Среди них оказалось резкое выражение⁴⁹ из абзаца черновых заметок Тяпкина. Некоторые фрагменты вычеркнуты настолько тщательно, что разобрать первоначальный текст практически невозможно⁵⁰. Отдельные «зачеркивания» сложно поддаются объяснению. Например, неясны мотивы вымарывания части текста с описанием мощей св. Станислава: «Лежат мощи помянутого их святого, а на гробе лежит посох бискупской и... митра серебряны...»⁵¹. Вероятно, указанная информация оказалась здесь излишней.

Остается резюмировать – маргиналии рукописей «посольства» 1673–1677 гг. в Речь Посполитую говорят о несомненном интересе к сведениям резидента, которые не оставили равнодушными, побудили к работе с текстом. Они включаются в череду иллюстраций культурного «движения» в тогдашней России, проникновения и рецепции прошедших польский «фильтр» элементов западной цивилизации.

¹ Мереминский С.Г. Нетекстовые маргиналии в английских рукописях исторического содержания «долгого XII в.» // VII Научные чтения памяти О.А. Добиаш-Рождественской (28 июня 2017 г.). URL: <http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2017/06/2-2017-Программа-Тезисы-2.pdf> (дата обращения 26.01.2019).

² «Выписка из посольских книг» о сношениях российского государства с Польско-Литовским за 1547–1572 гг. / Подг. к печати Б.Н. Морозов. Под ред. С.О. Шмидта. М.: АЦ, 1997. 330 с. Рецензия Д. Антанавичюса: Новости Литовской Метрики. 2000. № 4. С. 21, 23, 24. URL: http://talpykla.istorija.lt/bitstream/handle/99999/2954/LMN%204_p20-24.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 26.01.2019).

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Д. 161а.

⁴ Там же. Л. 25, 106об., 756–757; Д. 182. Л. 89.

⁵ Там же. Д. 173. Л. 9; Д. 182. Л. 17об., 25, 29, 78об.

⁶ РГАДА. Ф. 79. Д. 161а. Л. 127–127об.

⁷ Греческие рукописи из собрания Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина: Каталог / Сост. О.В. Сучалкин. Харьков: Слово, 2012. С. 23.

⁸ Ильків-Свидницький Н.М. Кодекс с трактатами Амвросия Медиоланского из фондов Научной библиотеки Львовского Национального университета им. Ивана Франко // Вспомогательные исторические дисциплины. 2015. Вып. 33. С. 260.

⁹ Столярова Л.В. Древнерусские надписи XI–XIV вв. на пергаменных кодексах. М.: Наука, 1998. С. 37; Житие Анны Кашинской: Рукопис. список Гос. арх. Твер. обл. / В.З. Исаков, Г.С. Гадалова. Тверь: Твер. Обл. Тип., 2002. С. 28.

¹⁰ Крылова Ю.П. Читатель и маникулы (О маргиналиях рукописи 1693 из Национальной библиотеки Франции) // Пространство рукописи: От формы внешней к форме внутренней. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 91–104.

¹¹ РГАДА. Ф. 79. Д. 161а. Л. 165об., 431 и др.

¹² Там же. Л. 463 об.–464.

¹³ Там же. Л. 476–476 об.

¹⁴ Там же. Л. 157.

-
- ¹⁵ Крылова Ю.П. Читатель и маникулы... С. 92.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 79. Д. 163. Л. 27.
- ¹⁷ Там же. Д. 161а. Л. 107об., 405об., 406, 461об., 776об., 777, 779 и т.д.
- ¹⁸ Там же. Л. 407, 461об., 484об и пр.
- ¹⁹ Там же. Л. 529, 758об., 777.
- ²⁰ Там же. Л. 129 об.
- ²¹ История русской литературы. М.; Л.: АН СССР, 1945. Т. 2. Ч. 1. С. 39.
- ²² РГАДА. Ф. 79. Д. 163. Л. 5об.
- ²³ Кириченко К. Читатель хронографа 1262 г. в ВКЛ первой половины XVI в. (На материале рукописи Вильнюсского хронографа) // LDK kalbos, kultūros ir gaštijos tradicijos. Vilnius, 2008. С. 37; Крылова Ю.П. Читатель и маникулы... С. 95.
- ²⁴ Кудрявцев С.А. Маргиналии в кириллической книжности XVI–XVII вв. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург: Урал, 2005. Вып. 6. С. 68.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 79. Д. 161а. Л. 38; Д. 182. Л. 80об.
- ²⁶ Там же. Д. 161а. Л. 107об.
- ²⁷ Крылова Ю.П. Читатель и маникулы... С. 94.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 79. Д. 161а. Л. 122.
- ²⁹ Аурова Н.Н. Система военного образования в России: Кадетские корпуса во второй половине XVIII–первой половине XIX вв. М.: Институт Российской истории РАН, 2003. С. 15; Ермак М.А. Историко-педагогический анализ развития системы обучения и воспитания кадет в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2 (54). С. 202–203; Абрамов А.П. Модернизация среднего специализированного военного образования в условиях реформирования российской армии: Дис. ... докт. социол. наук. М.: [б.и.], 2015. С. 90.
- ³⁰ Кудрявцев С.А. Маргиналии... С. 60.
- ³¹ РГАДА. Ф. 79. Д. 160. Л. 161; Богатырёв А.В. Некоторые дополнения и уточнения к Словарю русского языка XI–XVII вв. // *Slavia Orientalis*. 2015. Т. LXIV. NR 3. S. 568.
- ³² РГАДА. Ф. 79. Д. 164. Л. 63об.–64.
- ³³ Там же. Д. 161а. Л. 539–539об.
- ³⁴ Там же. Л. 547.
- ³⁵ Коваленко К.И. Азбуковник Давида Замарая как источник по русской лексикографии XVII в.: Дис. ... канд. филол. наук. СПб.: [б.и.], 2018. С. 108.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 79. Д. 182. Л. 80об.
- ³⁷ Там же. Д. 178. Л. 57об.
- ³⁸ Там же. Д. 161а. Л. 38.
- ³⁹ Там же. Л. 451об.
- ⁴⁰ Выписка из статейного списка Русского посольства в Польшу, 1673 г. // Иванов П.И. Описание Государственного архива старых дел. М.: Тип. С. Селивановского, 1850. С. 308.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 79. Д. 161а. Л. 477.
- ⁴² Там же. Д. 182. Л. 9.
- ⁴³ Там же. Д. 161а. Л. 538об., 544, 567, 778; Д. 178. Л. 60.
- ⁴⁴ Калугин В.В. «Житие Сильвестра, папы Римского»: Причины, цели и особенности перевода // «Житие Сильвестра, папы Римского» в агиографическом своде Андрея Курбского. М.: Языки славянской культуры; ИХТИОС, 2003. С. 24.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 79. Д. 161а. Л. 772.
- ⁴⁶ Там же. Д. 178. Л. 65об.
- ⁴⁷ Выписка из статейного списка... С. 313, 317, 318, 320, 321.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 79. Д. 161а. Л. 551об.–552.
- ⁴⁹ Там же. Л. 469.
- ⁵⁰ Там же. Л. 106об., 165об.
- ⁵¹ Там же. Л. 523об.

Боева Галина Николаевна

доктор филологических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ КАК ИСТОРИК

Д. С. Лихачев понимал историю человечества в первую очередь как историю культуры. Культура в его системе взглядов составляет сущность человеческого бытия: именно в ней совершаются важнейшие события и достижения, определяющие историю народа. Границы между историей и культурой для Лихачева не существует — ученому свойствен исторический подход к изучению культуры. Он предлагает культуроцентричную концепцию истории.

Крупнейший филолог-медиевист, Лихачев открыто декларирует междисциплинарность своего метода научного исследования: «Русская литература — часть русской истории. Она отражает русскую действительность, но и составляет одну из ее важнейших сторон. Без русской литературы невозможно представить себе русскую историю и, уж конечно, русскую культуру»¹.

Уже первые фундаментальные научные труды Лихачева, посвященные древнерусской литературе, можно расценивать одновременно и как литературоведческие, и как исторические. Такой подход изначально был во многом обусловлен предметом научного интереса ученого — древнерусской литературой, которая отличается стремлением к исторической достоверности изображения, предельной фактографичностью: средневековые авторы, начиная с первых летописцев, не развлекали читателей, не «вымышляли», а рассказывали о том, что было на самом деле. Неудивительно, что в наследии Лихачева есть и такие книги, которые можно назвать историческими, — например, «Оборона древнерусских городов»², созданная в 1941 г. в осажденном Ленинграде. Докторская диссертация Дмитрия Сергеевича также имеет прямое отношение к истории, поскольку посвящена культурно-историческому значению русских летописей³.

На страницах лихачевских работ найдем немало ссылок на труды профессиональных историков. Так, он приводит впечатляющую ссылку на подсчеты крупнейшего специалиста по истории древнерусской государственности и этнической истории русского народа В. В. Мавродина: «за XII – XIV и первую половину XV века русские выдержали больше 160 войн с внешними врагами, из которых 45 сражений с татарами, 41 — с литовцами, 30 — с немецкими рыцарями, а остальные со шведами, поляками, венграми и волжскими болгарами»⁴.

Идея историзма — важнейшая и любимая идея Лихачева. Историзм проявляется у него на разных уровнях.

Во-первых, историзм присущ его подходу к филологическому материалу. Литература становится для него не только свидетелем и участником истории — поэтическое, художественно-эстетическое также предстают в его работах как исторические факты: «Ни одно произведение прежних веков не может быть объявлено “плохим историческим источником”... Каждое произведение прошлого является историческим источником...»⁵.

Во-вторых, подлинно историческим можно назвать текстологический принцип, введенный Лихачевым в филологическую науку. Обоснованный им принцип текстологии стал ярким примером проекции идеи историзма на предмет его научного интереса — тексты словесности. Дело в том, что в работе с древними текстами, вплоть до XVII в. преимущественно рукописными, одной из самых больших проблем была проблема соотнесения его разных копий («списков», «изводов») и выбора: какой из них публиковать и считать каноническим текстом? Столкнувшись с этой научной проблемой, Лихачев предложил гениальное решение: для максимального понимания текста изучать историю создания текста, т. е. применить принцип историзма. «Чтобы восстановить историю текста памятников, — поясняет он, — текстолог обязан быть и историком, и литературоведом, и языковедом, и историком общественной мысли, а часто и историком искусства»⁶.

Наконец, в-третьих, академик предлагает в своих трудах собственную концепцию истории России как отечественной истории.

Освещая в свете культуры поворотные (и до сих пор спорные) этапы русской истории, Дмитрий Сергеевич дает свою, оригинальную интерпретацию зарождения древнерусского государства; роли в нашем национальном самоопределении Византии, Востока, Европы (Россия в лихачевском понимании — это не Евразия, а Скандославия); сущности Петровских реформ и самого царя-реформатора. Отметим, что и в оценке исторических событий и исторических фигур Лихачев верен себе: для него положительно все то, что способствует развитию национальной культуры — и, наоборот, отрицательно все то, что губительно для нее (например, деятельность Ивана Грозного). Парадоксален, но строго историчен и культурологичен в этом смысле взгляд Лихачева на фигуру Петра Первого — «абсолютно русского», «барочного человека».

Остановимся на лихачевской концепции истории подробнее и перечислим его основные идеи, зачастую идущие вразрез с устоявшимися в исторической науке.

Важное достижение исторической мысли Лихачева — введение в научный оборот понятия «русское Предвозрождение», что меняло представление о периодизации отечественной культуры. Как считает Лихачев, русская культура в XIV в. переживало Предвозрождение, которое в силу разных исторических особенностей развития страны не перешло в Ренессанс. Древнерусское Предвозрождение в творчестве Сергея Радонежского, Андрея Рублева, как и в Европе, ознаменовано углублением личностного начала,

обращением к своему историческому прошлому («своей античности»), но отлично от европейского Ренессанса высокой религиозностью, особым переживанием реальности и особым претворением ее в искусстве.

Лихачев решительно причисляет русский народ к семье европейских народов, а русскую культуру характеризует как культуру европейскую. Академик считает ошибкой видеть в русской культуре «азиатское», или «евразийское», или «туранское» начала (в частности, не соглашаясь с Л. Н. Гумилевым и другими «евразийцами»). «Мы находимся между Европой и Азией только географически, я бы даже сказал “картографически”»⁷, — заявляет Лихачев. Свою точку зрения он развернуто обосновывает во многих работах, опираясь на конкретные факты отечественной истории и культуры, на древнерусские памятники, в которых чрезвычайно мало восточных сюжетов (а если они и есть, то пришли через Европу). Последний же аргумент Лихачева — из современности: «Есть ли различие между русскими, живущими в Петербурге, и теми, кто живет во Владивостоке, хотя принадлежность Владивостока к Востоку отражена в самом названии этого города?»⁸.

Для России, считает ученый, как и для целого ряда европейских стран (Испании, Сербии, Италии, Венгрии), гораздо важнее противопоставление Юга и Севера, чем Востока и Запада. «С юга, их Византии и Болгарии, — пишет он, — пришла на Русь духовная европейская культура, а с севера другая языческая дружинно-княжеская военная культура — Скандинавии. Русь естественнее было бы назвать Скандовизантией, нежели Евразией»⁹. Заметим, что «европейское» для Лихачева не носит характера оценочного, «высокопробного» по отношению к «азиатскому», «восточному». Большой знаток мировой культуры, академик мыслил не категориями оценочности или «географии», а категориями объективных закономерностей (в частности, к «европейским» он причисляет североамериканскую культуру). Европейская культура, по Лихачеву, держится на «трех китах»: личностность (универсализм), восприимчивость к другим личностям и культурам, свобода творческого самовыражения личности. Нетрудно заметить, что все три выделенные им особенности опираются на христианство — таким образом, европейская культура в лихачевском понимании, несмотря на ее разнородность, по своим корням христианская («Единственная из религий, в которой Бог — личность»¹⁰).

Таким образом, «европейскость» Лихачев понимает как «всеотзывчивость» (слово, употребленное Ф. М. Достоевским применительно к гению Пушкина), «открытость» лучшему, заключенному в других культурах, способность «изучать, включать в свою орбиту все культурные явления, все камни, все “могилы”»¹¹, воспринимая их и умом, и сердцем. Древняя Русь в трудах Лихачева и предстает как «культурный мост» между разными народами («Скандославия»), межнациональная целостность, позволившая многим народам (числом до двухсот!) не только соседствовать, но и культурно обогащать друг друга, впитывая «соседское», сохраняя свои культурные

традиции и особенности. В этом культурном посредничестве для многих народов «общероссийского котла» Лихачев и видит великую миссию русского народа — «сохранить в своих недрах, в своей науке и понимании все культуры человечества — как ныне существующие, так и ранее существовавшие»¹². Подтверждая справедливость этого утверждения, ученый замечает, что особенно активно русские смешивались с финно-угорскими народами (чудь, вепсы, меря и многие др.).

Понятая таким образом, миссия русского народа во взглядах Лихачева не имеет ничего мистического и лишь отражает исторические реалии. Как видим, и здесь Лихачев полемизирует со многими мыслителями, причем и со славянофилами, отстаивавшими идею великой миссии России (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы), хранительницы христианского духа, и с западниками, отрицавшими эту великую роль русского народа или понимавшими ее как сугубо отрицательную (П. Я. Чаадаев). Некоторые понятия своих предшественников Лихачев в контексте своих воззрений радикально переосмысливает: например, полемизируя со славянофилами в понимании слова «соборность», он связывает его с европейским, христианским качеством русской культуры: «Соборность — это одна из форм... начал европейской культуры, которые так для нее характерны. Соборность — это проявление христианской склонности к общественному и духовному началу»¹³.

Доказывая свою мысль о европейском характере русской культуры, Лихачев последовательно развенчивает целый ряд вредных мифов и стереотипов. Так, он опровергает предрассудок об отсутствии в России традиций демократии: они существовали в виде княжеских собраний, советов начиная с первых лет русской исторической жизни.

Опровергает представление об исконной укорененности в российской жизни абсолютизма, который, считает ученый, победил только в Петровскую эпоху, именно в период внешней европеизации.

Опровергает представление об агрессивности московского империализма, раскрывая подлинный смысл теории «Москва — Третий Рим».

Опровергает миф о воздействии на характер русский крепостного права, излагая целый ряд исторических фактов, противоречащих подобному взгляду (отсутствие крепостного права на севере Российского государства, отмена его значительно раньше, нежели во многих европейских странах и Соединенных Штатах и т. п.).

Опровергает мнение о России как «тюрьме народов», приводя неопровержимые подтверждения обратного: несмотря на то, что наиболее «жизнедеятельные народы» (поляки, евреи) в России притеснялись и подвергались несправедливым гонениям, в целом в российской империи существовала веротерпимость, и всегда сохранялись, наряду с православием, другие религии и конфессии (католичество, лютеранство, ислам, буддизм, иудаизм). Само легендарное начало Руси, замечает Лихачев, было

ознаменовано призыванием варяжских князей, и на всех этапах своего исторического пути Россия была и остается многонациональным государством.

Опровергает миф о культурной отсталости и изолированности России от Европы, созданный в эпоху Петра для идеологического обоснования его реформ.

Опровергает стереотип о культурной отсталости, «некультурности» русского народа, чья тысячелетняя культура вызвала к жизни немало гениев и породила огромное количество блестящих произведений литературы, живописи, архитектуры, музыки, чей язык отличается особыми богатством и гибкостью, способностью к выражению безграничных смыслов.

Опровергает предрассудок о России как о стране сплошной неграмотности, приводя исторические и статистические свидетельства обратного.

Подведем итоги.

Не только предмет научного интереса делает работы Лихачева историческими в подлинном значении этого слова. Подлинная история народа для него — это события его духа, нашедшие выражение в культуре. Иными словами, изучение истории — это не перечисление дат, цифр и событий, а постижение ее культурного измерения. Сейчас можно с уверенностью назвать такой подход к исследованию отечественной истории культурологическим, поскольку именно культурология как метанаука интегрирует различные аспекты анализа — литературоведческий, исторический, философский, социологический, искусствоведческий. Именно такой подход к истории мы и обнаруживаем в работах Лихачева.

В лихачевской концепции русской истории органично сопряжены мысли и об общности российского пути с общеевропейским, и об особенностях этого пути. Освещая в свете культуры поворотные этапы русской истории, ученый дает свою, оригинальную теорию зарождения древнерусского государства; роли в нашем национальном самоопределении Византии, Востока, Европы (идея Скандославии); сущности и роли в судьбе России Петровских реформ и самой фигуры царя-реформатора. Решительно причисляя русскую культуру к европейскому типу, Лихачев отмечает ее национальное своеобразие на фоне других европейских культур. Надежду на сохранение культурных основ национальной жизни он связывает с интеллектуально-духовными усилиями русской интеллигенции, в разные периоды отечественной истории сумевшей противостоять государству и доказавшей жизнестойкость принципов культуры.

По лихачевским работам вполне можно изучать отечественную историю — столь внимателен он к фактам, столь глубоко он знает закономерности исторического процесса, столь логично и концептуально излагает суть событий.

Наконец, последнее замечание. Тон и образность некоторых высказываний Лихачева в его научных работах зачастую настолько эмоциональны и лиричны, что разрушают представление о традиционном научном стиле. В силу деятельного характера своего научного метода, Лихачев

как будто разрушает границу между собственно научным и публицистическим высказыванием и проговаривает свои заветные мысли, в том числе и об отечественной истории: «Любовь к родине, патриотизм... воспитывается... на представлениях о конкретных живых людях, конкретном родном пейзаже, близком ощущении прошлого как своего прошлого, своей старины»¹⁴. Все написанное Лихачевым окрашено неподдельной любовью к истории страны, к родной культуре, в сохранении которой он видит главный смысл своих писаний.

¹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X – XVII веков: Эпохи и стили. Л.: Наука. Ленинград. отд-е. С. 9.

² Лихачев Д. С. Оборона древнерусских городов. Л.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1942 (совместно с М. А. Тихановой). 100 с.

³ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 499 с.

⁴ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2015. С. 95.

⁵ Лихачев Д. С. К вопросу о «Слове о полку Игореве» как историческом источнике. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л.: Художественная литература, 1985. С. 176-177.

⁶ Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы XI-XIII вв. СПб.: Алетейя, 2001. С. 45.

⁷ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 30.

⁸ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 56.

⁹ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда. С. 30-31.

¹⁰ Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 35.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 36.

¹⁴ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 189-190.

Болтаевский Андрей Андреевич

кандидат исторических наук, старший преподаватель

Российский университет кооперации

«РЕЧЬ ИДЕТ О ТОМ, ЧТОБЫ ВЕНГРИЯ ОБРЕЛА СЧАСТЬЕ»: ДЮЛА СЕКФЮ О СУДЬБАХ ВЕНГРИИ ПО ИТОГАМ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Суверенный внешнеполитический курс Российской Федерации, ее успешное участие в разрешении целого ряда международных конфликтов (в том числе и сирийского кризиса), нацеленность на взаимовыгодное партнерство и сотрудничество резко усилило позиции нашей страны на мировой арене в начале XXI в. А ведь совсем недавно по историческим меркам – в 1990-е гг. –

происходила тотальная сдача прежних геополитических позиций, что вызывало изумление даже у ведущих западных политических деятелей. Сегодня на наших глазах мир вступил в драматичную фазу кризиса прежней системы монополярного мира, что привело к резкому усложнению международных отношений. В то же время все более очевидным становится то, что только многополярный мир способен обеспечить подлинную безопасность на нашей планете. Президент Российской Федерации В.В. Путин еще в 2003 г. констатировал, что «если мы хотим, чтобы мир был безопасным – он должен быть многополярным», при этом все международные акторы «должны придерживаться норм международного права»¹. Взаимовыгодное сотрудничество между Россией и рядом других государств вызывает интерес среди исследователей к отдельным аспектам партнерских отношений, а также к историческому опыту восприятия нашей страны в различных регионах и отдельных странах. В этой связи особое внимание привлекает Восточная Европа, которая не только один из ближайших к нам регионов мира, но и место, которое имело особые отношения с СССР с конца 1940-х гг. до конца 1980-х гг.

Одной из тех восточноевропейских стран, с давних времен отличавшейся особым колоритом, является Венгрия. И дело даже не в том, что за последнюю тысячу лет венграм удалось избежать ассимиляции, находясь в окружении славянских и германских народов. Не случайно ее многолетний лидер Янош Кадар как-то назвал эту страну «самым веселым бардаком социалистического лагеря». Венгрия для советских граждан ассоциировалась с именами Шандора Петефи, Лайоша Кошута и Мора Йокаи, такими брендами, как «Глобус» и «Икарус», и, даже несмотря на события 1956 г., считалась одним из оплотов социализма в отличие от перманентно бунтовавшей Польши. В то же время не следует забывать, что если для польского народа имперские амбиции России во многом ассоциировались с попытками уничтожения собственной государственности (неважно, насколько успешными они были: разделы Речи Посполитой конца XVIII в., советско-польская война 1920 г., вступление Красной армии в Польшу в сентябре 1939 г.), то и венгерское общественное мнение традиционно опасалось восточного соседа-гиганта. Подавление венгерской революции 1848-1849 гг. во многом стало возможным благодаря вступлению на дунайские равнины русской армии фельдмаршала И.Ф. Паскевича-Эриванского. Да и Венгерская советская республика 1919 г. ассоциировалась в силу ряда причин для тамошних обывателей как очередная попытка реализации имперских амбиций Москвы.

Несмотря на попытки проведения самостоятельного внешнеполитического курса, в годы Второй мировой войны Венгрия оказалась самым стойким союзником нацистской Германии. В то время как Италия, Румыния, Венгрия, Финляндия уже оказались за пределами берлинского фарватера, Будапешт после переворота октября 1944 г. и воцарения Ференца Салаша всемерно поддерживал гитлеровскую политику, в том числе и в практике Холокоста. А венгерская пропаганда всячески пугала местное

население не только «страшными расправами» большевиков, но и присоединившихся к ним румын (геополитическая конкуренция мадьяр и румын вызывала давние, не решенные до сегодняшнего дня противоречия между двумя странами, в особенности по вопросу Трансильвании). Неудивительно, что на рубеже 1944 – 1945 гг. не только среди венгров, но и у немцев пользовалась популярностью следующая острога: «Гитлер (по другой версии – Геринг), потеряв веру в победу, улетел в Венгрию, потому что только там все еще верили в славный исход войны»².

После разгрома гитлеризма в Европе, да и во всем мире возникает новая геополитическая реальность, в которой даже антисоветским силам приходилось считаться с растущим авторитетом Советского Союза. Как указывает Михаил Хазин, «логика «ялтинской» системы состояла в том, что две «сверхдержавы», СССР и США, поделили мир, который оказался разделен на три большие части: зона влияния СССР, зона влияния США и, наконец, на территории, на которых любые действия требовали согласования позиций двух держав (либо явного, например, через ООН, либо – скрытого, в рамках закрытых консультаций)»³.

Разумеется, венгерская интеллигенция прекрасно отдавала отчет о совершенно новых условиях, в которых оказалась дунайская страна после падения Берлина. Так, вызывает интерес написанная в конце 1940-х гг. работа видного венгерского историка Дюлы Секфю, вышедшую под названием «После революции». В своем исследовании Секфю не просто оценивает сложившуюся после окончания Второй мировой войны новую геополитическую картину с точки зрения венгерского народа и его будущего, но и стремится как можно лучше понять и узнать Советский Союз, в котором он, кстати, побывал в конце 1940-х гг. далеко не как простой человек: Секфю был первым послом Венгрии в СССР в послевоенный период (1946 – 1948).

Но сначала скажем несколько слов о самом авторе. Родившийся в 1883 г. в Секешфехерваре, настоящем оплоте католицизма в той части Венгрии, Д. Секфю закончил гуманитарный факультет Будапештского университета, а по его окончании он оказывается на архивной работе: сначала в архиве Национального музея, затем в Венгерском национальном архиве. Еще во времена Габсбургов он начинает свой путь как историк: в 1913 г. из-под его пера выходит книга «Ракоци в изгнании», в которой он обосновывает необходимость для венгерского народа поддерживать тесный союз с династией Габсбургов. Для этой и последующих его работ («Три поколения», «Три поколения, и что случится потом») характерно критическое отношение к венгерской истории, что вызывало порой злостные нападки на автора со стороны определенных общественных кругов.

Заслуживает пояснения само название работы – «После революции». Здесь уместно привести авторскую оговорку о том, что термин «революция» используется им не в марксистском понимании, но в качестве противоположности понятию «эволюция».

Анализируя столетний путь венгерского народа (от революции 1848 г. до момента написания работы), Секфю приходит к знаменательному выводу: «Мы где-то сбились с пути». Этот вывод настолько кажется для него важным, что он ставит его в название первой главы своего исследования. Примечательно следующее признание автора: «Чем дальше отодвигает от нас история восторг и упоение 1848 г., тем яснее мы видим, что обретенные в те дни свободы достались нам не навсегда, что каждому поколению приходится вновь завоевывать их для себя и, исходя из политической обстановки, окружать новыми и новыми защитными механизмами»⁴.

Оценивая сложившуюся в годы Второй мировой войны ситуацию, Д. Секфю показывает фактическую несостоятельность венгерского государства в этот период. Приводя в пример добровольную передачу венгерских граждан еврейского происхождения в Германию, историк отмечает: «Даже итальянский фашизм до последнего не спешил исполнять требование Гитлера и в конечном итоге передал своему союзнику минимально возможное число своих граждан». Его итоговый вывод звучит оглушающе: «Еще до немецкой оккупации, до 19 марта 1944 г., целостное венгерское государство, способное или желающее выполнять свои функции, как на международной арене, так и по отношению к своим гражданам, перестало существовать»⁵.

В следующей главе – «Революция началась» – Д. Секфю выражает глубокую признательность Советскому Союзу, не только освободившему Венгрию, но и отказавшемуся при этом от какого-либо расчленения страны или установления там диктатуры пролетариата. Вызывает интерес следующий авторский анализ сложившейся ситуации: «Во-первых, вследствие деградации страны и общества революция была неотвратима. Во-вторых, Советский Союз, оккупировавший Венгрию, не собирался устанавливать диктатуру пролетариата, и тем, что помог создать парламентскую республику, направил революцию в мирное русло, избежав той ее начальной стадии, которая обычно сопровождается кровавой анархией»⁶. Уместно заметить, что вопреки западной пропаганде последующих лет, Д. Секфю расценивает происходящие на его глазах события в Венгрии именно как революцию, в корне меняющую социально-политическую ситуацию в стране.

Наибольший интерес в работе венгерского историка вызывает, на наш взгляд, анализ новой геополитической ситуации, в которой оказалась Венгрия после окончания Второй мировой войны. Д. Секфю разъясняет венгерским мечтателям тех лет, что прошло время величия Венгрии в качестве одной из великих держав. Распад Австро-Венгрии и последующие события (Трианонский мир уменьшил территорию страны почти в 3,5 раза, а в Румынии, Югославии и Чехословакии оказалось заметное венгерское национальное меньшинство) превратили страну не просто в лишенную выхода к морю, но во второразрядную, не играющую уже основополагающей роли в системе международных отношений. Более того, он приходит к категоричному выводу: «Поздно вести речь о политике «качелей» между двумя могущественными

соседями, ибо у нас остался только один сосед – Советский Союз... Кстати, о роли «моста» между Западом и Востоком. Не только потому, что «Восток» по мере продвижения на Запад уже перевалил за наш градус географической долготы, но и потому, что мы – всего лишь маленькая, едва различимая на карте точка на полотне, которое, протянувшись с севера на юг, соединяет эти, без преувеличения, две части света»⁷.

В главе «Новый сосед» Д. Секфю с нескрываемым уважением говорит о Советском Союзе и о партии большевиков: «Эта партия с момента своего основания освободила значительную часть планеты и дала всему населению империи культуру, материальное благосостояние и, позволим себе добавить, порядочность»⁸. Интересен и его вывод о великом соседнем народе, разбивающей насаждавшиеся в хортистской и салашистской Венгрии представления: «Совместная борьба против иноземного вторжения показала полное единство народа, его непоколебимую веру в свое руководство. Если кто-то представлял себе Россию как тюрьму народов, где правительство удерживает власть грубой силой, его теперь наконец-то постигнет разочарование в столь примитивных воззрениях»⁹.

Главное, что стремится показать на страницах своей книги венгерский историк и дипломат, это неотвратимость на ближайшие десятилетия тесного союза Венгрии и Советского Союза. Мир и тесное сотрудничество с восточным гигантом не только неотвратимы, но и могут принести Венгрии существенную пользу: «Получив защиту в рамках создаваемой СССР системы безопасности, органически включившись в нее, мы внутри страны и за ее пределами достигнем столь долго нами ожидаемого равновесия и той гармонии, что однажды наступит в отношении между людьми, народами и большими и малыми странами»¹⁰.

Таким образом, Д. Секфю в своей последней прижизненной серьезной работе не просто выступает с просоветских позиций, он стремится подготовить венгерское общество и, особенно, венгерскую интеллигенцию к неизбежности вхождения Венгрии в орбиту СССР.

¹ Путин: безопасный мир – многополярный. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=20286> (дата обращения: 12.09.2018).

² Секфю Д. После революции / пер. с венгерского О.В. Хавановой. М.: Водолей, 2011. С. 79.

³ Хазин М. О проблемах малых стран. URL: <https://aurora.network/articles/153-geopolitika/59923-o-problemax-malykh-stran> (дата обращения: 12.09.2018).

⁴ Секфю Д. Указ. соч. С. 73.

⁵ Секфю Д. Указ. соч. С. 97.

⁶ Секфю Д. Указ. соч. С. 107.

⁷ Секфю Д. Указ. соч. С. 132.

⁸ Секфю Д. Указ. соч. С. 145.

⁹ Секфю Д. Указ. соч. С. 161.

¹⁰ Секфю Д. Указ. соч. С. 199.

Бондаревский Александр Витальевич

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ»

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН В США И РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

История возникновения американской нации настолько овеяна легендами и мифами, что в них уверовали сами американцы, которые взлелеяли в себе ощущение превосходства и исключительности, о которой упоительно заявлял прежний президент Барак Обама, и которому вторит Д. Трамп с его слоганом «Сделаем Америку снова великой».

После распада СССР, захватив господство в однополярном мире, США изобрели для себя «глобальное право» своего господства, поставили себя выше международного права и подменяют его своим законодательством и корыстными интересами, навязывая их вторжениями, санкциями, таможенными войнами.

США без санкции ООН осуществили вооруженное вторжение в Ирак, устроили череду «оранжевых революций», «арабскую весну» 2011 г., разрушая страны и цивилизации. Без согласия законных властей вводят в полноправные страны ООН свои войска – в том числе в Сирию. Наплевав на международные интересы и мнения, вышли в одностороннем порядке из ПРО, РСМД, обвиняя при этом Россию и науськивая на нее своих натовских подопечных.

Американский президент в утреннем Твиттере назначает странам ОПЕК цену на нефть, а Китаю высокими пошлинами показывает его «полочку» в мировой торговле. Тасует президентов независимых стран, как карты в колоде – даже без выборов и без революции, просто так признав президентом Венесуэлы понравившегося оппозиционера – при этом Россию обвиняют во мнимом вмешательстве в американские выборы и кибератаках. Идеализируя и абсолютизируя свои «ценности» вроде абстрактной демократии и «свободы слова», они с патологической настойчивостью навязывают их «окружающим» странам за десятки тысяч километров от берегов Америки.

Не смея нападать на ядерную РФ, не сумев подорвать ее экономику санкциями, теперь основной удар они перенесли в сферу информационной гибридной войны, которую уже окрестили «третьей мировой пропагандистской войной». Извращают, шельмуют, пытаются дискредитировать, обвинить и осудить нашу прежнюю историю и нынешнюю политику сохранения самостоятельности. Отвергают наше право на национальные интересы и геополитику, демонизируют страну и В. Путина. Запугивают нашу офшорную элиту конфискациями и провоцируют их на госпереворот. Пытаются вскормить в нас червя сомнения в самих себе, сбить прицел в оценке своей истории, своих ценностей и приоритетов, навязать чужие и чуждые.

Самоприсвоенное право на мировое господство США обосновывают в том числе своей «исключительной» историей, которую изображают образцом борьбы за свободу, демократию, права человека, независимость.

Правда, без ретуши и мифологии их история выглядит совсем в ином свете. Итак:

1) В американской истории героизируется Война за независимость 1775-1789 гг., культовыми фигурами, которой стали Бенджамин Франклин, Томас Джефферсон, Джордж Вашингтон. Но если вникнуть, о какой независимости идет речь, то не все так радужно. Эта сага воспекает не борьбу коренных жителей Северной Америки – индейцев – с бледнолицыми захватчиками. Наоборот, героизируется захват территорий и беспощадное уничтожение аборигенов – из 20 миллионов выжило около 2, которых загнали в резервации. Так кто от кого отстаивал независимость? – оказывается, это сами колонизаторы отбивались от алчных английских родственников на их родине, в метрополии.

Эти события в неприглядном свете высвечивают степень эксплуатации Англией (в лице Георга III) своих колоний, за счет которых она богатела. Даже своих белых сородичей-переселенцев король и правительство воспринимало почти как рабов, против них держали армию, подавляли и расстреливали возмущающихся. Что уж говорить об их отношении к туземцам. Белые колонисты были обложены многочисленными налогами, включая «гербовый сбор», им запрещалось осваивать новые земли за Аллеганями, объявленные собственностью короля. Только английские корабли могли ввозить чай из Индии, рабов из Африки, промтовары из Европы по завышенным ценам (протест – героизация пиратов). Англия сдерживала промышленный рост колоний дефицитом своей валюты (протест – введение доллара).

Кстати, в современной России рост и развитие также сдерживается дефицитом денег – но уже американских, а вырваться из ловушки у монетаристского правительства не хватает ни навыков, ни воли, ни желания, ни смелости. Поэтому юлим между кризисом и рецессией много лет.

Первоначально колонисты отстаивали свои права в рамках английских законов: писали петиции, жалобы королю, созывали выборные ассамблеи, просили допустить их депутатов в английский парламент – «Нет представительства – нет налогов». Но ни король, ни его губернаторы колоний не считались с их интересами. И тогда колонисты стали обосновывать свои требования естественными, природными, по факту рождения правами: «Источник прав и свобод американцев – закон природы, а не английская конституция». «Кровь убитых, рыдающий голос природы вопиет» - взывал демократ Томас Пейн. После очередного расстрела они приняли Декларацию независимости и начали войну против Англии, сформировав армию во главе с плантатором Дж.Вашингтоном. Фактически это была гражданская война прежних соотечественников, разделившихся в итоге океаном.

Сейчас США играют роль старой недоброй Англии, такую же и теми же армейскими методами. Теперь они сами подавляют по всему миру тех, кто берет пример с их лозунгов, принципов, поступков. Вот и в нашей печати вновь образованные в Донбассе республики осторожно называют «самопровозглашенными». Но других независимых и не бывает. За это, причем с чужой помощью, боролись колонисты целых 7 лет. И Англия, и Франция впоследствии тоже сами казнили своих королей и сами себя провозгласили кем хотели. Да, некоторые бывшие колонии действительно получили после Второй мировой войны свои конституции и переходные администрации из рук прежних господ; но и в Африке большинство освободилось в результате своей национально-освободительной борьбы. А уж территория нашей страны, включая Новороссию и Крым, никогда не была колонией Запада, поэтому и спрашивать разрешения на свой статус им не у кого, кроме как у своего народа. А народ не признал киевских самозванцев и их правительство, как некогда штаты не признали гораздо более легитимное английское.

Эта самостоятельность от Запада его, видимо, и злит, порождая некий «русский синдром» наподобие «вьетнамского», нападки, санкции, угрозы, пособничество националистам, разжигание русофобии.

Декларация независимости была для своего времени действительно передовой, провозгласила республику, неотчуждаемые права и свободы, право народа на суверенитет. Даже право свергать неуютное правительство; правда, придя к власти, они его фактически отменили и сами стали подавлять восстания бедноты – народом они считали зажиточных налогоплательщиков. Да и сами были рабовладельцы. Автор Декларации Джефферсон имел от рабыни 4 детей, но даже их не освободил перед смертью. Дж. Вашингтон, по легенде, освободил их в завещании, но наследники его не исполнили. Декларация так и не отменила рабство. Но и своих белых солдат и тружеников «отцы-основатели» забыли – Конституция готовилась втайне, закрепила права и власть в стране за богатым меньшинством, а права народу упустила. Потребовалось 2 года народных восстаний, чтобы новая, независимая от Англии, элита дополнила Конституцию десятью поправками – Биллем о правах. Но и он не отменял рабство.

Проводя аналогии с современной Россией, где процесс распада СССР тоже был формой гражданской войны, приходится признать, что их день независимости от Англии (4 июля) гораздо понятней дня независимости РФ от СССР (12 июня), поскольку РСФСР и была сердцевинной СССР. Невозможно быть независимым от самих себя. Ни одна проблема никуда не исчезла, а новые повывлезали из всех щелей. Запад признал независимость ельциновской России и других республик, чтобы ослабить СССР, но не признает независимость Крыма и Донбасса, чтобы не усилить Россию. Все прагматично до неприличия.

Таким образом, по ходу своей истории американцы легко переступали через право частной собственности и конфисковали ее у своих плантаторов и предателей. В РФ гарантии собственности оказались крепче американских –

наше государство постеснялось национализировать Русал О. Дерипаски, а американское прихватило. Но так ли священна та корова, если американцы ее без зазрения совести доят?..

2) После Войны за независимость рабство было отменено только на Севере, латифундии аристократов конфискованы. Однако это не изменило систему в целом, расизм еще более распространялся, охватывая новые штаты – вплоть до событий Гражданской войны в США 1861-1865 гг.

С этими событиями в нашей истории еще больше ассоциаций и параллелей. Обычно, и наши учебники в том числе преподносят ее как благородную войну Севера против рабства на Юге. Это большое приукрашивание событий, их мифологизация. На деле все было прозаичнее и меркантильнее. Настроения против рабства действительно нарастали, возникло движение аболиционистов (отмена), большое влияние оказала книга писательницы Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», были даже восстания, в том числе Джона Брауна.

Но все же главной причиной войны был раздел новых обширных земель, присоединенных к США – за полвека страна увеличилась в 9 раз! У Наполеона купили Луизиану, у Испании – Флориду, в войне с Мексикой отобрали у нее Техас и Калифорнию, сквоттеры десятками тысяч повозок пробивались к западному тихоокеанскому побережью. Продолжалось вытеснение индейцев, в том числе семья Линкольнов переезжала с места на место.

Эти огромные пространства стали яблоком раздора между Севером и Югом. Климатические различия разделяли страну на промышленно-фермерский Север и хлопковый плантационный рабовладельческий Юг. Земельный вопрос – кому она достанется – стоял остро, дело доходило до вооруженных столкновений. Был заключен «Миссурийский компромисс» о запрете рабства в новых штатах, но он был нарушен при возникновении Калифорнии, Юта, Небраски, Канзаса. Прежде южные лэндлорды доминировали в правительстве и на президентском посту (11 из 16). Тысяча плантаторов получала половину всего национального дохода. Богатые южане скупили бы все земли, поэтому свободная продажа по рыночным ценам была не выгодна северянам. Ширились движение фрисойлеров за бесплатную раздачу земли, антирасистская пропаганда.

Это беспокоило южан, и после победы на выборах умеренного противника рабства А. Линкольна они решили отделиться, провозгласили собственную Конфедерацию со своей столицей Ричмонд и президентом Дж. Девисом. В результате сецессии 11 штатов вышли из Союза (23 остались), считая, что у них есть на это право, так как вошли в него они добровольно (в ходе войны за независимость). Однако правительство для сохранения единства страны направило в апреле 1861 года войска для подавления мятежа.

Таким образом, второй главной причиной, поводом и предлогом войны было стремление сохранить единое государство, предотвратить сепаратизм. Эту цель А. Линкольн изложил позже, в знаменитой речи на солдатском

кладбище в Геттисберге 19 ноября 1863, по сути сформулировав и новую национальную идею.

Однако сейчас Запад применяет двойные стандарты: Россию за пресечение чеченского сепаратизма обвиняли, вводили санкции, подпитывали боевиков и наемников под предлогом их права на независимость – а националистам Украины помогают воевать против жителей Донбасса под предлогом сохранения территориальной целостности страны. То есть то, что им и их ставленникам можно – остальным нельзя. США дважды развязывали войну против Югославии за попытку сохранить государство, вынашивают планы расчленения Сирии.

Но вернемся к американской земле – чтобы мотивировать терпящих поражения северян был принят Гомстед – акт, согласно которому каждый гражданин старше 21 года почти бесплатно получал участок в 65 гектар из госфонда. Но только на 5 лет, в которые он должен был его возделывать, иначе тот возвращался снова в госфонд. По сути, это был революционный вне рыночный способ, который осуществили и большевики в 1917 г. под лозунгом «Земля тем, кто ее обрабатывает». Но снова двойные подходы: свою гражданскую войну против плантаторов они считают подвигом, а большевиков против помещиков – преступлением.

Введение частной собственности и рыночная распродажа земли в современной РФ привели к негативным последствиям – колхозную землю скупили спекулянты для ее последующей перепродажи под коттеджи, страна утратила более 20 млн. га плодородных земель, многие заросли бурьяном. Правительство было вынуждено ввести тоже 5-летний срок для возделывания земли под угрозой ее конфискации в госфонд.

Еще один закон А. Линкольна был направлен против предателей, перебежчиков, «пятой колонны» среди северян: этих «змей-медянок» казнили, а их имущество конфисковали. Самым важным для победы решением А. Линкольна была отмена рабства с 1 января 1863 года, после чего в армию северян вступили десятки тысяч чернокожих добровольцев, предопределив тем самым победу.

Однако приходится констатировать, что первые два года войны об отмене рабства речи не было вообще. Наоборот, среди многих северян - предпринимателей тоже были расовые предрассудки. Бежавших через линию фронта негров федераты даже возвращали назад. Хотя активисты организовывали нелегальную переправку беглецов на север к Канаде, но именно потому, что закон разрешал разыскивать беглых рабов и в свободных штатах

Таким образом, отмена рабства не была главной задачей войны, как ее изображают, пытаясь приписать федератам передовые идеи свободы, равенства, братства, демократии. Нет, на изменение отношения к рабству повлияли два других фактора: неудачи в военных действиях и, еще важнее, нехватка рабочих рук в США в тот период. Все белое население – потомки мигрантов- было еще

малочисленным, около 20 млн. Именно из-за этого дефицита людей зарплаты там были достаточно высокими, а рабочее движение слабым. 4 миллиона рабов стали лакомым куском и предметом войны за дешевую рабочую силу – вот главный мотив отмены рабства.

В Гражданской войне Север победил, юг был ограблен и разорен. Рабы были освобождены, но без земли, и многие бежали на север в поисках заработка. Хотя 13, 14 и 15 поправки наделили их гражданскими правами, но они не соблюдались. Началась 100-летняя политика сегрегации, с подачи Верховного суда вводились снова расистские законы в ряде штатов, возникли организации Ку-Клукс-клан, суды Линча. До 70-х годов XX века чернокожим было запрещено учиться с белыми в школе, ездить в транспорте. Отголоски этих расовых предрассудков проявляются и в современной Америке.

Показателен и другой штрих к портрету современного американского обывателя. Изменились его представления о тех событиях: почитатели «Унесенных ветром» стали симпатизировать не простолюдинам-северянам, а красивой жизни аристократии юга. Это не случайно, т.к. за 150 лет вместо земельной возникла новая финансово-промышленная аристократия, новые правящие кланы, СМИ обсуждают аристократические корни новой элиты и кандидатов в президенты. Но многим избирателям уже надоела эта избранность и обособленность новой правящей потомственной знати, американцы избрали внесистемного антиглобалиста Д. Трампа, англичане проголосовали за брэкзит против чванливой «брюссельской бюрократии», французы требуют отставки фешенебельного Макрона.

Завоевав новые территории в Тихом океане, превратив в полукolonии часть Китая и Кореи, США проводили политику «большой дубинки» и объявили эти народы «неполноценными», не распространяли на них свою демократию, свободы и права. Наоборот, именно за счет эксплуатации колоний они могли делиться сверхдоходами, обеспечивать своим трудящимся высокий уровень жизни и поддерживать демократическими методами социальный мир, избегать революций. Россия же, особенно СССР, была империей «наизнанку», не высасывала колонии, а подтягивала отсталые народы к среднему по всей стране уровню, вкладывала в них из общего бюджета. Поэтому не имела возможностей для демократии за чужой счет.

Таким образом, западная модель демократии – это модель колонизаторов, это механизм высшей расы свободно, справедливо, честно, на равных, совместно законно грабить неполноценные народы. Ни Россия, ни Украина не входят в «золотой миллиард», являются лишь потенциальной добычей и жертвой «цивилизованного» Запада. И в такой скопированной у нас модели демократии колонией становятся народы и трудящиеся самой России.

Хотя в демократической Америке рабство было отменено позже, чем крепостничество в царской России, но в последующем процессе обогащения и демократизации США добились значительных успехов. Россия же в XX веке пострадала в мировых войнах и сменах формаций. Необходим реальный рывок

по всем направлениям- решительными средствами, не боясь подоить своих «священных коров», как это многократно делали американцы. И жестко, прагматично до эгоизма, отстаивать на внешних рынках свои экономические и национальные интересы. Но не интересы олигархата.

Пора руководствоваться во внешней и внутренней политике собственными задачами, а не двуликими чужими «ценностями». Пора переходить к планам развития Б, В и даже С – реальным деофшоризации, дебюрократизации, дереформированию несостоятельных либеральных реформ в социально значимых сферах нашей жизни.

Борисова-Лебедева Маргарита Юрьевна

научный сотрудник

Государственный музей политической истории России

Мунжукова Светлана Игоревна

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

ОТНОШЕНИЕ ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ К СОБЫТИЯМ 1917 Г. В ПЕТРОГРАДЕ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ Е. А. КОРВИН-КРУКОВСКОЙ И Б. А. ЭНГЕЛЬГАРДТА)

Революционные события февраля-марта 1917 г. в Петрограде были поразному восприняты в среде военной интеллигенции: кто-то полностью одобрял происходящее в стране, кто-то сомневался, а кто-то отказывался принимать случившееся. В данной статье рассматриваются воспоминания людей, которые имели различные точки зрения на политические и социальные изменения в России. С одной стороны, нами исследован «“Мой дневник”. Часть I. “Революция”. Петроград. 1917» Евгении Адольфовны Корвин-Круковской (урожденной Новицкой), хранящийся в фондах Государственного музея политической истории России, с другой – «Воспоминания о далеком прошлом» Бориса Александровича Энгельгардта, хранящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки.

Евгения Адольфовна и ее муж – военный летчик, инженер, авиаконструктор Борис Вячеславович Корвин-Круковские, как и член Государственной Думы и Особого совещания по обороне Борис Александрович Энгельгардт, в феврале-марте 1917 г. проживали в Петрограде.

Однако в силу своего круга общения и занятости они смотрели на происходившие события с разных сторон: Евгения Адольфовна была сторонним наблюдателем, в то время как перед Борисом Александровичем в первые же дни революции встал вопрос, чью сторону принять, ведь он был частью той системы, которая, в случае победы, должна была подхватить власть.

Услышав о масштабных демонстрациях в центре Петрограда, Б. А. Энгельгардт не задумываясь принял решение отправиться в Государственную думу, потому что она была «призвана сыграть какую-то роль в назревающих событиях» и он считал, что его «место в такой исключительный момент в Таврическом дворце»¹. Оказавшись во дворце, он сообщил присутствующим членам Государственной думы «о происходящем в городе, указал что ни гражданское, ни военное власти никак себя не проявляют, что грозит полная анархия и что Временному Комитету необходимо безотлагательно взять власть в свои руки»².

В то время как полковник Б. А. Энгельгардт не растерялся и предложил решительные действия для сохранения относительного порядка, Е. А. Корвин-Круковская воспринимала все происходящее как катастрофу. Она отмечала ее начало несколько раньше – в «морозный, но ясный и солнечный» день, «один из тех редких дней, когда обыкновенно низкое, серое небо Петрограда становится высоким и синим»³ – а именно 25 февраля, с которого начинаются воспоминания в «Моем дневнике». Евгения Адольфовна считала, что Россия в начале 1917 г. «находилась в совершенно безнадежном состоянии»⁴: проблемы с продовольствием (очереди за хлебом и молоком), всеобщая дезорганизация Армии. Однако Е. Корвин-Круковская, как и другие представители интеллигенции, в феврале еще пыталась верить в лучшее и надеялась, что М. В. Родзянко, А. И. Шингарев, П. Н. Милюков, А. И. Гучков и А. Ф. Керенский смогут решить назревшие в стране проблемы.

Борис Александрович вспоминал: «одна за другой перед Думой появлялись депутации от различных предприятий и учреждений, от войсковых частей и просто толпы обывателей. Родзянко, Милюков, Шульгин, Масленников и другие члены Думы встречали их речами, говорили до хрипоты, до полной потери голоса, стараясь поддержать в массах патриотическое настроение, доказывая, что Революция должна помочь добиться победы и что только такое завершение войны приемлемо для Родины. Поначалу эти речи имели успех, но то было время, когда положительно все выступления в залах Таврического дворца или на его Подъезде встречались громовым ура»⁵.

После отречения императора Николая II за себя и своего сына и великого князя Михаила Александровича, Евгения Адольфовна писала, что «все с энтузиазмом приветствовали новую республику. Улица Петрограда имели праздничный вид. Всюду развивались красные флаги. У всех на груди висела красная лента. Слово “товарищ” впервые начало употребляться всеми. Все радостно говорили о свободе»⁶. Евгения Адольфовна на протяжении всего «Моего дневника», обращая внимание на революционные события, на приказы, которые издавало часто меняющееся правительство, описывала те последствия, к которым они в дальнейшем привели. Так, рассказывая о Приказах Номер Первый (от 1 марта 1917 г.) и Второй (от 18 марта 1917 г.), она обращает внимание на ошибки этих приказов, после которых «с невероятной быстротой полная дезорганизация распространялась среди рабочих и солдат»⁷.

Борис Александрович был напрямую связан с одним из этих постановлений, Приказ № 1 ставили ему в вину как большевики, так и белоэмигранты, называя его контрреволюционером и предателем. В ходе создания Временного комитета Государственной Думы 27 февраля была организована Военная Комиссия Временного Комитета, председателем которой стал Б. А. Энгельгардт, став комендантом Петрограда.

Борис Александрович согласился принять эту должность из-за того, что считал, что «прежде всего нужно, чтобы вся эта масса солдат, разгуливающая по городу, вернулась в казармы, а затем надо восстановить внутренний порядок в частях, это поможет восстановить дисциплину, тогда можно будет подумать о наведении «порядка» в городе вообще»⁸. Приказ был подписан и отдан, но «вызвал возмущение в Совете Рабочих Депутатов – попытку ввести солдат в рамки дисциплины и старого порядка Совет, не без основания, рассматривал как желание приостановить развитие начавшейся революции»⁹. Подлили масла в огонь и распространившиеся слухи об отбирании офицерами оружия у солдат. Несмотря на то, что они оказались ложными, было принято решение приказ переписать.

Увидев Приказ № 1, Б. А. Энгельгардт осознал, что поток революции не остановить. Он писал: «она ... внушала мне опасения по тому характеру, который она приняла. Я чувствовал, что мы, “умеренные”, не будем в силах справиться с разбушевавшейся народной стихией, а что она не остановится на достигнутом»¹⁰. Борис Александрович осознал, что «революция шла много дальше, чем мне это казалось допустимым, и я невольно задумывался над тем, какими средствами может быть положен предел ее дальнейшему развитию»¹¹.

Подобные чувства испытывала и Е.А. Корвин-Круковская. Чем больше революционных событий происходило в Петрограде, чем больше она вникала в политическую жизнь столицы, общалась с революционерами, к числу которых относился и ее брат Александр, ходила на митинги видных политических деятелей, слушала речи Е. К. Брешко-Брешковской, А. Ф. Керенского, В. М. Чернова, тем больше Е. А. Корвин-Круковская разочаровывалась в происходящем. Она писала: «Постепенно темная сторона революции начала разворачиваться перед моими глазами. Под влиянием этих слухов и новых событий мой энтузиазм начал постепенно меняться, сначала на удивление, потом на полное разочарование. Я перестала рассматривать события, как временные злоупотребления, и перестала жить надеждой, что все это скоро переменится к лучшему»¹².

Не приняв новую власть, Евгения Адольфовна Корвин-Круковская вместе со своим мужем и матерью в 1917 г. отправились в эмиграцию¹³. Борис Александрович сложил с себя полномочия сразу же, как Николай II подписал отречение от престола, и было сформировано Временное правительство. Он продолжал следить за происходившими событиями со стороны, на время уехав из столицы в деревню в Смоленскую губернию. Он видел, что с каждым новым

составом Временного правительства ситуация в стране ухудшается, теряется доверие к власти и нарастает новая волна недовольства.

В августе 1917 года Б. А. Энгельгардт принял участие в Московском совещании. Он поддерживал связь с представителями высших гражданских и военных кругов и внимательно следил за изменением их настроений. Летом 1917 года он писал: «Контрреволюционные настроения, весной носившие еще более или менее мирный характер, во всяком случае, сводившиеся к надеждам обуздания революции постановлениями Учредительного собрания, теперь сменились воинственными настроениями и требованиями применения вооруженной силы для водворения «порядка» в стране.

Личность Керенского уже не удовлетворяла буржуазию. От него ждали поначалу, что он сможет противостоять требованиям большевиков и довести страну до Учредительного собрания. Теперь в него больше не верили и искали среди военачальников человека, способного положить предел неумеренному развитию революционных требований.

Оказалось, что искания буржуазных политиков и главы правительства, стоявшего, по его словам, на страже завоеваний революции, сошлись на одном и том же лице – на Корнилове»¹⁴.

Сам Борис Александрович соглашался с подобными идеями и в момент Корниловского выступления даже пытался с помощью тайной организации Национального центра помочь генералу, однако очень скоро разочаровался в буржуазии, осознав, что они лишь на словах готовы оказать помощь, отсиживаясь в решающий момент в тихом месте. Он писал: «Я понял, что вожаки наиболее сильной буржуазной партии [кадетов – С.М.] не желают принимать непосредственного участия в деле, которое пахнет кровью»¹⁵. Впоследствии переосмысливая события августа 1917 года Б. А. Энгельгардт пришел к выводу, что «не было “заговора Корнилова”, а был неудавшийся “сговор Керенского с Корниловым”. Это не было столкновение двух вождей за торжество несовместимых идей, а борьба за власть двух контрреволюционеров, не сумевших сговориться на общем плане действий»¹⁶.

После этих событий Б. А. Энгельгардт уезжает в деревню надолго, стараясь найти себе применение в новом мире, но непримиримость с властью, ее идеями, принципами, неустроенность жизни толкнули его в гущу Гражданской войны. Он присоединяется к Добровольческой армии А. И. Деникина, вместе с которой он эмигрировал в 1920 г.

Е. А. Корвин-Круковская сразу ощутила наступающую катастрофу и, уехав из России в 1917 г., больше не вернулась на Родину. Борис Александрович, напротив, старался понять и принять изменяющуюся Родину, но Родина не приняла его. Эмигрировав в Париж, а затем в Латвию, он оказался на территории СССР в 1940-х гг. и встретил «радушный прием»¹⁷. До конца своих дней представители дореволюционной военной интеллигенции ощущали крах своего мира и не могли примириться с новой Россией, как ни пытались, и

это читается сквозь правленные строки воспоминаний, в дневниках и письмах наших героев.

¹ Энгельгардт Б.А. Воспоминания о далеком прошлом. Часть II. Революция и контрреволюция. Глава II. Февральская революция // ОР РНБ, Ф.1052, Д. 32. Л. 3.

² Там же. Л. 4.

³ Корвин-Круковская Е.А. «Мой дневник». Часть I. «Революция». Петроград. 1917. // ГМПИР. Ф. VI – 2544. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Энгельгардт Б.А. Воспоминания о далеком прошлом... // ОР РНБ, Ф.1052, Д. 32. Л. 3.

⁶ Корвин-Круковская Е.А. «Мой дневник»... // ГМПИР. Ф. VI – 2544. Л. 4-5.

⁷ Там же. Л. 9.

⁸ Энгельгардт Б.А. Воспоминания о далеком прошлом... // ОР РНБ, Ф.1052, Д. 32. Л.7.

⁹ Там же. Л. 9.

¹⁰ Там же. Л. 22.

¹¹ Там же. Л. 29.

¹² Корвин-Круковская Е.А. «Мой дневник»... // ГМПИР. Ф. VI – 2544. Л.19.

¹³ Подробнее в статье: Борисова-Лебедева М. Ю. События июля-октября 1917 г. по воспоминаниям Е. А. Корвин-Круковской. // Революции в отечественной и мировой истории: к 100 летию российских революций 1917 года: матер. междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 14 апреля 2017 г. / под ред. В. М. Доброштан, С. И. Бугашева, А. С. Минина, Т. В. Рабуш. СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2017. 649 с. С. 54 – 57.

¹⁴ Энгельгардт Б.А. Воспоминания о далеком прошлом. Часть II. Революция и контрреволюция. Глава VI. Московское Государственное Совецание // ОР РНБ, Ф.1052, Д. 34. Л. 6-7.

¹⁵ Энгельгардт Б.А. Воспоминания о далеком прошлом. Часть II. Революция и контрреволюция. Глава VII. Выступление Корнилова (Аладьин. Братья Львовы. Крымов. Верховский. Керенский) // ОР РНБ, Ф.1052, Д. 35. Л. 10.

¹⁶ Там же. Л.19.

¹⁷ Подробнее в статье: Мунжукова С. И. Б. А. Энгельгардт и судьба его воспоминаний. 1940-е-1960-е гг. // Новейшая история России. 2016. № 1 (15). С. 134 – 145.

Бугашев Сергей Иванович

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

БРИТАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И БОЛЬШЕВИКИ В 1917 ГОДУ

Опасность для своих интересов в России со стороны левых социалистов, как-то В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, М.А. Спиридонова, Великобритания почувствовала задолго до их легального выхода на политическую арену. Причина была проста - пацифистские взгляды и резкое неприятие укрепления английского влияния на российском рынке. Так, полковник Б. Никитин, назначенный 12 марта 1917 г. начальником контрразведки Петрограда, сообщал, что приезд в Россию в начале апреля «30 предателей, во главе которых стоит Ленин»¹ очень сильно взволновал представителя английской контрразведки в Петрограде, майора Элли. Если Ленину все-таки удалось

благополучно добраться до России, то другой видный политический деятель — Л.Д. Троцкий — 3 апреля был задержан английскими военно-морскими властями в Галифаксе, на пути следования из Нью-Йорка в «страну Революции».² Со словами «вы опасны для нынешнего русского правительства ... и для союзников вообще»³ он был помещен в военный лагерь «Амхерст», где пробыл вплоть до 29 апреля 1917 г.

Заявляя, что «Троцкий и другие русские политические эмигранты задержаны в Галифаксе впредь до выяснения намерений Временного правительства в отношении их»,⁴ английские политики предлагали Временному правительству уже в апреле вариант силового решения проблемы большевистской антивоенной пропаганды. Правительство на подобный шаг не решилось, видимо, «из-за опасения вызвать гражданскую войну»,⁵ о чем впоследствии жалело.⁶ П. Н. Милюков потребовал у английского посла Дж. Бьюкенена, чтобы Троцкого освободили и разрешили проезд в Россию: «За прошлые преступления нельзя было взыскивать».⁷ «Английское правительство вписало мое имя в свои черные списки, - пишет Троцкий, - еще, должно быть, во время моей работы во Франции».⁸ Несомненно, что инициатором ареста была именно Англия. Ее правителей беспокоило заявление Ленина о том, что войне «необходимо положить конец какими бы то ни было средствами и какою бы то ни было ценой».⁹ Приезд в Россию Троцкого и Ленина, как апологетов заключения скорейшего мира, был чрезвычайно опасен, особенно в условиях «крайне неблагоприятного экономического положения», когда для общественности стал абсолютно очевиден «крах народного хозяйства под влиянием войны».¹⁰

Английский посол неоднократно высказывал Временному правительству собственное мнение в отношении влияния большевиков на военный вопрос и подчеркивал при этом, что «Россия никогда не выиграет войны, если Ленину будет разрешено продолжать возбуждать солдат к дезертирству, к захвату земли и к убийствам».¹¹ Посол тем самым давал понять, что правительство не может рассчитывать на полную поддержку Англии, как политическую, так и финансовую, до тех пор, пока большевикам будет позволено вести антивоенную пропаганду. В это время мало кто осознавал серьезную угрозу со стороны большевиков. Большинство считало, что большевики, захватив власть, смогут ее лишь ненадолго удержать в своих руках. Возможность подобного развития событий рассматривали как промежуточный вариант между «слабым» правительством Керенского и «нормальной» военной диктатурой. Бьюкенен подчеркивал номинальность правительства Керенского и отмечал, что уже вряд ли будет хуже. «Даже если оно уступит дорогу большевикам, то последние не будут в состоянии продержаться долго и рано или поздно вызовут контрреволюцию»,¹² - был уверен английский посол.

Тем временем, сами большевики активно использовали союзников и их стремление удержать Россию в войне для того, чтобы увеличить число своих сторонников. 10 октября 1917 г. в резолюции Московской городской

конференции РСДРП(б) о необходимости создания рабоче-крестьянского правительства и приведения революционных сил в боевую готовность было выражено подозрение, что Временное правительство собирается переехать в Москву по сговору с союзниками, чтобы немцы захватили Питер, и большевистское движение было подавлено. Несомненно, союзническая дипломатия пыталась помочь Временному правительству остаться у власти. Незадолго до прихода к власти большевиков союзные миссии пытались подсказать правительству Керенского способ сохранить власть в своих руках до созыва Учредительного собрания, вопреки имеющейся у дипломатов информации о том, что уже порядка «80% русского народа тяготеет к Ленину».¹³

Союзные военные атташе во главе с руководителями американского Красного Креста на встрече с представителями Керенского и военного министерства 20 октября предложили им опереться на популярные лозунги большевиков и «перехватить инициативу в решении аграрного вопроса».¹⁴ Этот вариант, вероятно, мог бы удержать на какое-то время правительство Керенского у власти. Английский военный атташе на этой встрече заявил, что «не заинтересован в укреплении позиции Керенского».¹⁵ Альфред Нокс и раньше был сторонником силовой политики в России, но до поры он все же не позволял себе подобных резких заявлений в присутствии официальных лиц государства, при котором он был аккредитован. В конце октября 1917 г. он провел ряд встреч с представителями силовых структур, видимо подыскивая приемника генералу Л. Г. Корнилову. Одним из возможных кандидатов был Б. В. Савинков. Необходимость введения в России военной диктатуры теперь уже не вызывала у Нокса сомнений.

Из-за усилившихся беспорядков и неустанных предупреждений о скором выступлении большевиков, правительство было вынуждено усилить охрану английского посольства уже 21 октября 1917 г. отрядом кадетов из военного училища. Наряду с этим официальные лица продолжали уверять английского посла, что ситуация под контролем, а сам Керенский заверял, что у него хватит сил и решительности расправиться с большевиками, как только они выйдут на улицу. 25 октября 1917 г. большевики вышли на улицу, но расправы не последовало. Ожидаемые Керенским воинские части с фронта не прибыли, да и сам он в срочном порядке покинул Зимний дворец и Петроград. А для английской дипломатии в России начался новый этап взаимоотношений с новыми органами власти.

Никто из дипломатических представителей не покинул столицы, хотя существовала реальная угроза, как для жизни самого посла, так и членов посольства и английских миссий, находившихся в Петрограде.¹⁶ Несмотря на то, что признания новой власти не последовало, английское посольство в Петрограде и консульство в Москве продолжали свою работу. Так или иначе, вступить с большевиками в контакт было необходимо, хотя бы ради решения некоторых текущих вопросов, «что представлялось существенно важным в

интересах союзных колоний».¹⁷ В целом, в отношении характера английской политики в России, а соответственно и поведения ее дипломатических представителей, приход большевиков к власти не играл решающей роли. Переход в политике британской дипломатии к поддержке тенденции установления в России военной диктатуры наметился еще в августе 1917 г. Но если раньше британские дипломаты лоббировали эту идею перед официальной властью, октябрьские события лишь переключили их деятельность в оппозицию правительству, легитимность которого тоже была относительна.

¹ Никипин Б. Роковые годы. (Показания участника). Benson, 1987. С. 57.

² Троцкий Л. Моя жизнь. М., 2001. С. 277.

³ Там же.

⁴ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата; Воспоминания, мемуары. М., 2001. С. 283.

⁵ Там же. С. 281.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 266.

⁸ Троцкий Л. Указ. соч. С. 282.

⁹ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 298.

¹⁰ Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». М., 2002. С. 106.

¹¹ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 281.

¹² Там же. С. 354-355.

¹³ Старцев В.И. Крах Керенщины. Л., 1982. С. 207.

¹⁴ Колоницкий Б.И. Британские миссии и А.Ф. Керенский (март - октябрь 1917 г.) // Россия в XIX - XX вв. Сб. ст. СПб., 1998. С.64. Так же, см.: Старцев В.И. Указ. соч. С. 206-207; Он же, Революционный 1917-й // Драма Российской истории: большевики и революция. М.: Новый хронограф, 2002. С. 218; Игнатьев А.В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февр. - окт. 1917 г.). М.: Наука, 1966. С. 377-378; Ганелин Р.Ш. Россия и США. 1914 -1917. Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969. С. 392-394.

¹⁵ Революционное движение в России в августе 1917г. Разгром корниловского мятежа. М.: Изд.акад.наук СССР, 1959. № 480. С. 472.

¹⁶ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М.: ТЕРРА, 1996. С. 412-415.

¹⁷ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 360-362.

Бузун Дмитрий Николаевич (Республика Беларусь)
заведующий лабораторией белорусской национальной культуры
Латышева Виктория Александровна (Республика Беларусь)
кандидат исторических наук, доцент
Белорусский государственный университет

СПИСКИ «ВОИНЫ-ЗЕМЛЯКИ, КОТОРЫЕ ПОГИБЛИ ИЛИ ПРОПАЛИ БЕЗ ВЕСТИ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ» В БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОЧНИКА

Одним из объединяющих элементов для ряда стран постсоветского пространства является общая память, воплощенная на страницах многотомной пережитой вместе истории. Особое место здесь занимает тема Великой

Отечественной войны и формы организации памяти о ней. Очевидность этого подчеркивает и широкий круг вопросов, связанных с именами и судьбами тех, кто не вернулся с полей сражений и отстаивал свою Родину как в рамках профессионального, так и гражданского долга. Очевидны здесь сохраняющие свою ценность морально-этический аспекты, вопросы исторической памяти, коллективного самосознания. По ряду причин эта проблема приобретает свое и новое звучание в современном мире, часто она связана с изменениями, которое переживает общество, в том числе и на постсоветском пространстве, техническими и технологическими тенденциями, обуславливающими современную жизнь, а также роли истории этой войны в индивидуальном сознании нынешнего поколения.

Неслучайно одна из идей о сборе и публикации данных о погибших в Великой Отечественной войне появилась на белорусской земле. Здесь была осуществлена и одна из первых попыток, задавшая современные векторы в направлении обобщения и придания публичности данным о погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны.

Авторы издания «Памяць Беларусі» указывают, что принадлежала она такой знаковой личности, как П. М. Машеров¹. Однако только в 1985 г. идея получила свое воплощение, когда была подготовлена и опубликована первая из книг будущей серии «Память», посвященная как 40-летию Победы, так и непосредственно истории одного из районов Витебской области БССР — Шумилинскому². Далее заложенная тенденция нашла свое продолжение в рамках всесоюзного законодательства по данному вопросу, а с распадом СССР — не только на уровне отдельных молодых независимых республик, но и такой международной организации, как СНГ.

В 1990-х гг. в Республике Беларусь было начато масштабное издание книг серии историко-документальных хроник «Память» (здесь и далее курсивом отмечены элементы представленного текста в переводе с белорусского языка) по районам республики. Оно было посвящено локальной истории каждого районного центра Беларуси в отдельности, начиная от «археологического» периода на их территориях и заканчивая современностью на момент подготовки и выхода издания.

Основными источниками здесь выступили документы из государственных и личных архивов, воспоминания участников тех или иных событий из жизни района и страны, массив публикаций из средств массовой информации, а также ряд опубликованных научных исследований. Представленный массив основных источников позволил авторам изданий не только обобщить, а зачастую и реконструировать локальную историю районных центров, и персонифицировать ее в наиболее наполненных трагизмом событиях XX в. В частности, были составлены и опубликованы списки сограждан, которые стали жертвами сталинских репрессий, земляков, погибших в «советско-финляндскую» войну, а также тех, кто погиб в Афганистане. Однако в структуре каждой из книг естественным образом был

отдельно выделен период, отражающий историю белорусских населенных пунктов, пережитую ими в годы Великой Отечественной войны, как отмечается в предисловиях к большинству изданий, «один из основных разделов книги».

Следует отметить, что для так называемых «западных» районов Беларуси более актуальной оказалась подача этого материала в контексте Второй мировой войны, когда нижняя хронологическая граница раздела могла начинаться с осени 1939 г. Напомним, что именно в этот период в состав БССР были включены территории Западной Беларуси, утратившие свою принадлежность белорусской республике по Рижскому мирному договору с 1921 г., как и в случае с территорией Западной Украины для УССР. Однако данный материал зачастую нашел свое отражение в совершенно других тематических разделах, хронология которых предшествует 22 июня 1941 г.

В целом, именно работа, посвященная наполнению материалом раздела по периоду Великой Отечественной войны по различным районам Беларуси, смогла объединить колоссальное число не только исследователей, но и мобилизовать гражданскую инициативу. Среди тех, кто оказывал помощь специально созданным районным комиссиям по сбору, подготовке и уточнению материалов для издания книг, можно встретить целые учреждения, организации, а также частных лиц.

В результате проведенной колоссальной работы большинство книг содержат в разделе, посвященном Великой Отечественной войне, ряд различных тематических поименных списков тех, кто пережил катастрофу оккупации, ужас войны, и тех, чьи жизни эта война забрала. Таким образом, сегодня представлены в соответствующих списках в книгах из серии «Память» имена уроженцев районов, членов партизанских отрядов, их командиров, Героев Советского Союза, свидетелей преступлений оккупационного режима и т. д.

Особым трагизмом наполнены списки тех граждан Советского Союза, жизнь которых унесла война. Исходя из структуры публикации данных о них, очевидна дифференциация их в общественном сознании на жертв оккупационного режима и погибших военнослужащих.

В первом случае, где речь идет о такой категории как жертвы оккупационного режима, очевидно, что информационный массив, включает в себя данные в преобладающем большинстве о гражданском населении. Так, публикации содержат следующие названия списков, которые отражают их имена: «Жертвы войны», либо «Погибшие подпольщики, партизаны, лица, которые содействовали партизанскому движению и подполью, члены их семей и мирные жители», либо «Погибшие участники коммунистического подполья, партизаны, лица, которые активно содействовали партизанскому движению и коммунистическому подполью, члены их семей, жители партизанских зон и районов, которые подверглись фашистскому террору» и т. д.

Во втором случае речь идет о персонификации такой категории как военнослужащие. Однако анализ структуры представления данной категории

отражает востребованность в обществе не только ее персонификации, но и дифференциации военнослужащих как социальной группы.

В частности, отдельно были составлены и выделены порайонно списки из числа тех военнослужащих, кто погиб при обороне и освобождении каждого из населенных пунктов на территории Беларуси. Таким образом, в разделе книг, посвященном Великой Отечественной войне, сегодня можно найти соответствующие списки, которые в зависимости от редакции носят следующие названия: «Имена на обелисках», либо «Воины Красной Армии, захороненные на территории... района» и т. п. Эти списки содержат данные, в том числе, об уроженцах практически всех бывших республик Советского Союза, кто обрел вечный покой на белорусской земле. Структура их отражает в большинстве случаев имя, фамилию, отчество, может быть указано место рождения, род войск, звание, дата гибели. Места захоронения большинства из погибших указаны также, в ряде случаев публиковались и фотографии с изображением памятных знаков, мемориалов и других обозначений мест коллективной памяти об этих людях. Отметим, что происхождение данных списков имеет, в том числе, и характер локальности: захороненные военнослужащие погибли именно там, где сегодня мы имеем историю подготовки публикации источников, пусть и в виде списков о них.

В ряде случаев по некоторым районам эти списки были опубликованы на русском языке, что возможно, расширяет дальнейшую работу с ними, например, для родственников из бывших советских республик, которые занимаются поиском или уточнением данных о своих погибших близких из числа военнослужащих. Одной из перспектив дальнейшего использования указанного материала видится привлечение его как самостоятельного информативного массива, а также массива, способного уточнять и детализировать данные о военнослужащих, известные из других источников.

Для формирования современного представления о качественно-количественном характере данных о погибших и пропавших без вести земляках из числа военнослужащих на момент подготовки публикаций был избран документальный массив местных военкоматов о призванных на фронт. Именно этот массив лег в основу подготовки к публикации в книгах «Память» списков «Воинов-земляков, которые погибли или пропали без вести на фронтах Великой Отечественной войны».

Указанные списки, как и предыдущие, о которых шла речь выше, носят характер поименных. Они в большинстве случаев отражают судьбы погибших либо пропавших без вести, среди которых рядовые и командиры, встречаются данные о партизанах, а также данные о медицинских работниках от санитаров до врачей. Шаблон соответствующих записей включает в себя следующие данные: фамилия, имя, отчество, место и дата рождения, место, дата смерти либо указание на то, что военнослужащий пропал без вести. К сожалению, встречаются записи, содержащие лишь фамилию. Либо наоборот, когда данные обогащаются и сведениями, например, о призыве в Красную Армию. Все

списки по районам зачастую снабжены фотографиями некоторых из тех лиц, о которых идет речь, публикацией их писем или отрывков из них, реже встречаются выдержки из соответствующих объекту внимания архивных документов. Примечательно, что в некоторых случаях эти списки включают в себя данные о погибших или пропавших без вести и в 1939 г., и 1940 г. Язык большинства из опубликованных списков — белорусский.

Структурирование информации имеет привязку к предвоенному административно-территориальному делению. Такой подход позволяет проводить локализацию в рамках белорусских района, сельского совета, города, поселка, деревни. Однако в ряде случаев, известным может быть только район, в котором родился будущий военнослужащий, в дальнейшем погибший или пропавший без вести. Чаще всего эта информация была обнаружена в последующие послевоенные десятилетия случайно, источником ее комплектования не являются документы местных военкоматов. Благодаря сознательности обнаруживших подобную информацию исследователям и тех, кто таковыми не является, но активно интересуется историей своей семьи, она становилась известна, в том числе, и определенным органам на местах. Именно подготовка материалов для издания книг «Память» способствовала включению этой информации в общий массив наших знаний сегодня о рассматриваемой категории, чаще отраженной в специально созданных списках, как «Жители района, погибшие на фронте, точное место рождения, которых не установлено». Например, такая судьба у информации о всего лишь нескольких погибших и пропавших без вести военнослужащих из Червенского района (Минская область)³. Однако в границах отдельно взятой семьи, как и общества в целом, не вызывает сомнения важность восстановления имени каждого.

Кроме того, очевидно отражение и другой определенной динамики за послевоенные годы: при последующих изменениях происходившими с населенными пунктами в списках может указываться, что населенный пункт или сельский совет, например, уже не существует (на момент подготовки книги) либо были внесены изменения в названия и т. п. В некоторых случаях есть возможность получить информацию отдельно о «Погибших воинах-земляках — уроженцев деревень... сельских советов, которые отошли к... району». Очень показательна в этом случае судьба данных более чем о 200 погибших и пропавших без вести военнослужащих. В середине 1980-х гг. в результате территориальных изменений некоторые из деревень Бешенковичского района вошли в состав Шумилинского (Витебская область). Однако на этот момент книга «Память»⁴ по последнему из указанных районов уже была подготовлен. По Бешенковичскому району подобное издание увидело свет в 1991 г., когда эти деревни уже не входили в состав района. Авторами была решена задача в рамках составления отдельного списка «Погибшие воины-земляки — уроженцы деревень Бешенковичского и Ковляковского сельских советов, которые отошли к Шумилинскому району»⁵. Таким образом,

данные и об этих военнослужащих сегодня сохранены, опубликованы и доступны.

Основной источник комплектования списков — массив документов местных военкоматов, обуславливает еще одну из особенностей этих списков: они комплектовались на основе данных о призыве. Таким образом, по ряду причин они включают в себя не только уроженцев Беларуси и даже ее жителей. Среди имен военнослужащих, вошедших в списки, выходцы практически из всех бывших республик СССР. Стоит отметить, что наиболее «пестрым» в этом плане оказался Минск. Истории современной столицы Беларуси в рамках подготовки и издания книг серии «Память» было посвящено 4 книги. Последняя из них, четвертая, и содержит рассматриваемые выше списки⁶. В некоторых случаях книги «Память» имеют отдельные списки, такие как «Воины Красной Армии, уроженцы других областей, призванных в армию... военкоматом, которые погибли или пропали без вести на фронтах Великой Отечественной войны»⁷. Таким образом, как и в случае с информацией из таких списков, как «Воины Красной Армии, захороненные на территории... района», перспективой может быть и дальнейшее использование указанного материала в качестве привлечения его как самостоятельного информативного массива, а также массива, способного уточнять и детализировать данные о военнослужащих, известные из других источников в отношении всего постсоветского пространства.

Очевидно, что подготовка списков к изданию в рамках книг серии историко-документальных хроник «Память» по районам страны смогла отразить ту динамику, которая происходила с данными, сегодня их наполняющими, практически за все послевоенные десятилетия. Кроме того, следует учесть, что работа по их подготовке была связана с проверкой и уточнением информации, которая первоначально образовывалась там, где родились и проживали люди, о которых в них идет речь, там, где и после их смерти оставались небезучастные родственники и родные.

Естественным образом, рассматриваемый источник не может претендовать на восстановление полной картины произошедшего в отношении военнослужащих за годы войны. Однако актуальна необходимость дальнейшего развития данных, наполняющих этот источник. Сегодня эта возможность связана с информационными технологиями и Интернет-пространством, что позволяет решить проблему путем придания информации большей степени открытости и доступности, повысить информативность источника.

Одним из путей в этом направлении представляется создание и наполнение на основе указанных выше списков погибших и пропавших без вести военнослужащих соответствующей по названию базы и ее размещение в сети Интернет — «Воины-земляки, которые погибли или пропали без вести на фронтах Великой Отечественной войны». Специфика структуры информации из списков определила архитектуру разрабатываемой базы, как и возможность

поиска в рамках ее элементов. Кроме того, в условно закрытой части базы имеется возможность воспользоваться полнотекстовым поиском. Соответственно, при формировании поисковой выдачи будет анализироваться вся информация базы. Доступ к ней был организован в тестовом режиме на официальном сайте исторического факультета Белорусского государственного университета⁸.

Анонсирование в средствах массовой информации базы данных и ее работа даже в тестовом режиме подчеркнули ее актуальность и возможность дальнейшего развития самого информационного массива: от родственников погибших или пропавших без вести военнослужащих стали поступать данные, которые в силу разных причин не были опубликованы в рамках соответствующих списков и не были обнаружены, в том числе, в обобщенном банке данных «Мемориал»⁹. Полученная информация с должной пометкой также стала размещаться в базе.

Несмотря на существование очень значимых и масштабных проектов, реализующих подобные идеи, они, как представляется, сегодня в целом должны работать на общее дело: сохранять, организовывать, популяризировать, развивать наши знания, в том числе о тех, кто погиб или пропал без вести в годы Великой Отечественной войны, войны, память о которой сегодня должна объединять.

¹ Памяць Беларусі: 1941–1945: рэспубліканская кніга / рэдкалегія: Г.П. Пашкоў (галоўны рэдактар) і інш. Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 2005. С. 6.

² Память: Историко-документальная хроника Шумилинского района: К 40-летию победы над фашистской Германией. Минск: Белорус. сов. энц., 1985. 520 с.

³ Памяць: Чэрвеньскі раён: гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / [укладальнікі: Г. М. Аўласенка, З. І. Малейка і інш.]. Мінск : БелТА, 2000. 621 с.

⁴ Память: Историко-документальная хроника Шумилинского района: К 40-летию победы над фашистской Германией. Минск: Белорус. сов. энц., 1985. 520 с.

⁵ Памяць: Гіст.-дак. хроніка Бешанков. р-на / Беларус. Сав. Энцыкл.; Рэдкал.: І.П. Шамякін і інш. Мн.: БелСЭ, 1991. 423.

⁶ Памяць: Гіст.-дак. хроніка Мінска. У 4 кн. Кн. 4-ая. Мн.: БЕЛТА, 2005. 912 с.

⁷ Памяць: Ліда. Лідскі раён: Гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / Рэдкал.: Баранаў В.Г. і інш. Мн.: Беларусь, 2004. 565.

⁸ Информационно-справочная база о солдатах и партизанах Беларуси, погибших или пропавших без вести во время Второй мировой войны // Официальный сайт исторического факультета Белорусского государственного университета. URL: <https://hist.bsu.by/2ww> (дата обращения 01.02.2019 г.).

⁹ Обобщенный банк данных «Мемориал». URL.: www.obd-memorial.ru (дата обращения 01.02.2019 г.).

Бычков Максим Алексеевич

кандидат исторических наук, доцент
Московский экономический институт

КУМАН НА ГЭЛ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ИРЛАНДИИ В 1922 – 1932 ГГ.

6 декабря 1921 г. был подписан англо-ирландский договор (Договор 1921 г.), согласно которому графство Ольстер оставалась под властью английской короны, а на остальной части острова Ирландия образовывалось Ирландское свободное государство. 6 января 1922 г. договор был ратифицирован ирландским парламентом. Ирландское свободное государство (ИСГ) получало статус доминиона, что означало предоставление широкой внутренней автономии при сохранении подчинения Лондону в вопросах внешнеполитического и внешнеэкономического характера.

Однако Договор 1921 г. расколол ирландское общество. Президент непризнанной Ирландской республики Имон Де Валера в знак протеста подал в отставку. Президентом ИСГ был избран Артур Гриффит, а премьер-министром – Майкл Коллинз. Однако после их смерти в 1922 г. место главы государства и правительства занял Уильям Томас Кострейв.

Хронологически период ИСГ охватывает временной промежуток с 1922 по 1949 гг., но её первый подпериод с 1922 г по 1932 г. неразрывно связан с деятельностью политической партии Куман на Гэл.

В отечественной исторической науке рассматриваемый период ирландской истории анализировался в работах Колпакова А.Д. и Поляковой Е.Ю., однако объектом специального научного исследования он не стал. Данная проблематика была рассмотрена в монографии Колпакова А.Д. «Ирландия – остров мятежный»¹, а также в главах XI и XII коллективной монографии «История Ирландии»². В первой работе Колпаков А.Д. даёт развернутый фактический материал, им описываются социальные группы (буржуазия, горожане, рабочие, крестьяне) и социальные институты (церковь, армия, бизнес), а также взаимодействиями между ними. ИСГ оценивается им как период английского неокolonизма, акцентируется внимание на анализе развития рабочего и крестьянского движения, а также на формирование и развитие революционных групп 20 – 30х гг. XX в. Во второй работе Колпаков А.Д. даёт более сжатое описание ИСГ и его анализ. Он отмечает, что «основной целью социально-экономического и политического курса Ирландского свободного государства являлось упрочнение позиций наиболее умеренных группировок ирландской национальной буржуазии, заинтересованных в сохранении тесных связей с британским империализмом, обеспечение ограниченного, «участкового» развития национального капитализма с упором на близкую к монокультурной экономической специализации»³. Далее он

оценивает политику правящих кругов как «проимпериалистическая и антинациональная»⁴.

В монографии Поляковой Е.Ю. также представлено описание ирландской истории рассматриваемого периода⁵, в отличие от Колпакова А.Д. её оценки очень сдержанные. Во многом это было обусловлено изменениями в методологии исторических исследований, произошедших в отечественной науке в 90-е гг. XX века.

В контексте исследования ИСГ авторы обращались к тематике роли Куман на Гэл в истории страны. Колпаков А.Д., указывая на социальный состав политической партии, отмечает, что «её ядро составляли крупные и отчасти средние собственники в городе – бывшие правые шинфейнеры и примкнувшие к ним юнионисты, в деревни – крупные капиталистические фермеры-кулаки и рэнчеры-скотоводы. Вокруг новой партии сплотилось католическое духовенство, чиновники, армейское, а также полицейское офицерство»⁶. Полякова Е.Ю. отмечает, что «в период правления Куман на Гэл были заложены основы ирландской государственности: принята конституция, сформированы парламент и партийная система, созданы органы управления и судебной власти. Однако в политическом и экономическом отношении страна находилась в орбите Великобритании»⁷. В качестве характерной черты ИСГ она определяет «социально-экономический консерватизм», «стремление не к новаторству, а к преемственности в экономике и социальной сфере»⁸.

Первые годы существования ИСГ были осложнены Гражданской войной 1922 – 1923 гг., отзвуки которой слышались на протяжении всех 30-х гг. XX века. В экономике сохранялось господство британского капитала, который, с одной стороны, сильно сдерживал развитие ирландской национальной экономики, а, с другой, являлся одной из основ её существования. Естественная необходимость достижения государством политической и экономической стабильности склоняло правительство к «управлению Ирландией на британский манер с дополнением ирландского языка в образовании и социальной сфере»⁹. Идейной основой ИСГ становится опора на католичество, которое в данном контексте выступало как традиционная для ирландцев религия, и как и модель социального развития. Ирландский епископат запретил представителям церкви с кафедры выражать поддержку противникам установленного политического режима, нарушавшие этот запрет подвергались запрещению в церковном служении¹⁰. Отечественная историческая наука обычно объясняла это связями между епископатом и ирландской элитой, которым было экономически выгодно поддерживать нормальные отношения с Великобританией. С одной стороны, это сложно однозначно отрицать, а, с другой, епископат всё-таки исходил из идеи постепенного и мирного получения Ирландией независимости. Правительство У. Косргейва, видя согласие церкви с доминиональным статусом страны, рассматривало её как естественного союзника и важную социальную силу, способную в сложных условиях существования государства, проведения политики «дешевого государства»

могла гармонизировать общественные отношения. В свою очередь это определило особое положение католической церкви, которая получила в сферу своего контроля образование, семейные отношения (в 1926 г. законодательно были запрещены разводы), печать (в 1926 г. была законодательно закреплена цензура в печати) и кинематографию (в 1923 г. установлена цензура кинофильмов).

Одновременно руководством ИСГ 16 июня 1922 г. был обнародован текст конституции страны, в 1924 г. проведена кардинальная реформа государственного управления¹¹. В то же самое время сохранение активности антиправительственных групп заставляло правительство проводить жёсткую политику подавления¹²

Правительство У. Косгрейва смогло с 1 января 1926 г. организовать постоянное радиовещание, регулярные спортивные игры (Тайлтеаннские игры (Tailteann Games), ирландский аналог Олимпийских), впервые они были проведены в августе 1922 г.¹³ В 1927 г. был реализован проект создания гидроэлектростанции на реке Шэннон, что положило начало электрификации различных сфер ирландской экономики.

Внешняя политика ИСГ была направлена, с одной стороны, на сохранение отношений с Великобританией, а, с другой, на получение мирового признания в качестве самостоятельного политического субъекта. Первое выразилось через поддержку английского капитала, а также посредством участия в регулярных конференциях Британской империи. Второе было реализовано в получении статуса члена Лиги Наций в 1923 г. В целом внешнеэкономическая деятельность правительства У. Косгрейва носила довольно осторожный характер: желая вести самостоятельную политику, оно стремилось не входить в конфликт с Лондоном. Последняя тенденция часто даже брала вверх, что ярко проявилось в том, что правительство согласилось с решением Пограничной комиссии 1924 г. об отказе ИСГ от провинции Ольстер, в том числе от графств Тирон и Фермана (где большинство составляли католики) в пользу протестантской Северной Ирландии. В то же время сохранение статуса доминиона Британской империи и регулярное участие в Имперских конференциях позволило не только приобрести дипломатический опыт, но и установить тесные экономические и политические отношения с другими британскими доминионами (с Канадой и с Южноафриканским Союзом).

Правительство У. Косгрейва проводило социально-экономическую и административную политику, ориентируясь фактически на английскую модель развития. Несмотря на сохранение низкого уровня жизни населения в условиях реализации «дешёвого государства», правительство смогло заложить основы развития старых и открытия новых отраслей промышленного производства.

Социально-экономическая и политическая стабилизация страны меняло обстановку в обществе: консервативный курс Куман на Гэл постепенно начинал терять свою привлекательность. Политика У. Косгрейва была

ориентирована на стабилизацию ирландского общества, преодоление гражданской войны 1922 – 1923 гг., восстановление экономики и социальной сферы. Компромисс, на который шло его правительство в отношении с Великобританией, часто граничил с предательством национальных интересов страны, но в то же самое время был связан с чётким пониманием наличия у Великобритании многочисленных рычагов давления на Ирландию и, следовательно, необходимости проведения осторожной политики в отношении Лондона, но при этом политика была направлена на достижение полной политической и экономической независимости страны.

Однако ирландское общество нуждалось в новом политическом курсе, который больше сделал бы упор на развитие общества, чем на его консервацию.

В 1926 г. по инициативе И. Де Валеры была создана политическая партия Фианна Фойл, которая в своей идеологии стремилась соединить умеренный консерватизм, акцент на традиции ирландского народа (религия, язык) с идеями качественных прогрессивных изменений в социально-экономической сфере.

На парламентских выборах июня 1927 г. Фианна Фойл получила 44 места из 153. Несмотря на скромный результат, она смогла потеснить Куман на Гэл, получившую 46 мест в парламенте. В январе 1932 г. в результате парламентских выборов Фианна Фойл получило большинство голосов, и её руководитель И. Де Валера занял пост премьер-министра. В ирландской истории начался новый период.

Таким образом, рассмотрев и проанализировав роль политической партии Куман на Гэл в истории Ирландии, можно сделать определенные выводы.

Куман на Гэл стала политической организацией, которая объединила сторонников Договора 1921 г., предложила буржуазно-демократическую, социально-реформистскую модель общественного развития. С одной стороны, она делала сильный акцент на возрождение ирландской культуры, усиление влияния католической церкви, а, с другой, проводила мероприятия, направленные на создание полноценной национальной экономики. Внешняя политика несмотря на то, что носила осторожный пробританский характер, была вполне прагматичной и преследовала цель достижения полной политической самостоятельности страны.

В результате Куман на Гэл сыграла сложную, но положительную роль, создав политическую и социально-экономическую базу для последующего поступательного движения Ирландии в сторону независимости.

¹ Колпаков А.Д. Ирландия – остров мятежный. М., Наука, 1965. С. 68 – 157.

² История Ирландии // Отв. ред. Л.И. Гольман. М., Мысль, 1980. С. 320 – 350.

³ Там же. С. 320.

⁴ Там же. С. 324.

⁵ Полякова Е.Ю. Ирландия в XX веке. М., КДУ, 2009. С. 69 – 88.

⁶ История Ирландии // Отв. ред. Л.И. Гольман. М., Мысль, 1980. С. 320.

⁷ Полякова Е.Ю. Ирландия в XX веке. М., КДУ, 2009. С. 75.

⁸ Там же. С. 76.

⁹ O'Beirne Ranelagh J. A short history of Ireland. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1983. P. 210 – 211.

¹⁰ Murray P. Oracles of God. Dublin. University College Dublin Press, 2000. P. 27.

¹¹ O'Beirne Ranelagh J. A short history of Ireland. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1983. P. 212 – 213.

¹² Meehan C. The Cosgrave party. A history of Cumann na nGaedheal, 1923 – 1933. Dublin, Graficas Iratxe, 2010. P. 36 – 37.

¹³ Ibid. P. 44 – 46.

Васильев Владимир Геннадьевич

Председатель Совета молодых ученых

Кугай Александр Иванович

доктор философских наук, профессор

Северо-Западный институт управления филиал РАНХиГС

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА: КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ 21 ВЕКА

В настоящее время государственные органы Российской Федерации используют новые технологии и методы для взаимодействия и информационного обмена с гражданами страны. Отсутствие возможности получать оперативную информацию в доступной форме о своем правовом статусе и правовом положении является нарушением конституционных прав граждан, поскольку создает необоснованные и недопустимые препятствия в их реализации. Это существенно ограничивает возможность граждан и иных заинтересованных лиц в совершении необходимых для реализации их прав юридически значимых действий, в том числе препятствует эффективной защите их прав и законных интересов.

Проблема национального суверенитета в демократическом государстве не может быть решена только административными способами. Чтобы выйти из сложившейся ситуации важно воспользоваться привлечением структур гражданского общества, а так же проводить постоянную работу над созданием возвышенного уровня культуры.

Важным элементом обеспечения равного, эффективного и удаленного доступа к информации о деятельности политико-правовых режимов и правовом статусе является разрешение проблемы «информационного разрыва». Особенно ярко проблема проявляется в среде мигрантов наблюдается высокий уровень преступности. Этому способствует целый комплекс социальных проблем.

Устойчивая тенденция к информатизации современного миграционного общества и государства обуславливает необходимость развития систем обеспечения эффективного универсального и удаленного дистанционного доступа к информации о деятельности политико-правовых режимов и правовом статусе для всех заинтересованных лиц. Проведенный анализ практики развития доступа к информации о правовом статусе граждан в странах

Европейского Союза, государствах-участниках СНГ позволяет сделать вывод о многообразии вариантов развития цифрового государства в контексте миграционных процессов, в современном развитии социума (информатизации, глобализации, генезис «открытого общества»), требующей ускоренной тенденции модернизации информационно-коммуникационных технологий (далее - ИКТ) в этнополитических процессах общепринятой демократической системы власти.

Для обеспечения прозрачного и эффективного доступа граждан и иных заинтересованных лиц к информации о правовом статусе необходимо и объективно востребовано создание единой спроектированной системы доступа к информации о правовом статусе, формирование единообразных и понятных стандартов открытости информации с учетом современного цифрового управления и потребности современного общества и государства.

Система электронной миграции является качественно новым политико-правовым проектом, направленным на формирование единого информационно-правового пространства в Российской Федерации. Концепция информационно-правового пространства сформулирована в рамках научных исследований, проводимых Федеральным агентством по делам национальностей России (далее – ФАДН России) совместно с Советом молодых ученых СЗИУ РАНХиГС, Комитетом по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики Санкт-Петербурга и Союзом национальных и неолимпийских видов спорта (далее – СНИВС России).

Под электронной миграцией в данной научной статье понимается разнообразие миграционных потоков 21 века, интеллектуальных и информационно-политических ресурсов, обеспечивающих формирование информационно-правового пространства в среде мигрантов. Таким образом, идея электронной миграции состоит в нахождении меры социального дистанцирования от бесконечных бюрократических процессов «революции процессов сверху», который может приносить доход как материального, так и нематериального характера в современном демократическом обществе.

Для обеспечения прозрачного и эффективного доступа граждан и иных заинтересованных лиц к информации о правовом статусе необходимо и объективно востребовано создание единой спроектированной системы доступа к информации о правовом статусе, формирование единообразных и понятных стандартов открытости информации с учетом современных цифровых технологий и потребности современного общества и государства.

Установление единой системы гарантий и требований к технологической инфраструктуре является важным элементом обеспечения эффективного доступа к информации о правовом статусе граждан, который будет способствовать формированию «пространства доверия и открытости» на всем пространстве СНГ.

Система электронной миграции является качественно новым политико-правовым проектом, направленным на формирование единого информационно-

правового пространства в Российской Федерации. Концепция информационно-правового пространства сформулирована в рамках научных исследований, проводимых Федеральным агентством по национальностям России (далее – ФАДН России) совместно с Советом молодых ученых СЗИУ РАНХиГС, Комитетом по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики Санкт-Петербурга и Союзом национальных неолимпийских видов спорта России.

Под электронной миграцией в данной научной статье понимается совокупность информационно-коммуникационных технологий, интеллектуальных и информационных ресурсов, обеспечивающих формирование информационно-правового пространства в среде мигрантов.

Для России все большее значение приобретают процессы развития электронного правительства. Эти положения нашли отражение в государственной программе «Информационное общество (2011–2020 годы)» (далее — Программа).

Под электронным управлением в рамках данной концепции понимается создание единой системы электронных каналов в эпоху виртуальной компьютеризации мира и взаимодействия между органами публичной власти, с одной стороны, с другой стороны выступают граждане, лицами без гражданства, иностранные лица и их объединения.

Приоритеты Программы определены указами Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р), Стратегией инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р), Стратегией развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 01.11.2013 № 2036-р), Концепцией развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде (утв. Распоряжением Правительства РФ от 25.12.2013 № 2516-р), а также планом мероприятий («дорожной картой») «Развитие отрасли информационных технологий» (утв. Распоряжением Правительства РФ от 30.12.2013 № 2602-р).

Увеличение результативности управления государством и местного самоуправления, а также согласованных действий гражданского общества и коммерческих компаний с государственными органами выступает одним из приоритетных направлений совершенствования информационных технологий. Кроме того стоит отметить особенную роль некоммерческих компаний, которая

проявляется в формировании ключевых аспектов построения социальной политики совершенствования цифрового государства.

В связи с этим при использовании концепции электронной миграции управление государством в сфере миграционной политики становится более эффективным, а также способствует формированию «пространства доверия и открытости» на всем пространстве СНГ.

Результативное применение электронного управления способствует сокращению внутреннего давления в отношении политических перемен. К примеру, увеличение прозрачности реализации государственных функций, а также самого процесса голосования для снижения вероятностей коррупционных проявлений считается желаемым результатом электронного управления и признанной целью.

Благодаря широкомасштабному технологическому развитию процессов электронной миграции сокращаются транзакции бюрократической системы. У мигрантов появляется возможность получить всю необходимую информацию, не выходя из дома – посредством сети «Интернет». Таким образом, современные цифровые технологии положительно влияют на вопросы построения цифрового управления государством. Эффективное применение цифровых технологий, максимальное упрощение процесса взаимодействия мигрантов с представителями органов государственной власти способствует формированию положительного образа чиновника XXI века.

Список литературы:

1. Смирнова М.Н. Современные цифровые технологии: применение и значение для формирования эффективной системы государственного управления (на примере Санкт-Петербурга) Научные труды СЗИУ РАНХиГС. – Том 9. – Выпуск 4 (36).
2. Теплов А.В., Бельченко А.С., Кузьмина Г.В. E-government: the introduction of electronic state services in the russian federation // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: политология. – С. 38
3. Государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)». – Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. – [Электронный ресурс]: <http://minsvyaz.ru/ru/activity/programs/1/> (дата обращения: 17.02.19).
4. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». – Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – [Электронный ресурс]: <http://government.ru/docs/28653/> (дата обращения: 17.02.19).
5. Сидорова А.А. Электронное правительство: повышение общественного участия в управлении государством // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 62. – [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-pravitelstvo-povyshenie-obschestvennogo-uchastiya-v-upravlenii-gosudarstvom> (дата обращения: 17.02.2019).

Васильева Светлана Анатольевна
кандидат исторических наук, доцент
Академия ФСИН России

«ВОПРОШАТЕЛЬ» ДЖ. БЕРКЛИ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ

В 1737 году знаменитый ирландский философ, епископ Клойский Джордж Беркли опубликовал оригинальное издание «Вопрошатель, содержащий ряд вопросов, предлагаемых на всеобщее обозрение»¹, где в риторической форме задал 595 вопросов, преимущественно на тему труда, торговли и общественного благосостояния, и обобщил экономические воззрения, далеко опередившие эпоху. Эта работа не получила широкой известности среди российских исследований философии и научного творчества ученого эпохи Просвещения. Полностью «Вопрошатель» никогда не переводился на русский язык, в академичном переводе трудов Беркли (издание академии наук СССР 1978 года) представлены всего 14 вопросов², в основном на тему экономики и торговли. В данной статье мы обратимся к размышлениям философа на предмет организации принудительного труда осужденных как средства наказания и исправления.

Современная автору система мер борьбы с преступностью практиковала различные формы уголовного наказания, самыми востребованными из которых были смертная казнь и высылка в американские колонии. Очевидным представляется стремление властей избавиться от неугодных членов общества, «санировать» свои ряды путем физического или географического устранения преступников. Однако, в течение века разрозненные движения аболиционистов смертной казни, многочисленные кампании по «исправлению нравов», парламентская борьба за тюремную реформу привели к кардинальной трансформации системы английского уголовного правосудия. Основой будущей системы исполнения наказаний станет реформированный пенитенциарий – исправительное заведение, основанное на принципе длительного тюремного заключения с обязательным привлечением осужденных к труду. К идее принудительного труда как меры наказания или средства исправления английская общественная мысль обращалась еще с XVI века. Томас Мор в знаменитой «Утопии» высказал суждение о нецелесообразности «рубить голову» тем, у кого «нет никакого другого способа снискать пропитание», то есть о недопустимости высшей меры в отношении так называемых экономических или имущественных преступлений. Утопист поставил важнейший вопрос о социальной обусловленности преступлений и часть ответственности за их совершение возложил на общество и государство, которые не создали таких условий, «чтобы никому не предстояло столь жестокой необходимости сперва воровать, а потом погибать»³. Выдуманный утопистом «не маленький и вполне разумно организованный» народ –

полилериты – практиковали общественные работы как меру наказания за имущественные преступления (кражи и долги).

В своем «Вопрошателе» Дж. Беркли поднимает вопрос организации принудительного труда как с позиции меркантильного интереса, так и из соображений нравственности. Автор противопоставляет систему труда осужденных всем существующим в середине XVIII века практикам уголовного наказания, являющихся, по мнению Беркли, экономически и социально не выгодными и нравственно вредными: «Есть какой-то способ сделать преступников полезными на общественных работах, вместо того, чтобы отправлять их в Америку или любое другое место?»⁴. Проблема высылки криминальных элементов в американские колонии беспокоила общественность и правительство. В 1718 году был принят знаменитый «Акт о транспортировке», который разрешал судьям приговаривать преступников к высылке в американские колонии, нуждающиеся в рабочих руках, вместо смертной казни. С периодическими поправками этот закон действовал до 1776 года, когда объявившие независимость Соединенные штаты отказались принимать корабли с криминальными элементами. Критические доводы против данной практики зазвучали уже в первое десятилетие действия Акта о транспортировке. Британский исследователь Джон Битти, проанализировав судебную практику и документацию магистратов середины XVIII века, приводит в пример многочисленные свидетельства досрочного возвращения преступников-рецидивистов в Англию⁵. Несмотря на запрет на возвращение в метрополию под угрозой смертной казни, многие каторжники, не прельстившись суровым трудом колониальной жизни, рисковали вернуться в метрополию и продолжить криминальное ремесло. К середине столетия в обществе сложилось противоречивое отношение к транспортируемым в колонии. Дж. Битти приводит аргументацию местных властей, отказывающихся от использования высылки в качестве средства наказания мелких преступников, поскольку это означало, что семья высылаемого будет оставлена на попечении прихода⁶. К аргументам против высылки добавились голоса тех, кто считал ее слишком легким способом наказания для серьезных преступников, и настаивал на том, что транспортировка утратила главную цель – наказания и устрашения. Путешествие в Америку становилось более быстрым и менее опасным, чем в предыдущее столетие, колониальный быт был относительно налажен, а преступники, ведущие процветающую жизнь в колониях, обрастали легендами. Битти приводит высказывания современников в обоснование прямой связи между заманчивыми перспективами колониальной жизни и «процветанием Нового света» и всплеском преступности в Старом свете⁷. «Не слишком ли часто преступники избегают наказания, ведь тем самым их поощряют к преступлениям те, кто должен вершить правосудие», – в подтверждение этого факта «вопрошает» Беркли.

Негативно оценивая практику высылки, Дж. Беркли ставит вопрос о создании рабочих мест внутри страны «по опыту других народов». В 1726 году

в парламент была направлена анонимная петиция, где обращалось внимание на практику «Голландии и некоторых других мест, где должникам дозволено отрабатывать свой долг, а по истечении наказания получить свободу и даже средства к существованию»⁸. У Беркли также встречается предложение позволить должникам, не лишая их свободы, отработать свой долг: «Можем ли мы создавать для них [преступников – *C.B.*] рабочие места, по опыту других наций? Разве принудительное заключение, при котором он накормлен, одет и должен работать не будет предпочтительнее для него? Могут ли преступники, не лишаясь свободы, возместить ущерб, нанесенный обществу, путем тяжелого труда?»⁹. Организация труда осужденных, по мнению автора «Вопрошателя», не только возместит ущерб, нанесенный преступлением, но и будет способствовать формированию трудовых навыков и привычки к честной жизни.

В течение XVIII столетия поиск форм наказания, альтернативных смертной казни, постоянно актуализировал дискуссию о главных целях уголовного наказания, а также о соразмерности наказания совершенному преступлению. Выдающимся творением философско-правовой мысли, обобщившим разнообразную аргументацию, стал трактат итальянского ученого Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях» (1767). «Цель наказания, – писал Беккариа, – заключается не в чем ином, как в предупреждении новых деяний преступника, наносящих вред его согражданам, и в удержании других от подобных действий. Поэтому следует применять такие наказания и такие способы их использования, которые, будучи адекватны совершенному преступлению, производили бы наиболее сильное и наиболее длительное впечатление на души людей и не причиняли бы преступнику значительных физических страданий»¹⁰. Удивительные параллели мы встречаем в «Вопрошателе», созданном на три десятилетия раньше трактата итальянского правоведа. «Не станет ли подневольное состояние, цепи и многолетний тяжелый труд более серьезным, а также более адекватным наказанием для преступников, чем даже сама смерть?; Разве взгляд на преступников, скованных парами и удерживаемых на каторжных работах, не будет назидательным для толпы?; Неужели в Англии, где грабители так ожесточены, что не боятся страха смерти, где неуклонно растет число грабежей и взломов, не ощущается ежедневная необходимость в организации такой системы?; Не правда ли, что легче предотвратить, чем исправить, почему бы не учиться на примерах других? Разве большинство из нас, дабы не отнимать у преступника жизнь, не желают наказания, соразмерного его преступлению?»¹¹.

Удивительно точно поставленные вопросы не требуют ответа, так как сами по себе являются рациональными предложениями и позволяют выделить позицию автора в отношении системы наказания и пути ее реформирования. Издание 1750 года дополнено очерком «Слово жене, или назидание Римско-католическому духовенству Ирландии», где Беркли переходит на менторский тон, обличая леность и праздность, как источник обозначенных в «Вопроснике» проблем: «Если Вам не безразлично (а это несомненно) моральное и

физическое состояние Нашего народа, или ваше собственное положение, Вы не можете не обратиться против этого вопиющего греха, поразившего нашу страну... Мы должны неутомимо проповедовать о том, что праздность – родитель множественных несчастий и грехов; леность – мать голода и сестра воровства; праздность порождает многие злодеяния...»¹². Таким образом, в «Вопрошателе» постановка проблемы организации принудительного труда приближаются к классическому меркантилизму, а резюмирующая проповедь возвращает внимание читателя к «исправительному» эффекту тяжелого труда в искоренении грехов и пороков.

¹ Berkley G. The Querist, containing Several Queries, proposed to the consideration of the public. To which is added, by the same author, a Word to the Wife or, an exhortation to the Roman Catholic Clergy of Ireland. London. 1750.

² Беркли Дж. Сочинения / сост., общ. ред. и вступительная статья И.С. Нарского. М.: Мысль, 1978.

³ Мор Т. Утопия; Кампанелла Т. Город Солнца; Бекон Ф. Новая Атлантида / пер. с лат. А. Малеина, Ф. Петровского; пер. с англ. З. Александровой. СПб: Азбука, 2017. С. 23.

⁴ Berkley G. Op. cit. P. 6.

⁵ Beattie J.M. Crime and the Courts in England 1660-1800. Oxford: Clarendon Press, 1986. P. 540.

⁶ Ibid. P. 470, 483.

⁷ Ibid. P. 521, 538.

⁸ Reasons against confining persons in prison for debt humbly offer'd to the consideration of the Parliament ...: to which is added The case of insolvent debtors now in prison. Westminster: Printed by A. Campbell, 1729.

⁹ Berkley G. Op. cit. P. 7, 40.

¹⁰ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Международные отношения, 2000.

¹¹ Berkley G. Op. cit. P. 40, 41.

¹² Ibid. P. 79.

Вахромеева Оксана Борисовна

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЯПОНСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК И КЛАССИФИКАЦИЯ «МУКАСИ-БАНАСИ» В. М. МЕНДРИНА

Японские сказки бывают двух видов. Во-первых, собственно японские народные (волшебные) сказки или «мукаси-банаси» (что в переводе с японского языка означает «воспоминание о прошлом»); они неотъемлемая часть мифов, легенд и истории Японии; их сюжеты и мотивы отражают основы традиционного японского общества, его житейские устои и социальные закономерности. Во-вторых, японские легенды или «дэнсэцу». Часто их дополняет третий фольклорный источник — короткие рассказы или «отоги-дзоси».

Первое знакомство юных русских читателей с японской народной сказкой произошло в XIX в. В 1870 г. писатель Л.Н. Толстой (1828-1910), разыскивая книги для народного чтения, в «Письмах по шелководству» Ф. Чицова (С.-Петербург, 1853) обнаружил красивую японскую легенду о гусенице-шелкопряде¹, которую издал в литературной обработке в «Моей второй русской книге для чтения» под названием «Золотоволосая царевна»². Писатель пересказывал и другие японские сказки, обращая внимание на их высокохудожественные и моральные достоинства. Л.Н. Толстой, с юных лет увлекавшийся Востоком, в 1892-1910 гг. дружил с японским учёным, публицистом, философом, переводчиком, христианином и толстовцем Масутаро Кониси (1861-1940). Литературные деятели оказали заметное влияние на творчество друг друга.

Столетием ранее российская читающая публика впервые познакомилась с японским фольклором, когда в 1773 г. профессор Московского университета Иоганн Готфрид Рейхель (1727-1778) издал книгу под названием «Краткая история о японском государстве, из достоверных известий собранная»³, в которой упоминалась легенда о рыбаке Урасимо, спасшего черепаху и побывавшего на дне моря.

Систематизированные сведения о японском фольклоре стали доступны российской публике лишь в конце XIX в., когда в петербургском популярном иллюстрированном журнале «Нива» стали публиковаться различные японские сказочные повести. Самой популярной была «Повесть о старике Такэтори», древнейшая японская сказка. Её можно было встретить на страницах издания под разными наименованиями: «Принцесса Лучезарная», «Лунная девушка» или «Дочь Луны». Окончательное название сказка получила в 1935 г. («Дед Такэтори») после перевода А.А. Холодовича (1906-1977), специалиста по японскому, корейскому и китайскому языкам⁴.

Публикации в «Ниве» принадлежали Леониду Ивановичу Боровскому (1870-1906), в прошлом российскому офицеру, служившему на Дальнем Востоке, в 1890-е гг. путешественнику, картографу и писателю. Он был автором статей о Японии в словаре под редакцией Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона в 1904 г.⁵, а также издателем первой книжки японских народных сказок для детей на русском языке, которые были записаны им со слов японской няни («амы») на Дальнем Востоке на рубеже XIX-XX вв. Издание представляет собой библиографическую редкость. В книге 13 сказок: «Сказка о добром и злом стариках», «Очарованный водопад», «Сузано», «Принц Огненный луч», «Инабский заяц», «Весёлый старик или хорошо тому, что искусно танцует», «Рука людоеда», «Людоеды Ой-Ямы», «Наказанный барсук или торжество Лисёнка», «Волшебный котёл», «Рыцарь Шинагава», «Урашима», «Шиппейтаро»⁶.

В 1910 г. появилась ещё одна книга японских сказок на русском языке⁷ (систематически переиздаваемая в последнее время⁸), автором которой был японский детский писатель Суэо Ивая (1870-1933) с литературным именем

Садзанами Сандзин («Зыбь большой реки»). Её перевод осуществил Василий Мелентьевич Мендрин (1866-1920), кадровый военный, выпускник Восточного института по японскому разряду (1906 г.), слушатель Токийского императорского университета, специалист по грамматике и стилистике японского языка, переводчик 6-ти книг (из 22-х) «Истории сёгуната в Японии» Р. Саньё, знаток японской поэзии и литературы. Несмотря на то, что книга японских сказок полагалась для детского чтения, В.М. Мендрин снабдил её научно-популярными комментариями (это тем более ценно, потому что исследователь больше не касался данной тематики, а его обширный архив был утрачен в период Гражданской войны). В книге 24 сказания: «Момотаро», «Таманой», «Месть краба», «Зеркало Мацуями», «Дед Ханасака», «Оэяма», «Воробей с обрезанным языком», «Тавара Тода», «Кати-Катияма», «Кобутори», «Моногуса Таро», «Счастливый чайник», «Восьмиглавый змий», «Заяц и крокодилы», «Расёмон», «Обезьяна и медуза», «Адатигахара», «Урасима Таро», «Иссумбоси», «Кинтаро», «Хибарияма», «Кошка и крысы», «Усивакамару», «Свадьба крысы».

Отдельные японские волшебные сказки издавали известные издательские дома дореволюционной России, например, издательство И.Д. Сытина (1851-1934).

В.М. Мендрин, разбирая творчество Суэо Ивая, сумел распознать готовый легендарный, мифический, исторический, бытовой и религиозный материал под талантливой художественной обработкой. Переводчик замечал, что «большой мастер слова, умеющий пользоваться всеми ресурсами своего языка», Суэо Ивая «сумел придать легенде особый колорит художественности и, оставаясь безусловно верным исторической правде, ни на йоту, не отступая от неё, представил её в художественных, метко очерченных образах и картинах в виде художественно-литературного произведений»⁹.

Исследователь японской народной сказки, переводчица Вера Николаевна Маркова (1907-1995) писала, что вслед за Л.Н. Толстым «много потрудился над японскими сказками: Самуил Маршак, редактируя их для детского чтения»¹⁰. Книгу С.Я. Маршак издал в 1936 г., переводчиком была Н.И. Фельдман¹¹; впоследствии она не раз переиздавалась; в неё вошли следующие японские сказки: «Печень живой обезьяны», «Шишка с права и шишка слева», «Веер Тээнгу», «Настоятель и служка», «Гомбей-птицелов», «Ямори», «Дурак Ётаро», «Длинное имя»¹².

В 1929-1937 гг. в Ленинграде жил и работал крупнейший востоковед Николай Александрович Невский (1892-1937), удостоенный после своей смерти Ленинской премии (он стоит в числе многих репрессированных советских востоковедов). Учёный был уникальным специалистом по фольклору айнов и рюкюсцев (с 1915 г. после окончания Петроградского университета и до 1929 г. он непрерывно жил в Японии, собирал в том числе фольклорный материал, часть из которого была после издана)¹³.

В.Н. Маркова была прекрасным переводчиком с японского языка и знатоком японской народной сказки. Первая её книга увидела свет в 1956 г.¹⁴, последние в 2014 г.¹⁵ (переиздание с дополнениями 1965 г.). В сборник 1956 г. Вера Николаевна поместила много сказок, записанных со слов народной сказительницы Ханэиси Таниэ в 1923 г. японским исследователем Сасаки Кидзен. Некоторые сказки («Гриб-смехун», «Отчего земляные черви не поют») были взяты ею из сборника «Японские народные сказки для детей», составленного Фудзисава Морихико и изданного в Токио в 1954 г. Самую древнюю сказку («Кондзяку-моногатари») она предложила в обработке Кусуяма Масао, который сохранил всю прелесть и своеобразие народной сказки¹⁶. В книгу «Журавлиные перья» 2014 г. были включены, помимо восьми японских народных сказок, великолепные гравюры и Манга (серии из нескольких книг с путевыми рисунками); как известно, из Манга традиционно взяты черно-белые рисунки, дополняющие текст сказок¹⁷.

Филигранными переводами произведений японской словесности на русский язык в XX в. признаны работы Н.И. Фельдман-Конрад (1903-1975). Наталья Исаевна была доктором филологических наук, крупнейшим филологом-японистом, переводчиком, автором словаря и самоучителя японского языка; кроме того, она переводила и с других языков. Она была ученицей и супругой академика Н.И. Конрада (1891-1970), знатока японской литературы и культуры¹⁸.

Н.И. Фельдман-Конрад перевела и издала не одну сотню японских народных сказок. Последней её большой работой стал сборник «Веер молодости», вышедший в Хабаровске в 1987 г., впоследствии также переиздававшийся. В него вошли такие сказки: «Кэндзо — победитель», «Веер молодости», «Одноглазый и двухглазый», «Девочка, вьюн и обезьянка», «Трус Курата», «Хвастливый Гэмбей», «Рассеянный», «Храбрый Иссимбоси»¹⁹.

Параллельно с волшебными японскими сказками в России велось и ведётся изучение японских легенд и коротких рассказов. Большую работу по переводу и анализу японских легенд проделал московский исследователь, японист, доктор исторических наук Александр Николаевич Мещеряков²⁰. Знатоком и переводчиком японских коротких рассказов является петербургский исследователь, кандидат филологических наук, переводчик, сотрудник Института Востоковедения РАН Мария Владимировна Торопыгина²¹.

Японские сказки всегда издавались в России и Советском Союзе с прекрасными иллюстрациями. Так, художником книги сказок, изданной С.Я. Маршаком, был Николай Фёдорович Лапшин (1888-1942), русский живописец, книжный иллюстратор, театральный художник. Издания В.Н. Марковой иллюстрировал известный советский график Дмитрий Спиридонович Бисти (1925-1990). Н.И. Фельдман-Конрад работала в том числе с художником, иллюстратором, мастером книги Маем Петровичем Митуричем-Хлебниковым (1925-2008), награждённым в 2005 г. за свои работы японским Орденом Восходящего солнца.

Многие отечественные исследователи японской поэзии и литературы начинали свой научный путь с изучения японских сказок, одни рассматривали мотивы, другие вглядывались в образы героев (А.Р. Садокова, Т.Г. Сила-Новицкая и др.); к некоторым их трудам было обращено особое внимание²². Были те, кто популяризировал японский фольклор среди русскоязычных читателей, например, Н. Ильина издала научно-популярную энциклопедию японской мифологии²³.

Публикация «мукаси-банаси» на рубеже XX-XXI вв. переживает издательский бум, причём читателей радуют как переиздания, так и книжные новинки.

Японские волшебные сказки издавна было принято рассказывать только вечером в кругу семьи. В них говорилось об оборотнях, животных, чудесах, демонах, божествах, воинах и императорах. Сказки были страшные, чудные или смешные. Одной сказке посвящался один вечер. Рассказчик часто сопровождал свою живую речь кукольным представлением, понятным всем поколениям собравшихся, для усиления образов героев²⁴.

Классификация японских волшебных сказок напрямую связана с их мотивами, которые являются древнейшими частями изучаемых текстов, поскольку появились на заре фольклорной традиции. Мотивы «мукаси-банаси» представляют собой монолитные элементы, которые встраиваются в систему эстетического представления и бытового поведения людей. Мотивы – важный содержательный элемент сказочного текста, который можно выделить формально. Он может быть темой, идеей, образом, словом, предметом, персонажем или художественной деталью. Но при его отсутствии исчезает понимание основной концепции сказки. Таким образом, мотив – это самая простая художественная единица, часто повторяемая, необходимая для повествования или, другими словами мотивы – «неразложимые элементы текста»²⁵. Необходимо помнить, что «мотив может быть изучаем только в системе сюжета, а сюжеты могут изучаться только в их связях относительно друг друга»²⁶.

Сюжет волшебной сказки – развитие действия или ход событий в «мукаси-банаси»²⁷. Сюжеты сказок простые. В них идеально прослеживаются причинно-следственные связи, когда добрые или злые герои проходят те или иные испытания во имя утверждения социальной справедливости и религиозной праведности. Изменение сюжета связано с чудесами, которые являются нормой сказки и способны изменить биографию героя. Чудом, по мнению академика Д.С. Лихачёва, «заменяется психологическая мотивировка», оно способно «внести движение в биографию» персонажа²⁸.

Важен физический облик существа или человека; по ходу сюжета, пройдя испытания, они подвергаются изменению внутренних качеств и внешних черт. Каждый раз одна и та же сказка излагалась по-разному, внося в повествование новые элементы сюжета, что свидетельствует о многогранности японской фольклорной традиции. Неизменным всегда оставалась основная

последовательность действия главного героя (что было важнее его переживаний и внутреннего мира), связанная с нравственной шкалой ценности японского общества, например, «поощрение – наказание», соединявшая и героя, и рассказчика, и слушателя в единое целое в момент переживания сакральных истин²⁹.

В предисловии к «Садзанами Сандзин. Нихон мукаси банаси: Сказания древней Японии», написанном в 1908 г., В.М. Мендрин впервые в отечественной историографии назвал и охарактеризовал четыре группы «мукаси-банаси»: мифические; легендарно-исторические; сказки, запечатлевшие этический и религиозный принцип; и сказания неопределённого характера (легенды по случаю)³⁰. Учёный настолько подробно обосновал классификацию японских волшебных сказок, что и спустя столетие она используется в работах исследователей.

Мифические сказания – это группа сказок, объединяющих некоторые моменты древнейшей японской мифологии, передающих некоторые из мифов так, как они были записаны в древнейших японских литературных памятниках³¹.

Легендарно-исторические сказки – сказания, повествующие о борьбе человека с силами природы и приспособлении к ним; они относятся к периоду, несущего в себе отпечаток развития социального строя, объединения разнородных этнических элементов, борьбы их между собой, подчинения одних другим³².

Этические сказки – нравственные произведения, которые отражают внутренний мир человека, его мировоззрение, запечатлевшие сакральные истины и религиозные принципы в поэтической форме, по которым жил народ³³.

Сказочные легенды по случаю – бытовые сказки, которые не касаются мифологии, чужды истории, не проводят никакого принципа или воззрения, но сохранили память о предмете, смысл которого уже утрачен³⁴.

«Мукаси-банаси», переведённые и изданные в России, отражают представления японцев о добре и зле, гневе и добродетели, храбрости, трусости и т.д. Тем самым транслируется веками складывавшаяся система ценностей – мифические представления, религиозные верования, исторически сложившиеся закономерности, реалии быта, эстетические черты и литературные предпочтения. Все вместе это формирует у русскоязычного читателя устойчивый интерес к культуре и истории Японии

¹ Десять вечеров. Японские народные сказки. М., Берлин: Директ-Медиа, 2014. С. 2.

² Толстой Л.Н. Моя вторая русская книга для чтения. СПб.: Белый город, 2014. С. 51-52.

³ Рейхель И.Г. Краткая история о Японском государстве, из достоверных известий собранная. М.: Тип. Московского ун-та, 1773. 239 с.

⁴ Дед Такэтори / Пер. с яп. А.А. Холодовича / Восток / Вступит. ст. Н.И. Конрада. М.: Academia, 1935. 442 с.

- ⁵ Боровский Л.И. и др. Япония // Энциклопедический словарь / Под ред. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. СПб., 1904. Т. 82. С. 697-789, илл.
- ⁶ Японские народные сказки. СПб.: Тип. С.-Петербургского Товарищества печатного и издательского дела «Труд», 1902. 80 с., ил.
- ⁷ Садзанами Сандзин. Нихон мукаси банаси: Сказания древней Японии / Пер. с яп. с примеч. и предисл. В.М. Мендрина. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1910. 254 с., ил.
- ⁸ Садзанами Сандзин. Сказания Древней Японии. М.: Олма медиа групп, 2015. 304 с., ил.
- ⁹ Там же. С. 5.
- ¹⁰ Десять вечеров. Японские народные сказки. С. 2.
- ¹¹ Японские народные сказки / Пер. и обработка Н. Фельдман / Под общ. ред. С.Я. Маршака. Л.: Детская литература, 1936. 85 с., ил.
- ¹² Японские народные сказки / Пер. и обработка Н. Фельдман / Под общ. ред. С.Я. Маршака. Л.: Детская литература, 1965. 80 с., ил.
- ¹³ Невский Н.А. Фольклор островов Мияко. М.: Наука, 1978. 192 с.
- ¹⁴ Японские сказки / Пер. с яп. В. Марковой и Б. Бейко. М.: Гослитиздат, 1956. 216 с., ил.
- ¹⁵ Десять вечеров. Японские народные сказки / Под ред. Л.М. Суриса / Пер. с яп. В.Н. Марковой. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 358 с.; Журавлиные перья. Японские народные сказки / Пер. В. Марковой / Вступит. ст. («Путешествие в Страну восходящего солнца») и прим. О. Афанасьевой. М.: Изд. дом Мещерякова, 2014. 96 с., ил.
- ¹⁶ Японские сказки / Пер. с яп. В. Марковой и Б. Бейко. С. 11.
- ¹⁷ Афанасьева О. Путешествие в Страну восходящего солнца / Журавлиные перья. Японские народные сказки / Пер. В. Марковой. М.: Изд. дом Мещерякова, 2014. С. 5.-7.
- ¹⁸ Конрад Н.И. Очерки японской литературы. М.: Художественная литература. 1973. 464 с.
- ¹⁹ Веер молодости. Японские сказки / Пер. Н.И. Фельдман. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1987. 208 с., ил.
- ²⁰ Японские легенды о чудесах (IX-XI вв.) / Пер. с яп. А.Н. Мещерякова. М.: Изд-во Медков С.Б., 2018. 224 с.
- ²¹ Гэндзи-обезьяна. Японские рассказы XVI-XVI веков: отоги-дзоси / Пер. с яп. М.В. Торопыгиной. СПб.: Академический проект, 1994. 272 с.
- ²² Садокова А.Р. Японская легенда о рыбаке Урасима-Таро: фольклорные и литературные версии // Филологические науки в России и за рубежом / Материалы IV межд. ученой конф. (С.-Петербург, декабрь 2016). СПб., 2016. С. 13-17; Сила-Новицкая Т.Г. Культ императора в Японии. Мифы, история, доктрины, политика. М.: Наука, 1990. 206 с.
- ²³ Ильина Н. «Мир иной, непохожий и странный...» // Японская мифология. Энциклопедия. М.: Эксмо, 2007. 461 с.
- ²⁴ Японские сказки / Пер. с яп. В. Марковой и Б. Бейко. С. 7.
- ²⁵ Незванкина Л.К., Щемелёва Л.М. Мотив // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 230.
- ²⁶ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: СПбГУ, 1996. С. 19-20.
- ²⁷ Поспелов Г.Н. Сюжет // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 431.
- ²⁸ Лихачёв Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. С. 74.
- ²⁹ Японские легенды о чудесах (IX-XI вв.). С. 27.
- ³⁰ Там же. С. 8-24.
- ³¹ Садзанами Сандзин. Сказания Древней Японии. С. 8-15.
- ³² Там же. С. 15-19.
- ³³ Там же. С. 19-23.
- ³⁴ Там же. С. 23-24.

Вербин Анатолий Александрович

доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ПСЕВДОРЕАЛЬНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ

В середине XX века известный американский социолог Р. Мертон обращал внимание на чрезвычайную важность для каждой науки необходимости точного и четкого установления релевантных для науки фактов, которые подлежат изучению, поскольку рассмотрение неточных или недостоверных фактов неизбежно приводит к неверным выводам и, соответственно, ложным научным результатам. А для социологии, утверждал он, данное условие является еще более важным, «поскольку в силу того, что общество является естественной средой для человека, то очень многие люди, не имея соответствующей научной подготовки, склонны считать себя способными делать выводы о функционировании общества». Более того, подчеркивал он, только установление релевантных фактов может быть «прелюдией к формулированию подлинных социологических проблем». Тем не менее, продолжал он, «в науке, как и в реальной жизни, иногда предлагаются объяснения для вещей, которые никогда не существовали», т.е. объяснения не действительно существующих или существовавших фактов какой-то предметной области, а для утверждений, которые являются просто правдоподобными суждениями, но не фактами. И вот такие правдоподобные суждения, иногда обсуждаемые и изучаемые в науках, он называл псевдофактами [1]. Разумеется, Р. Мертон понимал, что никто не застрахован от того, чтобы делать неточные или не совсем обоснованные утверждения, которые могут быть вызваны неверными умозаключениями, ошибочными наблюдениями или замерами (например, теория геоцентрической солнечной системы). Поэтому понятно, что Р. Мертона волновала чистота методологии научного исследования, которая может гарантировать эффективность научных исследований. И это естественно, поскольку только безупречность методологии научного исследования может привести к обоснованным результатам.

Но понятно, что в обществе всегда существовали сферы человеческой деятельности, в которых заинтересованные люди проявляли тенденцию к искажению реального положения дел. В этом плане можно указать на торговлю, когда продавец того или иного товара из-за соображений коммерческого эгоизма представляет свой товар покупателю в гораздо более благоприятном виде или описании, нежели этот товар действительно является. Другой общественной сферой, в которой наблюдается данная тенденция, является политика. Здесь стимулом для преднамеренного искажения реальной действительности является политический (и, соответственно, экономический) эгоизм, за которым скрывается очевидное стремление к достижению

политических (и, соответственно, экономических) преимуществ. В качестве примера данного типа можно назвать, например, вторжение США и Великобритании в Ирак в 2003 году под надуманным предлогом о будто бы наличии у С. Хуссейна оружия массового поражения.

Содержание же процитированной работы Р. Мертона показывает, что он не подозревал, что распространение преднамеренных псевдофактов, т.е. фальшивок, может проникнуть в науку, т.е. общественную сферу, которая, как говорится, уже по определению должна быть свободной от заведомо лживой информации. Но, как свидетельствуют реально установленные факты, в настоящее время, т.е. когда постоянно звучат утверждения о том, что мы живем в информационном обществе, в обществе, основанном на знании (knowledge society), в информационной цивилизации, граждане которых будто бы являются все более и более осведомленными, уже и наука наводняется информационными фальшивками. Вот реально установленные факты такой трансформации. Как показали судебные расследования в США в 1990-е годы, научно-исследовательские лаборатории крупнейших табачных компаний еще в 1946 году установили канцерогенный характер никотина. Но руководство этих компаний сознательно скрыло данный научный факт с очевидной целью не подорвать продажу своего продукта. Более того, в 1953 году руководители этих компаний на совместной встрече согласовали «стратегию по нейтрализации воздействия появляющихся научных данных на осознание публикой вреда курения». Данная стратегия предусматривала также проведение широкой рекламной кампании для приучения маленьких детей к символике своей продукции через выпуск игрушек с символикой некоторых табачных компаний, а также вывод на рынок сигарет с большим, чем обычно содержанием никотина для усиления привыкания к курению. Во время судебных разбирательств руководители этих компаний лгали под присягой, что им ничего не было известно о канцерогенности табака, хотя внутренняя документация этих компаний свидетельствовала об обратном. Ряд табачных компаний, в частности «Филипп-Морис» также финансировали «тайную армию ученых» для подрыва авторитета ВОЗ, которая проводила антитабачную кампанию, поэтому в августе 2000 года Г.Х. Брундтланд, тогдашняя глава ВОЗ, подписала доклад «Стратегия табачных компаний по подрыву деятельности ВОЗ в борьбе с курением». В нем отмечалось, что фирмы-производители сигарет тратили огромные суммы денег на различного рода кампании, направленные на подрыв усилий ВОЗ в этом направлении [2].

Совсем недавно в рамках судебного разбирательства в Сан-Франциско было установлено, что известная транснациональная компания Monsanto с 1980-х годов также проводила аналогичную политику по продвижению своих трансгенных продуктов, применение которых, как признается, ведет не только к повышенной заболеваемости раком, но и сокращению биологического разнообразия нашей планеты. При этом в данном судебном разбирательстве было признано, что компания Monsanto продвигала в научные издания статьи,

которые с помощью сфабрикованных «данных» опровергали давно признанные научные факты. Частота публикаций таких статей приобрела столь крупные масштабы, что в научной среде на Западе теперь получил хождение новый термин «статьи, написанные автором-привидением» [3]. Имеются также данные о том, что международные фармацевтические компании GlaxoSmithKline, AstraZeneca, Pfizer, используя агрессивную рекламу и различные способы подкупа практикующих врачей (различные бесплатные семинары, симпозиумы и конференции, проводимые в дорогих туристических центрах, а также оплачиваемые выступления врачей о будто бы успешном применении препаратов этих компаний), стимулировали неоправданную популярность препаратов своих компаний. Причем проведенное статистическое исследование показало, что врачи, принимавшие участие в таких мероприятиях, в 2,5 раза чаще прописывали своим пациентам препараты названных компаний, хотя потом эти препараты оказывались либо пустышками, либо вредными и изымались из торговой сети [4].

Указанные выше эпизоды, возможно, кто-то отнесет к коммерческой сфере. Но тот факт, что в данных случаях в PR-кампании по сохранению имиджа компаний вовлекались научные издания, говорит о том, что в данном случае речь идет не только о коммерческой операции. Французский экономист Ж. Тироль, недавно удостоенный Нобелевской премии по экономике, имея в виду такие случаи, признал, что «научная экспертиза часто оказывается преднамеренной фальсификацией», на которую идут эксперты по мотивам получения экономической выгоды (стремление немедленного выпуска на рынок непроверенных лекарств) или достижения научного приоритета. Он также отметил «повышенную чувствительность» исследовательского сообщества к высоким зарплатам [5].

Уже ни для кого не является секретом, что интернет, как одна из главных технологий современного информационного общества все больше и больше наводняется фальшивками разного рода, относящимися к самым разнообразным сферам деятельности. Более того, специально изобретаются технологии для автоматического и массового производства фальшивок (программы, которые получили название «ботов»). А на днях, прошло сообщение, что американская компания OpenAI разработала, как сказано, генератор по производству «фэйковых текстов» на любую тематику. Причем утверждается, что качество продуктов этой новой технологии не вызывает никаких подозрений относительно их «машинного происхождения» [6].

Некоторое время назад известным в обществе лозунгом было «Знание – сила», и проводилась государственная политика по распространению знания, предпринимались разнообразные усилия для вовлечения все более широких масс населения в образование. Теперь же создаются технологии для распространения незнания. И уже есть исследования, свидетельствующие о том, что в нынешнем поколении населения США «имеется больший процент молодых людей с более низким уровнем образования, нежели имели их

родители» [7]. Таким образом, в современном обществе достигаются результаты в интересах тех общественных сил, для которых «Незнание – сила». Иными словами, добро пожаловать в мир, описанный Дж. Оруэллом, т.е. новый дивный постистинный мир, где ложь – это новая истина, где лживость – новая добродетель, а изобретательность в создании фальшивок – очень востребованное профессиональное достоинство.

Список литературы:

1. Merton R.R. Notes on the Problem-Finding in Sociology / Merton R.K., Broom L., Cotrell L.S. (eds.) *Sociology Today. Problems and Prospects*. N.Y.: Basic Books, 1953 (ix-xxxiv). P. xiii-xv.
2. New Scientist, 30.03.1996: 10; The Nation, 13.05.1996. P. 28; Daynard R. *The Cigarette Industry* / Passas N., Goodwin N. (eds) *It's Legal but It Ain't Right. Harmful Consequences of Legal Industries*. Ann Harbor: University of Michigan Press, 2007. P. 33-34.
3. Gillam C. One man's suffering exposed Monsanto's secrets to the world // *The Guardian*, 11.08.2018.
4. Jack A. US Doctors Influenced by Drug Companies // *Financial Times*. 9.08.2013. P. 14.
5. Тироль Ж.Э. Экономист в общественной жизни // *Вопросы экономики*. 2017. № 8. С. 46-47.
6. Hern A. New AI fake text generator // *The Guardian*. 14.02.2019.
7. Kristof N. U.S.A., land of limitations? // *Internal New York Times*. 10.08.2015. P. 9.

Вревская Наталия Александровна

младший научный сотрудник

Музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ АРХИВОВ НИДЕРЛАНДОВ О РУССКО-ГОЛЛАНДСКОЙ ТОРГОВЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII - ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВВ.

Российская торговля с Нидерландами во второй половине XVII - первой четверти XVIII вв. достаточно хорошо изучена и отображена во многих научных работах. Можно составить список конкретных фондов и описей из архивов Санкт-Петербурга и Москвы. В статье Г. А. Шатохиной-Мордвинцевой «Источники по истории Нидерландов XVIII-XIX вв. в архивах и библиотеках Москвы»¹ дается указание на то, что материалы находятся в Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ (АВПРИ) в фонде «Сношение России с Голландией» (XVII в.)². В двух диссертациях³, посвященных торговле между двумя указанными странами, также можно найти указания на фонды, дела и описи архивов. Например, Швачкина Е. И. в работе «Русско-нидерландские отношения в первой половине XVIII в.» использует также фонды АВПРИ и Российского государственного архива древних актов (РГАДА)⁴.

Содержимое голландских архивов, касающихся материалов о торговле между Россией и Нидерландами до сих пор плохо изучено. В диссертациях достаточно часто упоминается Национальный Гаагский архив, но нет указания на конкретные дела и листы.

Торговля Нидерландов в рассматриваемый отрезок времени проходит, в основном, через Амстердам. Соответственно, документы, касающиеся товаров, сделок, кораблей и т.д. должны находиться в Амстердамском Муниципальном городском архиве. Косвенные доказательства этого есть в нескольких работах.

В книге нидерландского историка Я. В. Велувенкампа «Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550-1785»⁵ в списке использованных источников упомянуты несколько архивов, в том числе и Муниципальный архив Амстердама (Gemeente-archief Amsterdam)⁶. К сожалению, какие конкретно материалы были рассмотрены и использованы, не указано.

Обращение к работам дореволюционных историков дает еще одно указание на то, что, помимо Национального Гаагского архива, достаточно много материала по торговле хранится в Амстердамском архиве. Российский историк В. А. Кордт написал три отчета о посещении нидерландских архивов, где дается как общий обзор, так и начало более детального рассмотрения дел Гаагского архива⁷. Самым информативным, на наш взгляд, кажется первый отчет 1893 года, где дается описание содержимого на тот момент Гаагского Национального архива и Амстердамского муниципального городского архива⁸.

Кордт В. А. пишет, что в архиве есть отдел «Московская Россия» (Moskovië Rusland), внутри которого по хронологии расположены Связки (liassen), куда помещены оригиналы важных документов. В первой связке «Москва 1589-1643» (Moskovië 1589-1643) представлено всего 5 документов, касающихся рассуждений о торговле с Москвой в 1589 г., о выгодах, которые могут получить Нидерланды от торговли с Москвой, о средствах и способах их получения, прошения нидерландских купцов, торгующих в России к Генеральным штатам и т.д. В отделе также представлены связки «Москва 1656-1673», «Москва 1676-1698», «Москва 1699-1719» и т.д.⁹

Еще одной важной связкой является «Россия. Разное» (Rusland Varia), материалы которой касаются только XVIII в. Здесь на тот момент находились два портфеля с документами. Первый касался торговли голландцев в Архангельске, второй – в Риге, Нарве и Пернаве, а также частных дел нидерландских купцов в России.¹⁰

Спустя более ста лет к Гаагскому Национальному архиву обращается Колосова И. В. Она указывает, что были использованы материалы фонда «Связи с Московией» и «Связи с Россией». Как видно из названий отделов/фондов, за время, разделяющее работы двух историков, поменялась структура архива. К сожалению, нигде не указывается, как старые названия отделов были изменены на новые. На сайте архива в поиске по коллекциям, по указанным В. А. Кордом и И. В. Колосовой названиям, нет результатов, на данный момент пользователь может найти только коллекцию «Посольство России» (Legatie Rusland), где самые ранние документы датируются 1710 г.¹¹. На запрос по названию «Moscovia» (Московия) результатов нет. Скорее всего, с момента работы Колосовой И. В. были внесены еще некоторые изменения в

структуру архива. Разобрать, как на данный момент называются и где располагаются документы, найденные вышеупомянутыми историками, представляется возможным уже только непосредственно в архиве или по официальному запросу сотрудникам архива.

В. А. Кордт пишет, что в Муниципальном архиве Амстердама есть архив старых дел до 1812 г., который делится на отдельные документы и переплетенные. Первые выстроены по содержанию главного документа, соответственно материалы по торговле будут на букву «С» (comercie).

В этом же архиве представлены книги со списками кораблей, отходивших из Амстердама в Архангельск за 1697-1738 гг. (Register van uitgeseylde schepen) и 82-томный рукописный сборник решений и постановлений Ратуши Амстердама (Resolution der vroedschap of van den stad Amsterdam), где можно найти данные о торговле России и Амстердама¹². К сожалению, объемы последнего не позволили Корду В. А. детально рассмотреть и описать содержимое.

К 2019 году как Амстердамский городской муниципальный архив, так и Гаагский Национальный архив претерпел серьезные изменения. Материалы, выявленные В. А. Кордтом, также необходимо соотнести с тем, что имеется сейчас в архиве.

На сайте Национального Гаагского архива есть раздел «Россия: руководство по архивным компонентам в голландских архивах», где можно осуществить поиск по содержимому нескольких архивов Нидерландов, в том числе и по Амстердамскому архиву. Поиск дает 870 результатов. В каждом документе дается название коллекции/фонда с цифровым индексом, общее количество инвентарных номеров внутри (соотносится с листами в российских архивах), а также конкретный инвентарный номер и его краткое описание¹³.

Автором был проведен отбор коллекций, которые предположительно могут содержать документы по торговле между Россией и Нидерландами. Первая коллекция «5028. Архив мэров: документы на различные темы» (5028. Archief van Burgemeesters: stukken betreffende verscheidene onderwerpen). Под инвентарем № 540В представлены документы, касающиеся российской торговли. Скорее всего, это и есть упомянутый Кордом В.А. 82-томный рукописный сборник решений и указаний Ратуши Амстердама. Вторая коллекция «78. Архив Правления Восточной торговли и рядов» (78. Archief van de Directie van de Oostersche Handel en Reederijen). Здесь представлены документы, касающиеся составов судов, правил погрузки и т.д. Например, под инвентарным номером 398 представлены «Особые дела по России-спецификация товаров, привезенных в Архангельск».

Третья коллекция «8883. Архив Доктора С. Харт» (883. Archief van Dr. S. Hart). Нидерландский историк и архивист собрал большую коллекцию документов, касающихся торговли с Россией, составил картотеку документов из других архивов, касающихся этой темы и т.д. Всего в коллекции 806 инвентарных номеров. Четвертая и самая важная коллекция - это «6. Архив

управления Московской торговли» (6. Archief van de Directie van de Moscovische Handel). В этой коллекции представлено 124 инвентарных номера, абсолютно все из которых представляют интерес для изучения сферы торговли.

На данный момент Муниципальный городской архив Амстердама проводит оцифровку своих коллекций. Большинство изображений выложены в свободный доступ. Упомянутые коллекции находятся в стадии оцифровки, и исследователю из-за рубежа доступны лишь около 5% документов¹⁴.

Представленный список коллекций двух архивов может значительно облегчить исследовательскую работу. После полной оцифровки документов Муниципального архива Амстердама у исследователей появится возможность оперативно открыть новые документы по теме торговли между Россией и Нидерландами. Автором планируется соотнести данные, представленные В. А. Кордтом, с современным положением дел в архивах Нидерландов.

¹ Шатохина-Мордвинцева Г. А. Источники по истории Нидерландов XVIII-XIX вв. в архивах и библиотеках Москвы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 2. С. 221-226.

² Там же. С. 221.

³ Швачкина Е. И. Русско-нидерландские отношения в первой половине XVIII века. Автореферат дисс. к. и.н. М., 2002; Колосова И. В. Формирование и развитие отношений между Российской Империей и Нидерландами (XVII-I половина XIX в.). Автореферат дисс. к.и.н. М., 2007.

⁴ Швачкина Е. И. Указ соч.

⁵ Велувенкамп Я. В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550-1785. М., 2006. 311 с.

⁶ Там же. С. 296.

⁷ Корд В. А. Отчет о занятиях в голландских архивах летом 1893 года, представленный в Академию наук В. А. Кордом // Известия Академии наук. 1895. Т. 3. № 1 (июнь). С. 75-115; Корд В.А. Отчет о занятиях в голландских архивах летом 1895 года В. А. Корда // Известия Академии наук. 1896. Т. 5. № 2 (сентябрь). С. 143-148; Корд В. А. Отчет о занятиях в Государственном архиве в Гааге летом 1911 года // Записки Академии наук. 1914. Т. 12. № 5.

⁸ Корд В.А. Отчет о занятиях в голландских архивах летом 1893 года...

⁹ Там же. С. 89-92.

¹⁰ Там же. С. 103-104.

¹¹ Legatie Rusland // National archief. URL:

<http://www.gahetna.nl/collectie/archief/ead/index/eadid/1.02.13/node/c01%3A0.c02%3A1./open/c01:0.c02:1.#c01:0.c02:1>. (дата обращения: 02.02.2019).

¹² Корд В.А. Отчет о занятиях в голландских архивах летом 1893 года... С. 111-113.

¹³ Rusland: Gids archiefbestanddelen in Nederlandse archieven // Nationaal archief. URL:

<http://www.gahetna.nl/collectie/index/nt00429> (дата обращения: 02.02.2019).

¹⁴ Inventarissen //Gemeente Amsterdam Stadarchief. URL:
<https://archief.amsterdam/inventarissen/index.nl.html> (дата обращения: 02.02.2019).

Выходец Роман Сергеевич

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ЦИФРОВАЯ ПОВЕСТКА ЕАЭС: ВОПРОСЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года были утверждены 11 октября 2017 г. на заседании Высшего евразийского экономического совета. Направлениями развития цифровой экономики ЕАЭС выступают:

- цифровая трансформация отраслей экономики и кросс-отраслевая трансформация (подразумевает опору на сквозной характер цифровых технологий, обеспечивающий возможность создания новых моделей экономического сотрудничества на стыках отраслей и трансграничной кооперации);
- цифровая трансформация рынков товаров, услуг, капитала и труда (проявление качественных изменений в деловой среде, обеспечивающих снижение издержек, сокращение числа посредников, снижение барьеров при выходе на новые рынки, появление новых возможностей для бизнеса и граждан по получению услуг с использованием сети «Интернет»);
- цифровая трансформация процессов управления и интеграционных процессов (трансформация существующих процедур и моделей управления на основе цифровых технологий на государственном и надгосударственном уровнях. Данное направление включает в себя создание механизмов прослеживаемости товаров и услуг, маркировки, системы «единого окна» в сфере внешнеэкономической деятельности);
- развитие цифровой инфраструктуры и обеспечение защищенности цифровых процессов (предполагает интеграцию информационных систем государств-членов для улучшения информационного обмена с применением межгосударственного электронного документооборота, а также выработку общих подходов к тарифной политике в области связи и передачи интернет-трафика между государствами-членами)¹.

В обобщенном виде направления цифровой повестки нацелены на создание инфраструктуры, баз данных, единых информационных каналов взаимодействия между государственными органами, бизнес-структурами, гражданами и иными заинтересованными сторонами для обеспечения экономических процессов внутри ЕАЭС. Широкому обсуждению приоритетных проектов в рамках существующих направлений цифровой повестки был посвящен форум «Цифровая повестка в эпоху глобализации 2.0. Инновационная экосистема Евразии», который состоялся 01 февраля 2019 в Алматы. Основные дискуссии развернулись вокруг четырех основных проектов:

1. *Проект цифровой промышленной кооперации* предполагает формирование комплекса сервисов для взаимодействия предприятий реального сектора экономики, прежде всего обеспечивающих кооперативные связи, а также участие в закупках крупных корпоративных заказчиков. В перспективе создаваемые в кооперации со странами платформы должны позволить выстроить взаимодействие с партнерами из третьих стран, в том числе с Германией, Китаем и Сингапуром;

2. *Проект по цифровой прослеживаемости товаров* обеспечит целостное преобразование товарооборота в Союзе за счет представления в единой цифровой среде объектов, субъектов, процессов и получения информации о любом из этапов жизненного цикла товара на основе его цифрового образа.

3. *Проект по формированию цифровой экосистемы для обеспечения трудоустройства и занятости граждан государств-членов ЕАЭС* должен обеспечить всестороннее и оперативное цифровое взаимодействие граждан, бизнеса и ответственных органов власти по разнообразным вопросам трудоустройства, трудовой миграции и другим;

4. *Проект по цифровым транспортным коридорам* заключается в создании условий для поэтапной взаимной интеграции информационных ресурсов транспортных комплексов стран Союза, с учетом потребностей заинтересованных сторон в рамках основных направлений реализации цифровой повестки ЕАЭС².

Поступательное формирование общего экономического пространства в рамках Евразийского союза (2015 год – вступление в силу договора о ЕАЭС, 2017 год – создание общего рынка медицинской техники и медикаментов, 2018 год – вступление в силу Таможенного кодекса ЕАЭС, 2019 год – намечено формирование общего рынка электроэнергии, 2024-2025 – общее экономическое пространство должно охватить финансовый и нефтегазовый сектора) сопряженно с решением комплекса экономических вопросов и качественным технологическим ростом государств-членов, неотъемлемой частью которого выступают направления Цифровой повестки ЕАЭС. Информационные технологии имеют «сквозной» характер и обеспечивают увеличение производительности труда, формирование новых наукоемких производств, качественные технологические преобразования в традиционных отраслях промышленности. Так почти уже 10 лет назад М.В. Ковальчук отметил: «Сегодня очевидно, что ни в одной из известных отраслей нет прогресса без использования информационных технологий – это и телемедицина, и дистанционное обучение, и числовые управляемые станки, автоматическая система пилотирования автомобилей, самолетов, кораблей и т.п. Таким образом, информационные технологии стали неким «обручем», который объединил все науки и технологии»³. Сегодня подобные тезисы превратились в сам собой разумеющийся факт экономической жизни.

На уровне международных отношений ЕАЭС, сопряженный с интеграционными процессами на Евразийском континенте, рассматривается

как один из центров многополярного мира, бросающий вызов мировому порядку, сложившемуся после распада СССР. Поэтому процессы экономической интеграции в рамках ЕАЭС подвержены многочисленным внешним угрозам, в том числе и в информационной сфере. В этой связи следует согласиться с мнением М.И. Кротова. Размышляя о новой модели глобализации, одной из тенденций которой выступает формирование «Большой Евразии», объединяющей в перспективе ЕС, ЕАЭС, Индию, Китай, страны АСЕАН, автор подчеркнул: «Ключевую роль в последнем процессе играет ЕАЭС и как географический центр Евразии, объединяющий Западную Европу, Дальний Восток и Юг Азии, и как объединение, созданное на базе России – страны, обладающей самой большой в мире территорией и природными запасами, имеющей паритет с США по ядерным силам сдерживания. Поэтому развитие ЕАЭС, повышение его привлекательности и геостратегической мощи – важнейший фактор общеевразийской интеграции, против чего направлена вся политика США...»⁴. Ситуация с Украиной, которая рассматривалась в качестве участника ЕАЭС, является конкретным проявлением такого противодействия.

Главную роль в геополитическом провале Украины сыграло информационное воздействие, приведшее к насильственной смене власти и кардинальному изменению внешнеполитического курса. Однако пока что результатом этого изменения является лишь исключение Украины на неопределенный срок из общеевразийских интеграционных процессов.

Особую обеспокоенность западных политиков и экспертов вызывает подписанное 17 мая 2018 года в рамках Астанинского экономического форума Соглашение «О торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР», а также включение стран ЕАЭС в инициированный Китаем мега-проект «Один пояс – один путь», который должен вовлечь в общеевразийские интеграционные процессы более 60 стран континента в том числе и ЕС, что создает для США реальную, по их мнению, угрозу «похищения Европы». В этой связи американский общественно-политический дискурс пытается придать сотрудничеству между странами ЕАЭС и Китаем характер прямой угрозы цивилизационным доминантам западного развития. Так А. Кендэлл-Тэйлор и Д. Шаллмэн в своей совместной статье в *Foreign Affairs* отмечают: «Россия и Китай укрепляют авторитарные тенденции во всем мире, содействуя отказу лидеров от демократии и облегчая нынешним автократам возможности оставаться у власти... В дополнение к поддержке позитивных моделей демократического управления Соединенные Штаты и их партнеры должны удвоить усилия по укреплению демократической устойчивости стран, подвергающихся наибольшему риску, в том числе путем поддержки развития независимого страноведения по Китаю и России, а также путем укрепления расследовательской журналистики и гражданского общества, которые могут пролить свет на влияние авторитаризма и связанных с ним национальных лидеров»⁵. Основной вектор информационного противостояния задан вполне четко. В сегодняшней международной повестке он будет нацелен на разрыв

экономического сопряжения Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП) – ЕАЭС – ЕС, путем формирования социокультурного антагонизма между прогрессивной демократической Европой и реакционистской авторитарной Азией. При этом, как указывает И.Ф. Кефели: «ЭПШП нацелен не только на взаимодействие с Россией и странами Центральной Азии, но и на коадаптацию с интересами Евросоюза. Принципиальное значение имеет тот факт, что Китай и страны Центральной Азии заинтересованы в сопряжении не только ЭПШП – ЕАЭС, но и ЭПШП – ЕАЭС – ЕС. В отсутствие координации в треугольнике ЭПШП – ЕАЭС – ЕС контакты будут поддерживаться только между ЭПШП – ЕАЭС и ЭПШП – ЕС, тогда как экономически чрезвычайно важный элемент сопряжения ЕАЭС – ЕС будет отсутствовать»⁶.

Исходя из этого, следует сделать вывод, что вопросы обеспечения информационной безопасности ЕАЭС имеют ключевое значение в развитии экономического сотрудничества как между государствами-членами, так и в эффективном участии ЕАЭС в интеграционных процессах Большой Евразии.

Коллективная безопасность Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызской Республики и России обеспечивается в рамках ОДКБ. 30 октября 2018 года Парламентской Ассамблеей Организации Договора о коллективной безопасности было принято постановление № 11-3.3 О проекте модельного закона ОДКБ «Об информационном противоборстве терроризму и экстремизму» (далее Закон). В нем указано, что информационное противоборство терроризму и экстремизму осуществляется в двух видах (информационно-техническое и информационно-психологическое противоборство) по следующим основным направлениям:

- проведение разведки террористической и экстремистской деятельности в информационной сфере и разработка вариантов противодействия террористическому и экстремистскому воздействию на легитимную информационную среду;
- воздействие на террористическую и экстремистскую информационную среду с целью искоренения терроризма и экстремизма;
- защита легитимной информационной среды от террористического и экстремистского воздействия;
- развитие технологической и производственной базы в области информационных технологий, повышение безопасности информационных и телекоммуникационных систем, систем и средств информатизации различных сфер деятельности;
- совершенствование структуры обеспечения информационной безопасности;
- подготовка специалистов в области информационного противоборства и обеспечения информационной безопасности;
- взаимодействие с другими государствами и международными организациями по вопросам информационного противоборства терроризму и экстремизму.

В систему субъектов информационного противоборства включены органы государственной власти и местного самоуправления, общественные объединения и иные организации, СМИ, физические лица. Иными словами, система подразумевает координацию усилий практически всех социально-политических структур общества.

Особый интерес вызывает понятие «легитимная информационная среда», под которой в Законе понимается психика должностных лиц, общественных деятелей и населения государства, существующие в нем системы принятия решений, формирования общественного сознания, а также законная информационная инфраструктура. Международная практика организации государственных переворотов как нельзя лучше подтверждает тезис о том, что в глобальном информационном пространстве угрозы легитимной информационной среде, понимаемой как человеческая психика, могут исходить не только от лиц и организаций, признанных террористическими и экстремистскими. Поэтому и выработка методов противодействия данным угрозам должна выходить за рамки военно-политической организации.

Принимая во внимание высокое значение вопросов информационной безопасности в устойчивом развитии ЕАЭС Закон должен стать основой для дополнения Цифровой повестки ЕАЭС проблематикой обеспечения информационной безопасности, которая позволит объединить усилия широкого круга государственных и общественных субъектов. Социально-политическая стабильность государств, общая защита социокультурной идентичности населения, глубокое осознание людьми целей и выгод интеграционных процессов, укрепления положительного имиджа ЕАЭС внутри и на международной арене требуют целенаправленных коллективных действий на надгосударственном уровне.

¹ Решение Высшего евразийского экономического совета №12 от 11.10.2017 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года».

² См. подробнее: Официальный интернет-сайт форума «Цифровая повестка в эпоху глобализации 2.0. Инновационная экосистема Евразии». <https://digitalforum.kz> (дата обращения: 12.02.2019).

³ Ковальчук М.В. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. Том 6. № 1-2. 2011. С.14.

⁴ Кротов М.И. Разрешение противоречий ЕАЭС – источник углубления евразийской интеграции в новой глобальной реальности // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 1 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2018. С. 227.

⁵ Kendall-Taylor A., Shullman D. How Russia and China Undermine Democracy. <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-10-02/how-russia-and-china-undermine-democracy> (дата обращения: 12.02.2019).

⁶ Кефели И.Ф. Императивы взаимодействия ЕАЭС, ШОС и БРИКС в глобальной геополитике // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2016. № 2 (20). С. 60.

Гагин Игорь Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент

Рязанский государственный медицинский университет

им. академика И. П. Павлова

ЖИЗНЬ И СУДЬБА ИСТОРИКА НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ М. Г. ХУДЯКОВА

Судьба русского историка М. В. Худякова трагична. Попав под каток сталинских репрессий, он успел оставить цельное и удивительно выверенное исследование по истории Казанского ханства, которое и в наши дни остается востребованным теми, кому важен объективный подход к прошлому народов средневожского региона в частности и истории страны в целом.

Фамилия Худяков является довольно распространенной в России. Среди Худяковых есть знаменитые писатели, историки, музыканты, критики, артисты, техническая интеллигенция. Достаточно посмотреть сайт в интернете¹, чтобы стало понятно, что представители этого многочисленного рода оставили очень заметный след в истории страны, сделав много ценного для ее величия и процветания.

Если верить «Ономастикону» С. Б. Веселовского, фамилии Худяков, Худаков и Худеков происходят от одного корня. Худяк, худек, худак – прозвище, дававшееся бедному человеку. Посадские люди делились на лучших, средних и худых. Но это совершенно не означает, что Худяковы-Худековы-Худаковы есть отпрыски только посадской бедноты. Прозвища давались по разным случаям, поэтому мы видим здесь и священников, и купцов, и дворян. Например, в источниках сохранилось имя Худяка Мерлина, который в середине XVI в. был тверским помещиком; Федора Даниловича Худяка Загряжского, основоположника одного из дворянских родов и т.д.²

В данной статье будет рассказано о судьбе и творческой деятельности выдающегося русского историка первой трети XX в. Михаила Георгиевича Худякова. Он оставил потомкам более сотни исследований по истории, археологии, языковедению и этнографии народов Среднего Поволжья, но наиболее выдающейся и во многом до наших дней не превзойденной по своей глобальности является вышедшая в 1923 г. книга «Очерки истории Казанского ханства». После долгого замалчивания уже в наши дни она претерпела несколько переизданий, найдя достойное место в научной исторической литературе.

М. Г. Худяков находился в самом рассвете творческих сил, когда по обвинению в причастности к группе троцкистов-террористов, убивших С. М. Кирова и готовивших покушение на А. А. Жданова, 19 декабря 1936 г. был осужден самым «расстрельным» составом выездной Военной коллегии Верховного Совета СССР под председательством армвоенюриста Василия Ульриха. Судя по протоколу, коллегии понадобилось для вынесения приговора

всего 50 минут (скорее всего, он был заготовлен заранее). М. Г. Худякова вместе с товарищами расстреляли сразу же, возможно, даже не заводя в камеры.

В Национальном архиве Республики Татарстан хранится личное дело студента Казанского университета М. Худякова, документы которого раскрывают отдельные страницы биографии будущего историка. Так, в метрическом свидетельстве, выданном Вятской духовной консисторией в 1913 г., указано, что в метрической книге Богоявленского собора города Малмыжа Вятской епархии за 1894 год под № 127 произведена запись: «Родился третьего (3), крещен восьмого (8) сентября Михаил. Родители: малмыжский купец Егор Павлович Худяков и законная жена его Анна Михайловна, оба православные»³. Как отмечает М. А. Усманов, будущий историк воспитание получил в родовитой и обеспеченной русской купеческой семье⁴. Следует обратить на этот факт внимание, потому что М. Г. Худяков, несмотря на свое социальное происхождение, а, следовательно, вполне безоблачное детство и отрочество, сразу и безоговорочно принял Октябрьскую революцию. Он от всего сердца уверовал, что только она открыла истинные возможности изложения истории казанских татар и других народов Поволжья с научной позиции, то есть с позиции человека-исследователя, искренне захотевшего разобраться в сложных фактах прошлого.

С 1906 по 1913 г. Михаил Худяков обучался в 1-й Казанской гимназии и закончил ее с золотой медалью. Педагогический Совет гимназии отметил особые успехи Михаила Худякова в русском языке и истории. Не случайно 17 июля того же, 1913 года, М. Г. Худяков подает прошение ректору Казанского университета с просьбой принять его на историческое отделение историко-филологического факультета. В 1916 г. с третьего курса М. Г. Худяков был призван на военную службу и вынужден был прервать обучение. 1 октября 1918 г. он подает прошение ректору университета о зачислении в число студентов для продолжения образования.

Дальнейшая судьба Михаила Георгиевича Худякова была тесно связана с Центральным музеем ТАССР. В фонде музея сохранилось подлинное заявление М. Г. Худякова от 10 января 1919 г. о назначении его хранителем историко-археологического отдела. «Будучи студентом Казанского университета, – пишет М. Г. Худяков, – занимался специально изучением древностей Волжско-Камского края. Участвовал в раскопках, произведенных в Болгарах под руководством С. Покровского в 1914 и 1915 гг. и в Билярске под руководством П. А. Пономарева в 1915 г. Состою сотрудником Вятской ученой архивной комиссии (с 1914 г.), членом-основателем Малмыжского исторического общества и членом Совета Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете»⁵. Мы видим, что еще в студенческие годы М. Г. Худяков принял активное участие в археологическом изучении двух важнейших памятников Волжской Булгарии, интерес к истории которой у него

не ослабевал и в последующем, что проявилось в многочисленных статьях, посвященных прошлому Волго-Камья.

Научно-исследовательская работа М. Г. Худякова наглядно представлена в отчете исторического отдела Центрального музея ТАССР за 1923 год: «Худяков изучал на основании имеющихся в отделе богатых материалов меры веса волжских болгар, ...выпустил в свет книгу “Очерки по истории Казанского ханства”, напечатал две статьи в журнале “Магариф” (на татарском языке), написал статью “Деревянное зодчество казанских татар” для “Казанского музейного вестника” за 1923 г., сделал доклад в Обществе археологии, истории и этнографии на тему “Древнейшие виды Казани” (на основании материалов, находящихся в историческом отделе Центрального музея) и в Обществе татароведения на тему “Из истории Казанского ханства”»⁶.

Вершиной научных исследований М. Г. Худякова бесспорно считается книга «Очерки по истории Казанского ханства». Она была написана в тот период, когда образование ТАССР и некоторые послабления в национальной политике возродили надежды на создание на основе советской Конституции национального государства, которое в какой-то мере компенсировало бы многовековое прозябание татар в рамках колониального региона. Правительство Кашафа Мухтарова пыталось организовать своеобразный татарский "ренессанс". Видную роль в нем играли главный идеолог, зампред СНК и одновременно заведующий пропагандистским отделом обкома Гасим Мансуров, нарком земледелия Юнус Валидов, нарком просвещения, бывший личный секретарь Сталина Мидкат Брундуков, замнаркомзема Ариф Енбаев и другие. Их взгляды разделял Председатель ТатЦИКа Рауф Сабиров. Активную помощь оказывал находившийся в зените славы Мирсаид Султан-Галиев, занимавший в Москве чуть ли не десяток ответственных постов, в том числе должности председателя Федерального земельного комитета и члена коллегии Наркомнаца⁷. Именно в контексте этих событий надо оценивать выход в 1923 году книги М. Г. Худякова "Очерки истории Казанского ханства" и брошюры, посвященной исламской культуре в Поволжье, получивших высокую оценку в прессе.

Татарский "ренессанс" был оборван в конце 1923 года. В этой ситуации М. Г. Худяков принимает решение переехать в Ленинград. С 1926 по 1929 гг. он учится в аспирантуре Ленинградской Академии истории материальной культуры, а с 1931 г. работает в этом учреждении, считавшимся одним из самых авторитетных центров гуманитарной науки в стране. Тематика его научных исследований остается прежней – мусульманская культура Поволжья. До рокового сентября 1936 г. М. Г. Худяковым было опубликовано более 50 работ, среди которых «Деревянное зодчество казанских татар», «Татарское искусство», «Казань в XV–XVI столетиях», «Татарская Казань в рисунках XVI столетия» и т.п. Спектр их и сейчас поражает своей энциклопедичностью. В том же году М. Г. Худяков становится доктором исторических наук, наверное, первым из послереволюционных выпускников Казанского университета⁸.

Летом 1936 г. осуждаются группы выдающихся историков и этнографов, в числе которых были Томсинский, Пригожин и другие. Осенью наступила и очередь М. Г. Худякова и нескольких других видных ученых ГАИМКа и институтов АН СССР в Ленинграде. М. Г. Худяков был арестован 9 сентября 1936 года. До этого 3 августа арестовывается видный ученый, заведующий археографической секцией Института антропологии и этнографии АН СССР С. Н. Быковский, 16 августа – сотрудник ГАИМК Ф. В. Кипарисов, 5 ноября – сотрудник Института антропологии и этнографии В. С. Адрианов. Всем четверым, объединенным по воле следователя в «контрреволюционно-террористическую группу», пришлось вместе пройти скорбный путь от ареста до пули в затылок и захоронения в неизвестной братской могиле на окраине города⁹.

Лишь через двадцать лет, в 1957 г., ученый был реабилитирован, но и после этого его труды не переиздавались и поэтому оказались недоступными современному читателю. Лишь в конце 1980-х гг. появляются публикации некоторых его работ, а в 1990 г. в Республике Татарстан делается репринтное воспроизведение издания 1923 г. самого знаменитого исследования М. Г. Худякова «Очерки истории Казанского ханства».

По мнению современных татарских историков, эта книга является самым правдивым и самым полным исследованием истории татар, написанным русским ученым на русском языке. Ф. А. Байрамова, автор одного из последних исследований о жизни и творчестве М. Г. Худякова, пишет, что ни до, ни после появления этой книги не увидела еще свет ни одна работа, сравнимая по объективности с книгой М. Г. Худякова¹⁰.

М. Г. Худяков впервые в русской исторической науке назвал татар высокоцивилизованным народом, имевшим свое государство, показал, что падение Казанского ханства для татарского народа было трагедией, не имевшей себе равных на всем пути развития нации. М. Г. Худяков последовательно описывает жизнь Казанского ханства с момента его образования, развития и вплоть до его разгрома. На страницах его книги показаны животрепещущие картины взятия города войсками Ивана Грозного, что не было отражено ни в одном предыдущих исследований¹¹.

В то же время, М. Г. Худякову удалось достоверно рассказать, какая острая борьба шла тогда в татарском обществе, а особенно вокруг престола. Ученый дает достаточно богатую информацию о десятках ханских династий со всеми именами и родословными; дает оценку сотням татарских мурз, раскрывая их характеры и дела. Кроме отношений двух больших государств – Казанского и Московского, двух народов – татарского и русского, М. Г. Худяков также доказательно разбирает внутреннее устройство Казанского ханства, его структуру, внутренние и внешние сношения, указывает на влияние, которое имели различные войсковые начальники, представители духовенства, мурзы и беи. Вдобавок, автор предлагает богатые сведения о татарском обществе – деревенских и городских жителях, чиновниках, торговцах, помещиках и

землевладельцах. Подчеркивает связи Казанского ханства с Туркестаном, Персией, Турцией, Крымом и Аравией. Говорит о скрытой и открытой борьбе крымских, ногайских, сибирских, астраханских ханов за влияние на внешнюю и внутреннюю политику Казанского государства. М. Г. Худяков доказывает все свои исследования, опираясь на разнообразную документальную базу и татарскую историческую литературу, а так же на летописи и работы других историков.

В заключении следует подчеркнуть то, что «Очерки по истории Казанского ханства» явились результатом многолетних исследований прошлого татарского и других народов Поволжья. Искренний интернационализм, неустанный поиск истины позволил М. Г. Худякову внести серьезный вклад в татароведение и финно-угроведение, обозначить актуальные проблемы этих направлений исторической науки.

¹ См.: <http://www.biblus.ru/Default.aspx?auth=2e06m35k3> (дата обращения: 20.01.2019 г.).

² Веселовский С. Б. Ономастикон. М.: Наука. С. 344.

³ Документы Национального архива РТ об историке и этнографе М. Г. Худякове: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/_go/anonymous/main/?path=/pages/ru/2nart/92vistupl/46kraeved/2hudiakov (дата обращения: 20.01.2019 г.).

⁴ Усманов М. А. О Михаиле Худякове и его книге // Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 6.

⁵ Цит. по: Кузьминых С. В. Казанские годы в жизненном и творческом пути М. Г. Худякова // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М. Г. Худякова. Казань, 2004. С. 27.

⁶ Документы Национального архива РТ.

⁷ См.: Тагиров И. Р. Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). Казань: Тат. кн. изд-во, 1999.

⁸ Султанбеков Б. Ф. Расстрелян как террорист (По страницам следственного дела историка Михаила Худякова) // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2002. № 1/2. С. 123.

⁹ Там же. С. 125.

¹⁰ Байрамова Ф. А. Роль М. Г. Худякова в исследовании истории и культуры народов Среднего Поволжья. Казань, 2006. С. 4.

¹¹ См.: Худяков М. Г. Очерки истории Казанского ханства. М., 1991. С. 153-155.

Горбач Вячеслав Владимирович

преподаватель

Кронштадтский морской кадетский военный корпус

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ГЛОБАЛИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Глобализация мировой экономики наблюдалась на протяжении последних тысячелетий, с момента возникновения международной торговли. Однако этот процесс был вялотекущим.¹

Глобализация мировой экономики началась с начала 1990-х годов. Тогда, одна из самых мощных мировых экономик приоткрыла «железный занавес», и

началось сотрудничество в экономической сфере с мировыми странами. Советский Союз своим распадом усилил этот процесс и он приобрел глобальный характер. Развитие общества, увеличение его потребностей и подготовили процессы глобализации, которые происходят последние тридцать лет. Глобализация экономики – это существенное усиление взаимной зависимости стран в результате роста масштабов международной торговли товарами и услугами, усиления международных финансовых потоков, движения рабочей силы и научно-технического сотрудничества².

Каковы же достоинства и недостатки процесса глобализации?

К достоинствам глобальной экономики можно отнести:

– как для экономик, так и для людей большим преимуществом является присутствие в стране и конкретно в торговых центрах наличия большого количества брендов, увеличение ассортимента товаров в различных сферах: бытовая техника, строительные товары, электроника, семена;

– глобализация позволяет использовать самые современные технологии, обмениваться познаниями в различных сферах. У отсталых стран имеется реальная возможность догнать другие более развитые в экономическом отношении страны;

– для ведения бизнеса больше нет ограничений, капитал может перемещаться свободно в любую страну, рынки сбыта открыты, можно соединять капиталы и строить международную компанию;

– государства, стремящиеся к ускоренному развитию, снимают все препятствия на пути движения товаров и услуг. Развиваются транспортные пути, границы у большинства стран становятся более открытыми, и при соблюдении небольших формальностей капиталы, товары ресурсы и услуги попадают из одной страны в другую. Такое положение позволило широко использовать эти возможности для международной торговли, ведения бизнеса;

– улучшаются возможности движения рабочей силы. Жители менее развитой страны, мечтающий открыть бизнес, либо желающий работать может попытаться счастья на чужбине в более развитой стране. Ряд факторов влияет на эти возможности, однако при определенных задатках, соответствующем образовании, наличии капитала такие возможности, безусловно, появляются и это, безусловно, плюс;

– одним из преимуществ является распределение товаров и ресурсов. Есть страны производящие одну группу товаров, у других получается лучше производить другую группу в силу природных или национальных факторов. Глобализация позволяет преодолеть этим товарам границы и быть представленными на полках магазинов во многих странах;

– между государствами, проникновение экономик которых друг в друга достаточно велик, возникают политические и экономические союзы. Можно выделить экономические союзы, к примеру, ЕС, ЕврАзЭС, БРИКС, где процесс глобализации наиболее выражен.

Глобализация экономики вынуждает идти на следующие формы экономического и политического взаимодействия:

- 1) Уstanовка единых таможенных тарифов.
- 2) Введение одинаковых квот на похожие группы услуг и товаров.
- 3) Свободное перемещение ресурсов между участниками общего рынка.
- 4) Согласованная экономическая политика со всеми странами союза.
- 5) Интеграция условий и общей экономической политики.
- 6) Осуществление стандартизации производств.

Вышеперечисленные положительные факторы приводят к выводу: глобализация выгодна государствам и народам. Особенную выгоду получают слаборазвитые в экономическом плане страны.

Однако, глобализация экономик кроме преимуществ несет в себе и угрозы. Из наиболее ярких негативных черт глобализации можно выделить:

- экономики некоторых стран имеют отличительные черты, в том числе и национальные, зависимость их от международного экономического порядка обезличивает их;

- вхождение в экономический союз угрожает частичной потерей власти правительства в собственной стране. Этой негативной стороне глобализации подвержены прежде всего страны со слабой экономикой. И, напротив, страны с развитой экономикой диктуют экономическую политику, и, как правило, в свою пользу;

- возникают культурные, мировоззренческие и правовые конфликты. Некоторые культурные традиции, могут быть нормой для одних народов, и враждебны для других;

- работая в чужой стране бизнес должен учитывать особенности национальной культуры и экономики этой страны;

- экономический кризис, возникший в одной стране, как эпидемия может затронуть множество других стран (ЕС, Греция 2008 год как пример);

- в условиях экономической глобализации всегда найдутся те, кто будет бороться за рынки сбыта (США против Северного потока 2), сферы влияния, лучшие условия ведения бизнеса.

Для регулирования отношений между государствами в условиях развитого глобализма создана Всемирная торговая организация (ВТО). В задачи ВТО входит разработка, подписание странами мира соглашений, контроль за соблюдением всех подписанных и ратифицированных членами организации соглашений и решение споров между странами участниками.

Как мы видим, процесс глобализации происходит сам по себе, без стороннего вмешательства, а значит, его невозможно остановить, разве только лишь при помощи активного вмешательства. Глобализация идет параллельно с развитием общества, однако ему нужно выходить на новые уровни, развиваться. А это значит, что даже с недостатками люди сознательно выбрали этот путь, без давления со стороны.

Наряду с глобализацией экономик, некоторые страны, желая получить одностороннюю выгоду от глобализации, занимаются таким явлением как экономический национализм.

Экономический национализм – это полный контроль государством всех сфер бизнеса, экономики и торговли. Выделяются национальные приоритеты, осуществляется полная независимость экономики от воздействия внешних факторов. Производство товаров внутри страны, внутренний товарооборот выходят на первое место. Государство имеет возможности планировать производство, ставить цены с учетом реализации товаров на внутреннем рынке. Интересы высокоразвитых государств ставятся выше интересов отдельных людей, компаний и некоторых государств. Предпринимательские связи и частная торговля становятся второстепенными, свободное движение товаров на рынке отсутствует.

Современный этап экономического национализма с подачи Дональда Трампа втягивает в торговую войну Германию, Британию, Китай, Канаду и некоторые другие государства. В торговую войну с США вслед за Китаем втягиваются страны Европы и соседи Америки – Канада и Мексика.

С 1 июня администрация США ввела для производителей из ЕС, Мексики и Канады двадцати пяти процентные импортные пошлины на сталь и десяти процентные – на алюминий. Европейские страны пообещали ввести ответные заградительные тарифы на 2,8 миллиарда евро на импорт из США.

Администрации Трампа – не столько возводит таможенные барьеры на всех направлениях, сколько занимается сокращением торгового дефицита. Трампу, как бизнесмену, хорошо понятны последствия этого положения для экономики США. У Америки есть два варианта действий: уменьшить импорт, введя ограничения и пошлины, или увеличить экспорт.

«Экономическая безопасность – это военная безопасность», – сказал Министр торговли США Уилбур Росс, оправдывая введение пошлин на импорт стали и алюминия.³

Введение санкций против государств и отдельных предприятий («Норильский никель», ОАК «Сухой») – одно из проявлений экономического национализма. Большинство санкций являются элементом недобросовестной конкуренции.

Новая эра принесет бурный рост экономического национализма. Либерализм проигрывает этот бой, он отступает по всем фронтам Министр предпринимательства, инноваций и ремесел Великобритании Винс Кейбл в своем выступлении по радио высказал претензии антимонопольным правилам ЕС, которые якобы препятствуют развитию британской экономики

И от них необходимо отказаться. В его речи прозвучала идея создать свой банк, который на льготных условиях будет выдавать дешевые кредиты для подъема некоторых секторов экономики. Такие предложения являются ярким свидетельством протекционизма.

Политика экономического национализма в различные периоды времени позволяли господствовать экономикам Британии, США, Германии. С распадом СССР и созданием ЕС, падение Берлинской стены принесло Германии большие выгоды. Занижение курса Евро увеличило промышленную мощь Берлина за счет таких стран как Греция, Италия, Португалия, Кипр. А результаты Brexit вывели из ЕС экономического противника Германии. А ослабление экономики Франции позволило Берлину стать локомотивом экономики ЕС. Сейчас для Европейского Союза тяжелые времена. Страны ЕС «распадаются» на группы по интересам (Вышеградская четверка: Польша, Чехия, Венгрия, Словакия. Страны попавшие под сильное влияние политики США: Латвия, Эстония, Литва). По мере того как процесс распада будет усиливаться, ЕС будет менее дееспособным, а это сейчас происходит, и Германии придётся сделать тяжелый выбор: либо своеобразный экономический федерализма, либо распад ЕС.

Экономический национализм Китая стал вызовом гегемонии Запада во главе с США.

Во-первых, Китай взял курс на индустриализацию под руководством государства.

Во-вторых, Пекин целенаправленно работал над доступом к дешевым ресурсам и транспортным коридорам. Начал реализацию амбициозной программы «Один пояс, один путь».

В-третьих, сильная экономика Китая позволяет наращивать возможности по популяризации Юаня. Руководители Китая предприняли настойчивые шаги по включению Юаня в состав резервной валюты МВФ. По предложению Пекина создан конкурирующий с МВФ и Всемирным банком Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Дабы не потерять влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе настойчивость Китая была удовлетворена, США пришлось сделать МВФ более привлекательным для Китая, приняв Юань в корзину резервных мировых валют МВФ.

Если говорить об экономике двадцати пяти последних лет России, то можно отметить, что правительство России на рубеже 1990 годов, взяло на вооружение принципы экономического национализма. Высокие налоги на добычу природных ископаемых позволили повысить благосостояние населения, а развитие крупных, как правило, энергетических предприятий, позволило на равных конкурировать с другими мировыми корпорациями на мировых рынках. Правильные шаги, предпринятые в начальный период реформ стали жертвой энергетического проклятья. За легкие деньги, полученные от продажи нефти и газа, можно было импортировать в страну различные товары, а это не стимулировало, а убивало свою экономику, и реформы были отложены на неопределенный период. Зачем что-то менять, мы продадим ресурсы и купим все, что нам необходимо.

Российский экономический национализм, взятый на вооружение в последние годы необходим для преодоления энергетического проклятья. Повышение пошлин на импорт товаров, например легкой промышленности или

сельского хозяйства помог оживить внутренний рынок, защитить поднимающиеся отрасли промышленности.

Значительные ресурсы выделяются в России для поддержки инновационного и технологического развития. Приняты программы импортозамещения, закон о локализации иностранных производств, создана российская силиконовая долина в Сколково. Результаты не заставили себя ждать. Девять из десяти новых автомобилей, продаваемых в России, производятся внутри страны. Создается новая сельскохозяйственная техника, которая работает не только в России, но и экспортируется в другие страны. От продажи выращенного в России урожая доходы стали больше, чем от продажи вооружений. Большое значение в этих и других успехах принадлежит экономическому национализму.

Негативная оценка, полученная возрождающимся экономическим национализмом, осуждалось политиками, приверженцами глобализация мировой экономики, как зловещее предзнаменование раскола системы международных отношений. Между тем экономический национализм должен стать стратегией развития поднимающихся держав, стремящихся к большей справедливости и симметрии в экономических отношениях.

¹ <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

² <http://fb.ru/article/41643/globalizatsiya-ekonomiki---preimuschestva-i-ugrozyi>

³ www.vedomosti.ru

Григорьева Юлия Викторовна

кандидат культурологии, доцент

ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия им. Н. Г. Кузнецова»

КОНЦЕПЦИЯ «МНОЖЕСТВЕННОСТИ РЕАЛЬНОСТЕЙ» КАК ОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Осмысление гуманитарными науками реалий и тенденций Нового и Новейшего времени было бы неполным без анализа такого ключевого явления, как ИТ (информационно-технологическая) цивилизация. Данное исследование направлено на рассмотрение некоторых тенденций современной западной культуры, для которых ключевым теоретическим понятием может выступать концепт «полионтизма» (множественности реальностей).

В современных западных обществах и в определенной мере в ситуации российской действительности (преимущественно в крупных городах) практически все сферы человеческой деятельности оказались охвачены влиянием информационных технологий. Всё более усиливающееся воздействие ИТ-процессов можно констатировать в самых разных сферах: от глобальных идеологических систем до повседневного поведения людей, от

функционирования государственных институтов до появления новых видов искусства. Такова, например, трансформация идентичности человеческого «Я», а также изменения в сфере производства и потребления товаров и услуг, в трудовой и досуговой деятельности.

Межгосударственный стандарт «Информационные технологии (ИТ). Словарь» понимает под информацией «Любые данные, представленные в электронной форме, написанные на бумаге, высказанные на совещании или находящиеся на любом другом носителе, используемые ... учреждением для принятия решений... обработки операций и т.п., включая компоненты программного обеспечения системы обработки»¹. Более того, некоторые исследователи считают информацию одной из важнейших философских категорий, «равносопоставимой категориям “материя”, “пространство”, “время”»². Таким образом, понятие информации является ключевым для современной эпохи, которая по праву носит название IT-цивилизации.

Информационные технологии часто ассоциируют с компьютерными. Подобное отождествление не случайно, т.к. появление компьютеров вывело IT на новый уровень. Информационные технологии включают в себя ресурсы, необходимые для управления информацией, а также программное обеспечение и сети, необходимые для создания, хранения, управления (в том числе поиска) и передачи информации. Существенно, что развитие компьютеров с конца XX в. происходит бурно, скачкообразно и со все ускоряющейся сменой физических носителей, программного обеспечения и возможностей. Важным этапом развития информационно-технологической цивилизации стал переход от первого полностью электронного компьютера ENIAC к персональным компьютерам. ENIAC – Electronic Numerical Integrator and Computer (электронный цифровой интегратор и компьютер) середины 1940-х гг. весил 27 тонн и занимал по объему целое помещение. Следующим шагом стали настольные (например, электронная машина Programma 101) и далее персональные компьютеры на основе микропроцессоров. В начале XXI в. стационарные компьютеры уступили свое место компактным, более мобильным и менее зависимым от электросетей ноут- и нетбукам, устраивающим большинство современных рядовых пользователей по соотношению цена/качество (производительность, размер, вес, внешний вид). Другими конкурентами классическим стационарным компьютерам стали современные смартфоны, которые все более уподобляются планшетным компьютерам по функциональности и размерам. Таким образом, естественный процесс увеличения производительности и функциональности и одновременно уменьшения размеров компьютеров привели к тому, что в наши дни компьютерные технологии стали доступны большому количеству людей, включают в себя огромный спектр разнообразных технологий.

Для информационно-технологической цивилизации характерно превалирование информационных процессов в производстве и потреблении товаров и услуг, в том числе в образовании, медицине, досуговой деятельности

и пр. В целом, можно согласиться, что информация, являясь мерой изменений и символом происходящих процессов, неотъемлема от социального бытия, ибо без нее невозможны ни процесс познания, ни общественный, научный, культурный и технологический прогресс.

Методологически значимым для теоретического анализа IT-цивилизации представляется понятие виртуальной реальности, основанное на философской концепции «множественности реальностей», или «полионтической парадигме», что означает теорию существования множества онтологически равнозначных реальностей, равнозначимых измерений бытия-«онтоса». Термин «виртуальное» или «виртуальность», идущий от латинского слова «virtus» – превосходный, действующий, доблестный, разрабатывался средневековой европейской философией и затем новоевропейской наукой. Именно этот изначальный смысл сохраняется в английском прилагательном «virtual» – фактический, действительный. Впоследствии «виртуальный» стал пониматься также как «воображаемый», «потенциальный», «возможный». Очевидно, что с течением времени смыслы термина существенно изменялись. Более того, до сих пор ни философы, ни психологи, ни социологи, ни специалисты по информационным технологиям не выработали единого мнения по вопросу о сути виртуальности и виртуального, о способах соединения мнимости, кажимости, возможности и истинности, актуальности.

Так, современные исследователи О.А. Антонова и С.В. Соловьев полагают, что «понятие «виртуальный» обозначает нечто, что противопоставляется реальности»³. Большинство исследователей сходятся во мнении, что виртуальный мир – это мир кажущийся, мнимый, возможный и одновременно реально существующий, истинный. Виртуальные объекты порождены исходной (константной, первичной) реальностью, онтологически с ней равноправны и автономны от нее, хотя их существование целиком и полностью зависит от процесса их создания и воспроизведения реальностью первого уровня. При завершении процесса порождения виртуальной реальности ее объекты исчезают. Виртуальных реальностей может быть бесконечное количество, причем все виртуальные реальности «рассматриваются равно истинными и равно реальными»⁴. Более того, виртуальная реальность, порожденная константной реальностью, сама может выступать исходной реальностью для виртуальной реальности следующего уровня. Таким образом, теоретическое исследование виртуальных реальностей требует постулирования полионтической неопредельной парадигмы, означающей отказ от представления о существовании только одной реальности.

Утверждение идей о реальности виртуального и, шире, о существовании множества равнозначимых миров непосредственно связано с развитием постнеклассической науки. Теоретическим обоснованием полионтической парадигмы являются идеи общей теории относительности А. Эйнштейна. Рассуждения «о существовании антивещества активизировали старые споры об антиматерии, антимире как частности многомерности, обратимости жизни и

смерти. Взаимопереходы бытия и небытия в виртуальном искусстве свидетельствуют не только о художественном, но и о философском, этическом сдвиге, связанном с освобождением от парадигмы причинно-следственных связей»⁵.

Технологически феномен виртуальной реальности непосредственно связан со все более масштабным использованием глобальной сети Интернет. Согласно современным исследованиям, виртуальная реальность – это «созданная компьютерными средствами искусственная среда, в которую можно проникать, меняя ее изнутри, наблюдая трансформации и испытывая при этом реальные ощущения. Попав в этот новый тип аудиовизуальной реальности, можно вступить в контакты не только с другими людьми, но и с искусственными персонажами»⁶.

Одной из важнейших специфических особенностей виртуальной реальности является интерактивность, которая позволяет «заменить мысленную интерпретацию реальным воздействием, материально трансформирующим... объект. Превращение зрителя, читателя из наблюдателя в сотворца, влияющего на становление произведения и испытывающего при этом эффект обратной связи»⁷ способствует формированию нового типа сознания. Утративший целостность, стабильность и определенность собственных границ виртуальный объект оказался принципиально открыт для видоизменения множеством субъектов. «Суждения о произведении как открытой системе теряют свой фигуральный смысл. Герменевтическая множественность интерпретаций сменяется мультivoздействием, диалог – не только вербальным и визуальным, но и чувственным, поведенческим полилогом пользователя с компьютерной картинкой. Роли художника и публики смешиваются, сетевые способы передачи информации смещают традиционные пространственно-временные ориентиры»⁸. Одним из ярких примеров мультivoздействия в среде Интернета является интерактивная энциклопедия Википедия, статьи которой открыты пользователям Сети для редактирования. Другим примером виртуального полилога служит практика Интернет-«комментов» на те или иные новости, сообщения, выставки, товары (например, технику, одежду, книги и фильмы). Причем, в отличие от ограниченности исходного сообщения, размер комментариев по его поводу практически безграничен.

Рассмотрение виртуальных практик в экономике, политике, культуре через призму множественности реальностей позволяет констатировать, что виртуальная реальность обладает колоссальным потенциалом для порождения разнообразных идентичностей и моделей субъективности. В противоположность автономному и рационально структурированному субъекту предыдущей эпохи – модерна, субъект современной IT-цивилизации диффузен, нестабилен, иррационален и эмоционален. При этом ситуация «приватной публичности» Интернета может способствовать и бесконечному умножению моделей идентичности индивида, и собиранию разрозненных диффузных характеристик в некую целостность. Таким образом, развитие информационных

технологий поддерживает разнонаправленные тенденции идентификации индивидов.

Интернет является средой, принципиально нацеленной на возможность анонимного общения. Многочисленные попытки властей различных государств строго идентифицировать пользователей Глобальной Паутины по их паспортным данным обоснованы, с одной стороны, классической парадигмой насилия и власти (юридической, экономической, социальной, культурной или иной). С другой же стороны, контроль и цензура в Сети вызывают понятный протест Интернет-сообщества, которое ценит возможность анонимности, заменяя имя на псевдоним, прозвище, «ник», «никнейм». Интересно, что поисковый запрос «никнейм» приводит на сайты, которые помогают выбрать или сгенерировать ник. Это нужно, в первую очередь, для любителей и профессионалов компьютерных игр – геймеров. Более того, постулируется важность выбора псевдонима. «Как придумать никнейм для игр? Перед каждым человеком, который начинает играть в компьютерные игры, встает проблема выбора никнейма для игры. К этому вопросу стоит отнестись очень серьезно, ведь именно под этим именем вас будут узнавать на сервере и именно этот ник будет закреплен за вами до конца вашего пребывания в игре. Каждый желает подобрать себе самый лучший никнейм – красивый, прикольный, оригинальный (ведь никто не хочет играть под ником “Player 1”)»⁹.

Фокусируясь на положительных аспектах компьютерных игр, нельзя не остановиться на концепции игры как зоны свободы. Удовольствие и азарт, общение и воображаемая самореализация, произвольный выбор различных социальных, культурных и гендерных ролей – таковы преимущества геймерской культуры, онтологической основой которой служит теория множественности реальностей. В пределе, компьютерные игры можно рассматривать как несерьезный, игровой способ социализации, усвоения общественных норм, возможность понарошку примерить разные социальные роли. Но положительные аспекты, как нас учит диалектика, являются неразрывно связаны с негативными: виртуальность дает ощущение «социальной невесомости»¹⁰, даже «онтологической безответственности».

Изучение отрицательных аспектов геймерства скорее свидетельствует о сознательном или бессознательном уходе от социальной реальности как таковой, т.к. игровая зависимость является одной из самых значимых для современной культуры форм эскапизма. Это, в свою очередь, приводит к смещениям в осмыслении существования, к уходу от социальных ролей и от социальной ответственности как таковой, к размыванию причинно-следственных связей. Яркость образов-симулякров, стирающая различия между «реальной реальностью» и «виртуальной реальностью», ставит вопрос о соотношении потенциального и актуального, о целях и средствах игрофикации.

Кроме этого, компьютерные игры входят в сложные взаимоотношения с реальным миром в сфере профессиональных навыков и опыта социального взаимодействия, в сфере обучения и труда, в области военных действий и

поведения на улицах и на проезжей части. Властные отношения, регулируемые в геймерской среде – это важная и интересная сфера исследования взаимодействия внутри и за пределами компьютерных игр, которая еще ждет своих исследователей.

Онлайн (и офлайн)-игры формируют новый тип телесности и специфическое отношение к жизни и смерти. Можно констатировать «отелеснивание» виртуальных практик «специфическим компьютерным телом (скафандр, очки, перчатки, датчики, вибромассажеры и т.д.) при отсутствии собственно телесных контактов»¹¹. В компьютерной игре возможности начать все сначала определяются правилами игры (например, наличием стандартных семи или десяти «жизней»), а в виртуальном мире пределы существования вообще не ограничены. Факт возвращения «жизней» связан с отсутствием в виртуальности точек невозврата. «Толерантное отношение к убийству как неокончательному акту, не наносящему необратимого ущерба существованию другого, лишённого физической конечности – одно из психологических следствий такого подхода»¹². Об опасности переноса подобного игрового («геймерского») отношения к жизни из виртуальной реальности в «реальную реальность» предупреждают психологи в последние десятилетия, анализируя многочисленные случаи массовых убийств при помощи огнестрельного оружия. Именно представление о множественности и равнозначности реальностей лежит в основе описанных выше явлений современной культуры.

В целом, глобальная Сеть вмещает в себя практически бесконечное число «клубов по интересам», которые позволяют современному пользователю, используя «ник» или псевдоним, реализовать любые желания, как социально приемлемые, так и нелегитимные. С другой стороны, социальные сети Интернета («Facebook», «ВКонтакте», «Одноклассники», «Анти-одноклассники», «Мой мир», «Однофамильцы» и др.) предоставляют пользователю возможность создания на личной страничке более-менее непротиворечивого образа самого себя. Создатели подобных аккаунтов воспринимают их как личное пространство и возмущаются при любом намеке на цензуру, в то время как открытый доступ к этому ресурсу превращает личную страницу в часть общего виртуального пространства, в сферу «публичной приватности». Субъект IT-цивилизации порождается интерактивной средой и не может без нее существовать. Виртуальная реальность может при этом будить воображение и раздвигать экзистенциальные рамки реальности, преодолевая ограниченность пространства, времени и самой жизни. Таким образом, виртуальные реальности культуры обладают огромным потенциалом как для развития индивидуальных личностных характеристик, так и для диффузии границ личности, взаимоперехода Я и не-Я.

Множественность виртуальных реальностей как важнейший фактор современной информационной цивилизации способна привести к созданию человека нового типа, к трансформации политики и культуры, социальных и

гендерных ролей. Векторы изменений в экономике последних десятилетий уже очевидны. Во-первых, рост сферы услуг привел к «дематериализации» производства. В XXI в. наибольшие доходы получают не производители «вещей», а производители «смыслов» (технологий, брендов, услуг, рекламных слоганов, узнаваемых образов). Во-вторых, вовлечение эмоций и досуга в производственный процесс приводит к «колонизации нерабочего времени» и развитию мощных «индустрий досуга»¹³. Так, компьютерные игры перестали быть только способом провести свободное время, превратившись в высокодоходный сектор экономики, новый вид творческой активности и даже в современный вид агональной (соревновательной) практики в виде турниров различного уровня по киберспорту, иначе называемому компьютерным или электронным спортом.

В итоге оказалось, что досуг в крупных городах перестал быть личным делом каждого, чистым «свободным временем» для отдыха и самосовершенствования. Досуг теперь вошел в индустрию: лучшим использованием свободного времени теперь считается потребление (в первую очередь, культурных продуктов, досуговых практик), а это потребление двигает вперед производство. Как писал М. А. Маяцкий, «предлагая человеку учиться и переучиваться (что становится все нужнее и все ценнее производству); истолковывая как свободное то время, которое человек проводит *между* периодами занятости, т. е. в качестве безработного; заставляя его думать о работе 24 часа в сутки (ибо думание работника и думающие работники стали расти в цене); предлагая стирать грани между работой и досугом (в конце концов, и там и там сидишь перед экраном)»¹⁴.

В заключение представляется логичным констатировать множественность и текучесть виртуальных реальностей и вследствие этого, изменение способов идентичности человеческой личности. Полионтическая парадигма делает возможными ситуации, когда «ник» не соответствует имени, пол и возраст выбираются произвольно, общение осуществляется вне привычных социальных условностей или определенностей, например, в случае выдуманных персонажей. С одной стороны, информация в наши дни воспринимается как нечто, обладающее наивысшей ценностью. Именно поэтому стала так важна экономика знания и так обсуждаема тема информационных войн. С другой стороны, защита информации и интеллектуальной собственности фактически означает насилие над свободой личности. Виртуальные реальности зачастую состоят в сложных взаимоотношениях с исходной, первичной реальностью, что рождает специфические формы их влияния друг на друга. Таким образом, концепция множественности реальностей позволяет проанализировать целый спектр явлений современной IT-цивилизации.

¹ Межгосударственный стандарт «Information technologies. Vocabulary» и соответствующий ему российский ГОСТ 33707-2016 (ISO/IEC 2382:2015) принят Межгосударственным советом по

стандартизации, метрологии и сертификации (протокол от 28 июня 2016 г. № 49). URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200139532>. Дата обращения 16.02.2019.

² Пец А.В. Полионтизм как характеристика деятельности в цифровых электронных средах //Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 4. С. 104. См. также Роберт И.В. Концепция «Философско-методологические, социально-психологические, педагогические и технико-технологические предпосылки развития информатизации современного образования» – М: ИИО РАО, 2008. – 36 с.

³ Антонова О.А., Соловьев С.В. Теория и практика виртуальной реальности: логико-философский анализ. Изд.С.-Петербургского университета, 2008. С. 12.

⁴ Пец А.В. Указ. Соч. С. 104.

⁵ Маньковская Н.Б. От модернизма к постпостмодернизму via постмодернизм //Коллаж-2 / Отв. ред. В.А. Кругликов. – М.: ИФ РАН, 1999. С. 24.

⁶ Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейя, 2000. С. 310.

⁷ Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейя, 2000. С. 311.

⁸ Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейя, 2000. С. 311.

⁹ URL: http://vnickname.ru/nicki-dlya_igr.php Дата обращения 17.02.2019.

¹⁰ Таратута Е.Е. Философия виртуальной реальности – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. – 148 с.

¹¹ Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейя, 2000. С. 311.

¹² Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейя, 2000. С. 313.

¹³ Маяцкий М.А. Труд, знание, досуг в постиндустриальном обществе //Экономическая социология. Т. 15. № 1. Январь 2014.

¹⁴ Маяцкий М. А. Когнитивный капитализм — светлое будущее научного коммунизма? // Логос. 2008. № 61. С. 238.

Гринёв Андрей Вальтерович

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого

ИСТОРИЯ РОССИИ – ИСТОРИЯ ЗАСТОЕВ И РЫВКОВ

О том, что история развивается циклически, люди стали задумываться в глубокой древности. Еще в Древнем Китае концепция цикличной эволюции была разработана на рубеже I–II тыс. до н.э. знаменитым Чжоу-гуном, которого следует считать творцом основ китайской государственности¹. В дальнейшем эти идеи присутствовали в различных исторических теориях и научных концепциях, включая, разумеется, и Россию. Циклическая картина ее развития была хорошо показана в 1990-х гг. в работах новосибирской исследовательницы О. Э. Бессоновой². Подходя к проблеме с сугубо экономической точки зрения, она характеризует традиционную хозяйственную систему России как «раздаточную», в противовес рыночной, господствовавшей на Западе. Ряд авторов также отмечал нерыночный характер российской экономики в различные эпохи. Исходя из господства государства в хозяйственной сфере, они обозначали существовавший в России строй как «вотчинное государство»³, «государственный феодализм/капитализм»⁴,

«этакратизм» (от франц. *etat* – государство)⁵, «политаризм» (от греч. *πολιτεία* – «власть большинства», т.е. в широком смысле государство)⁶ или использовали хорошо знакомый советским историкам термин «азиатский способ производства»⁷, суть которого раскрыл еще К. Маркс⁸. Действительно, в России на протяжении практически всей ее истории существовал не феодализм, капитализм и социализм, а различные вариации политаризма⁹ (если использовать термин, предложенный Ю.И. Семеновым). Как при любом политарном строе верховная собственность государства распространялась не только на основные средства производства (в первую очередь землю), но также на личность любого человека.

Вернемся, однако, к проблеме цикличности в истории России в трактовке О.Э. Бессоновой. Она выделяет три периода «раздаточной экономики»: 1) конец X – конец XII в., 2) XV – XIX вв., 3) 30-90-е гг. XX в., между которыми располагаются переходные периоды: квазифеодализм XIII – конец XV в.; квазикапитализм 1861 – 1930 гг.; квазирынок – конец XX в.¹⁰. Первый период («княжеский») соответствует существованию Киевской Руси, на смену которому приходит эпоха удельных княжеств («квазифеодализм»), затем следует Московско-Петербургский период или царская Россия, после чего наступает этап капиталистического развития страны («квазикапитализм»), который сменяет советский период и, наконец, современный, связанный с рыночными преобразованиями.

Не отрицая эвристической ценности предложенной схемы, следует все же указать, что ее главным минусом является узкий экономический подход, практически начисто игнорирующий многие важные факторы, влияющие на специфику развития как общества в целом, так и на собственно экономическую сферу. В частности, речь идет о демографическом и военном факторах, а также внешнем влиянии. Эти факторы были хорошо и подробно проанализированы в крупной монографии известного уральского историка С.А. Нефёдова¹¹. В ней ученый рассмотрел отечественную историю через призму неомальтузианства (включая экологический аспект), параллельно используя теорию «военной революции» и теорию элит, не забывая при этом о социально-экономическом развитии страны, а также о внешнем воздействии на нее со стороны других государств. В итоге история России предстает как результат взаимодействия самых разных факторов, а не только экономических, как у О.Э. Бессоновой.

Соглашаясь в целом с подобным подходом, следует, тем не менее, подчеркнуть, что экономический фактор является наиболее значимым. Ведь существование любого общества невозможно без экономического воспроизводства, иначе оно просто погибнет (как погибнет отдельный человек, перестав питаться, т.е. получать энергию с пищей из окружающей среды). Вместе с тем, следует особо отметить, что не сама по себе экономика, техника, технология или структура хозяйства определяют характер конкретного общества. Например, и в США, и в СССР в середине XX в. производились станки, трактора, комбайны, автомобили, самолеты, выращивалось зерно,

картофель, кукуруза и т.д. С этой точки зрения различия между странами были непринципиальными. А принципиальным был характер господствовавшей в США и СССР собственности. В одном случае речь шла о частно-личной и корпоративной собственности, в другом – о государственной. Отсюда и проистекали те многочисленные и существенные различия между Советским Союзом и Америкой, поскольку именно тот или иной тип господствующей собственности формирует специфические черты самого общества и оказывает решающее влияние на различные сферы его жизнедеятельности. Об этом писал еще до революции видный историк М.Ф. Владимирский-Буданов, указывая на закономерность в развитии правовых норм: «...История собственности развивается в соответствии с историей гражданских прав лица: право собственности растет вместе с возрастанием свободы лица и понижается вместе с понижением ее. И наоборот, возрастание или упадок права собственности влечет за собою или возвышение или понижение личных прав»¹².

Соответственно выстраивать возможную траекторию исторического развития страны целесообразно с точки зрения эволюции доминирующих отношений собственности. Выше уже говорилось, что в России на протяжении веков абсолютно преобладала государственная форма собственности, но это вовсе не означает, что кроме нее не существовали другие. Так, в господствующий политарный уклад были «встроены» в качестве «второго эшелона» такие экономические подуклады, как патриархально-общинный, рабовладельческий (посаженные на пашню холопы), формирующийся феодальный и ремесленно-купеческий. Но изначально Киевская Русь складывалась именно как раннеполитарное общество, во многом схожая с существовавшими до того в Западной Европе в V – IX вв. аналогичными образованиями, ошибочно именуемыми «раннефеодальными». Неслучайно, известный дореволюционный историк Н.П. Павлов-Сильванский ставил между ними знак равенства, утверждая наличие на Руси феодального начала¹³. Однако к моменту становления Древнерусского государства в Западной Европе происходит трансформация политаризма в феодализм. Огромную и до сих пор недооцененную роль в этом сыграл институт, прямо связанный с собственностью на основное средство производства – землю. Речь идет о праве майората (от лат. *maior* – старший), при котором имущество наследовалось целиком старшим в роду или семье. Этот принцип стал вводиться в практику наследования в империи Карла Великого, когда только старший сын получал все земельные владения и недвижимое имущество после смерти отца. Это не вело к дроблению крупной земельной собственности и стимулировало возводить долговременные сооружения для ее защиты – каменные замки, покрывшие Западную Европу в X – XII вв., что позволило историкам говорить о «феодальной революции»¹⁴.

Ничего подобного Древняя Русь не знала. Достаточно сказать, что согласно русской традиции все сыновья получали равную долю наследства, всем дочерям родители давали приданое. В результате даже большая богатая

боярская вотчина через несколько поколений фактически исчезала, заставляя боярских потомков идти на поклон за новыми земельными пожалованиями к главному держателю земли – государству в лице великого князя, а затем царя. Попытку ввести институт майората предпринял в 1714 г. Пётр I, издав Указ о престолонаследии¹⁵, но уже при Анне Иоанновне он был отменен. Естественно, что никакого феодализма на Руси ни до монгольского нашествия, ни после него сложиться не могло, а имела место только трансформация политаризма с некоторыми элементами феодальных отношений. В свете этого распад Киевской Руси на удельные княжества означал не начало «феодальной раздробленности», как это обычно трактуют в отечественной научной литературе и учебниках, а просто возникновение на базе крупной политарной системы нескольких более мелких. Даже сторонник формирования феодализма на Руси Н.П. Павлов-Сильванский вынужден был признать: «На Западе чиновники и землевладельцы стали государями; у нас все удельные государи, большие и малые, одного княжеского рода Рюриковичей; ни один боярин, как ни один наместник, не сделался у нас князем»¹⁶. Схожим образом и при возникновении державы Чингисхана его государство мыслилось принадлежавшим всему «золотому роду» чингизидов¹⁷. Поэтому термин, предложенный О.Э. Бессоновой для удельного периода – «квазифеодализм» – представляется вполне подходящим.

В эпоху Удельной Руси не произошло никаких существенных качественных изменений в экономике древнерусского общества (за исключением замены верховной собственности киевского князя на верховную собственность местных князей-рюриковичей). Куда значительнее были перемены в политической сфере: распад на отдельные княжества знаменовал резкое ослабление военного потенциала древнерусского общества, чем и воспользовались монголы, подчинив себе Русь и включив ее в свой западный улус в 1237 – 1240 гг. Монгольское владычество отбросило страну к политаризму ярко выраженного восточного типа, когда под мощным прессом Орды заимствовались многие элементы материальной и политической культуры Китая, Монголии, Персии, а затем и Турции¹⁸.

Возникшее на обломках Удельной Руси Московское государство было изначально политарным обществом, причем его политарные черты особенно усилились во времена Ивана Грозного, который путем репрессий в период Опричнины фактически ликвидировал протофеодальный уклад, изымая в массовом порядке боярские вотчины, а также протобуржуазный уклад, окончательно разорив Новгород в 1570 г. Последующий через несколько десятилетий период Смуты ничего принципиально не изменил, и к периоду царствования Петра I Россия оставалась все таким же политарным обществом, как Китай, Иран или Турция, с которыми ее нередко сравнивали иностранцы.

Преобразования Петра I были продиктованы не только экономическими причинами (выход к Черному и Балтийскому морям), но в не меньшей, если не большей степени, военным фактором: политарная Россия постепенно отставала

от идущих капиталистическим путем передовых стран Запада. «Война указала порядок реформы, сообщила ей темп и самые приемы. Преобразовательные меры Петра следовали одна за другой в том порядке, в каком вызывали их потребности, навязанные войной», – писал крупнейший русский историк В.О. Ключевский и продолжал: «Война была главным движущим рычагом преобразовательной деятельности Петра, военная реформа ее начальным моментом, устройство финансов – ее конечной целью»¹⁹. Точно так же необходимость иметь хорошо обученную кавалерию для отражения татарских набегов, сражений с польско-литовскими гусарами и быстрого подавления мятежей на окраинах страны, заставили Ивана Грозного ввести конное дворянское ополчение и поместную систему, резко усилившую крепостничество, что отложило заметный отпечаток на дальнейшей истории страны.

Благодаря реформам Петра, Россия совершила мощный технологический рывок (оплаченный неимоверной ценой народных страданий). При этом преобразования первого императора не затронули сути российского общества, хотя внешне они выглядели очень впечатляюще. Это отмечали еще дореволюционные историки: «Наивысшее напряжение реформаторской власти государства нового времени у нас в эпоху Петра I не изменило главных оснований социального и государственного строя... – подчеркивал Н.П. Павлов-Сильванский. – Сословный строй государства вышел из эпохи преобразований без существенных перемен, а крепостное право, лежавшее в основании этого строя, только усилилось после Петра. ... Петровская реформа не перестроила заново новое здание, а дала ему только новый фасад»²⁰.

Дальнейшая эволюция российского политаризма проходила без существенных потрясений, пока не грянула Крымская война. В ходе ее вскрылась накопившаяся техническая и социально-экономическая отсталость страны, что заставило верховную власть вновь приступить к полномасштабной перестройке различных сфер жизни общества. Дело в том, что политаризм, хотя и обладает большой устойчивостью, но одновременно он очень консервативен. Отчуждение работника от средств производства, внеэкономическое принуждение, изъятие значительной части произведенного продукта через налоговую систему, жесткий контроль государства в различных сферах – все это сковывает инициативу и заинтересованность в труде, порождает косность, инертность и застой. Поэтому неудивительно, что правительство Александра II взяло курс на подражание наиболее передовым и динамично развивающимся капиталистическим странам. Российское государство двинулось по капиталистическому пути развития, правда, при содействии и под надзором государства (этот период не без оснований назван О.Э. Бессоновой «квазикапитализмом»). В результате к началу XX в. в России сформировался весьма специфический вариант государственно-монополистического капитализма, для которого была характерна очень высокая концентрация и централизация капитала, а также господство связанных с казной монополий²¹.

Срачивание отечественного капитала с государством особенно усилилось в годы Первой Мировой войны, когда казенные заказы и государственное регулирование экономики достигли своего апогея. Что касается обширного аграрного сектора, то здесь попытки посредством столыпинской реформы поставить сельское хозяйство на рельсы капитализма путем демонтажа общины и общинной земельной собственности и развития индивидуального фермерства в целом не увенчались успехом. Большинство крестьян продолжало трудиться в рамках традиционных сельских общин с их регулярным уравнительным перераспределением земли. В то же время бурный демографический рост на селе закономерно приводил к обезземеливанию крестьянства и росту социальной напряженности. Ее усиливала борьба между городским пролетариатом и буржуазией, существовавшая в России социальная, этническая и религиозная дискриминация, недовольство части господствующей элиты существующими порядками.

Сложившиеся в России в начале XX в. острейшие противоречия не были разрешены ни революцией 1905 г., ни Февральской революцией 1917 г., хотя обе они, каждая по-своему, способствовали утверждению и развитию капиталистических отношений и буржуазной демократии: первая привела к аграрным преобразованиям и возникновению российского парламента – Думы, а вторая – к падению династии Романовых и учреждению республики. Окончательному становлению буржуазного общества в России помешал Октябрь 1917 г. Эти события в современных учебниках принято обозначать как завершение Великой русской революции, начавшейся в феврале²². Такой же точки зрения придерживаются и некоторые авторы, занимающиеся философией истории, указывая, что это была революция, в результате которой в стране победил социализм²³.

На самом деле никакого социализма в России не было и быть не могло. Здесь, вероятно, будет излишним подробно объяснять совершенно очевидные факты отсутствия в СССР власти народа в силу отчуждения работников от средств производства (что всегда неизбежно порождает эксплуатацию) и абсолютного доминирования государственной формы собственности. По своей сути Октябрь 1917 г. был политарной контрреволюцией, отбросившей страну к традиционному строю, правда, в «псевдосоциалистической идеологической упаковке» и с полуиндустриальной технической базой²⁴. Хотя власть большевиков вынуждена была пойти на частичное введение капиталистического уклада в период НЭПа, но в конечном итоге политаризм был окончательно воссоздан в годы сталинских пятилеток. Страна вновь совершила технологический рывок, стремясь догнать ушедшие вперед страны Запада в первую очередь в военной сфере.

Однако после рывка индустриализации (оплаченного страшной ценой), страна опять начала погружаться в пучину политарного застоя. Попытка перестроить политарную систему с целью придания ей большей экономической эффективности, предпринятая М.С. Горбачёвым в конце 1980-х гг.,

завершилась ее деградацией и распадом СССР. Возникшая на его обломках Новая Россия вновь попыталась строить капитализм, который трудно назвать иначе, чем компрадорский «криминально-олигархический»²⁵. Впрочем, даже такой уродливый капитализм начал постепенно вырождаться под давлением государственных структур, отсутствия правовых гарантий, экономических кризисов, в том числе под влиянием западных санкций после присоединения Крыма в 2014 г. В настоящее время государственный сектор в России охватывает более 50% экономики, причем его доля увеличивается. Отсюда – прямой путь к полной реставрации политаризма. К этому добавляется острая политическая конкуренция с Западом во главе с США, что усиливает тяготение российской экономики к политике автаркии, укреплению армии и ВПК в атмосфере пропаганды идеи «осажденной крепости» перед лицом враждебной позиции Запада, сопровождаясь прославлением патриотического служения государству.

Как видно из нашего краткого исторического экскурса, Россия на протяжении почти всей своей истории развивалась как политарная страна. Практически все значимые реформы в ней начинались под влиянием внешнего фактора и были призваны служить в первую очередь военной сфере. Это было продиктовано не только условием выживания в конкуренции с другими странами, но и тем обстоятельством, что в основе политарного способа производства лежит внеэкономическое принуждение к труду со стороны государства, опирающегося на вооруженные силы.

Какие выводы можно сделать из всего вышесказанного? Политаризм неэффективен как экономическая система (исключение составляют периоды войн или выполнение задач вроде индустриализации или покорения космоса, требующих колоссального напряжения сил всего общества). Неслучайно страны с такой системой «вечно догоняют» государства, в основу которых положены более прогрессивные экономические принципы. Среди таких догоняющих стран и наша Россия. Ее история – это история застоев и рывков.

¹ Васильев Л.С. Законы эволюции и проблемы человечества. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С.4.

² Бессонова О.Э. Раздаточная экономика как российская традиция // *Общественные науки и современность*. 1994. № 3. С.37-47; ее же. Раздаточная экономика в ретроспективе // *Общественные науки и современность*. 1998. № 4. С.85-100.

³ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: «Независимая газета», 1993. С.36-41.

⁴ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. С.434-435, 437, 479, 554-558; Фроянов И.Я. Погружение в бездну (Россия на исходе XX века). СПб., 1999. С.25; Островский А.В. Универсальный справочник по истории России. СПб., 2000. С.276.

⁵ Радаев В.В., Шкаратан О.И. Власть и собственность // *Социологические исследования*. 1991. № 1. С.51.

⁶ Семёнов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: Сущность и место в истории человечества и России. *Философско-исторические очерки*. М.: Кн. Дом «ЛИБРОКОМ», 2016.

⁷ Захаров А.К. «Реальный социализм» и «азиатский способ производства» // *Общественные науки и современность*. 1993. № 2. С.164-172; Стариков Е.Н. Общество-казарма от фараонов до наших дней.

Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1996. С.349-353, 363-386; Кан А.С. Русская революция 1917 года и поражение социализма в Европе // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 10. С.84 и др. работы.

⁸ Маркс К. Военный вопрос. – Парламентские дела. – Индия // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.9. С.222; его же. Капитал. Критика политической экономии. Том III. // Там же. Т.25. С.353-354; его же. Маркс – Энгельсу, 14 июня 1853 г. // Там же. Т.28 С.228 и т.д.

⁹ См. Гринёв А.В., Ирошников М.П. Россия и политаризм // Вопросы истории. 1998. № 7. С.36-46.

¹⁰ Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России. М.: РОССПЭН, 2006. С.33.

¹¹ Нефёдов С.А. История России. Факторный анализ. Т.I. С древнейших времен до Великой Смуты. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010; его же. История России. Факторный анализ. Т.II. От окончания Смуты до Февральской революции. М., 2011.

¹² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев: Изд-во Н.Я. Оглоблина, 1888. С.487.

¹³ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М.: Наука, 1988. С.10-12, 54-59, 74-78 и др.

¹⁴ Бессмертный Ю.Л. «Феодальная революция» X – XI веков? // Вопросы истории. 1984. №1. С.52-68.

¹⁵ ПСЗРИ. Т.V. № 2789. С.91-94.

¹⁶ Павлов-Сильванский Н.П. Указ. соч. С.90.

¹⁷ Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ, 2005. С.147, 149.

¹⁸ См.: Нефёдов С.А. Монгольские завоевания и формирование российской цивилизации // Вопросы истории. 2006. № 2. С.113-123.

¹⁹ Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. М.: «Рассвет», 1992. С.122-123.

²⁰ Павлов-Сильванский Н.П. Указ. соч. С.144-145, 147; Волкова И.В. Военное строительство Петра I и перемены в системе социальных отношений в России // Вопросы истории. 2006. № 3. С.35-51.

²¹ Наумова Г.Р. Российские монополии (источниковедческие проблемы). М.: МГУ, 1984. С. 15, 22, 31.

²² История России: начало XX – начало XXI века. 10 кл.: учебник / О.В. Волобуев, С.П. Карпачёв, П.Н. Романов. М.: Дрофа, 2016. С.28, 30, 45.

²³ Гринин Л.Е. Российская революция в свете теории модернизации // История и современность. 2017. № 2. С.24, 26-27, 29 и др.

²⁴ См.: Гринёв А.В. Октябрь 1917-го: вооруженное восстание масс, большевистский переворот, социалистическая революция или нечто иное? // Вестник Российской Академии наук. 2017. Т.87. № 10. С.891-897.

²⁵ Шкаратан О.И. Трансформация социетальной системы постсоветской России // Политическая концептология. 2011. № 3. С.92-97, 110.

Гусаров Василий Васильевич

научный сотрудник

Государственный историко-культурный и природный музей – заповедник

А. С. Грибоедова «Хмелита»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОСЛЕДНИХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ УСАДЬБЫ ХМЕЛИТА ВОЛКОВЫХ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.) В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Волковы являются одной из известнейших дворянских фамилий Смоленской и Псковской земли. Дворяне Волковы были внесены в 6-ю часть Псковской дворянской родословной книги. Их род был древним, они возводили свое начало к Григорию Волку¹, выехавшему с сыновьями из Литвы к Великому князю Василию Ивановичу (Василию III).

В документах сохранилось прошение Владимира Александровича, «потомственного дворянина Псковской губернии, внука бывшего Псковского губернского предводителя дворянства Николая Степановича Волкова» о внесении его в родословие и выдаче ему свидетельства о происхождении. Метрическая выписка гласит: «Псковской епархии Порховского уезда села Полоной Спасо-Нерукотворного образа церкви за 1870 год под № 10 в мужской графе значится: 1869 года июля 30 дня родился младенец Владимир крещен в Англии по обряду английской церкви, к православию присоединен 1870 года сентября 4 дня. Родители: пороховской помещик потомственный дворянин Александр Николаевич Волков православного вероисповедания и законная его жена Алиса Васильевна английского вероисповедания. Восприемники: лейб-гвардии Гродненского гусарского полка корнет Константин Николаевич Волков и пороховского помещика тайного советника Михаила Александровича князя Дондукова – Корсакова дочь девица Ольга Михайловна». (т.е. дядя В.А. и его тетка по матери)².

В то же самое время Варвара Петровна Гейден, в замужестве Волкова происходила из не менее знаменитого рода Гейденов. Род Гейденов происходил из Западной Европы из района нынешней Вестфалии, где был известен уже в XII в. Грамотой императора Иосифа II (1767) имперские бароны Фридрих – Иоганн – Сигизмунд и Александр – Карл фон Гейдены были введены в графское Римской империи достоинство³. Российская ветвь Гейденов начинается с Логина Петровича Гейдена, который с 1795 г. был на русской службе, а с 1811 г. ему было Высочайше разрешено именоваться в России графом Римской империи.⁴ В России род Гейденов был занесён в V часть родословной книги Екатеринославской, Орловской, Псковской и других губерний⁵.

Владимир Александрович и Варвара Петровна поженились в «церкви Общины Св. Георгия» 12 июня 1894 года в Санкт-Петербурге и брак их был внесен в обыскную книгу под № 33 за 1894 год⁶. На момент вступления в брак они оба были псковскими дворянами, так как на Псковской земле у Гейденов было имение Глубокое⁷.

После бракосочетания в качестве приданного граф П.А. Гейден подарил Варваре Петровне и Владимиру Александровичу имение Хмелита в Вяземском уезде Смоленской губернии, об этом мы можем узнать из воспоминаний их сына Н. В. Волкова⁸. До этого имение принадлежало дяде А. С Грибоедова – Алексею Федоровичу Грибоедову. Следует отметить довольно интересный факт, который многое даёт понять о семейных отношениях Волковых: само имение находилось во владении у Варвары Петровны Гейден-Волковой, а у её мужа был лишь земельный минимум в размере 252 дес. 120 саж., необходимый для участия в уездных и губернских выборах⁹. Этот факт подтверждают воспоминания их сына Владимира Владимировича Волкова: «Однажды управляющий Хмелитой заметил, что он «не хотел бы быть Владимиром Александровичем» и имел неосторожность предложить: а не стоит ли

поинтересоваться о делах имения мнением В.А. На что Варвара Петровна ответила: «Зачем это, - недовольно бросила она – Это всё принадлежит мне и его не касается»¹⁰.

Таким образом, женившись на В.П. Гейден, и перебравшись в Хмелиту, Владимир Александрович, получивший очень хорошее образование в России и Англии, будучи сам незаурядной личностью, оказался в тени своей энергичной, деятельной эмансипированной супруги.

Но это не помешало Владимиру Александровичу стать уездным главой дворянства. Эту должность он занимал три срока по три года, итого девять лет. При нём в городе Вязьма его стараниями был в частности построен памятник «Доблестным предкам», установленный в 1912 г. и посвящённый Отечественной войне 1812 года. Причём следует отметить тот факт, что он сделал довольно крупное пожертвование на создание данного памятника. За годы своей службы В.А. Волков был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени и Св. Анны 2-й степени.

Вот какие слова произнес о нем говорил тогдашний смоленский губернатор: «За все время своей службы он исполнял возложенные на него обязанности с редким усердием и преданностью делу». С течением времени высокие нравственные качества Волкова оказали свое воздействие на уездное дворянство, отношение в губернии к нему стало доброжелательным и уважительным, сыновья его любили больше, чем мать, так как он всегда был готов их выслушать, понять и поддержать без всякого выговора.

Варвара Петровна была очень деловитой и инициативной представительницей своего поколения. Она построила земскую школу в Хмелите, стала ее попечителем, заботилась о крестьянах, живших в Хмелите.

Но ее не очень любили и вот как о ней говорили местные мужики, да и некоторые представители дворянства: «Смотри-ка, Волчиха идёт»¹¹. По нашему мнению, это было связано с тем, что они просто не понимали тех действий, которые предпринимала Варвара Петровна по ведению усадебного хозяйства и внедрению многих новшеств. Многие дворяне не могли смириться с тем, что у неё были крупные связи и часто не понимали, как она могла «пробить» то, что другие мужчины не могли сделать. Иногда она была достаточно жесткой.

Из переписки Варвары Петровны со своим отцом, графом Гейденом, узнаем следующее: в Хмелите мартюховские крестьяне (д. Мартюхи находится примерно в 15 км от Хмелиты), захватили 100 десятин земли, которые принадлежали Волковым и засеяли её. В результате этого Варвара Петровна подала в суд. Однако Пётр Александрович настаивал, чтобы она ещё раз поговорила с крестьянами и чтобы закончить дело без суда. В результате он посоветовал ей позволить крестьянам засеять эту землю и «получить часть убытка без особых хлопот»¹²

В то же время, если в Хмелите у кого то сгорал дом, то Варвара Петровна разрешала взять лес из своих владений для восстановления дома¹³.

Варвара Петровна имела активную гражданскую позицию и в январе 1906 г. побывала в Смоленске, на собрании у будущего председателя III Государственной думы Н.А. Хомякова. «Я была единственной дамой за хозяйку; должна сказать, что ничего особенно интересного не слышала»¹⁴, - писала она отцу.

В нач. 20 в. городе Вязьма открылась, благодаря ее влиянию и хлопотам, женская гимназия, здание которой сейчас находится по адресу ул. Ленина, д. №4¹⁵. 12 августа 1907 года в стены Второй женской гимназии вошли первые ученицы. В дальнейшем в этот день всегда проходили вступительные экзамены. Гимназия была рассчитана на 165 человек, при ней был организован специальный педагогический класс (7 лет - общее образование и 8-й класс педагогический)¹⁶. Ныне в этом здании находится средняя школа № 1 г. Вязьмы.

Общественной деятельностью в области образования занимался и В.А. Волков. В 1902 году 5 км от Хмелиты в деревне Семеновское, на крестьянской земле, в собственном здании открыли одноклассное начальное училище (три отделения). Попечителем этой школы был владелец Хмелиты, потомственный дворянин В.А. Волков. В 1916 году в Семеновском занимались 75 учащихся, в том числе 23 девочки из трех деревень. В.А. Волков являлся также попечителем Меньшиковского начального училища, в котором занимались 45 детей из шести деревень.¹⁷

В начале XX века в Хмелите было обширное хозяйство. По данным Смоленского губернского статистического комитета, там находился тридцать один двор, в которых проживали 117 жителей мужского пола и 121 – женского. В Хмелите были: вольная пожарная дружина, две конопляных маслобойки и винная лавка. В усадьбе в восьми зданиях жили 5 мужчин и 4 женщины.¹⁸

В Хмелите Волковым удалось восстановить, насколько это было возможно, исконный архитектурно – усадебный ансамбль. Они скупали вещи, которые находились в Хмелите при Грибоедовых. Но их планам не суждено было сбыться окончательно. Наступило революционное лихолетье.

В начале 1918 года все Волковы оказываются в Москве. Софья Михайловна Гейден, мать Варвары Петровны, не зная об их бегстве, покидает Глубокое и ищет их в Вязьме, где они снимали дом. В полном одиночестве умирает «гражданка Гейден, которой принадлежало вместе с гражданкой Волковой Глубокое», вдали от всех родных, в чужом городе. В.А. Волков и сын Николай были арестованы в Москве, находились в тюрьмах. Варвара Петровна носила им передачи в Бутырскую тюрьму, благо продукты привозили на подводах хмелитские крестьяне, которые очень уважали В.А. Волкова за его постоянную помощь им в сложных ситуациях. Варвара Петровна как известная деятельница Красного Креста добивалась невозможного, попадая на прием к Свердлову, Чичерину, Каменеву и др. комиссарам, хлопоча об освобождении мужа, сына и своих близких знакомых.

В 1922 году перед отъездом из России под предлогом заграничного лечения она сдала в Третьяковскую галерею графику и 130 живописных картин, которые после пожара в Глубоком в 1908 году перевезла в Хмелиту. Несколько папок с документами и фотографиями она оставила в Историческом музее¹⁹, сейчас многое из этого можно найти в фондах этого музея. Кое-что Волковы вывезли с собой, и об этом рассказывал Владимир Владимирович, младший сын Волковых, который дважды в глубокой старости посетил свое родовое гнездо, усадьбу Хмелита, ныне центр музея-заповедника «Хмелита». Он сообщал, что его отец Владимир Александрович, с которым Варвара Петровна за границей жила в разъезде, похоронен под Парижем на русском кладбище Сент-Женьев-Де-Буа. На его могиле скромная табличка²⁰: «Волков-Муромцев Владимир Александрович, последний предводитель дворянства Вяземского уезда Смоленской губернии и Волкова (ур. Графиня Гейден) Варвара Петровна. Погребена в Иерусалиме». Старший сын Волковых, Николай Владимирович, автор замечательных мемуаров, после эмиграции жил в Англии, там же и умер. У него было две приемные дочери – Кэролайн и Стефания. Младший – Владимир Владимирович – был бездетен, жил в Швеции, похоронен в 2000 году в Стокгольме на русском православном кладбище. Дочь Волковых – Александра Владимировна (Сандра) была директором гимназии в Ницце, потом работала переводчицей, похоронена в Сан-Ремо.

Так завершились жизненные пути представителей древнего дворянского рода Волковых, многое совершивших на благо Отечества в Псковской и Смоленской губерниях. В настоящее время историей этого рода серьезно занимаются сотрудники музея-заповедника «Хмелита»: существует экспозиция, посвященная Волковым, в фондах хранится коллекция документов и фотографий, из Третьяковской галереи в 2013 г. в фонды были переданы копии графики из собрания Волковых руки художника К. Гампельна, о деятельности последних дореволюционных владельцев Хмелиты созданы лекционные и выставочные проекты.

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 82 тт. и 4 доп. тт. М.: Терра, 1991. Т. 13. С. 38.

² ГАПО (Государственный архив Псковской области): Дело о внесении дворян Волковых в дворянские родословные книги. Ф. 110. Оп. 1. Д. 176.

³ ГАРФ (Государственный архив РФ). Ф. 887. Оп. 1. Д. 59

⁴ Фонды музея-заповедника «Хмелита». ГМЗХ. КП – 1770.

⁵ Шевырин В. М. Рыцарь Российского либерализма Граф Петр Александрович Гейден. Москва: ФГУП Издательство «Известия», 2007.

⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 123. Д. 5. Л. 2.

⁷ Симакина Г. Ф. Сохранить связь с прошлым // Третьи Псковские региональные краеведческие чтения, Псков, 10-12 октября 2013 года: Союз краеведов России, Псковское региональное отделение; Российская Международная академия туризма, Псковский филиал; [ред.-сост. Т. В. Вересова]. Псков: [б. и.], 2013.

⁸ Волков-Муромцев Н. В. Юность; От Вязьмы до Феодосии. Paris: YMCA-Press, 1983.

⁹ Смоленские губернские ведомости. № 26. Вып. 28.07.1912.

¹⁰ Вуколов Н. Волков из рода Волковых. Хмелитский сборник: IV. Смоленск: СГПУ, 2001.

¹¹ ГАРФ. Ф. 887. Оп. 1. Д. 259. Л. 54, 65 – 66, 71, 86, 95.

¹² Гусаров В.В. Усадьба Хмелита: от величия к забвению (1917 - 1939) // Образование, культура, просветительство как основа консолидации гражданского общества. Материалы международной научно - практической конференции 6-7 ноября 2014 года. ОУ ВО "Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права. Филиал в городе Смоленске". Смоленск, 2015.

¹³ Шевырин В. М. Рыцарь Российского либерализма Граф Петр Александрович Гейден. М.: ФГУП Издательство «Известия», 2007.

¹⁴ Гурская Н. Г. Прогулки по старой Вязме. Смоленск: Смоленская городская типография, 2014.

¹⁵ URL: <http://www.vyazma.name/f213/shkola-1-goroda-vyaz-ma-8176-5.html> (дата обращения: 19.02.2016).

¹⁶ ГАСО (Государственный архив Смоленской области). Ф. 133. Оп. 1. Св. 1. Д. 9. Лл.13-16, лл.33-34, лл. 86-89, лл. 100-103. Вяземский училищный совет Смоленской губернии (1916 г.).

¹⁷ Список населенных мест Смоленской губернии. Смоленск, 1904.

¹⁸ Вуколов Н. Волков из рода Волковых. Хмелитский сборник: IV. Смоленск: СГПУ, 2001.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

Гусаров Василий Васильевич

научный сотрудник

Государственный историко – культурный и природный музей – заповедник

А. С. Грибоедова «Хмелита»

Фролова Арина Владимировна

учитель русского языка и литературы

Горковская СОШ

УЩЕРЬ, НАНЕСЁННЫЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ РАНЕЕ ОККУПИРОВАННЫМ НАСЕЛЁННЫМ ПУНКТАМ НА ТЕРРИТОРИИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЯЗЕМСКОГО И АНДРЕЕВСКОГО РАЙОНОВ)

В тот страшный день земля рванула в небо.

От грохота застыла в жилах кровь.

Июнь цветастый сразу канул в небьль,

И смерть, вдруг, оттеснила жизнь, любовь.

Надели гимнастёрки и шинели

Вчерашние мальчишки – цвет страны.

Девчонки на прощанье песни пели,

Желали выжить в грозный час войны.

Война, как ком, катилась по дорогам,

Неся разруху, голод, смерть и боль.

Осталось их в живых совсем немного,

Принявших первый, самый страшный бой!

Татьяна Лаврова

Великая Отечественная война коснулась каждого жителя Советской России, но особенно её на себе почувствовали жители юга России, Северо-Запада и Запада нынешней Российской Федерации.

К 13 октября 1941 года территория Вяземского и Андреевского районов Смоленской области были заняты силами противника в результате Вяземской оборонительной операции, когда огромное количество войск попало в окружение, из которого удалось вырваться лишь небольшой части войск.

По словам немецкого историка, доктора наук - Юргена Килиана, потери немецкой армии в Вяземском сражении были огромны. Группа армий «Центр» потеряла 50000 человек лишь в первой половине октября. Это были прежде всего передовые отряды. Именно этих солдат, убитых и раненых под Вязьмой, существенно не хватало потом, во время второго удара по Москве. Вяземское сражение существенно замедлило шествие немецких войск. План молниеносного продвижения к Москве был нарушен затянувшимися боями под Вязьмой. Кроме того, русским удалось возвести вокруг столицы оборонительные сооружения. Те, кто выжил, назвали «Вяземский котел» адом на земле. Поисковые отряды каждый год находят сотни и сотни останков советских солдат, отдавших жизни за Москву. Духовенство Русской Православной Церкви совершает над ними чин погребения. Затем на Богородицком поле, в местах прорыва наших войск из окружения, тела погибших навечно придают земле. Той самой земле, на которой они стояли на смерть против самой сильной армии, покорившей полмира. В Советском Союзе официальный статус военной катастрофы наших армий под Вязьмой надолго лишил эту битву внимания государства. Однако и тогда, и сейчас трудно спорить с тем, что именно в этой, так называемой катастрофе, гитлеровцы понесли потерь больше, чем при покорении 12 стран Европы в начале Второй мировой войны.

После «Вяземского котла» ощутимая часть немецких элитных ударных сил навсегда осталась под Вязьмой вместе с сотнями тысяч убитых советских солдат и добровольцев. Святейший патриарх Московский и Всея Руси Кирилл назвал Вяземское сражение русской Голгофой. А Голгофа – это место окончательной победы над смертью. Отдать свою жизнь ради жизни других – это наивысший подвиг. Ценность нашей жизни такова – за нее заплатили жизнью наши предки, которые погибли на русской земле, защищая нас.

Территория Смоленщины после оккупации должна была войти по планам немецкого командования в Рейхскомиссариат Остланд (нем. Reichskommissariat Ostland), созданное 17 июля 1941 года по указу Адольфа Гитлера административно-территориальное образование нацистской Германии в Восточной Европе, включающее в себя оккупированные территории Прибалтики и западной части Белорусской ССР (кроме Белостокской области). В будущем в состав Остланда предполагалось включить часть территорий Западной и Северо-Западной России. Фактически же ввиду близости фронта, полностью фашистам свои планы реализовать не удалось, в том числе на востоке Смоленщины (так как Вязьма была важным железнодорожным центром, то советские войска вновь и вновь пытались освободить важный опорный пункт). Территории к востоку от рейхскомиссариатов «Остланд» и

«Украина» находились под военным управлением главнокомандующего немецкими сухопутными войсками, командующих группами войск и армий. Оккупированные области РСФСР не имели единой гражданской администрации и унифицированного управления. В городах создавались управы, в сельских районах — комендатуры. Вся полнота власти в районах (волостях) принадлежала соответствующим военным комендантам. В волостях назначались старшины (бургомистры), в деревнях и селах — старосты. Все бывшие советские органы были распущены, общественные организации — запрещены. Смоленская область, а именно интересующие нас районы, были освобождены в ходе Ржевской битвы, имевшей целью нанести поражение основным силам «Центра», освободить города Ржев, Сычевку, Вязьму и тем самым ликвидировать Ржевско-Вяземский выступ. 12 марта 1943 года Вязьма была освобождена от немецко-фашистских захватчиков.

После освобождения в сельских советах заработали комиссии, которые стали выявлять причинённый оккупантами ущерб. В соответствии с положением от 16 марта 1943 года в республиках и областях также были созданы местные комиссии по расследованию преступлений оккупантов, которые действовали в тесном сотрудничестве и под руководством ЧГК. К началу 1944 года действовало 19 областных и республиканских комиссий.

В неполных документах Смоленской областной чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний, совершённых немецко-фашистскими захватчиками в годы ВОВ 1941-1945 гг., в акте, составленном комиссией Хмелитского сельского Совета 14 июня 1943 года, указывается следующее:

«...- школа неполная средняя, разрушена во время бомбардировок немецкими самолётами в 1941 году, в результате чего было также уничтожено оборудование школы (парты, стулья, шкафы, наглядные пособия, музыкальные инструменты, библиотека из 300 книг); ущерб по школе составил 1,5 млн. рублей;

- медицинский пункт и аптека, в 1941 году в результате взрыва в двухэтажном здании повреждена крыша и стены, оборудование и медикаменты были разграблены немецко – фашистскими оккупантами;

- почта, двухэтажное кирпичное здание разрушено в 1941 году, в результате чего были уничтожены мебель, телефонное и телеграфное оборудование;

- сельский Совет, в результате взрыва уничтожено деревянное здание, мебель, канцелярские принадлежности;

- сельмаг, деревянное двухэтажное здание на каменном фундаменте, уничтожено до основания вместе с оборудованием;

- сельпо, деревянное здание, на кирпичном фундаменте сожжено вместе с оборудованием и товарами;

- канцелярия сельпо, деревянное помещение сожжено вместе с оборудованием;

- заготларёк, деревянное помещение сожжено вместе с оборудованием и товарами;
- пекарня, каменное здание, сожжено и разрушено вместе с оборудованием и мукой;
- базарные ларьки (5 штук), разорены 10000 рублей;
- ветеринарный пункт, разрушено деревянное помещение, вместе с оборудованием, медикаментами и инструментами;
- лесхоз, деревянное помещение разрушено, имущество разграблено;
- сапожная мастерская «Красного кустаря», разрушено кирпичное одноэтажное здание вместе с имуществом и товаром;
- церкви две (прим. авторов: о церквях в годы ВОВ можно почитать в других наших научных работах), кирпичные здания, одно из которых уничтожено окончательно, другое здание взорвано – сумма ущерба 2000000 рублей, уничтожено имущество и церковная утварь на сумму 1500000 руб.;
- церковная сторожка, деревянное помещение с железной крышей взорвано – сумма ущерба 10000 руб., уничтожено имущество на сумму 2000 руб.»¹.

А теперь рассмотрим, какой ущерб был причинён в Днепровском районе Смоленской области, согласно работе комиссии данного района. Немецко-фашистские войска сначала открыли Андреевскую церковь, «заигрывая» с местным населением, в рамках своей политики по попытке перетягивания церковнослужителей на свою сторону, а потом заминировали и взорвали её перед отступлением в 1943 году. Так, например в 1942-1943 году после выхода из церкви местных жителей ожидали немецкие военные и отбирали у них шубы, валенки, варежки (для использования в своих целях). Были сожжены старообрядческие церкви в с. Шанихаи и д. Понтелеево (старообрядцев в этих местах было довольно много). Были разбиты прямым попаданием бомб купола каменных Бухтеевской и Волочковской церквей, ущерб комиссия оценила на сумму около 10 млн. руб.

После оккупантов центр Андреевского района, с. Андреевское, было почти разрушено. Согласно Акту²: «Гитлеровские захватчики особую злобу проявивши при уничтожении районного центра – с. Андреевское. Лишь 3 полуразрушенных коммунальных дома... остались в селе после злобствующего врага». Были уничтожены различными способами все здания органов власти.

Оккупация немецко-фашистскими войсками восточной Смоленщины тяжело ударила по селам. Полностью восстановление произошло лишь в 50-х гг. XX века. Стоит еще раз подчеркнуть, что результаты работы Чрезвычайной государственной комиссии, а также деятельности Смоленской областной комиссии имели огромное значение. Работа ЧГК (в том числе — и областной комиссии) сделала возможным после окончания войны предъявление счета Германии за экономический ущерб, причиненный оккупацией Смоленщине.

¹ ГАСО (Государственный архив Смоленской области). Ф. р-1630. Оп. 2. Д. 147. Л. 195-195 об.; Д. 130. Л. 3 об.

² Там же.

Девятова Марина Эрастовна

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

ЛИНКОР «ТИРПИЦ»: ГИБЕЛЬ И ПРОБЛЕМА МУЗЕЕФИКАЦИИ

«Тирпиц» – второй немецкий линкор класса «Бисмарк», входящий в состав Кригсмарине, однотипный линкору «Бисмарк». Это были самые мощные и самые крупные корабли, построенные в Германии¹. Своё название линкор получил в честь адмирала Альфреда фон Тирпица, основателя современного германского флота. В боевых действиях практически не участвовал. Фактически, он не сделал ни одного выстрела по вражеским судам, всё время простояв на различных базах Норвегии, он заставлял союзников держать большой флот в акватории на случай, если «Тирпиц» пошёл бы в бой. За своё назначение и характер «эксплуатации» норвежцы прозвали линкор «Одинокая Королева Севера».

Согласно плану, в начале 1942 г. «Тирпиц» был отправлен в норвежские воды для охоты на арктические конвои и противодействия возможным британским десантам. Там, во фьордах, он и простоял практически всю Вторую мировую войну. Однако одно лишь присутствие «Тирпица» связывало руки британскому Королевскому флоту. Вооружённые силы союзников чрезвычайно опасались потенциальной мощи линкора и много раз предпринимали попытки потопить его. Первый морской лорд Великобритании адмирал Дадли Паунд констатировал: «Если „Тирпиц“ сумеет вырваться в океан, он может парализовать наше судоходство в Северной Атлантике». Британский премьер-министр Уинстон Черчилль прокомментировал это заявление адмирала в ещё более мрачных тонах: «Он [„Тирпиц“] создаёт всеобщий страх и угрозу во всех точках сразу»².

5 июля 1942 г. советская подводная лодка «К-21» под командованием капитана Н.А. Лунина, прикрывая конвой PQ-17, атаковала линкор «Тирпиц», в результате чего он был надолго выведен из строя: ему потребовался сложный ремонт. В ходе этой торпедной атаки удалось изменить ход военных действий на Севере и приблизить победу над гитлеровской Германией³.

К 1944 г. «Тирпиц» оказался фактически загнан в угол превосходящими силами союзников, и вывести его на океанские просторы становилось практически нереально. Свою роль сыграли и климатические условия арктических широт, в зоне которых базировался линкор. Вот как об этих проблемах высказался немецкий гросс-адмирал Карл Дёниц: «...в условиях

возросшего превосходства вражеской авиации о действиях против конвоев противника во время светлых северных летних ночей не могло быть и речи, потому что противник имел возможность одновременно узнавать от своей воздушной разведки о любом передвижении „Тирпица“»⁴.

Стоявший на приколе линкор был заключён в противоторпедную клетку, чтобы обезопасить его от атак подводных лодок⁵, на него было совершено несколько атак, нанесены повреждения, но корабль оставался на плаву. В конце концов, «Тирпиц» всё же был затоплен возле города Тромсё 12 ноября 1944 г. в результате налёта британской авиации в ходе операции «Катехизм». Самолёты с бомбами на борту взяли курс на цель. Хотя на линкоре вовремя получили сообщение о группе самолётов над территорией Норвегии, дымовую завесу вовремя поставить не успели, и «Тирпиц» был чётко виден экипажам бомбардировщиков. Головные башни главного калибра линкора открыли заградительный огонь с дистанции 24 км, средняя артиллерия начала стрельбу с 15 км, но самолёты сумели сбросить бомбы и без потерь вернуться на базу. Линкор получил два прямых попадания и не менее четырёх близких разрывов. Одна из бомб пробила броневую палубу и разорвалась в котельном отделении. Почти сразу корабль получил крен 20° на левый борт, который попытались выровнять контрзатоплением, но не успели. Линкор потряс новый мощный удар. Попадание пришлось на кормовую часть, крен достиг величины 70°, вышла из строя внутренняя связь, а вскоре замолчала артиллерия. В кормовой части возник сильный пожар, очень скоро перекинувшийся на зарядные погреба. Раздался сильнейший взрыв: одна из кормовых башен главного калибра была поднята с погона и отброшена на 12 м, столб дыма поднялся на 150 м. Спустя несколько минут линкор опрокинулся на левый борт и затонул в 200 м от берега. Несмотря на отданную команду «Оставить корабль», затопление произошло так стремительно, что значительная часть личного состава с нижних палуб попросту не успела выбраться наружу. Так завершилась карьера «Тирпица», который в течение долгого времени оказывал стратегическое влияние на расстановку сил на северном театре боевых действий и сковывал значительные ресурсы союзников. За 2 года и 10 месяцев пребывания корабля в Норвегии англичане произвели против него 15 воздушных налётов, потеряли 32 самолёта⁶.

Линкор не затонул полностью только вследствие малой глубины воды в месте его гибели. Над водой выступила правая половина днища от скулы до киля протяжённостью более 200 м, а в корме виделись правый и средний винты с кронштейнами. Опрокидывание линкора, имевшего высокую остойчивость, свидетельствовало о значительности повреждений на большом протяжении левого борта как в подводной, так и в надводной части⁷. Спасательные работы, к которым норвежцы приступили после потопления линкора, продолжались до 15 ноября. Сначала освободили из заточения в корпусе корабля 87 человек, после извлекались уже только трупы людей, умерших от удушья или утонувших. Таких оказалось 165. Все они были похоронены с воинскими

почестями на кладбище Тромсё. Был подведён итог. Из 1700 человек команды «Тирпица» во время его бомбардировки примерно 100 человек находились на берегу в различных командировках или увольнении, около 650 человек спаслись и 950 погибли. В составе своих подразделений во главе с офицерами оставшиеся в живых люди были направлены в Германию через Норвегию и Данию.

После окончания войны норвежские патриоты образовали товарищество, которое, заплатив правительству 100 тыс. крон, стало владельцем останков корабля. Товарищество начало разбирать на части машины и турбины и резать автогеном орудия, снарядные подъемники, палубы и переходы. Громадное количество металла было доставлено в Кристиансунн, и значительная его часть продана в Германию. Одни только электрические кабели были целым состоянием! Работы эти были, однако, небезопасными. Металлические детали были обильно смазаны маслом, которое часто воспламенялось от автогена. Кроме того, надо было разряжать снаряды. Для этой цели норвежцы пригласили бывшего флотского лейтенанта Роланда Хаше, в свое время служившего на «Тирпице»⁸. В итоге почти весь корабль был разрезан и вывезен. Однако значительная часть носовой части «Тирпица» остаётся там, где он и затонул в 1944 г.

Недалеко от места затопления «Тирпица» существуют искусственные озёра, появившиеся в кратерах от разрывов бомб весом более 5 т, предназначавшихся линкору, но пролетевших мимо него. В настоящее время некоторые части линкора используются Норвежским дорожным департаментом как временное дорожное полотно при проведении ремонтных работ. Некоторые части линкора были переплавлены на брошки и прочую бижутерию. Кроме того, значительная часть бронеобшивки хранится в Королевском военно-морском музее «Explosion!» («Взрыв!») в Госпорте, Хэмпшир. Кроме того, вблизи Каа-фьорда, где стоял германский линкор, примерно в двух километрах от места базирования «Тирпица», в Алта-фьорде, был устроен музей, где, в частности, хранятся артефакты, взятые с линкора, изъятые при ремонте зимы 1943/44 гг. и оставшиеся тут, либо поднятые с места его затопления близ Тромсё⁹. Музей специально расположили около самого залива, чтобы посетителям легче было представлять себе баталии, которые здесь происходили. Инициатором создания музея стал один из местных жителей, нырявший к его затонувшим останкам. Так как «Тирпиц» затонул на совсем уж небольшой глубине, множество его частей (как и личные вещи) стали достопримечательностями во многих музеях мира. Кое-что удалось разместить и в музее в городе Алта. Помещение музея – обычный жилой дом, в котором жил его основатель. Даже спустя много лет после его смерти, видоизменять его экстерьер не планировалось. Рядом с домом расположился памятник погибшим на линкоре «Тирпиц» во время его затопления. Монумент выполнен из отрезанной части брони линкора в самой толстой его части (около 30 см), высота памятника около 3-х м. В сравнении со средним жилым домом,

комнаты музея довольно просторные. Своеобразную атмосферу создают фотографии времен Второй мировой войны. Вместе с ними стены занимают различные документы экипажа, а также боевые награды. Другие стенды оформлены в виде витрин. За ними – манекены, одетые во всё разнообразие военной формы, которое имелось на корабле: от медсестры до капитана. Место за ними занимают вырезки из газет, найденных на корабле, либо повествующих о «Тирпице». Представлена здесь и военная атрибутика во всём ее многообразии: обувь, личные вещи, табельное оружие. В углу первого зала – целая плеяда различных морских приборов, имевшихся на корабле: от биноклей до секстантов. Множество экспонатов, поврежденных взрывами, установлены рядом с копиями – для наглядного сравнения. Коллекция пополняется и сегодня, но уже любителями истории – аквалангисты погружаются к линкору всё реже. Хотя последняя серия погружений заставила устанавливать новый стенд – в музей было доставлено множество личных вещей: бытовых принадлежностей, орденов, шахмат, игральные карты и денежных знаков того времени. Нашлось место и для полного набора столовой посуды, использовавшейся на «Тирпице». Очень интересно выглядит часть музея, которая пополняется подарками посетителей и любителей истории: не так давно заведение обзавелось огромным набором качественных копий линкора и других связанных с ним единиц техники. На почетном месте расположился и стенд в честь почетного гостя – Михаила Калашникова, с его фотографиями и макетом его известнейшего творения – АК-47¹⁰.

Музеи затонувших кораблей – важная составляющая мировой музейной практики. Такие музеи позволяют пополнять наши знания как об особенностях судостроения и военно-морской техники разных времён и народов, так и знакомится с бытом людей соответствующих эпох. Особенно интересны музеи, представляющие поднятые корабли целиком – так, как они сохранились в толще воды. Таковы, например, музеи корабля «Васа» в Швеции и «Мэри Роуз» в Великобритании. Моя работа со студентами-корабелами подтверждает, что молодёжь с большим интересом изучает историю затонувших кораблей¹¹, поэтому музеефикация извлечённых из воды кораблей несомненно нужное и актуальное дело, способное, среди прочих целей, привить обучающимся интерес к истории в целом и к истории флота в частности.

Очевидно, что создание музеев там, где представлены поднятые крупные корабли целиком, требует значительных затрат, поэтому число музеев такого типа, вероятно, не может быть велико. С другой стороны, линкор «Тирпиц», затонувший достаточно близко от берега, предоставлял такую возможность в большей степени, чем его собрат «Бисмарк», останки которого покоятся на значительной глубине в водах Атлантики. Возможно, решение сохранить этот корабль с целью дальнейшей музеефикации, будь оно принято в своё время, значительно обогатило бы наши знания о военно-морской технике Второй мировой войны. Но и в существующем виде музей линкора «Тирпиц», созданный на основе материалов затонувшего вражеского корабля, является

ценным культурно-историческим объектом. Кроме того, этот музей может служить своего рода символом послевоенного примирения бывших противников, символом будущего, которое возможно только при отказе от разрешения конфликтов с помощью оружия: ведь современная военная техника, в том числе, военно-морская, обладает такой разрушительной силой, что победителей быть не может ¹².

¹ Германский флот Второй мировой войны // Морская коллекция. 2005. № 8. С. 3.

² Малов А.А., Патянин С.В. Линкоры «Бисмарк» и «Тирпиц». М., 2006. С. 96.

³ Сунцова Е.А., Чередниченко В.В. Роль торпедной такти подводной лодки «К-21» по немецкому линкору «Тирпиц» в истории арктических конвоев во время Великой Отечественной войны // Научные итоги 2017 года: достижения, проекты, гипотезы: сборник материалов VII Ежегодной итоговой международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2017. С. 16.

⁴ Дёниц К. Немецкие подводные лодки: 1939–1945 гг. М.; СПб., 2000. С. 411.

⁵ Руге Ф. Военно-морской флот Третьего Рейха: 1939–1945 гг. М., 2003. С. 308.

⁶ Малов А.А., Патянин С.В. Линкоры «Бисмарк» и «Тирпиц». М., 2006. С. 118–120.

⁷ Короткин И.М. Боевые повреждения надводных кораблей. Л., 1960. С. 105–106.

⁸ Пиллар Л. Реквием линкору «Тирпиц». М., 2004. С. 137–138.

⁹ Музей «Тирпица». // <http://periskop.livejournal.com/375910.html> (дата обращения 15.03.2016 г.).

¹⁰ Музей линкора «Тирпиц». // <http://museumvk.ru/muzey-linkora-tirpits.html> (дата обращения 15.02.2019 г.).

¹¹ Голдинова А., Яненко А. Шведский флагман «Васа»: от затопления до музея // Океан. Корабль. Человек: научно-практическая конференция студентов и преподавателей, 11 декабря 2013 г. СПб., 2013. С. 26–28; Савицкая А., Чичигина А. Затопление германского Флота открытого моря в Скапа-Флоу // Морские битвы Первой мировой войны: тезисы докладов студенческой научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 1 апреля 2014 г. СПб., 2014. С. 22–24; Медведева М., Салей П. Корабль «Мэри Роуз» // Океан. Корабль. Человек: научно-практическая конференция студентов и преподавателей, 9 декабря 2015 г. СПб., 2015. С. 13–15.

¹² Лебедева В., Старостина Г. Поле битвы – Океан: к 70-летию со дня окончания Второй мировой войны // За кадры верфям. 2015. № 11 (2546). С. 7.

Денисенко Елена Петровна (Республика Беларусь)
научный сотрудник отдела редких книг и рукописей
Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа
Национальной академии наук Беларуси

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА НА СТРАНИЦАХ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЖУРНАЛОВ НАЧАЛА XX В. (ПО ФОНДАМ ЦНБ ИМ. Я. КОЛАСА НАН БЕЛАРУСИ)

События Первой мировой войны нашли широкое отражение на страницах периодической печати того времени. В фондах отдела редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки Национальной академии наук Беларуси (далее ЦНБ НАН Беларуси) хранятся подшивки литературно-художественных журналов «Аполлон», «Старые годы», «Русский библиофил», которые издавались в Санкт-Петербурге в конце XIX–начале XX вв. Журналы были

изящно оформлены, богато иллюстрированы, в их издании участвовали художники, входившие в объединение «Мир искусства» и «Кружок любителей русских изящных изданий».

Во время Первой мировой войны эти издания не прекращали своего существования. Редакции испытывали определенные материальные трудности в этот период: дефицит бумаги, невозможность получения кредитов от государства, несвоевременные выплаты зарплат сотрудникам и т.п. Однако в работе редакций был свой положительный момент: они не подвергались такой строгой цензуре, как, например, военные журналы или журналы различных партий, выходившие в этот же период¹.

На фронт в качестве солдат и офицеров уходили многие поэты и писатели, участвовавшие в редакции литературно-художественных журналов (А. Куприн, Н. Гумилев, А. Серафимович и др.). Некоторые литераторы и журналисты (В. Брюсов, А. Толстой) отправились на фронт в качестве военных корреспондентов. Другие (Л. Андреев, С. Городецкий, Е. Чириков и др.) вели публицистическую работу непосредственно в редакциях периодических изданий.

События Первой мировой войны нашли свое отражение на страницах литературно-художественного журнала «Аполлон», который издавался на протяжении 1909–1917 гг. в Санкт-Петербурге. В журнале печатались материалы, связанные с историей изобразительного искусства, музыки, театра и литературы. Журнал выходил на 80–100 страницах. Каждый номер был снабжен множеством черно-белых и цветных репродукций. На последних страницах рекламировались литературные новинки.

В каждом номере журнала имелось несколько отделов. Отдел беллетристики занимал около трети объема, еще одна треть отдавалась «Хронике», где печатались литературные рецензии под рубриками «Письма о русской поэзии», «Заметки о русской беллетристике», «Новые книги», «Журналы». Существовал раздел «Театр», публиковавший рецензии на спектакли. Оставшаяся треть отводилась статьям по эстетике, истории живописи и театра, художественной критике. Полемика с прессой шла под рубрикой «Пчелы и осы Аполлона».

С журналом сотрудничали литераторы, художники и театральные деятели – К. Бальмонт, А. Блок, А. Белый, В. Брюсов, И. Анненский, Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам, С. Городецкий, Л. Бакст, М. Добужинский, В. Мейерхольд, Ф. Комиссаржевский и др. Художественным оформлением занимались известные мастера кружка «Мир искусства» – Л. Бакст, А. Бенуа, М. Добужинский. Обложки рисовал М. Добужинский, виньетки, концовки, заставки – Л. Бакст, А. Бенуа, Г. Нарбут, Е. Нарбут, В. Левитский, Д. Митрохин и др.

В 1914–1917 гг. литературные интересы в содержании журнала отошли на второй план, поскольку началась Первая мировая война. Призывниками стали и

деятели искусства. Освобождались от призыва пенсионеры Академии Художеств (по соглашению министров внутренних дел и военного министра).

В первые годы войны типография Р. Голике и А. Вильборга, в которой издавался журнал, испытывала большие затруднения с доставкой бумаги для иллюстраций. В результате издание стало печататься в ограниченном количестве экземпляров. Однако, несмотря на ограниченные материальные возможности, журнал был по-прежнему изысканно оформлен. Часто текст печатался на плотной кремового оттенка бумаге верже. В журнале было множество гравюр в черных и цветных красках. Иллюстративный материал помещался на отдельных листах и вклейках и был отпечатан на более тонкой мелованной бумаге. Иллюстрации также были наклеены на плотные листы и проложены калькой, либо папиросной бумагой (для лучшей сохранности). Текст был набран изысканным шрифтом «Елизаветинская гарнитура».

В военное время журнал выходил каждый месяц, кроме двух – июня и июля. Подрубрики, освещавшие культурную жизнь на страницах журнала, с началом войны не претерпели изменений. В разделе «Художественная летопись» в связи с военными событиями появляется новая рубрика «Искусство и война», где освещаются мероприятия (выставки, аукционы), проводимые Академией Художеств, денежные сборы от которых шли в помощь жертвам войны. Так, в десятом номере «Аполлона» (1915 г.) была опубликована статья о состоявшемся аукционе в пользу еврейского комитета помощи жертвам войны, устроенном в Обществе поощрения художеств, где были собраны многочисленные пожертвования от продажи картин знаменитых русских художников. В рубрике «Искусство и война» публиковались различные объявления, касающиеся пожертвований на нужды войны. Например, такое объявление: «Обществом архитекторов-художников, по поручению л.-гв. Преображенского полка, объявлен конкурс на проекты усыпальницы в ограде Преображенского собора для павших на войне офицеров полка. Срок доставки проектов в Академию Художеств 19 февраля 1916 г. Назначены премии в 800, 600, 400 и 300 р. В состав жюри вошли Л. Бенуа, Лялевич, Лидваль, Покровский, Сюзор и Щуко»².

В новой рубрике «Военные стихи» стали публиковаться обзорные статьи о военной поэзии, стихи современников (А. Ахматовой, З. Гиппиус, М. Моравской, П. Соловьевой, Л. Столицы, Н. Гумилёва, О. Мандельштама, И. Северянина, В. Иванова, М. Кузмина, С. Городецкого и др.). Ведущим рубрики был русский поэт, прозаик, публицист Г. Иванов. С журналом «Аполлон» он начал сотрудничать с 1914 г. вместо ушедшего добровольцем на войну Н. Гумилёва.

Один из самых авторитетных и популярных изданий Серебряного века – журнал «Старые годы», до сих пор считается классикой отечественного искусствознания. Издавался в Санкт-Петербурге на протяжении 1907–1916 гг. На его страницах помещались материалы по вопросам изучения и сохранения культурного наследия, библиофильства и коллекционирования в России.

Редактором был П. Вейнер, в редакционный комитет входили А. Бенуа, В. Верещагин, барон Н. Врангель, И. Леман, С. Маковский, С. Тройницкий и А. Трубников.

В отделе редких книг и рукописей ЦНБ НАН Беларуси хранятся подшивки журнала за 1907–1916 гг. Художественно-полиграфическое оформление журнала отличалось своей изысканностью. Серая, с чуть синеватым отливом, обложка украшена рамкой, оригинал которой хранился в знаменитой коллекции гравюр Е. Тевяшева. Текст отпечатан на плотной светлорычичневого цвета бумаге верже. Использовался стилизованный под XVIII век «Елизаветинский шрифт». Иллюстрации – на отдельных листах и в тексте – изготовлены на более тонкой белой глянцевой бумаге. Некоторые иллюстрации наклеены на бумагу. Несколько иллюстраций выполнены в цвете.

Основную часть объема журнала занимали историко–искусствоведческие статьи. В разделе «Хроника» печатались заметки о работе Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, обзоры докладов в научных обществах, описания картин, скульптур, памятников архитектуры, экспозиций музеев, сообщения о юбилеях, выставках, аукционах антиквариата, распродажах частных коллекций. В разделе «Библиографические листки» содержались списки новых книг по искусству, истории и книговедению, вышедших в России и странах Западной Европы, помещались рецензии на них; печатались короткие заметки о книжной торговле и издателях, обзоры литературы. Почти каждый номер завершал «Почтовый ящик». В нем публиковались вопросы читателей и ответы на них сотрудников редакции журнала, письма с пожеланиями подписчиков, сообщения читателей о личных коллекциях, памятниках архитектуры, предметах искусства, случаях вандализма.

С первых месяцев войны нарушилась периодичность выхода журнала. Он стал издаваться не ежемесячно, как было раньше, а в одном переплете за несколько месяцев. Так, три номера за октябрь–декабрь 1914 г. и два номера за январь–февраль 1915 г. были объединены. Редакция объясняет эту ситуацию сложившимся военным положением. В номере за 1915 г. помещена информация, что летний выпуск «Старых годов» за 1914 г. (июль–сентябрь), посвященный Гатчине, отпечатан лишь отчасти и «прерван печатанием вследствие отъезда авторов на войну...»³.

В отличие от журнала «Аполлон», в «Старых годах» даются более подробные сведения о военных действиях на фронтах Первой мировой войны. Это находит отражение в рубриках «Вести», «Отражения войны», разделе «Хроника». Естественно, что акцент делается на информации, касающейся разрушений и хищений памятников старины во время войны, вопросов их охраны, а также проводимых реставрационных мероприятиях. Для примера, в третьем номере журнала (1916 г.) в рубрике «Отражение войны» помещена информация: «...из литовских городов менее всего пострадала Вильна. Разрушенных домов в городе почти нет. Зато в Ковне большая часть домов

повреждена или разрушена пушечными выстрелами. Особенно сильно пострадали «Зеленая Гора» и старый город. Разрушены духовная католическая семинария с костелом при ней; сильно пострадали Петропавловский собор, у которого снесена одна башня, и кафедральный собор на Николаевском проспекте»⁴. Автор этой рубрики «А. Р-въ» (А.А. Ростиславов, – авторы часто подписывались псевдонимами) цитирует сообщение корреспондента одной из стокгольмских газет о том, что никогда еще берлинские музеи и картинные галереи так быстро не наполнялись произведениями искусства, как в годы войны. Особенно хороши, по его словам, коллекции картин фламандской школы, сервизы из замков польских магнатов, гобелены из замков северной Франции. Корреспондент называет все эти сокровища «приобретенными» и «доставшимися», осторожно умалчивая о «способах» приобретения⁵.

Иллюстрированный вестник «Русский библиофил» для собирателей книг и гравюр, издававшийся в Санкт-Петербурге с 1911 по 1916 г., был основан коллекционером Николаем Соловьёвым, ставшим его первым редактором. Журнал выходил по 8 выпусков в год и был посвящён библиографии, книжному коллекционированию и книговедению. Журнал имел изысканный внешний вид, отличался высоким качеством художественно-полиграфического оформления: был отпечатан на различных сортах бумаги (веленовой и верже), с многочисленными иллюстрациями (портретами, снимками, автографами, факсимиле) как в тексте, так и на отдельных листах; текст набран старинным «Елизаветинским шрифтом», украшен виньетками, заставками и концовками, некоторые иллюстрации были проложены калькой.

Тематику «Русского библиофила» можно условно охарактеризовать следующими цифрами: книговедение – 47 % (в том числе библиография – 20 и библиофилия – 15), литературоведение – 25, искусство, книжная иллюстрация – 15, история – 13 %⁶. В журнале сотрудничали лучшие представители русской культуры, литературы и искусства, в том числе члены «Кружка любителей русских изящных изданий».

События военного времени, варварские погромы памятников старины нашли свое отражение на страницах «Русского библиофила» в разделе «Хроника. Мелкие заметки». В рубриках этого раздела («Петроград», «Москва», «Провинция», «По Европе», «Аукционы», «Новые книги») публиковались последние новости. Например, в рубрике «Петроград» («Русский библиофил», 1914, № 7, ноябрь) напечатано сообщение: «Рукописное отделение библиотеки Императорской Академии Наук, желая собрать возможно более обильный материал, имеющий отношение к настоящей войне, образовало новый отдел: «Архив войны», и обратилось с воззванием к различным учреждениям и частным лицам об оказании содействия в деле собирания различных документов для его пополнения». Печатались краткие сообщения, например, в рубрике «По Европе»: «Германцы, по сведениям «Evening News», сожгли многие архивы в Антверпене и других бельгийских городах»⁷.

Особое внимание в журнале уделялось теме конфискации и вывоза культурных ценностей в Германию. В рубрике «По Европе» помещена информация на эту тему, в которой сообщается, что в довоенное время в Царство Польское часто наведывались немецкие антиквары, посещая в основном богатые имения и старинные костелы. В имениях они пытались что-то из антиквариата приобрести, что удавалось им далеко не всегда. Ксендзов и настоятелей костелов покупатели «обыкновенно склоняли к продаже старинных вещей тем соображением, что вырученные деньги дадут возможность отремонтировать старый костел. Попутно немцы разузнавали, где и у какого помещика находятся те или иные драгоценности или ценные произведения искусства. Теперь оказывается, что когда немецкий отряд занимает какое-либо имение или приход, то он прекрасно осведомлен, где и что хранится, и какие ценные произведения следует искать в том или ином месте. Если же не находят разыскиваемых ими драгоценностей, они принимаются за энергичный допрос владельцев или прислуги, от которых требуют выдачи антиков. Последние немедленно конфискуются и отправляются в Германию»⁸.

В 1915 г. в журнале произошли значительные изменения в связи со смертью издателя Н.В. Соловьева. После его смерти редактором стал В.А. Верещагин, а издателем числилась вдова В.А. Соловьева-Трефилова (прима-балерина Мариинского театра). Журнал еще на какое-то время продолжил свое существование. Подписная цена на него выросла. Журнал просуществовал до 1916 г. и был закрыт по причине отъезда В.А. Соловьевой-Трефиловой в связи с новым замужеством за границу.

Литературно-художественные журналы прекратили свое существование приблизительно в одно и то же время – с приходом к власти большевиков. Журналы Серебряного века, как их называют искусствоведы, предназначались не для всех, в основном для обеспеченной аудитории, если брать во внимание цену издания, их содержание.

Таким образом, военные события Первой мировой войны нашли широкое отражение на страницах художественных журналов «Аполлон», «Старые годы», «Русский Библиофил». Сигнальная информация о ходе военных действий публиковалась в разделе «Хроника». Более развернутые сведения, вплоть до описания военных действий, помещал журнал «Старые годы». На страницах журналов популярными были темы, посвященные охране памятников культуры, описанию дворцов и старых дворянских усадеб, работе музеев, коллекционированию, движению предметов искусства от одних владельцев к другим, деятельности различных обществ, кружков, учебных заведений. Многие статьи написаны на основании архивных документов. Сегодня ценность таких публикаций возросла, так как далеко не все архивы сохранились. Журналы очень актуальны для историков, искусствоведов, исследователей книжной культуры.

¹ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX-XX вв.: Учеб. пособие для студентов вузов. Москва: Аспект Пресс, 2001. С. 221.

² Аполлон: ежемес. журнал. Санкт-Петербург, 1915. № 10. С. 58.

³ Старые годы: ежемесячник для любителей искусства и старины. Санкт-Петербург: [б. и.], 1915, январь–февраль. С. 113.

⁴ Там же. 1916, март. С. 53.

⁵ Там же. 1915, ноябрь. С. 60.

⁶ Указатель: Журналы «Антиквар» и «Русский библиофил» / авт.-сост. Ф.М. Лурье; отв. ред. О.С. Острой. Москва, 1989. С. 12.

⁷ Русский библиофил: журнал историко-литературный и библиографический / основан Н. В. Соловьевым. Петроград: [б. и.], 1914. № 7 (ноябрь). С. 96.

⁸ Там же. 1915. № 2 (февраль). С. 99.

Джамбулатов Руслан Темирсултанович

кандидат исторических наук, лектор-экскурсовод
ДНФ «Россия – Моя История. Город Махачкала»

Чекулаев Николай Дмитриевич

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ (1921 – 2001 ГГ.) ПО МАТЕРИАЛАМ «ЦГАРД»

Архивные документы и материалы достаточно подробно характеризуют историю дагестанской высшей школы, в значительной мере они отложились в фондах Центрального государственного архива Республики Дагестан (далее ЦГА РД). Это и архив областной партийной организации (1-п.), это и фонды: Совет Министров РД (р-168), высших учебных заведений (ДГУ – р-803.; ДМИ – р-512.), и т.д., а также архивные материалы аппарата Администрации Госсовета и Правительства РД.

С самого начала формирования и развития перед высшей школой в Дагестане стояла задача подготовки высококвалифицированных специалистов из национальных кадров. Наиболее активная работа в этом направлении развернулась после Великой Отечественной войны. Документы свидетельствуют не только о резком увеличении числа высших учебных заведений в самой республике, но и о том, как проводилась подготовка национальных кадров, абитуриенты из Дагестана направлялись на обучение в ведущие вузы России¹. Этому процессу активно способствовало то, что непосредственным двигателем и активным организатором выступало руководство партийных и советских органов республики. Одновременно с развитием высшей школы формировалось дагестанская наука, это выразилось в создании Базы, а затем и филиала АН СССР, в составе которой также были созданы и отраслевые научно-исследовательские институты.

Отметим, что начало войны сказалось на условиях работы высших учебных заведений Дагестана, численность преподавателей и студентов значительно сократилась в связи с тем, что многие из них добровольно, либо путем мобилизации ушли на фронт. В период ВОВ в Дагестане прекратили работу некоторые учебные заведения: был закрыт Буйнакский учительский институт², Дагестанский сельскохозяйственный институт временно прекратил работу и был эвакуирован в Азербайджан³, Дагестанский педагогический институт был эвакуирован в селение Касумкент⁴.

Вместе с тем, в самый напряженный период войны Обком ВКП(б) и правительство республики уделяли большое внимание вопросам высшего образования, в деле подготовки кадров для народного хозяйства. Только в первой половине 1942 г. бюро Обкома партии 11 раз обсуждало вопросы, связанные с подготовкой и воспитанием кадров, принимало постановления, направленные на укрепление вузов⁵, а также на необходимость подготовки кадров из числа местных национальностей Дагестана⁶. 15 июня 1943 г. Бюро Даг.Обкома ВКП(б) приняло постановление «О восстановлении Дагсельхозинститута» с профилем подготовки зоотехников, ветврачей, агрономов-полеводов. Был утвержден план набора студентов на 1943/44 учебный год в количестве 150 человек⁷.

В 1944 году в республике открылось новое педагогическое учебное заведение – Женский учительский институт⁸, а также была открыта для подготовки партийно-советских работников, годичная областная партийная школа⁹.

Переход страны к послевоенному мирному строительству выдвинул новые задачи в области подготовки кадров для народного хозяйства, для этого потребовалось значительное расширение и совершенствование системы высшего образования. Руководство республики уделяло огромное внимание созданию нормальных условий для учебы молодежи в вузах. Учащиеся высших учебных заведений обеспечивались стипендией, жильем, им были предоставлены льготы в снабжении продуктами питания¹⁰.

Наряду с ростом общего контингента значительно увеличилось число учащихся из числа коренных народов Дагестана. Партия и правительство в послевоенные годы по-прежнему уделяли много внимания подготовке кадров из представителей местного населения¹¹.

Крупнейшим событием в культурной и научной жизни Дагестана явилось открытие в 1957 г. Дагестанского государственного университета им. В.И. Ленина, который был создан на базе педагогического института им. С. Стальского в Махачкале. Ко времени открытия университета ранее уже существовавший педагогический институт превратился в крупный центр подготовки учительских кадров¹².

Усилия партийного руководства Дагестана способствовали тому, что университет окреп и превратился в крупнейшее высшее учебное заведение не только в пределах республики, но и в пределах всего Северо-Кавказского

региона. На базе университета также был открыт новый инженерно-технический факультет, готовящий кадры инженеров для народного хозяйства в Дагестане, в чем до сих пор ощущалась острая потребность¹³.

Руководство страны и республики заботились о том, чтобы молодые люди, получающие образование без отрыва от производства, не испытывали материальных и других трудностей с учебой, а также были окружены вниманием со стороны руководителей предприятий, учреждений, общественных организаций. Характерной чертой данного периода было то, что начался усиленный поток в вузы молодежи из отдаленных горных районов, а также девушек-горянок. Положение с подготовкой кадров из отдаленных районов Дагестана улучшилось – их было не единицы, а десятки человек¹⁴.

Вузы Дагестана готовили специалистов разного профиля, количественный состав специалистов определялся потребностями республики, а по ряду специальностей – потребностями в целом страны¹⁵. Большое внимание, как и прежде, уделялось трудовому воспитанию студенчества на основе освоения техники, машинного производства, укреплению связи высших учебных заведений с производством¹⁶.

Продолжалась работа по подготовке и переподготовке кадров для сельского хозяйства. Именно высокопроизводительная, квалифицированная и специализированная деятельность сельских тружеников призвана была наиболее эффективно использовать с каждым годом усиливавшуюся материально-техническую базу колхозов, совхозов, всю агропромышленного комплекса¹⁷.

Науке, научным исследованиям, подготовке научно-педагогических кадров большое внимание уделяли в вузах Дагестана. Правительство и обком партии республики оказывали всестороннюю помощь высшим учебным заведениям в развертывании научно-исследовательской работы и подготовке научно-педагогических кадров через аспирантуру¹⁸.

За годы семилетки в вузах республики произошли изменения: Дагестанский женский педагогический институт был преобразован в педагогический институт, позднее в нем был организован научно-исследовательский сектор. В медицинском институте наряду с лечебным факультетом был открыт новый стоматологический факультет. Вскоре был открыт Дагестанский политехнический институт, как самостоятельный вуз республики¹⁹.

В годы одиннадцатой пятилетки ряд вузов Дагестана отмечали свой полувек юбилей. Дагестанский государственный университет – в октябре 1981 г., Дагестанский медицинский институт – в октябре 1982 г. и Дагестанский сельскохозяйственный институт – в январе 1983 г. Все три вуза за заслуги в развитии науки и подготовке кадров были награждены орденами Дружбы народов²⁰. Большие надежды на улучшение учебно-воспитательного процесса, трудового воспитания и профессиональной ориентации учащихся возлагались на реформу школы, осуществляемую согласно закону «Об

основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы».

Главное внимание руководства республики уделяло улучшению качества подготовки и использования специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве, повышению престижа высшей школы, укреплению материальной базы вузов, широкому использованию в учебном процессе компьютерной техники, усилению связи с предприятиями, организациями, колхозами и совхозами²¹. Осуществляя реформу высшего образования, правительство Дагестана руководствовалось решением февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС о задачах партии по осуществлению перестройки высшего образования в стране²².

Во второй половине 80-х – в 90-е годы XX в. в республике продолжали функционировать и успешно развиваться Дагестанский государственный университет, педагогический, сельскохозяйственный, медицинский, политехнический Институты. Статус последних четырех в 1990-е годы был поднят – педагогический, технический университеты, сельскохозяйственная и медицинская академии²³. В дополнение к существующим в Дагестане высшим учебным заведениям решением Совета Министров ДАССР от 11 февраля 1991 г. был организован Институт народного хозяйства²⁴.

Характерной чертой данного периода было дальнейшее всестороннее развитие высших учебных заведений, совершенствование научно-исследовательской работы в них. Структура высшей школы Дагестана претерпела значительные изменения, которые выразились в следующем:

1) Были созданы много новых факультетов, а ряд старых были подвергнуты преобразованию²⁵.

2) Многие факультеты были реорганизованы в Институты в составе высшего учебного заведения²⁶.

3) Дагестанские высшие учебные заведения, за исключением ДГСХА по всей территории республики и вне ее открыли свои филиалы²⁷.

Несмотря на серьезные трудности в экономическом развитии Дагестана, успешно развивалась вузовская наука и подготовка научно-педагогических кадров. Наука в высшей школе развивалась очень интенсивно и в различных формах: создавались научно-исследовательские лаборатории²⁸, институты²⁹, разного рода центры³⁰.

Во многих вузах была открыта аспирантура, которая должна была готовить научно-педагогические кадры³¹. В аспирантуре ДГПУ, ДГСХА были открыты новые специальности³², а в ДГУ аспирантура подверглась реорганизации³³. Наряду с открытием аспирантуры в высших учебных заведениях была открыта и докторантура по различным специальностям³⁴.

Заключая всё вышесказанное, отметим, что развитие системы высшего образования и науки в Дагестане в течение XX века шло поэтапно и поступательными темпами. За прошедший период сформировался значительный пласт высокопрофессиональных специалистов, не только имена

которых, но и их открытия ныне известны и признаны не только в пределах Дагестана, Северного Кавказа и в пределах бывшего СССР, но и мировым научным миром.

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6787. Л. 40 – 42.; Ф. р-168. Оп. 41. Д. 117. Л. 268 – 269; Оп. 51. Д. 11. Л. 62, 42 – 43.

² Там же. Д. 4909. Л. 118 – 119.

³ Там же. Ф. р-168. Оп. 21. Д. 6х. Л. 62, 90

⁴ Там же. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 5724. Л. 177-180; Д. 7388. Л. 20.

⁵ Там же. Ф. р-352. Оп. 9. Д. 40. Л. 160 – 161; Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 5240. Л. 347 – 348.; Д. 5396. Л. 203 – 204; Ф. р-168. Оп. 27. Д. 60. Л. 140 – 141; Ф. р-512. Оп. 16. Д. 85. Л. 22; Ф. р-168. Оп. 28. Д. 35. Л. 114 – 115; Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 5616. Л. 326 – 327.; Д. 5883. Л. 369 – 373; Оп. 7. Д. 338. Л. 70 – 75; Оп. 1. Д. 6358. Л. 80, 59.

⁶ Чекулаев Н.Д. Наука и высшая школа в Дагестане 1941-2001 гг. (Документы и материалы) том 2-й в 2-х частях, ч. 1 – 218 с., ч. II. – 204 с. Махачкала: 2008. (в соавторстве). Ч. 1. С. 21 – 22.

⁷ ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 28. Д. 35. Л. 312; Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 5616. Л. 368 – 369.; Д. 6062. Л. 8 – 10, 31; Оп. 7. Д. 358. Л. 97 – 100; Ф. р-1353. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 – 13; Ф. р-168. Оп. 30. Д. 42. Л. 334 – 337; Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 7389. Л. 18.

⁸ Там же. Ф. р-168. Оп. 29. Д. 12. Л. 11 и об.

⁹ Там же. Оп. 32. Д. 36. Л. 163, 165.

¹⁰ Там же. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6356. Л. 99-101; Ф. р-168. Оп. 30. Д. 44. Л. 295–296; Ф. р-1353. Оп. 1. Д. 1. Л. 18–20; Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6637. Л. 30; Ф. р-168. Оп. 31. Д. 40. Л. 2–6; Д. 44. Л. 289–290; Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6496. Л. 165–166.; Д. 7071. Л. 119–123 об., 117, 133, 137, 148, 165, 172.

¹¹ Чекулаев Н.Д. Указ. Соч. Ч. 1 С. 72 – 73; ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 8234. Л. 11; Ф. р-225 Оп. 16. Д. 106. Л. 8; Ф.1-п. Оп. 1. Д. 8658. Л. 2; Ф. р-225. Оп. 16. Д. 106. Л. 7 и об.

¹² ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 34. Д. 853. Л. 293-295; Ф. р-803. Оп. 3. Д. 7. Л. 81-82; Ф.1-п. Оп. 2. Д. 1148. Л. 294-295; Ф. р-168. Оп. 45. Д. 1. Л. 30, 81.

¹³ Там же. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1463. Л. 346-349.; Д. 1656. Л. 292-295.

¹⁴ Там же. Д. 2055. Л. 181-184.; Д. 2381. Л. 200-205; Д. 2470. Л. 13-20; Ф. р-956. Оп. 2. Д. 259. Л. 12; Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2543. Л. 117-118; Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 3376. Л. 6-10, Чекулаев Н.Д. Указ. Соч. Ч. 2. С. 25 – 30; ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д.3516. Л.18 и 33-34; Ф.р-168. Оп. 63. Д. 465. Л. 277-278; Ф.р-168. Оп. 63. Д.478. Л. 419-425; Ф.1-п. Оп. 2. Д. 3524. Л.49-52; Д. 3884. Л. 10; Д. 4047. Л. 208.

¹⁵ Чекулаев Н.Д. Указ. Соч. Ч. 1. С. 188 – 190; ЦГА РД. Ф.1-п. Оп. 2. Д. 2545. Л. 84-89; Д. 2825. Л. 171-174; Д. 2683. Л. 189-191.; Д. 2965. Л. 4-7; Д. 3096. Л. 168-172; Д. 3239. Л. 71-76; Ф. р-168. Оп. 51. Д. 109. Л. 50-55; Оп. 63. Д. 633. Л. 181-183; Ф.1-п. Оп. 2. Д. 4621. Л. 95-99; Д.5159. Л.169–173, 165-168; Ф. р-168. Оп. 71. Д. 357. Л. 68-70; Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 5492. Л. 42-44; Д. 5379. Л. 117-119.

¹⁶ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2221. Л. 170-173; Д. 2683. Л. 72; Ф. р-168. Оп. 63. Д. 70. Л. 218-219; Ф.1-п. Оп. 2. Д. 2965. Л. 69-71; Д. 4468. Л. 104-107; Д. 4820. Л.184-186; Чекулаев Н.Д. Указ. Соч. Ч. 2. С. 99 – 100.

¹⁷ Там же. Ф. р-168. Оп. 52. Д. 201. Л. 206-208; Ф.1-п. Оп. 2. Д. 2222. Л. 285-286; Ф. р-168. Оп. 52. Д. 205. Л. 248-254; Ф.1-п. Оп. 1. Д.4778. Л.117-121; Д. 5064. Л.88-90; Д. 5651.Л. 23-27.

¹⁸ Чекулаев Н.Д. Указ. Соч. Ч. 1. С. 165 – 166, 7 – 9; ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2965. Л. 4-7; Д. 31-2. Л. 16-17; Д. 4468. Л. 68-69; Д. 4772. Л.17-130; Д. 5064. Л.1-2.

¹⁹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2223. Л. 142; Ф. р-168. Оп. 52. Д. 252. Л. 18-20; Ф. 1-п.Оп. 2. д. 2381. Л. 57-59; Ф.р-956. Оп. 2. Д. 259. Л. 12; Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2615. Л. 66; Ф. р-168. Оп. 63. Д. 275. Л. 2-3; Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 3100. Л.166.

²⁰ Там же. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2223. Л. 142; Ф. р-168. Оп. 52. Д. 252. Л. 18-20; Ф. 1-п.Оп. 2. д. 2381. Л. 57-59; Ф. р-956. Оп. 2. Д. 259. Л. 12; Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2615. Л. 66; Ф. р-168. Оп. 63. Д. 275. Л. 2-3; Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 3100. Л.166.

²¹ Там же. Ф. р-168. Оп. 71. Д. 586. Л. 164–168; Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 6036. Л. 9–12; Чекулаев Н.Д. Указ. Соч. Ч. 1. С. 132 – 133.)

²² Чекулаев Н.Д. Указ. Соч. Ч. 2. С. 127 – 131, 163 - 164; ЦГА РД. Ф. р-803. Оп. 7. Д. 542. Л. 194.

²³ Там же. Ч. 2. С. 161 – 162, 164.

²⁴ Там же. С. 138, 148, 157 – 158.

²⁵ ЦГА РД. Ф. р-803. Оп. 7. Д. 417. Л. 13, 65; Д. 418 Л. 10; Д. 479а. Л. 197; Чекулаев Н.Д. Указ. Соч. Ч. 2. С. 141, 152, 162, 165, 167, 177; ЦГА РД. Ф. р-803. Оп. 7. Д. 453. Л. 48; Д. 554. Л. 8, 202–203; Д. 567. Л. 124; Д. 575. Л. 139–141.

²⁶ Чекулаев Н.Д. Указ. Соч. Ч. 2. С. 163, 170 – 171, 174.

²⁷ ЦГА РД. Ф. р-803. Оп. 7. Д. 568. Л. 1–2; Чекулаев Н.Д. Указ. Соч. Ч. 2. С. 166 – 167, 168 – 169, 170, 171, 172 – 174, 175, 176, 178, 179.

²⁸ Там же. Ф. р-803. Оп. 7. Д. 375. Л. 111; Д. 417. Л. 75–76; Д. 479а. Л. 79–80; Д. 504. Л. 161; Д. 542. Л. 61; Д. 554. Л. 42, 220; Д. 567. Л. 91; 7. Д. 575. Л. 172; Чекулаев Н.Д. Указ. Соч. Ч. 2. С. 181.

²⁹ Там же. Ф. р-803. Оп. 7. Д. 505. Л. 71–715; Д. 542. Л. 143; Чекулаев Н.Д. Указ. Соч. Ч. 2. С. 178.

³⁰ Там же. Ф. р-803. Оп. 7. Д. 480. Л. 8; Д. 504. Л. 165–166; Д. 544. Л. 176; Чекулаев Н.Д. Указ. Соч. Ч. 2. С. 165, 167 – 168, 169 – 170, 171, 175; ЦГА РД. Ф. р-803. Оп. 7. Д. 576. Л. 81.

³¹ Чекулаев Н.Д. Указ. Соч. Ч. 2. С. 114, 126, 149.

³² Там же. С. 172, 178, 180.

³³ ЦГА РД. Ф. р-803. Оп. 7. Л. 576. Л. 86.

³⁴ Чекулаев Н.Д. Указ. Соч. Ч. 2. С. 166, 170, 172, 176, 179.

Доброштан Виталий Михайлович

доктор культурологии, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО И ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СИНЕРГЕТИКА

Проблема интеграции естественно-научного и гуманитарного знания связана с их резким противопоставлением, которое возникло в ходе развития науки и философии на рубеже XIX–XX вв. Как известно, естественно-научное знание приобретает на основе естественно-научной методологии, для которой характерны следующие установки:

1) объективизм – возможность отделить описание (и объяснение) объекта исследования от оценочных суждений по поводу этого объекта;

2) структурализм – связь целостности любого объекта с некоторой структурой;

3) детерминизм – связь любого явления с некоторым законом;

4) каузализм – связь любого явления с действующей причиной (или взаимодействием таких причин);

5) рационализм – недостижимость истинного знания без соблюдения законов логики;

6) верификационизм – недостижимость истинного знания без соответствия предсказаний теории опыту (эксперименту).

На протяжении XVII–XIX вв. постепенно сформировалось убеждение, что эти установки, возникшие в сфере естествознания, должны иметь общенаучное значение, и потому должны быть применимы и к методологии получения истинного гуманитарного знания (О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, Э.

Дюркгейм, М. Вебер и др.). Указанной тенденции, характерной для возникшей в XIX в. «философии науки», на рубеже XIX–XX вв. была противопоставлена альтернативная тенденция в виде так называемой философии жизни (Ф. Ницше, В. Дильтей, О. Шпенглер и др.). Почва для указанной теории была подготовлена Баденской школой неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт и др.). Если обобщить многочисленные высказывания самых разных философов и обществоведов, разделяющих эту тенденцию, то ее основные методологические установки сводятся к следующему:

1) аксиологизм – неотделимость описания и объяснения объекта исследования от его оценки;

2) холизм – автономность (независимость) целостности объекта по отношению к его структуре;

3) индетерминизм – отрицание существования объективных социальных закономерностей;

4) телеологизм – замена действующих причин целевыми;

5) иррационализм – возможность получения истинного гуманитарного знания без соблюдения законов логики и даже с помощью сознательного нарушения этих законов;

6) схоластицизм – противопоставление опыту как единственному необходимому и достаточному критерию истины независимого от опыта источника и критерия истины («откровения»).

Причиной такого резкого противопоставления естественнонаучной и гуманитарной методологий явилось убеждение, что социальные явления (в отличие от природных) связаны с такой функциональной проблемой, как проблема «смысла истории» (эсхатологическая проблема). Поскольку «смысл истории» определяет и смысл индивидуальной жизни (экзистенциальная проблема), то гуманитарное знание затрагивает систему человеческих ценностей. Последние представляют собой существенно новый объект, с которым не имеют дело естественные науки. Понятие ценности приобретает такое исключительное значение в сфере гуманитарного знания именно потому, что смысл истории (и индивидуальной жизни) связан со смыслом культурного развития человечества (развития культуры как системы ценностей). Таким образом, отрицание применимости научной методологии к гуманитарной сфере было вызвано тем обстоятельством, что традиционная («классическая») научная методология оказалась бессильной дать ясное решение эсхатологической (и экзистенциальной) проблемы. Более того, у многих возникло убеждение, что классическая научная методология в принципе не может решить эту проблему именно потому, что она имеет дело с законами, а не с ценностями. Особенно четко эту идею выразили неокантианцы, прямо указав, что главное отличие гуманитарного знания от естественно-научного состоит в том, что оно имеет дело не с законами, а с ценностями. Это обстоятельство и создает необходимость использования принципиально новой методологии, альтернативной научной методологии.

Проблема взаимоотношения естественно-научного и гуманитарного знания оказалась в центре философских дискуссий на протяжении всего XX в. В 90-х гг. этого века, однако, произошло событие, которое позволило подойти к указанной проблеме совсем по-новому. Таким событием явилось создание общей теории социальной самоорганизации – социальной синергетики. Посмотрим, в чем состоит содержание этой теории и как она отвечает на поставленный выше вопрос.

Самоорганизация как взаимоотношение порядка и хаоса

Специфика социальной синергетики состоит в том, что в отличие от физической и биологической синергетики она исследует общие закономерности социальной самоорганизации, т. е. взаимоотношений социального порядка и социального хаоса. Понятия порядка и хаоса имеют давнюю историю. Однако обычно они употребляются в некотором «интуитивном» смысле без четких определений. Шумная толпа на политическом митинге или стройное каре солдат на военном параде как бы символизируют массовые (повседневные) представления о хаосе («беспорядке») и порядке. Тем не менее, в первом приближении эти понятия могут быть определены следующим образом. Под «порядком» обычно подразумевается множество элементов любой природы, между которыми существуют устойчивые («регулярные») отношения, повторяющиеся или в пространстве, или во времени, или в том и другом. Повторяемость во времени означает повторяемость («регулярность») тех движений и изменений, которые претерпевают указанные элементы. Соответственно «хаосом» обычно называют множество элементов, между которыми нет таких устойчивых (повторяющихся) отношений. Поскольку самоорганизация есть качественное и притом структурное изменение некоторой объективной реальности, постольку синергетика является теорией развития. Однако синергетическое понимание развития вносит в это понятие нечто существенно новое. Дело в том, что традиционная теория развития (диалектическая концепция Г. Гегеля и К. Маркса) рассматривала развитие как процесс перехода от одного порядка к другому порядку.

Хаос при этом или вообще не учитывался, или рассматривался как некий побочный и потому несущественный продукт закономерного перехода от порядка одного типа к порядку другого (обычно более сложного) типа. Для синергетики же характерно превращение хаоса в такой же закономерный этап развития, как и порядок. Причем, в отличие от древних наивных представлений о рождении «космоса» (порядка) из первичного хаоса и о последующем превращении этого «космоса» снова в хаос, синергетика рассматривает процесс развития как закономерное и притом многократное чередование порядка и хаоса (так называемый детерминированный хаос). Любопытно, что в грандиозной гегелевской системе полярных категорий, образующих многочисленные антиномии, есть все что угодно, кроме одного – антиномии порядка и хаоса.

Великий диалектик не обратил внимания на эту антиномию. И не случайно, поскольку это отражало состояние науки и философии того времени. Поэтому синергетика никоим образом не является простым переводом старой теории развития на новый язык, а представляет собой далеко идущее развитие и обобщение этой старой теории.

Синергетическая концепция хаоса существенно отличается и от тех интерпретаций этого понятия, которые абсолютизируют хаос (современный деконструктивизм): если развитие есть закономерное чередование порядка и хаоса, то это значит, что хаос обладает творческой силой (способностью) рождать новый порядок. При этом существенно то, что с синергетической точки зрения рождение нового порядка из хаоса не вынуждается какой-то внешней силой, а имеет спонтанный характер. Вот почему синергетика является теорией самоорганизации (а не теорией организации).

Проблема взаимоотношений порядка и хаоса не сводится только к изучению взаимопереходов порядка в хаос и обратно. Исследование таких переходов является только одной стороной проблемы. Другая сторона состоит в анализе более тонкого и сложного вопроса, а именно: каким образом в результате таких переходов стирается само различие между этими аспектами реальности и осуществляется их синтез. Простейшей формой такого синтеза является понятие диссипативной структуры – концептуального фундамента синергетики. В отличие от равновесной структуры, диссипативная структура может существовать лишь при условии постоянного обмена со средой в общем случае веществом, энергией и информацией. В результате этого обмена она поддерживает свою упорядоченность (говоря физическим языком, низкую энтропию) за счет усиления беспорядка во внешней среде (за счет, так сказать, «сбрасывания» избыточной энтропии во внешнюю среду). Таким образом, синтез порядка и хаоса в понятии диссипативной структуры имеет два аспекта: а) ее «порядок» существует лишь за счет «хаоса», вносимого в среду; б) благодаря своему «порядку» она приобретает способность адекватно реагировать на хаотические воздействия среды и этим сохранять свою устойчивость; в ее упорядоченном поведении появляются «хаотические» черты, но эти черты становятся необходимым условием ее «упорядоченного» существования.

Полный обмен веществом, энергией и информацией характерен только для очень сложных диссипативных структур, каковыми являются биологические и социальные структуры. Длительное время казалось, что в неживой природе возможно устойчивое существование только равновесных структур. Выдающимся открытием XX в. было обнаружение в неживой природе диссипативных структур, существующих за счет обмена со средой веществом и энергией (гидродинамические ячейки Бенара, химические часы Белоусова и т. п.). Тем самым, было найдено промежуточное звено между равновесными структурами и информационными диссипативными

структурами, благодаря чему понятие диссипативной структуры приобрело общенаучный характер.

Механизм перехода между порядком и хаосом (феноменология самоорганизации)

Первый вопрос, который возникает при изучении закономерностей самоорганизации, состоит в том, как совершается самоорганизация. Богатейший опыт социального развития на Земле на протяжении нескольких тысячелетий однозначно свидетельствует в пользу того, что социальная самоорганизация выступает в форме чередования двух исключаящих друг друга процессов – иерархизации и деиерархизации. Иерархизация представляет собой последовательное объединение элементарных диссипативных структур в диссипативные структуры более высокого порядка; деиерархизация – последовательный распад сложных диссипативных структур на более простые. Практически это проявляется, в частности, в периодическом образовании грандиозных империй и их последующем катастрофическом распаде. Но подобная картина наблюдается не только в сфере политических, но и любых других социальных институтов. Скорее всего, в сфере политической жизни этот процесс привлекает к себе особое внимание, поскольку он выглядит более драматично.

Глубокий анализ этих процессов показывает, что они могут протекать в разных направлениях: диссипативные структуры могут объединяться в разной последовательности и по разным правилам, в результате чего могут возникать иерархические системы разного типа. Аналогичная картина наблюдается и в случае деиерархизации: сложная диссипативная структура может распадаться на более простые разными способами, в результате чего в роли более элементарных структур также могут выступать диссипативные структуры разного типа. Однако спектр направлений, в которых может протекать иерархизация или деиерархизация, отнюдь не произволен: он задается природой той системы, которая претерпевает указанную эволюцию, и характером внешней среды. Другими словами, он определяется бифуркацией – разветвлением старого качества на конечное множество вполне определенных потенциально возможных новых качеств. Это так называемая нелинейность первого рода, которая придает процессу самоорганизации с самого начала неоднозначный (стохастический) характер. Переход от одного состояния социальной системы к ее новому состоянию требует выбора из множества возможных новых структур какой-то одной. Поэтому на место традиционного динамического детерминизма приходит существенно новый стохастический, или вероятностный, детерминизм (цепочка бифуркаций и последовательность актов выбора). Однако картина самоорганизации этим не ограничивается. Цепочка бифуркаций может не только уводить самоорганизующуюся систему от исходного состояния, но и может вернуть ее в это состояние. Однако для конкретной системы, взаимодействующей с конкретной средой, существует свой аттрактор – предельное состояние, достигнув которого, система уже не

может вернуться ни в одно из прежних состояний. В существовании аттракторов легко убедиться, наблюдая как иерархизацию, так и деиерархизацию.

С одной стороны, процесс иерархизации в условиях взаимодействия с внешней средой не может продолжаться бесконечно: достигнув некоторого предельного состояния, он останавливается (так называемый простой аттрактор). То же самое происходит и с процессом деиерархизации: распад системы заканчивается, достигнув некоторого предельного состояния (так называемый странный аттрактор). С этой точки зрения диссипативная структура претерпевает, вообще говоря, множество бифуркаций, как бы балансируя между простыми и странными аттракторами. При этом если за исходную систему отсчета принять не состояние, в котором реальность подвергается иерархизации, а то состояние, в котором она подвергается деиерархизации, то процесс самоорганизации принимает форму чередования дифференциации и интеграции социальной реальности.

Доник Ксения Владимировна

аспирант

Санкт-Петербургский институт истории РАН

ИСТОРИЯ СЕМЬИ Г. Ф. И Н. А. ПЕТРОВО-СОЛОВОВО И ИХ РОДОВЫЕ ИМЕНА В КИРСАНОВСКОМ УЕЗДЕ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Руины усадебного комплекса Петрово-Соловово, находящегося в селе Карай-Салтыково в Тамбовской области, хранят историю о нескольких поколениях этого древнего дворянского рода. Краеведческая литература часто страдает противоречиями и отсутствием должного внимания к хронологии и общеисторическому контексту. Настоящий очерк является попыткой обобщения всех известных на сегодня данных о жизни семьи Петрово-Соловово и истории усадьбы до середины XIX столетия с привлечением новых архивных материалов.

Первые упоминания о селе Карай-Салтыково, ставшем впоследствии частью Кирсановского уезда, относятся к данным ревизий первой половины XVIII в. Жителями села в основном являлись крепостные крестьяне мелких помещиков, переселенные из других мест. Первоначально село именовалось Карай по реке, на которой оно находится, вторая часть названия, по всей видимости, связана с появлением там крепостных крестьян генерал-майора М. П. Салтыкова (1663 – 1750), которых значилось около 300 душ мужского пола¹. На данный момент неизвестно, *когда точно* в Карай-Салтыково появились владения рода Петрово-Соловово. По всей видимости, первым владельцем был Федор Николаевич Петрово-Соловово (1763 – 1826), полковник, женатый на

сестре московского генерал-губернатора княжне А. Г. Щербатовой (1785 – 1821). «Дворянин в купечестве», «главный воронежский откупщик» как его описывал Ф. Ф. Вигель², он владел большим состоянием, немалая часть которого была нажита с «предводительства целовальниками». Проезжая во время одной из своих поездок Воронеж, Ф.Ф. Вигель был участником «убийственно сытного обеда»³, который давал Ф.Н. Петрово-Соловово. В Петербурге Петрово-Соловово принадлежал роскошный особняк на Невском проспекте (Невский,86), перестроенный для него архитектором М. А. Овсянниковым в нач. 1820-х гг.⁴ Наследниками тамбовских и воронежских владений, земли и крепостных душ, были два сына Ф. Н. Петрово-Соловово – Григорий Федорович (1806 – 1879) и Михаил Федорович (1813 – 1885). В архивном деле Департамента Герольдии сохранились документы о разделе имений, доставшимися им «в общее владение» после смерти отца и получения каждой из сестер своей доли. Раздел осуществлялся в 1837 г. Из общего описания владений мы узнаем, что они включали *на момент раздела*: «...Тамбовской губернии Кирсановского уезда в селе Архангельском Карай-Салтыково тож с другими селами и деревнями по 8 ревизии мужеска пола дворовых людей и крестьян 2619 душ. Воронежской губернии в Землянском уезде в сельце Николаевском дворовых людей и крестьян 267, а всего в Тамбовской и Воронежской губерниях крестьян и дворовых людей мужского пола 2886 душ...»⁵. Помимо этого, им совместно принадлежали несколько пустошей, каменный дом в Козловском уезде, а также купленная земля и крестьяне у помещиков Рахмановых: 2296 душ в селах Александровка Тамбовского уезда и Козмодемьянское-Сухая Панда Кирсановского уезда. По разделу, утвержденному 15 октября 1837 г. в Московской палате гражданского суда, Григорию Федоровичу отходило Карай-Салтыково со всеми прилежащими деревнями, Михаилу Федоровичу принадлежала вторая часть наследства – село Николаевское Воронежской губернии, в Тамбовской – Александровка и Козмодемьянское-Сухая Панда⁶. Раздел был осуществлен братьями по взаимному согласию, и Григорию Федоровичу как старшему брату отошло родовое имение их отца.

О личности Григория Федоровича Петрово-Соловово, владельца усадьбы в Карай-Салтыково, существует большое количество свидетельств, опубликованных и архивных данных, нуждающихся в систематизации и общей попытке реконструкции основных событий его жизни, службы, круга общения, истории семьи. Он родился 2 ноября 1806 г. в Москве, был крещен 20 ноября «в Введенской церкви, что на Сретенке»⁷. Восприемниками при крещении были князь С. Г. Щербатов (брат матери) и Е. А. Соловово – родственница по одной из ветвей рода (жена Андрея Александровича Соловово).

Родителями он был определен в самое престижное учебное заведение империи – Пажеский корпус. 25 июня 1827 г. произведен из камер-пажей корнетом в Кавалергардский полк. Кавалергарды при Николае I были особо отмечены шефством самой императрицы Александры Федоровны над полком, а

в апреле 1830 г. Николай I определил шефом и наследника престола новорожденного великого князя Александра Николаевича⁸. Во время Польского восстания 1830-1831 гг. полк принимал участие в подавлении мятежа. Григорий Федорович Петрово-Соловово был произведен в поручики еще в 1827 г. и во время боевых действий находился «бессменным ординарцем» при генерале-адъютанте В.Н. Шеншине⁹. Как впоследствии было записано в полковой истории, в т.н. деле при Жолтках 9 мая 1831 г. поручик Петрово-Соловово «по свидетельству... великого князя Михаила Павловича, «находясь при генерал-адъютанте Шеншине впереди всех войск и отдавая его приказания под выстрелами, был посылаем к командам, находившимся при разбирании моста, где хладнокровием и мужеством подавал пример нижним чинам, работавшим под ядрами и гранатами»¹⁰. Обратив на себя внимание Михаила Павловича своим образом действий, Григорий Федорович получил свой первый орден Св. Анны 3 степени с бантом¹¹. Во время штурма Варшавских укреплений 24 и 25 августа 1831 г. находясь при И. Ф. Паскевиче, «все поручения исполняли с отличным усердием и деятельностью...»¹² (в числе других поручиков и адъютантов). За штурм Варшавы Г.Ф. Петрово-Соловово был награжден орденом Св. Владимира 4 степени¹³. В 1834 г. Г. Ф. Петрово-Соловово был произведен в штабс-ротмистры, а в 1836 г. в ротмистры.

В 1834 г. Григорий Федорович женился на фрейлине двора ее императорского величества княжне Наталье Андреевне Гагариной; венчание состоялось 21 февраля 1834 года в церкви Кавалергардского полка в Петербурге¹⁴. На данный момент остаются неизвестными обстоятельства знакомства Григория Федоровича с его невестой, однако, это была очень удачная партия для обеих сторон: и для владевшего двумя тысячами душ крепостных обер-офицера, и для находящейся под опекой дяди молодой княжны Гагариной, уже известной свету своей красотой. Будущая хозяйка усадьбы в Карай-Салтыкова была дочерью князя Андрея Павловича Гагарина и Екатерины Сергеевны Гагариной, урожденной княжны Меншиковой – родной сестры светлейшего князя А. С. Меншикова. Один из самых влиятельных представителей николаевской военно-административной элиты, глава русского флота, генерал-губернатор Финляндии, сановник, обладавший колоссальными властными полномочиями и связями, князь Меншиков обычно характеризовался как человек, крайне редко располагавший к себе кого-либо к доверительным отношениям и характеризовавшийся холодностью и высокомерностью в общении. Отмечаемые многими современниками непростые черты характера князя Меншикова, как следует из личных документов (дневник, переписка), совершенно исчезали во взаимоотношениях с близкими, в первую очередь, с братом, сестрой, ее детьми – племянницами и племянниками князя. Княжна Гагарина-Меншикова, мать Натальи Андреевны, по воспоминаниям секретаря ее мужа К. И. Фишера, была необычайно красивой и доброй женщиной, располагавшей к себе людей¹⁵. Ее супруг – князь Гагарин, шталмейстер двора, был по свидетельству Фишера «добрый

обязательный и мягкий человек, в отличие от всех Гагариных, но ветрен и сибарит...»¹⁶. В зрелом возрасте обратясь «к благосклонности дам четырех мастей», он имел большие долги, в результате в 1828 г. покончил жизнь самоубийством, оставив большое осиротевшее семейство – жену и шестеро детей. Их опекой впоследствии занимался младший брат князя – П. П. Гагарин и князь Меншиков, который любил семью сестры и особенно своих племянниц.

Таким образом, детство Натальи Андреевны Петрово-Соловова прошло в окружении петербургского светского общества, в большой роскоши дворца ее прапрадеда – светлейшего князя А. Д. Меншикова в Ораниенбауме, где семейство обычно жило летом, перебираясь в Петербург или за границу в зимнее время года. Еще работая секретарем у А. П. Гагарина, К. И. Фишер по просьбе Е. С. Гагариной давал уроки ее юным дочерям. «Княжны были миленькие...», – писал Фишер, а впоследствии, когда они немного повзрослели, отмечал, что «Наталья (Соловова) – красавица тяжелая, холодная, с большими ногами»¹⁷. Необычная характеристика, данная Наталье Андреевне Фишером, больше сообщает нам о нем самом как о мемуаристе, любившем описывать своих современников, прибавляя детали, которые иной мемуарист сочтет не совсем важными.

21 февраля 1834 г. княжна Наталья Гагарина вышла замуж за недавно произведенного в штабс-ротмистры Григория Петрово-Соловова. Князь А. С. Меншиков отметил у себя в дневнике, что подарил племяннице на свадьбу 15 тысяч рублей¹⁸. 26 февраля в доме у графа А. П. Шувалова был устроен бал «для новобрачных Соловых», на котором присутствовал А. С. Пушкин, отмечавший это в своем дневнике¹⁹. Как уже известно в историографии, Пушкин был знаком со всем семейством Петрово-Соловова, а в начале января 1837 г. даже побывал «в гостях у Соловых»²⁰.

В том же 1837 г., как мы помним, произошел раздел имений между братьями Григорием и Михаилом. Живописное Карай-Салтыково, по всей видимости, долго пустовало, т. к. Григорий Федорович находился на службе, а привыкшая к великосветской жизни Наталья Андреевна не спешила удаляться в деревню.

По сведениям дневника дяди Натальи Андреевны, А. С. Меншикова, первый ребенок появился на свет у супружеской четы 3 февраля 1835 г.; князь навещал семейство 17 февраля, девочку назвали Екатериной, и князь Меншиков стал ее крестным 2 марта 1835 г.²¹. По всей видимости, девочка умерла в раннем возрасте, т. к. больше упоминаний о ее судьбе нигде нет. Были ли еще у супругов дети до рождения в 1840 г. сына Михаила – неизвестно.

В декабре 1835 г. умерла княжна Екатерина Сергеевна Гагарина – мать Натальи Андреевны, по свидетельству А. С. Меншикова от воспалительного процесса на ногах²². По всей видимости, середина 1830-х гг. была тяжелым периодом в жизни молодой женщины, потерявшей мать и маленького ребенка.

Михаил Григорьевич Петрово-Соловова – наследник родового имения и будущий строитель прекрасного дома в Карай-Салтыково – появился на свет 28

декабря 1840 г. в Петербурге, и был крещен 21 февраля в церкви Собственного Его Императорского Величества дворца²³ (церковь Св. Александра Невского при Аничковом дворце – *К.Д.*) Восприемниками от купели были великий князь Михаил Павлович и сама императрица Александра Федоровна: члены царской фамилии крестили детей только тех подданных, в частности офицеров, которых знали лично, тем самым оказывая знаки особой благосклонности. 1 августа 1843 г. в Харькове, где Григорий Федорович находился по службе, родилась дочь София²⁴, а 8 февраля 1848 г. в Петербурге родилась последняя дочь Александра, крещенная 7 марта в церкви Кавалергардского полка, ее крестным отцом также был великий князь Михаил Павлович²⁵.

С апреля 1838 г. до увольнения в бессрочный отпуск 5 марта 1843 г. Григорий Федорович командовал лейб-эскадроном²⁶; по всей видимости, желая оставить службу и посвятить себя семье и обустройству усадьбы в имении, он впоследствии уволился с военной службы в январе 1847 г. с переименованием в коллежские советники²⁷. Получивший в декабре 1847 г. чин статского советника, в следующем году он был высочайше пожалован в звание камергера двора Его Императорского Величества²⁸. Переход на гражданскую службу был вполне объясним: 8 января 1846 г. Григорий Федорович стал Кирсановским уездным предводителем дворянства и впоследствии переизбирался в предводители трижды – последний раз в 1855 г.²⁹ В Кирсановском уезде Петрово-Соловово были самыми крупными помещиками. В документах Тамбовского губернского правления в 1863 г. значились следующие владения: Карай-Салтыково, деревня Горюшка, село Леонтьевка, деревня Екатеринославье, Маркунья тоня, село Царевка и пустоши при деревне Беклемишевка³⁰. В формулярном списке Г. Ф. Петрово-Соловово, составленном тремя годами ранее в 1860 г., значится в общей сложности 32 тысячи десятин земли³¹.

Обосновавшись в Карай-Салтыково, Григорий Федорович Петрово-Соловово оказался в прекрасном окружении своих соседей по имениям в Кирсановском и других уездах Тамбовской губернии – Б. Н. Чичерина, Н. Ф. Павлова, Н. И. Кривцова и многих других. Самую полную картину этой соседской помещичьей жизни создал в своих воспоминаниях Б. Н. Чичерин, владевший родовой усадьбой в соседнем с Карай-Салтыково селе Караул. Ему же принадлежат и самые обстоятельные портретные зарисовки этого окружения, включавшего и семейство Петрово-Соловово. «В числе соседей, с которыми сдружились мои родители, был самый крупный помещик Кирсановского уезда, владелец более 30 000 десятин земли Григорий Федорович Петрово-Соловово, или просто Соловой, как его обыкновенно звали. Он был отставной кавалергард, женатый на петербургской великосветской красавице. Она в то время редко приезжала в наши края, а большею частью жила в Петербурге или за границею; он же, оставив военную службу, поселился в своем обширном поместье...А так как имение было огромное и было к чему приложить руки, то здесь он давал себе полную волю и

наслаждался этим безгранично. Как-то раз зимою он уезжал из Тамбова в деревню. Его спрашивали, куда он так спешит. «Как же мне не спешить? — отвечал он. — Ведь там я все, а здесь ничего!» В свое имение он был так влюблен, что его приятели иногда над ним потешались. У Баратынских в доме были две маленькие девочки, которых Сергей Абрамович звал Фероской и Атроской. Одну из них он научил особенного рода географии. Когда приезжал Соловой, он в присутствии последнего делал ей экзамен: «Какие главные города Солововского царства?» И та скороговоркой отвечала затверженный урок: «Карай, Салтыки, Горюшка, Царевка, Ледавка, Маркунья, Гречушка».

Особенную страсть имел Соловой к мельницам; он их строил, перестраивал, запруживал с огромными хлопотами и издержками, толковал о них без конца, и все это приносило только убыток. С таким <же> увлечением и часто с столь же малым толком принимался он и за всякие другие дела: у него был значительный конный завод, большая винокурня; он сам по своим селам держал кабаки, ибо не хотел терпеть в своих пределах никого постороннего, строил, сажал, держал летом тридцать человек «для барской глупости», как он сам выражался. На своей усадьбе он воздвиг бесчисленное множество надворных строений, разбросанных как бы случайно; только дома не построил, уступая настояниям жены и отца, а ограничился положением громадной каменной лестницы от фундамента к реке, сам же жил в старой конторе, прилаженной к потребностям семейства, к которой он приделал большой и прекрасный зимний сад, единственное, что ему вполне удалось...»³². Это ценное для краеведческой истории свидетельство замечательного мемуариста свидетельствует об очень насыщенной жизни, протекавшей в ту эпоху в Карай-Салтыково.

История первого поколения Петрово-Соловово, которое обосновалось в Карай-Салтыковской усадьбе, имеет значение не только как история семей Гагариных – Меншиковых – Петрово-Соловово, но и в более узких рамках создания краеведческих работ по истории отдельных сел и деревень Тамбовской области. Тема требует дальнейшего внимания и изучения и, безусловно, имеет перспективы достаточно подробного исследования при непременно условии архивного поиска.

¹ Муравьев В. Н. Избранные краеведческие труды в двух томах. Т.1 Тамбов: Тамбовский вестник, 2006. С.55.

² Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Издание «Русского архива» Ч.1. М.: Университетская тип., 1891. С.202 – 203.

³ Там же. С.203.

⁴ См.: Кириков Б. М., Кирикова Л. А., Петрова О. В. Невский проспект. Дом за домом. М.: Центрполиграф, 2013.

⁵ РГИА Ф.1343. Оп.27. Д.2204. Дело о дворянстве рода Петрово-Соловово. Л.40.

⁶ Там же. ЛЛ. 40-40 об.

⁷ По свидетельству выписки из метрической книги московской Введенской церкви. Там же. Л.34.

⁸ История кавалергардов и кавалергардского Ее Величества полка с 1724 по 1 июля 1851 года. СПб.: Военная тип., 1851. С.126 – 127.

-
- ⁹ Панчулидзе С. А. Сборник биографий кавалергардов. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка. Т.4. 1826 – 1908. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1908. С. 34.
- ¹⁰ История кавалергардов и кавалергардского Ее Величества полка. Приложения. С. 122.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С.123.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ РГИА. Ф.1343. Оп.27. Д. 2204. Дело о дворянстве рода Петрово-Соловово. Л.46.
- ¹⁵ Фишер К. И. Записки сенатора. М.: Захаров, 2008. С.86.
- ¹⁶ Там же. С.44.
- ¹⁷ Там же. С.86.
- ¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 7. Д. 134. Дневники А. С. Меншикова. 1 – 2 части. Л. 196.
- ¹⁹ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1988. С. 329.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 7. Д. 134. Дневники А. С. Меншикова. 1 – 2 части Л.214.
- ²² Там же. Л.250 об.
- ²³ РГИА. Ф.1343. Оп.27. Д. 2204. Дело о дворянстве рода Петрово-Соловово. Л.47.
- ²⁴ Там же. Л.49.
- ²⁵ Там же. Л. 47.
- ²⁶ Панчулидзе С. А. Сборник биографий кавалергардов. С. 34.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. С 1836 г. в камергеры жаловали лиц чином не ниже статского советника. См.: О непредставлении к пожалованию в звание камер-юнкеров чиновников ниже титулярного советника, а в камергеры ниже статского советника // ПСЗ РИ [Собрание Второе]. Т. 11. СПб., 1836. № 9336. С. 753-754.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ РГИА. Ф.1343. Оп.27. Д. 2204. Дело о дворянстве рода Петрово-Соловово. Л.45.
- ³¹ Там же. Л.35 об.
- ³² Чичерин Б. Н. Воспоминания Б. Н. Чичерина / Публ. А. Шаханова, Г. Щетининой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. С.128-129.

Дубинина Алла Петровна (Республика Беларусь)
старший преподаватель
Белорусско-Российский университет

«ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА. ФИЛОСОФСКО- КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Современная эпоха демонстрирует нам постоянные изменения в основаниях науки и философии. Для постнеклассической науки становятся важными междисциплинарные связи, философия в данной ситуации обеспечивает поиск новых концептуальных подходов, связанных с изменениями идеалов и норм науки. Четвёртая научная революция характеризуется изобретением и развитием компьютерной техники и связанным с этим ускорением передачи информации и дальнейшим развитием высокоскоростных беспроводных средств передачи информации. Поэтому

сегодня чрезвычайно актуализируется проблема «искусственного интеллекта», в философской и научной среде ведутся неослабевающие дискуссии, связанные с происхождением, формированием, влиянием на человека, общество, культуру такого явления как «искусственный интеллект».

В современной философии, первой реагирующей на системные и мировоззренческие ориентиры, возникают концепции, описывающие новую социокультурную ситуацию. В основе данных концепций лежит осмысление процессов, связанных с изменением способов и средств межкультурной, социокультурной, этнокультурной коммуникации под воздействием компьютерной техники, информационных ресурсов и глобальной среды Интернет. Теории информационного общества, разрабатываемые философами во второй половине XX в. и первой половине XXI в. становятся теоретическим основанием исследования проблемы «искусственного интеллекта» в дальнейшем. Здесь следует отметить наиболее значимые теории, связанные с философско-культурологическим осмыслением новой реальности. Так, Ж. Фурастье первым предложил важнейшие методологические принципы формирующегося информационного общества и определил его важнейшие параметры, он считал, что в «будущем большая часть занятых в общественном производстве людей будет сосредоточена в сфере создания услуг и информации, а бурно развивающийся технический прогресс обеспечит прогресс социальный и культурный, что приведёт к становлению подлинно информационной цивилизации» [10]. Чуть позже канадский философ и культуролог Г. М. Маклюэн вводит в философский оборот понятие «электронное общество». Позиция Г. М. Маклюэна на многие годы вперёд определила сущность информационно-цифрового мира, он рассматривал телевидение в качестве определяющего вектора всей электронной реальности, поскольку телевидение включает в себя разнообразные виды масс-медиа (радио, кино, прессу), создавая особую специфику «подражания жизни, формирующую мозаичное, раздробленное, ризомное восприятие окружающего мира, а «связь через электронные компьютерные системы накрепко соединяет людей друг с другом, как только информация получена, она тут же заменяется на более свежую, так электронный мир вынудил людей отойти от привычки классифицировать факты и способы узнавания по типам, больше не наблюдается определённой системности мира» [6, с. 69].

Американские футурологи Э. Тоффлер и З. Бжезинский в своих на сегодня уже хрестоматийных работах «Футурошок» (1970) и «Между двух веков. Роль Америки в технотронную эру» (1971) дают понятийные и сущностные параметры информационного общества, выделяя как наиболее значимую сферу услуг, связанную с обработкой и распространением знаний с помощью информационных и компьютерных технологий. Значительный вклад в развитие концепций информационного общества принадлежит американскому учёному Д. Беллу, в своей работе «Грядущее индустриальное общество» (1973) он определяет основные этапы развития и стратификации в

современном западноевропейском обществе, связанные с информационными и телекоммуникационными технологиями. Японский философ, футуролог Ё. Масуда в своём теоретическом исследовании «Информационное общество как постиндустриальное общество» (1983) прогнозирует развитие нового типа общества, где в полном объёме реализуются права и свободы каждой отдельно взятой личности в информационной сфере, а «нормой в этом обществе становится виртуальная жизнь в сети Интернет» [4, с.287].

Итак, обозначенные выше концепции, касающиеся развития информационного общества, приближают нас к исследованию проблемы «искусственного интеллекта», вызревшей в рамках информационной цивилизации. В рамках современной философии ещё не сложилось конкретного определения понятия «искусственный интеллект», поэтому нам стоит, прежде всего, обратить внимание на некоторые подходы, существующие в истории философии. Так, античный философ Аристотель использует в своих рассуждениях так называемое «правильное мышление», делая заключение, что есть такие процессы мышления, которые управляют работой ума. Французский философ, математик Р. Декарт в своей знаменитой работе «Рассуждение о методе», пытается показать на примере животного сложный думающий механизм.

В XX в. началом философских исследований «искусственного интеллекта» можно считать систему логического позитивизма Л. Витгенштейна, позже деятельность представителей «Венского кружка» Р. Карнапа и К. Хемпеля. Р. Карнап занимался проблемой исследования знания, которое возникает из опыта, он определил заданную вычислительную процедуру для извлечения знаний из предыдущего опыта.

В рамках постмодернистского философствования проблемам взаимоотношения человека и машины посвящено исследование Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения». Авторы создали новую теорию анализа общества эпохи заката капитализма и вступления в цифровую эпоху: «эта теория покрывает всё, которая, наконец, объяснит и всех успокоит, эта теория всем нам нужна для нашей эпохи фрагментации и специализации» [2, с. 69.] Философы достаточно радикально настроены против машинного разума и машинного мышления: «Повсюду производящие и желающие машины, шизофренические машины, целая порождающая жизнь; я и не-я, внешнее и внутреннее больше ничего не значит; повсюду присутствуют машины, которые одни есть машины - органы, а другие машины-источники, но это не меняет их машинную суть» [2, с. 9.]. Описываемая философами выглядит достаточно угрожающе для человека, но то, что мы называем «искусственным интеллектом», доведено здесь до абсурда, однако к многим предупреждениям авторов этого труда стоит прислушаться, чтобы в дальнейшем не оказаться в тотальной зависимости от машин и от особого типа разума, ими порождаемого.

В 1964 г. выходит в свет книга основателя кибернетики Н. Винера «Робот и творение», где учёный рассуждает о проблемах искусственного интеллекта,

но, в то же время остаётся при мнении, что «хоть человечество и получило возможность создавать искусственный интеллект, носителем которого являются машины, обучение всё же есть свойство, которое мы приписываем исключительно системам, обладающим самосознанием, и почти всегда живым существам» [1]. Собственно, первым явлением в области «искусственного интеллекта» считают знаменитый тест английского математика, логика, криптографа А. Тьюринга. В своей книге «Могут ли машины мыслить?», которая вышла в свет уже после смерти автора в 1950 г., А. Тьюринг описывает каким может быть стандартный теоретический тест на определение «интеллекта машины». Самой значимой фигурой в области проблематики и определения «искусственного интеллекта» является американский информатик, лауреат премии А. Тьюринга Дж. Маккарти. Работая в Массачусетском технологическом университете, он разработал язык программирования «Lisp», которые на многие годы стал языком программирования сообщества «искусственного интеллекта» во всём мире, кроме того, именно Дж. Маккарти принадлежит создание термина «искусственный интеллект».

В отечественной философской мысли в оценке значения и роли «искусственного интеллекта» выделяются два подхода. Первый из них был сформулирован российским культурантропологом, психологом А. П. Назаретяном в работе под названием «Интеллект во Вселенной». Согласно позиции учёного, «возрастание умственного труда в человеческой деятельности отражает общеэволюционный закон; по мере решения глобальных проблем человечества на первый план будет выступать новая проблема – проблема отношений между естественным и искусственным интеллектом. И если человечество дорастёт до реального «двоевластия» интеллектов, то конфронтационные подходы к её решению будут сразу же отброшены, речь может идти только о разных вариантах их синтеза» [8]. А. П. Назаретян является сторонником так называемого «оптимистичного» подхода во взаимосуществовании искусственного и естественного интеллектов. Менее оптимистичный сценарий представлен в исследовании А. А. Мальцева под названием «Интеллект и ресурс». Здесь автор говорит об «опасности чрезмерного увлечения «искусственным интеллектом», так как может произойти вообще исчерпание собственно человеческого потенциала» [7, с.47].

Современные достижения и основные идеи, связанные с формированием, развитием и функционированием «искусственного интеллекта» представлены в труде Рассела С. и Норвига П. «Искусственный интеллект. Современный подход». Но данное исследование можно скорее отнести к научно-популярному, чем к философскому анализу феномена «искусственный интеллект». Философско-культурологический подход в исследованиях искусственного интеллекта отличается плюрализмом мнений и неоднозначностью суждений.

Итак, мир «искусственного интеллекта» парадоксален, обладая своим «квазипространством», он в то же время существует вне истории, но его

содержание обусловлено опытом человечества. Сегодня достаточно трудно определить какую-то одну науку, которая бы занималась непосредственно проблемой «искусственного интеллекта». Мы можем лишь свидетельствовать о том, что «искусственный интеллект» развивается благодаря взаимодействию и информатики, и кибернетики, и нейробиологии, и кибернетики, и математики, и психологии, а также «искусственный интеллект» связан с такими отраслями науки как когнитивная психология, робототехника. Чтобы создать «искусственный интеллект», необходимо создать систему, похожую по структуре на человеческий мозг, где процессы происходят благодаря наличию нейронов, аксонов и связями между ними. Так, на основе изучения деятельности мозга человека ведутся разработки в области создания искусственных нейросетей. Учёные, которые придерживаются мнения, что возможно построение такого рода нейросетей, имеют на сегодня уже действующие программы. Здесь можно привести пример программы под названием «Общий решатель задач», созданный творческим коллективом учёных (А. Ньюэлл, И. Шоу, Г. Саймон). Также, в настоящее время наиболее продуктивным считается создание нейрокомпьютеров и информационно-аналитических систем нового поколения. Однако, по мнению философов и представителей гуманитарной мысли исследования в области «искусственного интеллекта», обязательно должны вестись в рамках этоса современной науки. Поэтому «искусственный интеллект» имеет и множество сторонников и множество противников. Так, сциентисты, поддерживающие идею безграничного развития техники, делают своего рода культ из «искусственного интеллекта», антисциентисты же, как и на предыдущих этапах развития техники, предупреждают об опасности тотального распространения анализируемого нами феномена.

В заключение данной статьи следует отметить, что «искусственный интеллект» активно применяется в общественных и личных целях; в экономике; культуре; образовании; туризме; науке. Проблема «искусственный интеллект» актуализируется в современных гуманитарных и научно-технологических исследованиях. «Искусственный интеллект» – трудноопределимое понятие и можно лишь говорить о том, что это метафорическое понятие для обозначения системы созданных людьми средств, воспроизводящих определённые функции человеческого мышления. В настоящее время существование «искусственного интеллекта» находится под контролем человека, и трудно представить, что может быть, если это создание человека выйдет из-под его контроля.

Список литературы:

1. Винер Н. Робот и творец. URL: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/Viner.html>. (дата обращения 12.02.2019).
2. Делёз Ж. Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У. Фактория, 2008. 672 с.

3. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследования по семантике и модальной логике. URL: http://platona.net/load/knigi_po_filosofii/logika/karnap_r_znachenie_i_neobkhodimost_issledovanie_po_semantike_i_modalnoj_logike_izd_1959_g/18-1-0-793 (дата обращения 12.02.2019).
4. Кара-Мурза С., Сулакшин С., Якунин С. Постиндустриализм. Опыт критического анализа Николаева. М.: Litres, 2017. 2165 с.
5. Кун Т. Структура научных революций. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=97572>. (дата обращения 12.02.2019).
6. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Искусство, 2003. 464 с.
7. Мальцев А.А. Интеллект как ресурс // Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. М.: Наука, 1988. 264 с.
8. Назаретян А. П. Интеллект во Вселенной. Истоки. Становление. Перспективы. Очерки междисциплинарной теории прогресса. URL: <http://temnyjles.narod.ru/Nzrtn/Vselen.ht> (дата обращения 12.02.2019).
9. Теория постиндустриального общества. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Vart/02.php (дата обращения 12.02.2019).
10. Тьюринг А. Могут ли машины мыслить? URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=99281> (дата обращения 12.02.2019).
11. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2009. 800 с.

Жолудов Михаил Валентинович

кандидат исторических наук, доцент

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И РОССИЯ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

На протяжении XVI-XVIII вв. шел динамичный процесс налаживания контактов (дипломатических, культурных, торговых) между двумя великими европейскими державами - Россией и Великобританией¹. В начале XIX в. англо-русский военно-дипломатический союз стал одним из главных факторов разгрома наполеоновской Франции². Однако к концу 20-х гг. XIX в. наметились серьезные противоречия в отношениях между двумя европейскими державами. Причиной этому послужило столкновение геополитических интересов России и Великобритании. Англо-русское соперничество становится основной осью международных отношений середины XIX в.

В постнаполеоновскую эпоху европейской истории Российская империя вступила могущественной державой мира. Международный авторитет России определялся её обширными территориями, огромными людскими ресурсами, безмерным экономическим потенциалом и в целом успешной внешнеполитической деятельностью в первой четверти XIX в.

В это время во внешней политике российского государства преобладали два направления - западное и восточное. Западное (европейское) направление проявлялось в стремлении России с помощью силы подавить революционные и национально-освободительные движения. Восточное (ближневосточное)

направление заключалось в попытках России решить так называемый «восточный вопрос» в свою пользу, то есть обеспечить безопасность своих южных границ, укрепить российское влияние на Ближнем Востоке и Балканах, а также установить контроль над черноморскими проливами Босфором и Дарданеллами, имевшими для государства огромное военно-стратегическое и экономическое значение.

Необходимо отметить, что те же проблемы занимали важное место во внешней политике других великих европейских держав (Великобритании, Франции, Пруссии, Австрии), внимательно следивших за развитием ситуации в Европе и на Ближнем Востоке. Особое место в числе этих стран занимала Великобритания, которая в те годы стремилась к полной торговой и политической гегемонии в мире. Наибольший интерес для нее представлял «восточный вопрос». Усилия английской дипломатии в первой половине XIX в. были направлены на выполнение одной из важнейших стратегических задач внешнеполитического курса Великобритании - обеспечение захвата колоний и их эксплуатации, а также создание опорных пунктов на пути из метрополии на Восток. Британская политика все больше подчинялась интересам промышленного развития. Быстрое развитие промышленности со всей остротой ставило перед Великобританией вопрос о сбыте товаров: всемерное использование существовавших рынков и открытие новых стало жизненной проблемой для экономики страны³. Поэтому Ближний Восток и Балканы стали главной ареной столкновения геополитических интересов России и Великобритании.

Во второй четверти XIX в. система международных отношений (и соответственно место в ней России) существенно изменилась. Священный союз в ситуации, возникшей в связи с греческим восстанием, фактически распался. Хотя Россия продолжала ориентироваться на альянс с двумя абсолютистскими государствами Европы - Австрией и Пруссией, но этот союз уже не был столь прочен и постоянен, как ранее. Особенно сильны были противоречия между Россией и Австрией на Балканах, которые обе державы считали регионом своих исключительных геополитических интересов. В 1830-х гг. активизируется экономическое проникновение Австрийской империи на Балканский полуостров. Однако российско-австрийские противоречия особенно не обострялись вплоть до начала Крымской войны. Внешне обе державы поддерживали дружественные отношения. Полное согласие трех абсолютистских государств достигалось лишь перед лицом революционной опасности. В этом вопросе Россия, Австрия и Пруссия были едины. Необходимость внешнеполитического сотрудничества этих держав определялась также наметившимся в 30-40-х гг. XIX в. сближением между Англией и Францией.

Англо-французское сближение началось в 1830 г., когда в результате Июльской революции во Франции резко осложнились российско-французские отношения. Франция перешла в разряд противников России. Охлаждением

российско-французских отношений поспешила воспользоваться Англия, направив свои дипломатические усилия на сближение с Францией. Этому способствовало сходное политическое устройство двух стран, и их общие интересы в Европе и на Ближнем Востоке. Таким образом, в начале 30-х гг. сложился союз так называемых «морских держав», Англии и Франции, вошедший в историю дипломатии также под названием первого «сердечного соглашения», или Антанты. Объективно он противостоял в Европе блоку так называемых «северных дворов» — России, Австрии и Пруссии.

Однако эти блоки не являлись достаточно прочными, каждая из великих держав в первую очередь стремилась преследовать свои собственные цели. Наличие некоторых противоречий между Англией и Францией рождало у российской дипломатии иллюзию возможности соглашения с Англией. Но эти надежды были совершенно безосновательны, так как разногласия между Россией и Англией в «восточном вопросе» были непримиримы⁴. Это было связано, с одной стороны, с явной активизацией проникновения британского капитала на Ближний Восток, а, с другой стороны, с беспокойством правительства Великобритании за судьбу своей богатейшей колонии Индии в связи с усилением русской экспансии в Средней Азии и на Кавказе. При непосредственной поддержке правительства в британской прессе началась мощная и хорошо режиссированная русофобская кампания, направленная на разжигание ненависти к России и русским среди народа Великобритании. Простых англичан пугали пресловутой «русской угрозой» Индии. Главным архитектором антирусской внешней политики Великобритании и главным дирижером русофобской кампании был лорд Пальмерстон, ставший в ноябре 1830 г. министром иностранных дел. На протяжении своей весьма продолжительной и деятельной политической карьеры (1830-1865), находясь на различных высших государственных должностях Британской империи или даже в оппозиции, он прямо определял или косвенно влиял на формирование внешнеполитического курса своей страны, отличительной чертой которого было всемерное противостояние русским интересам в Европе и на Ближнем Востоке. Пальмерстон и не скрывал этого. Он писал: «Великий враг Англии - Россия: это проистекает не из личных чувств, а потому, что её намерения и цели несовместимы с нашими интересами и безопасностью»⁵. Во многом благодаря усилиям лорда внешнеполитический курс Великобритании в 30-40-х гг. XIX в. имел ярко выраженную антирусскую направленность⁶. Таким образом, постоянно нарастающее углубление противоречий между двумя странами привело к крупнейшей военно-политической катастрофе в истории англо-русских отношений - Крымской войне 1853-1856 гг.

¹ Соколов А.Б. Навстречу друг другу: Россия и Англия в XVI - XVIII вв. Ярославль, 1992.

² Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005.

³ Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX - начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М., 1990.

⁴ Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.

⁵ Международные отношения на Балканах. 1830-1856. М., 1990. С. 14.

⁶ Жолудов М.В. К вопросу о геополитических противоречиях между Россией и Великобританией накануне Крымской войны (1853-1856 гг.) // Псковский военно-исторический вестник. 2015. Вып. I. С. 99.

Жукова Вероника Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент

Вологодский государственный университет

САМОГОНОВАРЕНИЕ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В 1914 – 1928-Х ГГ.

В современной российской исторической науке большое внимание уделяется проблеме повседневной жизни простого человека¹. Повседневная жизнь человека включает много аспектов. Публикуются статьи о трудовой повседневности². Определенный интерес у историков вызывают вопросы бытования крестьянского сообщества, которые содержат в себе сведения об удовлетворении широкого круга материальных потребностей: в пище, одежде, жилище и основных духовных потребностях³. На повседневность человеческой жизни влияли многие факторы, в том числе географические условия, сложившиеся традиции, уровень культуры, материальное положение⁴.

В 1917 г. многое поменялось в обычной жизни граждан Российской империи. Новые явления жизни накладывались на существовавшие веками традиции. Потребление спиртных напитков на Руси имело многовековую историю. Так, мы знаем, что при выборе веры князь Владимир отчасти руководствовался в том числе и потреблением спиртного: «Руси есть веселие пить, не можем без того быть»⁵. Потребление спиртных напитков было связано с русской свадебной и похоронной обрядовостью, а также с многочисленными церковными праздниками⁶. В конце XIX – начале XX вв. российской общественностью стали подниматься вопросы пьянства в России, притом, что оно не было повальным. Обсуждались проблемы, порожденные этим пагубным явлением, такие как хулиганство и рост преступности. С одобрения Николая II, правительство 18 июля 1914 г. ввело ограничение на продажу крепких спиртных напитков, а 22 августа 1914 г. Указом «О продлении воспрещения продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в Империи до окончания военного времени» ввело «сухой закон»⁷.

Пьянство приносило семье пьющего много разного рода бытовых проблем и в народе осуждалось, так, в воспоминаниях И.С. Карпова (с. Пермогорье Красноборский район Архангельской области) есть описание некоторых проблем данной семьи. «Отец редко стал находиться дома – то у

соседей курит табак, то в кабаке. Отец извлекал из хозяйства все, что стоило хоть ничтожные копейки. Долго мы ждали, и вернулся он не вовсе, но пьяный – видимо сбыл свой товар. Через сутки привезли мертвецки пьяного отца без саней, дуги и хомута. Трое мужиков втащили отца пьяного до бесчувствия»⁸. Семья пыталась с этим бороться, о чем повествуют следующие строки: «Дед взял увесистую рябиновую палку и так отколотил в кабаке отца, что, проспавшись, отец показал на теле все синяки. Мама ходила по церквям, заказывала молебны, сама усердно со слезами молилась»⁹. История закончилась тем, что отец повесился, тем самым, создав семье большие проблемы по захоронению.

Принимаемые правительством меры нашли отражение в крестьянских дневниках и воспоминаниях, так, в Памятной книге Д.И. Лукичева (с. Вашки, бывшей Новгородской губернии, ныне Вологодская область) читаем следующие строки о введении «сухого закона». Запись от 21 июля 1914 г. содержит следующее: «Прекращение продажи водки и пива и вообще всех спиртных напитков последовало с первой мобилизацией 1914 года 20 июля, первоначально временно, а затем на неопределенное время, навечно»¹⁰. Никаких оценочных суждений по этому факту Д.И. Лукичев в дневнике не приводит. В другом крестьянском дневнике тотемского крестьянина А.А. Замараева (Вологодская губерния) есть запись от 5 октября 1914 г.: «С Спасской казенки все не отперты, охота бы выпить чашку вина. Все из-за войны»¹¹. А.А. Замараев еще несколько раз возвращается в своем дневнике к теме алкоголя в годы Первой мировой войны. Так, в записи от 1 ноября 1915 г. он пишет: «Праздник Кузьма Демьян провели весело, пиво варили все, но вина ни у кого нет, но привыкли уж и без вина. Нынче все, которые были пьяницы вырезвились. И обулись и оделись. Хорошо»¹². Спустя 2 года в этот же день, он также сообщает о праздновании, но окраска описания уже сменилась: «Провели тихо. Многие варили пьяное пиво, не к году. У многих не хватает хлеба, а хлеб в цене поднимается»¹³. Здесь пусть довольно кратко и во многом косвенным образом крестьянин дает оценку происходящих в далекой провинции изменений настроения общества. Со страниц дневника мы чувствуем осуждение тех, кто варил «пьяное пиво». Из этих двух записей мы видим, насколько сильно трансформировалось настроение крестьян в течении двух военных лет.

После прихода к власти большевики также поддерживали идею «сухого закона» и в декабре 1919 г. СНК РСФСР принял постановление «О воспрещении на территории страны изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ»¹⁴. Таким образом, большевики на законодательном уровне не разрешали изготавливать и потреблять спиртные напитки. За нарушение предусматривалось наказание: конфискация имущества и произведенных напитков, штрафы, вплоть до уголовного наказания. Тем не менее, крестьяне гнали самогонку и варили пиво. Кроме этого, в данных противоправных деяниях были замечены и

представители новой власти. В докладе агитатора губернского агитационного отдела о своей командировке в Кремлевскую волость Кадниковского уезда Вологодской губернии в марте 1919 г. находим следующие строки: «В волости не так давно обнаружилось пивоварение, которым занимались и члены Исполкома. Перепортили больше 30 пудов хлеба, тогда как беднота получает 11 ф. и то не всегда. Участвовавшими лицами были: некая гражданка Никонова, милиционер Д.К. Божуков, который все еще служит в милиции, председатель земотдела Рудаков, члены Чубаковского сельского совета, – председатель Лаврентий Ерыкалов и член Тим. Никонов»¹⁵. Все фигуранты были арестованы и перенаправлены в Кадников, а затем отпущены. К новой власти крестьянское сообщество относилось довольно настороженно и такого рода поступки никак не улучшали их отношения к представителям власти¹⁶.

Начиная с января 1920 г. советская власть делает некоторые послабления в антиалкогольной кампании. Сначала было разрешено потребление слабоалкогольной продукции, а затем с октября 1925 г. было разрешена продажа 40-градусной водки.

В первой половине 1920-х гг. борьба с тайным винокурением была возложена на милицию. Производились обследования местности и анализ ситуации. В докладной записке в президиум ВЦИК с грифом «совершенно секретно» от 1 февраля 1924 г. за подписью заместителя председателя губисполкома Кипреева, заместителя начальника ГАО Никулина и начальника административного подотдела «О самогоноварении в Вологодской губернии» было написано, что оно начало распространяться с 1921 г. и наибольшего размаха достигло в 1922 – 1923 гг. Также было отмечено, что некоторые волости Вологодской губернии имеют свои особенности: так, в «Норобовской, заселенной преимущественно эстонцами, живущими в большинстве на хуторах, винокурение стало прививаться еще после закрытия винной монополии в 1914 году, и вполне естественно, что, совершенствуясь в этом деле, производители самогонщики дошли в данное время до полного совершенства, выгоняя самогонку 1-го сорта»¹⁷.

При описании выделяют ряд причин развития «самогонокурения, прежде всего, надо признать желание середняка крестьянина почерпнуть средства для пополнения своего скромного бюджета, ибо производство и торговля самогомом довольно выгодна, т.к. ведро самогонки, стоящее обычно производителю около 3 – 4 рублей, продается в деревнях от 10 до 15 рублей, в зависимости от сорта, а в городах цена за ведро доходит временами до 30 – 35 рублей. Самогончество имеет для своего существования базу также и в местных праздниках, на каковых по обычаю употребляется в большом количестве пиво своего варева».

Кроме того, отмечают что «разрешение торговли пивом и малоспиртными напитками также существенного влияния на уменьшение производства и торговли самогомом не произвело, да и значительных размеров оно в пределах губернии не имеет». В докладной записке отмечалось, что в

основном продажа спиртных напитков государственного производства осуществлялась в г. Вологде, так с 1 октября 1922 г. по 1 октября 1923 г. было продано 69000 ведер пива, в уездных городах – 18794 ведер, а в сельской местности 11270 ведер. В период с 1 января по 1 октября 1923 г. с оптового склада было отпущено виноградных и водочных изделий в размере 640 ведер только в г. Вологда¹⁸.

Главные причины, служащие препятствием к расширению торговли указанными выше изделиями государственного производства в докладной записке представлены следующие: невозможность конкурировать с самогоном, т.к. последний в виду тайного его производства он не обложен ни акцизом, и вообще никаким налогом; продажная цена его на рынке от 1 р. до 1р. 50 коп. при содержании алкоголя обычно до 40 градусов, стоимость же пива в пивных лавках 35 коп., а в ресторанах 50 коп. бутылка, при содержании алкоголя 4 градуса, а считаясь с тем, что потребление спиртных напитков в большинстве происходит с целью опьянения и чтобы достигнуть последнего необходимо выпить не одну бутылку пива или вина, стоимость коих значительно то вполне ясно, что население предпочитает употребление более дешевого самогона по сравнению с пивом и вином¹⁹.

Рассмотрим борьбу с самогоноварением на территории Вологодской губернии в 1923 и 1924 гг. В таблице представлены данные по изъятию самогонных аппаратов и самогонки в г. Вологда и уездам Вологодской губернии за 1923 г. и первый месяц 1924 г.

Таблица

Борьба с самогоноварением в Вологодской губернии в 1923 – 1924 гг.

Регион	1923 год		Январь 1924 г.	
	Изъятых:			
	аппаратов	самогонки (ведер)	аппаратов	самогонки (ведер)
г. Вологда	19	225	1	51
Вологодский уезд	483	127	246	74
Вельский уезд	155	28	56	14
Грязовецкий уезд	305	109	159	23
Кадниковский уезд	275	81	58	75
Каргопольский уезд	104	53	28	58
Тотемский уезд	193	35	26	8
ИТОГО	1534	658	574	303

Источник: ГАВО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 4. Л. 83.

Из данных таблицы мы видим, что за январь 1924 г. по Каргопольскому уезду самогонки было изъято больше чем за весь 1923 г., по Кадниковскому уезду месячные показатели изъятий составляют 92,6% от показателей 1923 г. Если проанализировать итоговые показатели, то за январь 1924 г. изъятые аппараты составили 37,4% от изъятых аппаратов 1923 г., а изъятая за первый месяц 1924 г. самогонка – 46%.

С 1 октября 1925 г. была разрешена продажа «40 градусного вина» и в отчетах милиции отмечается рост числа задержанных за пьянство и хулиганство. Основной причиной хулиганства называется алкоголизм. Так, например, за весь 1924/25 г. в городе Вологде было задержано за пьянство и связанное с ним хулиганство 2723 человека, а за 10 месяцев 1925/26 года – 3261 человек, таким образом, наблюдаем прирост подобного рода преступлений на 44%²⁰.

За период с 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 было привлечено за пьянство и хулиганство в административном порядке в г. Вологда 1491 человек, за тот же период времени в 1924 – 1925 гг. – 2723 человек, а в 1925 – 1926 гг. – 4080 человек. Таким образом, мы видим стабильный рост показателей²¹. Если мы показатели 1923 – 1924 гг. мы примем за 100%, то в 1924 – 1925 гг. подобного рода правонарушений будет на 82% больше, а в 1925 – 1926 гг. на 173,6% больше. В уездных городах Вологодской губернии картина выглядела еще более впечатляюще: в 1924 – 1925 гг. за пьянство и хулиганство было привлечено 146 человек, в 1925 – 1926 гг. – 1829 человек, рост данных правонарушений в 12,5 раз; в сельской местности в 1924 – 1925 гг. – 1449 человек, в 1925 – 1926 гг. – 3218 человек, что в 2,2 раза больше показателей предыдущего года.

Среди милиционеров также были пьющие. На почве пьянства среди милиционеров случались тяжкие преступления. Так, 7 февраля 1926 г. в деревне Поземове Владыченской волости Вологодской губернии милиционер Д.В. Изюмов, будучи в пьяном состоянии, махая револьвером во время пляски и производя выстрел, убил гражданина А.В. Бурлова²².

В 1926 г. за тайное самогонование было оштрафовано 2395 человек, на сумму 11425 рублей, а 1928 г. – 1560 человек на сумму 27679 рублей. Мы видим, что количество оштрафованных в 1928 г. уменьшилось на 65%, а сумма штрафов увеличилась на 41%. Сумма штрафов за самогонование была различной, исходя из социального положения гражданина: так, бедняки должны были выплатить 8 рублей, середняки – 18 рублей, кулаки – 87 рублей²³. Собранные средства было рекомендовано направлять на премирование милиционеров и на организацию штата информаторов. Как отмечается в протоколах проверок, данные рекомендации довольно часто нарушались и использовались на другие цели.

Таким образом, в рассматриваемый период отношение к употреблению спиртных напитков можно рассматривать с трех сторон. Во-первых, это отношение власти к данной проблеме. Как мы видим, оно менялось на диаметрально противоположное: от «сухого закона» до разрешения продажи крепких спиртных напитков. Видимо причинами данного разрешения была невозможность контролировать производство и потребление населением самогонки собственного производства, да еще и в обход государственной казны. Вторая сторона данного явления кроется в потребителях спиртного. Здесь возникает вопрос, почему вдруг пьянство достигло таких объемов, если

еще в начале века эта проблема была не настолько остра. Люди пили для того, чтобы снять стресс, который сначала возник из-за лишений военного времени, а потом жизнь стала настолько непредсказуемой, что сама по себе стала стрессом (Гражданская война, реквизиции, продразверстка и т.п.). Третья сторона – это те, кто должен приводить в исполнения решения новой власти, они были между властью и социумом, среди которого должны были навести порядок. Часто они сами были выходцами из этого социума и поэтому также употребляли спиртные напитки в качестве антистресса.

¹ Жукова В.С. Повседневная жизнь крестьян Европейского Севера России в первой половине 1930-х гг. (на материалах дневника П.Г. Ананьина) // Историки. Поколения. Взгляды: материалы Всероссийской научной конференции. Вологда, 2018. С. 177 – 182.

² Жукова В.С. Трудовая повседневность в крестьянских дневниках Европейского Севера России первой трети XX века // Повседневность в российской провинции XIX – XX вв. Материалы Всероссийской научной конференции: в 2 частях. Пермь, 2013. Ч. 1. С. 157 – 161.

³ Жукова В.С. Трансформация бытовых условий жизни сельских жителей Европейского Севера России в 1914 – 1930-х гг. // Региональная история: методология, источники, историография. Сборник научных трудов третьих Международных Усмановских чтений. Стерлитамак, 2016. С. 254 – 256.

⁴ Ильина О.В. Повседневность сельской семьи Европейского Севера России в 1941-1945 гг. // Материалы III Всероссийской научной конференции «Некрасовские чтения». 19-20 мая 2017 г. Вологда: ВоГУ, 2017. С. 124 – 127.

⁵ ПВЛ // Хрестоматия по истории России. М., 2006. С. 33.

⁶ Жукова В.С. Религия и суеверия в повседневной жизни крестьян Европейского Севера России в первой трети XX в. (по материалам дневников и воспоминаний) // Государство, общество, церковь в истории России XX – XXI веков материалы XV Международной научной конференции: в 2-х частях. Иваново, 2016. С. 357 – 363.

⁷ Собр. Узак. № 248. 5-го сентября 1914 г. Ст. 2348.

⁸ Карпов И.С. По волнам житейского моря // Новый мир. 1992. № 1. С. 10, 11, 14.

⁹ Там же. С. 10.

¹⁰ Памятная книга Дмитрия Ивановича Лукичева с. Вашки (Дневник) // Духовная культура северного Белозерья. М., 1997. С. 400.

¹¹ Жукова В.С. Отражение событий Первой мировой войны в дневнике крестьянина А.А. Замараева // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений. Мичуринск, 2014. С. 90; Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева 1906 – 1922 годы // Тотма: краеведческий альманах. Вып.2. Вологда, 1997. С. 336.

¹² Жукова В.С. Трудовая повседневность в годы Первой мировой войны по материалам дневников и воспоминаний крестьян Европейского Севера России // Рябининские чтения – 2015. Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. С. 41 – 43; Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева 1906 – 1922 годы // Тотма: краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 365.

¹³ Дневник тотемского крестьянина... С. 427 – 428.

¹⁴ СУ РСФСР. 1920. № 1, 2. Ст. 2.

¹⁵ ГАВО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 317. Л. 4 – 6об.

¹⁶ Изюмова Л.В. Председатели колхозов – выдвиженцы 1950-х гг. и отношение к ним в колхозном социуме (по материалам Европейского Севера России) // Проблемы российской и региональной истории XIX – XX веков. Вологда, 2016. С. 66 – 75.

¹⁷ ГАВО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.

¹⁸ Там же. Л. 19об.

¹⁹ Там же. Л. 20.

²⁰ ГАВО. Ф. 412. Оп. 1 Д. 5. Л. 27 об.

²¹ Там же. Л. 28.

²² ГАВО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 32. Л. 64.

²³ ГАВО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 179. Л. 8 об.

Засорин Сергей Алексеевич

кандидат исторических наук, доцент

Московский педагогический государственный университет

ФЕНОМЕН «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

Историческое восприятие понятия «холодная война» всегда являлось и, очевидно, будет оставаться неоднозначным, противоречивым и дискуссионным. Спорное толкование данного явления объясняется, в первую очередь, его максимальной политизированностью, приводящей к крайней степени субъективизма. По сути дела, собственное радикальное прочтение сути «холодной войны» со временем стало типичным принципом идеологического противостояния двух систем, которое и оказалось духовным стержнем данного состояния мировой политики. Попытки объективного анализа фактов и событий были заменены взаимными обвинениями и оправданиями каждой из двух противоборствующих сторон.

И все же, если мы стремимся к глубокому пониманию и сбалансированному объяснению феномена «холодной войны», то мы должны найти объяснение таким его основным составляющим аспектам, как содержание понятия, происхождение явления, механизмы реализации, хронологические рамки, динамика развития, прекращение (или продолжение, либо возрождение) в современных условиях.

Казалось бы, наиболее бесспорной проблемой можно считать определение сути «холодной войны». Большинство исследователей стандартно вкладывает в это понятие глобальное противостояние двух социальных систем во главе с двумя сверхдержавами СССР и США во всех сферах общественной жизни, за исключением прямого военного противоборства. И действительно, все признают такие антиподы данного мирового порядка, как военно-политические блоки: Североатлантический Союз - НАТО (плюс другие проамериканские военные союзы в Юго-Восточной и Передней Азии) и Организацию Варшавского Договора - ОВД. Острое экономическое соревнование между Советом Экономической Взаимопомощи - СЭВ и «Общим Рынком» (впоследствии Европейским Союзом) минимально компенсировалось вынужденным хозяйственным сотрудничеством. Непримируемая идеологическая борьба на базе единственно признаваемых собственных духовных ценностей приводила к столкновению определений-ярлыков: «капиталистический и социалистический лагерь» как клише с одной стороны и

«свободный мир и мир за железным занавесом» как клише с другой стороны. Но не только в этих ярлыках проявляется различное видение.

Во-первых, типичный образ биполярного мира той эпохи разрушался фактором Китая, который, во исполнение концепции Мао Цзэдуна о «трех тиграх мировой политики», фактически вышел из просоветской социалистической системы, попытался создать собственную социальную систему из союзных стран «третьего мира» и превратился если не в новую сверхдержаву, то во влиятельного и самостоятельного игрока мировой политики сначала в идеологическом отношении, а со временем - в военном и экономическом смыслах.

Во-вторых, две антагонистические системы не покрывали все многообразие тогдашних идейно-политических и социально-экономических национальных режимов. Появился огромный массив «неприсоединившихся стран», дрейфовавших в своей политике от одного глобального полюса к другому. Это явление также получило в своем толковании идеологические клише: в одном восприятии «страны социалистической и капиталистической ориентации», а в другом – «про-демократические и про-тоталитарные государства». Причем, каждая из сверхдержав постоянно стремилась гипертрофировать выгодную для себя тенденцию мирового развития.

В-третьих, отсутствие прямого военного противостояния между СССР и США ставилось под сомнение фактами постоянных региональных вооруженных конфликтов, в которых одна из сверхдержав участвовала непосредственно, а вторая – опосредованно (через оказание экономической помощи, через поставку оружия, через направление военных советников, через дипломатическое давление и пр.). В этом ряду можно назвать такие крупные кровавые столкновения, как корейская война (участие США напрямую и СССР косвенно), вьетнамская война (такая же конфигурация), арабо-израильские войны (косвенное участие двух сверхдержав), афганская война (участие СССР напрямую и США косвенно) и многие другие ситуации.

Если к этому добавить постоянную самоубийственную гонку вооружения, то военная сдержанность, отличающая «холодную войну» от «горячей» превращается в сомнительный штамп. Очевидно, что в ту эпоху речь шла об ограниченном объеме и размахе вооруженных столкновений, которые, к счастью, не позволили превратить отдельные вспышки регионального насилия в глобальную роковую третью мировую войну.

Наибольшие споры всегда вызывал вопрос о происхождении «холодной войны». В этом смысле трудно не признать бесспорные геополитические сдвиги и изменения, произошедшие незадолго до и вскоре после окончания второй мировой войны, такие как выход СССР в мировые промышленные лидеры после успешного осуществления индустриализации, естественное распространение идей социализма в странах Европы и Азии за счет активного участия коммунистических и других левых партий в антифашистской национально-освободительной борьбе и движении сопротивления, повышение

международного авторитета Советского Союза как главного военного лидера антигитлеровской коалиции. В итоге сложились непримиримые противоречия между СССР с его союзниками с одной стороны и США с его сателлитами с другой стороны (причем американцы превратились в основного мирового капиталистического экономического и военного лидера тоже незадолго до начала Второй мировой войны). Закрепление двойного мирового лидерства еще более усугубилось первенством наших стран в разработке и создании нового ядерного оружия.

А дальше возник самый острый сюжет о прямой ответственности либо СССР, либо Запада за непосредственное развязывание «холодной войны», то есть извечный вопрос «Кто виноват?». Западная трактовка обвиняла во всем экспансионистскую политику сталинского режима, навязавшего странам Восточной Европы и Юго-Восточной Азии вместо демократической альтернативы советскую общественную модель по принципу «экспорта социализма». Критическим событием этой советской агрессивной стратегии объявлялось грубое вмешательство СССР в чехословацкие выборы 1948 г., искусственно приведшие к власти коммунистическую партию. Кроме того, Советский Союз обвинялся в незаконном и негуманном развязывании гражданских войн в указанных странах по классовому признаку.

Со своей стороны, советская идеология всегда сводила ответственность за ситуацию к превентивной западной политике «сдерживания». Причем в таком восприятии данное сдерживание относилось не к агрессивной советской внешней угрозе, а к неотвратимому росту советского мирового влияния. В качестве доказательства приводились фултонская речь У. Черчилля, доктрина Г. Трумэна и план Д. Маршалла 1946-1947 гг. К тому же всегда подчеркивалось, что фронтовое сотрудничество СССР, США, Великобритании и Франции в антигитлеровской коалиции времен второй мировой войны было необоснованно разрушено созданием НАТО в 1949 г., а Советскому Союзу ничего не оставалось делать, как создать в ответ ОВД в 1955 г.

Думается, что обе противоположные трактовки отличаются крайностями и уместно ставить вопрос о параллельной двойной ответственности и той, и другой сверхдержавы. Кроме того, не суть важно, кто начал враждебные действия по отношению к противнику, поскольку дальнейшее развитие геополитической картины мира представляло собой принцип «снежного кома»: каждый новый ответ отличался асимметричностью и заводил человечество в тупик.

Вопрос о хронологических рамках «холодной войны» сложен в определении, как начала, так и окончания данного явления. Старт «холодной войны» спорен, исходя из того, чьи действия в рамках данной политики можно считать отправными и, соответственно, когда они произошли. Представляется возможным определить, что непосредственная подготовка к прямому противостоянию охватывала, в целом, ранний послевоенный период с 1946 по

1949 г., а первое реальное и крупное событие «холодной войны» представлял собой корейский вооруженный конфликт 1950-1953 гг.

Еще более неоднозначен вопрос об исчерпании состояния «холодной войны», о чем пойдет речь ниже.

С точки зрения динамики развития «холодной войны» наиболее интересным можно считать попытки объяснения смены ее контрастных фаз: классическое противостояние 1950-1960-х гг., временная разрядка международной напряженности 1970-х гг., обострение международной напряженности первой половины 1980-х гг., «новое политическое мышление» советской дипломатии второй половины 1980-х гг.

К наиболее значимым событиям политики детанта относят череду существенных достижений мировой дипломатии, начиная с нормализации статуса Западного Берлина и советско-германских отношений, включая советско-американские договоренности об ограничении стратегического ядерного вооружения и завершая Хельсинкским совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе. В этом смысле объяснение данного сдвига только мудростью или прагматичностью либо советского, либо американского руководства того времени явно не выдерживает критики. Более резонным представляется учет китайского фактора. Начало китайско-американских переговоров на высшем уровне должно было стимулировать советскую дипломатию отказаться от прямолинейной доктрины Брежнева и пойти на временные частичные уступки, чтобы не оказаться в одновременном противоборстве с двумя серьезными противниками.

Отказ от дальнейшей разрядки и взаимное провоцирование обострения международной напряженности также требует своего объяснения. Авантюрная и бесславная афганская война, продемонстрировавшая военную слабость Советского Союза и резко снизившая его внешнеполитический престиж, одновременно доказала, что США готовы к прямому сотрудничеству с радикальным исламским терроризмом ради ослабления своего главного соперника. Польский кризис вокруг «Солидарности» и сепаратистская политика румынского руководства Н. Чаушеску подтвердила глубокую деградацию мировой системы социализма. Идеино-духовная девальвация советского общества, выразившаяся в подъеме диссидентского движения, вынудили брежневское руководство прекратить имитацию про-либерального продвижения в обеспечении прав человека и осуществить дело А. Сахарова в назидание всем инакомыслящим.

Можно, конечно, предположить, что если бы не инцидент с южнокорейским «Боингом» в 1983 г. и не кратковременность политического руководства Ю.В. Андропова, то этот глубокий и опытный советский руководитель смог бы сохранить линию разрядки, прекратить бесперспективную афганскую войну и продолжить продвижение в направлении ограничения стратегического вооружения в рациональном, а не

авантюристическом ключе. Но, как известно, в истории не бывает сослагательного наклонения.

Особо острым является вопрос о переходе к дипломатии «нового политического мышления» в годы горбачевской «перестройки». Можно признать оправданным улучшение отношений СССР с западными странами, но это произошло фактически ценой установления неоправданной финансовой зависимости и за счет декларативных программ разоружения. Следует согласиться с принципом деидеологизации дипломатических и экономических связей Советского Союза с нетрадиционными партнерами, но при этом ничем нельзя оправдать демонстративный отказ от укрепления и даже сохранения мировой системы социализма, от опоры на традиционных и надежных союзников в странах «Третьего мира».

В итоге горбачевские уступки приняли не взаимный, как провозглашалось, а односторонний характер. Классическим примером в этом смысле можно считать судьбу двух противоборствующих военно-политических блоков. Когда в 1991 г. ОВД объявила о самороспуске, это было сделано на условиях одновременной ликвидации НАТО. Более того, М.С. Горбачев утверждал, что в момент его согласия на объединение двух частей Германии западные лидеры уверили его, что новое общее германское государство будет нейтральным. Трудно объяснить такую политическую наивность опытного государственного руководителя. Как известно, НАТО благополучно сохранилось и, более того, расширилось на восток, как раз за счет бывших стран социализма. Таким образом, можно утверждать, что ОВД был фактически поглощен НАТО.

Вернемся к вопросу об окончании «холодной войны». Расхожим является утверждение, что «холодная война» закончилась в 1991 г. крушением в нашей стране коммунистического режима, распадом СССР, самороспуском ОВД и СЭВ после «бархатных революций» в Восточной Европе 1989-1990 гг. Об этом официально и пропагандистски заявил президент России Б.Н. Ельцин во время встречи с президентом США Д. Бушем-старшим в Кэмп-Дэвиде в 1992 г. Данное утверждение вписывается в логику главенствовавшей в тогдашней России либеральной идеологии. Продолжая эту логику, следовало безоговорочно признать, что постсоветская Россия безнадежно потеряла статус сверхдержавы вместе с прежними военными союзниками, экономическим потенциалом и влиянием в мире.

Такое ущемленное и зависимое положение, очевидно, не отвечало интересам новой России и должно было неминуемо привести к серьезным конфликтам. Это и проявилось еще при ельцинском режиме в 1998 г. в реакции российского руководства на американско-натовское вмешательство в иракскую ситуацию, а еще более заметно – в российском осуждении западной интервенции против Сербии во время косовского конфликта 1999 г.

После 2000 г. путинская дипломатия была построена на постоянном стремлении возродить и обеспечить национальные интересы России на

международной арене, что не могло не вызвать противодействие Запада. Стартовой квинтэссенцией новой внешнеполитической стратегии России можно считать мюнхенскую речь президента России В.В. Путина в 2007 г.

Попытки нового сдерживания роста политического влияния сегодняшней России, предпринимаемые США и их современными союзниками, можно увидеть в блокировании взаимовыгодного сотрудничества России с западными странами, в частности по проекту газопровода «Северный поток-2»; в кампании экономических санкций как наказание за надуманные аншлюс Крыма и интервенцию на Донбассе; в стремлении вытеснить Россию из ближневосточного региона за счет выдавливания из решения сирийского конфликта; в раздувании шпиономании по отношению к России, выразившейся в деле Скрипалей или в обвинении России во вмешательстве в результаты американских президентских выборов 2016 г. и пр.

В целом, можно утверждать, что современная версия «холодной войны» отличается такой ожесточенностью, которая не проявлялась даже в критические моменты противостояния двух супердержав прежних времен, она использует беспрецедентные информационные и психологические технологии. Ее главная стратегическая цель – не допустить начавшегося формирования современного многополярного мира, исключить мировое российское лидерство и сохранить американскую глобальную гегемонию.

Таким образом, говорить об окончательном преодолении «холодной войны» в начале 1990-х гг. явно неуместно. Можно утверждать, что «холодная война» Запада с Россией никогда не прекращалась, просто в определенной фазе она перешла в скрытое состояние.

Феномен «холодной войны» еще требует своего системного осмысления в современных условиях, и это необходимо, как для обеспечения квалифицированного преподавания и общественного восприятия этого сложного явления мировой и отечественной истории, так и для осуществления эффективного курса современной российской дипломатии.

Захарова Инна Николаевна

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЛАЦДАРМА «НЕВСКОГО ПЯТОЧКА» КАК ПОПЫТКА ДЕБЛОКИРОВАНИЯ ЛЕНИНГРАДА В 1941 ГОДУ

8 сентября 1941 года, понедельник, 79-й день войны. В этот день немецким войскам удалось выйти к истокам Невы и захватить Шлиссельбург, лишив Ленинград сухопутной связи с Большой землей.

По оценкам обстановки на этот день командующим немецкой группой армий «Север» вермахта генерала фельдмаршала фон Лееба говорится: «Сегодня мы взяли Шлиссельбург, очистив и заняв весь берег Невы от Шлиссельбурга до пункта Ивановского. Теперь у противника сохраняется возможность доставки подкреплений или эвакуации людей исключительно лишь по Ладожскому озеру, да и то до тех пор, пока противоположный берег находится в его руках» [5]. Но путь к правому берегу Невы, навстречу с финскими войсками, им преградили советские части, форпостом которых была крепость Орешек, расположенная на небольшом острове Ореховый у истока Невы. Все попытки врага овладеть крепостью и тем самым окончательно сомкнуть клещи блокады вокруг Ленинграда были сорваны героическим гарнизоном Орешка – балтийскими моряками и пехотинцами. Ядром гарнизона были артиллеристы 409-й батареи флота, которую возглавляли капитан П. Н. Кочаненков и политрук А. Г. Морозов. Находясь в 180 метрах от вражеского переднего края на маленьком клочке истерзанной земли, защитники крепости стойко вели борьбу с противником [2].

Советское Верховное командование пыталось парировать угрозу Ленинграду с юго-восточного направления формированием новых армий – 52-й и 54-й. Эти армии именовались «отдельными» и не включались в состав ни Ленинградского, ни Северо-Западного фронтов, а подчинялись непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования. Эти армии находились на внешней стороне блокадного кольца. Со стороны Ленинградского фронта оборону вдоль реки Нева занимала 115-я стрелковая дивизия (СД), которая прибыла на этот участок фронта 3 сентября с Карельского перешейка. Численность ее с приданными ей частями составляла 13226 человек личного состава. Также на правый берег Невы переправились остатки 1-й стрелковой дивизии НКВД, которая понесла очень большие потери в предыдущих боях. К 20 сентября численность дивизии довели до 6342 человек. По замыслу командования предполагалось поставить следующие задачи перед 115-й СД и 1-й СД НКВД: первая должна была форсировать Неву в районе Московской Дубровки, вторая – овладеть Шлиссельбургом, а силами 55-й армии предстояло нанести удар в направлении на Мгу. Командование войск Ленинградского фронта, придавая большое значение операции в районе Невской Дубровки, выделило для ее проведения, наиболее подготовленные соединения, которые были объединены в Невскую оперативную группу. В ее состав также вошли 4-я отдельная бригада морской пехоты и школа боцманов. Форсирование Невы должно было привести к захвату плацдарма на левом берегу с целью наступления на пункты Синявино и Мгу [5].

На внешней стороне блокадного кольца боевые действия вела 54-я армия. Самым важным итогом этих действий с 9 – 14 сентября являлось то, что немцы на данном участке фронта были скованны и не смогли выполнить приказ о форсировании Невы, ни развить наступление на восток к Волхову. Возникшая активность войск Красной Армии южнее Ладожского озера обеспокоила

немецкое командование. Стало ясно, что этот участок требует усиления. Тем самым в решающий момент наступления на Ленинград противник был лишен крупных резервов, что не позволило ему взять Пулковские высоты и вести наступление на Колпинском участке фронта. 15 сентября командующий Ленинградским фронтом генерал армии Г. К. Жуков требовал от командующего 54-й армией немедленных действий в направлении на Мгу. Повторное наступление 54-й армии было запланировано на 17 сентября. На этот раз предполагалось нанести удар и с внутренней стороны блокадного кольца. Командующий Ленинградским фронтом подписал приказ на нанесение удара для соединения с 54-й армией вечером 16 сентября. Операция должна была начаться в ночь с 18 на 19 сентября [6].

Переправочных средств для операции такого размера не хватало, приходилось собирать лодки даже на лодочных станциях Ленинградских парков, но все равно выдержать установленные сроки не удавалось. Операция началась с опозданием на сутки – в ночь с 19 на 20 сентября. Войска Невской оперативной группы и в их числе отдельная бригада морской пехоты на полупонтонах, шлюпках и лодках форсировали Неву на участках Пески, Невская Дубровка, железнодорожная платформа Теплобетон. Ширина реки в этом районе достигала 600 м, при этом ее противоположный крутой, обрывистый берег был укреплен противником, а правый, где сосредоточивались наши войска, напротив, был отлогим и совершенно открытым. В ночь на 20 сентября на занятый неприятелем левый берег Невы в районе Московской Дубровки переправился батальон 576-го стрелкового полка 115 стрелковой дивизии. Командовал батальоном боевой и храбрый офицер старший лейтенант В. И. Дубик. Форсирование оказалось удачным, гитлеровцы сразу не оказали сильного сопротивления. Был захвачен плацдарм у поселка Московская Дубровка. До полудня 20 сентября активных действий против захваченного плацдарма немцы не предпринимали. В штабе группы армий «Север» воспринимали попытки переправы через Неву как разведку. Таким образом, неожиданно появившийся на Неве плацдарм оказался для немцев крайне неприятным сюрпризом [5].

Вот что писал в оценке обстановки немецкий генерал-фельдмаршал Вильгельм фон Лееб: «На лицо все признаки того, что противник стремится выйти с востока к Неве и здесь осуществить прорыв. Это единственная для него возможность решить судьбу Ленинграда в свою пользу. Одновременно отмечается активная деятельность разведывательных групп противника, переправляющихся через Неву в восточном направлении. Поэтому нужно в первую очередь позаботиться, чтобы 39-й моторизованный корпус смог здесь прочно закрепиться. Позднее ему должна быть придана 96-я пехотная дивизия» [3].

В ночь с 19 на 20 сентября 1941 года скрытно была совершена высадка десанта под командованием Василия Дубика на левый берег Невы. Так возник знаменитый «Невский пятачок». Немецкое командование армий группы

«Север» ошибочно приняло высадку десанта за действие разведгруппы. Форсирование Невы в районе железнодорожной платформы Теплобетон севернее поселка Московская Дубровка осуществлял 1-й батальон 4-й бригады морской пехоты. Командовал батальоном капитан С. Д. Никоноров. Здесь переправа реки осуществлялась под сильным огнем противника, который освещал реку специальными ракетами. Во время высадки комбат погиб, а командование батальоном принял начальник штаба старший лейтенант Фирсов. В этом бою морские пехотинцы уничтожили несколько десятков гитлеровцев, захватили ДЗОТ со станковым пулеметом и много оружия. К рассвету батальоны морской пехоты 576-го и 638-го стрелковых полков под общим командованием полковника А. Е. Калашникова форсировали Неву и овладели береговой чертой в районе деревни Арбузово, зданием 8 ГЭС. С утра противник ввел в бой резервы и усилил натиск. Деревня Арбузово неоднократно переходила из рук в руки, и во второй половине дня подразделение морской пехоты выбило немцев из деревни.

В течение 21 сентября организовать наступление на захваченный в районе Московской Дубровки плацдарм у немцев не получалось, сил для его уничтожения у них было недостаточно. Однако к концу дня ожидался подход подкрепления из состава 9-й пехотной дивизии. Но и штаб 115-й стрелковой дивизии в течение ночи с 20 на 21 сентября не имел информации о том, что происходит на левом берегу реки Невы. Только к вечеру 21 сентября командир 576-го стрелкового полка майор В. П. Седых получил записку о положении на левом берегу. К рассвету 22 сентября удалось перебросить на плацдарм подкрепление (около 600 человек). Переправа прошла почти без потерь. Подкрепление прибыло вовремя. Только утром 22 сентября немцы смогли начать атаку на советский плацдарм, но она была отбита, при этом было подбито не менее 4 танков противника. Атаки продолжались и на следующий день. 23 сентября Василий Дубик пропал. Доподлинно не известно, что с ним случилось – убило пулей или попал под танк. Позже в донесении подполковник Симонов написал: «По уточненным данным Дубик погиб героически в бою при контратаке, ведя свое подразделение на борьбу с обнаглевшим фашизмом». Тело Дубика не нашли, он так и не был похоронен и навсегда остался на Невском пятачке.

Ожесточенные бои развернулись и в районе высадки 1-го батальона 4-й бригады морской пехоты. Противник стремился отбросить десантников. Особенно тяжелые бои пришлось вести батальону под командованием политрука Черного (638 стрелковый полк). В ночь на 23 сентября, форсировав Неву, вступил в бой на плацдарме 2-й батальон (командир капитан Г. Роев) из 4-й отдельной бригады морской пехоты. Немцы, при поддержке легких танков, перешли в контратаку, но морские пехотинцы капитана Г. Роева отбросили их на исходные позиции. Противник оставил на поле боя более 300 солдат и 3 танка. В бою был тяжело ранен капитан Г. Роев, которого заменил капитан 2 ранга И. Д. Молчанов. Он не раз водил моряков в атаку. В одной из атак в

октябре 1941 года И. Д. Молчанов погиб [1]. Вслед за 2-м батальоном в бой вступил 3-й батальон 4-й отдельной бригады морской пехоты (командир капитан Б. Пономарев), а затем все остальные части бригады и 115 стрелковой дивизии.

В боях за плацдарм отличился личный состав 1-й роты 3-го батальона лейтенанта В. И. Павловского. Эта рота была укомплектована курсантами Валаамской школы боцманов. Из 207 человек роты большинство составляли юнги, поэтому она называлась ротой юнг. Рота первой прорвалась на позиции противника. Несмотря на упорное сопротивление противника, юные моряки дрались отважно. Семнадцатилетний юнга Вася Семенов метким броском гранаты уложил трех гитлеровцев, в это время его друзья Володя Овчинников и Леня Перепич связками гранат уничтожили ДЗОТ противника. В тяжелых боях, преодолевая упорное сопротивление противника, захватывая одну позицию за другой, морские пехотинцы в очередной раз отбили деревню Арбузово [1]. После гибели Василия Дубика на левый берег вместе с очередным подкреплением высадился командир 576 стрелкового полка 115 стрелковой дивизии майор С. П. Седых. Он принял непосредственное командование всеми частями, находившимися на плацдарме.

Потери, которые понесли наши войска на Невском пятачке, были значительные, и в связи с этим 17 октября 1-й, 2-й, 3-й и 5-й батальоны 4-й отдельной бригады морской пехоты были объединены в один сводный батальон, под командованием капитана И. И. Карельского. В начале ноября 1941 года остатки бригады численностью 117 человек были выведены из боя на правый берег Невы.

В результате многодневных тяжелых боев наши войска захватили плацдарм на левом берегу Невы в районе Московской Дубровки до 1000 метров по фронту и 900 метров в глубину и удержали его до 28 апреля 1942 года. Позднее, через четыре месяца он будет снова отбит у немцев и сыграет значительную роль в окончательном прорыве блокады Ленинграда в январе 1943 года.

Список литературы:

1. Абрамов Е. П. «Черная смерть». Советская морская пехота в бою. М.: Яуза: Эксмо, 2009. 498 с.
2. Гречанюк Н. М., Дмитриев В. И. и др. Дважды Краснознаменный Балтийский флот. М.: Военное издательство, 1990. 342 с.
3. Дэвид Гланц. Блокада Ленинграда 1941-1944. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. 224 с.
4. Козлов И. А., Шломин В. С. Краснознаменный Балтийский флот в героической обороне Ленинграда. Лениздат, 1976. 398 с.
5. Лебедев Ю. М. Ленинградский «Блицкриг». М., СПб.: Центрполиграф, Русская тройка-СПб, 2011. 459 с.
6. Мосунов В. А. Битва за Ленинград. Неизвестная оборона. М.: Яуза: Эксмо, 2014. 384 с.

Зеленов Владимир Игоревич

преподаватель

Московский государственный психолого-педагогический университет

ВЛИЯНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА ПОЛНОЦЕННОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В современном обществе широко обсуждается вопрос о том, каким образом влияют этнокультурные ценности на полноценное функционирование современного общества и существование субъектов межэтнического взаимодействия. Прежде всего это зависит от реализации национальной политики определенного государства. Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666, разработана в целях обеспечения интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепления государственного единства и целостности России, сохранения этнокультурной самобытности ее народов, сочетания общегосударственных интересов и интересов народов России, обеспечения конституционных прав и свобод граждан. Содержание Стратегии базируется на всестороннем изучении истории и современного состояния межэтнических отношений в Российской Федерации:

1) система межнациональных отношений в РФ – это итог длительного исторического развития, в ходе которого прошли проверку временем различные механизмы обеспечения государственного единства и целостности полиэтнического и поликонфессионального государства;

2) этническое пространство современной России характеризуется главной особенностью – наличием русского мегаядра, граничащего с меньшими по размерам иноэтническими территориями;

3) поликонфессиональный характер современного российского общества, унаследованный от прошлого исторического развития, в свою очередь определяет будущее нашего социума;

4) федерализм – ключевая конституционная основа современного Российского государства;

5) избранный Россией путь национального строительства на базе идей российской гражданской нации является единственно возможным для обеспечения консолидации общества в условиях сохранения разнообразия этнического и конфессионального состава населения.

Вместе с тем учет этнокультурных ценностей имеет ключевое, первостепенное значение для понимания специфики отечественного регионализма, движущих сил регионализации России как многонациональной страны. Этнокультурные ценности выступают важнейшим условием существования культуры людей как целостного явления. Необходимо также

подчеркнуть, что этнокультурные ценности представляют совокупность ценностей материальной и культурной жизни этноса:

- язык (степень владения родным языком; частота употребления национального языка);
- национальная культура (знание исторического прошлого своего народа);
- религия (знание соблюдения религиозных обрядов);
- обычаи, традиции (знание соблюдения национальных обрядов и традиций) [4].

Этнокультурные ценности являются составляющей системы социальных ценностей. Являясь элементом культуры народа, они отражают жизнь нации, взаимосвязи с ее потребностями, интересами и имеют экономические, культурологические и социальные содержательные компоненты. Кроме того, они служат интегрирующим элементом национального самосознания, определяют отношение индивида группы к прошлому, настоящему, будущему своей нации, также оказывают значительное влияние на формирование других ценностей [3].

Учитывая сказанное, исходя из приоритетных этнокультурных ценностей, которые оказывают влияние на полноценное функционирование современного российского общества можно представить следующие:

- 1) ориентация на сохранение территории проживания соответствующего региона на основе оценки состояния среды жизни, ее ресурсов;
- 2) ориентация на поддержание собственного здоровья, здоровья членов семьи, близких и дальних родственников;
- 3) ориентация на заботу о других членах семьи, других социумов, связанную с благополучной жизнью и деятельностью для самоопределения каждой личности в этническом сообществе и за его пределами;
- 4) ориентация на поддержание духовной близости как определенной связи между людьми на основе единства языка, литературы, верований, традиций и обычаев для сплочения этноса.

Но специфика русского культурно-исторического самосознания заключается в том, что само развитие этнокультурных ценностей носит кризисный характер. Сама российская история начинает напоминать сплошную череду кризисов этнокультурных ценностей, среди которых следует выделить наиболее значительные:

- 1) кризис этнокультурных ценностей Смутного времени и периода Старообрядческого раскола;
- 2) кризис этнокультурных ценностей петровского времени, определивший тупиковый путь развития России;
- 3) кризис этнокультурных ценностей конца 19 века, обусловивший распространение материализма, атеизма и революционных идей;
- 4) кризис этнокультурных ценностей периода большевистской революции, связанный с утверждением интернациональной идеологии;
- 5) кризис этнокультурных ценностей периода распада Советского Союза;

б) современный кризис этнокультурного сознания.

Исходя из этого, Россия всегда была страной полиэтничной и поликонфессиональной. Однако степень полиэтнизма и мультикультурализма российского общества менялась от эпохи к эпохе. При этом одна из важнейших особенностей российского пространства – сочетание явно выраженной этнокультурной доминанты с его исключительным этнокультурным разнообразием.

Географической и этнокультурной особенностью России является выдающаяся пространственная роль русского этнического мегаядра: оно превосходит так называемые иноэтнические территории России и по площади, и по демографическому потенциалу. Но жесткой грани между мегаядром в настоящее время нет. Их разделяют не столько четкие этнокультурные барьеры, сколько переходные, контактные зоны.

Контуры русского этнического мегаядра не в полной мере соответствуют административным рубежам территориального массива «русских» областей и краев РФ, хотя большей частью территории национальных республик в составе России в это мегаядро действительно не входят.

Так как в состав РФ входят 85 субъектов, из них 32 субъекта имеют полиэтничный состав, то это еще раз подтверждает популярность идеи поликультурности, сохранения многообразия культур при принятии большинством людей некоторых общих базовых ценностей. Это может быть, например, «мозайка» этнокультурных ценностей. Если мы говорим про представителей молодежной среды, в возрастном диапазоне от 14 до 30 лет, то для понимания механизма образования идеалов и возникновения ценностей рассмотрим диалектику их замещения с возрастом.

Процесс расширения сознания молодого человека и соответствующего изменения его ценностных ориентаций проходит следующие стадии:

5-й уровень – универсальные ценности;

4-й уровень – общечеловеческие ценности;

3-й уровень – общественные, гражданские, этнокультурные ценности;

2-й уровень – семейные ценности;

1-й уровень – эгоцентрические ценности, самоутверждение.

Соответственно, русский – это тот, кто идентифицирует себя с русской историей и культурой, а тем самым и со стороной, в которой все формы социальной жизни ориентированы в конечном счете именно на ту культуру и на общие для данной нации историю и систему ценностей.

То есть этнос, нация – явление историко-социально-культурное.

Роль этноса как фактора социализации человека на протяжении его жизненного пути, с одной стороны, нельзя игнорировать, а с другой – не следует и абсолютизировать. В целом менталитет характеризует оригинальность культуры того или иного этноса.

Коренные изменения, происходящие в России в политической, экономической, социальной сферах общественной жизни, не могли не сказаться

на системе высшего профессионального образования, современные тенденции развития которого в настоящее время определяются жесткими требованиями рынка к уровню профессионализма работника. Социальный заказ государства и общества ориентирует высшую школу не только на профессиональную, но и на общекультурную, (этнокультурную) подготовку будущего специалиста, на формирование человека и гражданина, интегрированного в национальную и мировую культуру.

Этнокультурные отношения строились согласно развитию этноса. Это развитие способствовало появлению различных теорий с принципами классификации народов и их субординации, а также методов и способов обработки эмпирического, фактологического материала.

Человек принадлежит к какому-либо этносу – естественно-исторически сложившейся, социально обусловленной, функционально структурированной, целостной форме жизни людей, имеющих одну культуру, мифологию, традиции, обычаи, религиозный опыт, историю и территорию, отличающихся своеобразным стереотипом поведения, закономерно меняющимся во времени[1].

Каждая этнокультура имеет уникальный путь развития и может быть понята как историческое явление, включающее в себя опыт бытия и освоение мира. Такой опыт может быть в виде мышления, переживания и действия, обычаев, традиций, знаний, ценностей, целей, смыслов хранящих и воспроизводящих опыт духовной деятельности в этническом и личностном менталитете. При всем разнообразии культурных систем как в исторической ретроспективе, так и в этническом многообразии, не исключается общность и «генетическое единство», взаимодействие культур, вырабатывающее культурные инварианты, обеспечивающее развитие человечества и межэтнические взаимодействия.

Главное условие гармонизации этнокультурных отношений с точки зрения формирования этнокультурных ценностей с окружающим миром и самим собой посредством присвоения социально-исторического опыта, фиксированного в форме исторически сложившихся предметов культуры, воплощенного в отобранных этносом духовно-нравственных идеях-ценностях. Выбор этносом ценностной ориентации совершается конкретными членами этноса, носителями личностного сознания.

Это позволяет сделать вывод, что формирование этнокультурных ценностей с точки зрения поликультурного подхода возможно на территории Российской Федерации, так как Российская Федерация представляет собой евразийское полиэтничное государство, вследствие чего его образовательное пространство - поликультурно, полилингвально и поликонфессионально[2]. Наша страна имеет свои особенные географические, этнографические и многие другие факторы, свой исторический опыт, богатые этнокультурные традиции, особенности духовного состояния, все то, что принято называть российским менталитетом, воплощающим в себе интересы, цели и реальные возможности

этносов и отдельных личностей. Каждая республика, каждый регион отличаются неповторимыми особенностями воспитания, быта, культуры, языка, истории, образовательные традиции каждого народа отличаются своеобразием, так как отражают особенности бытия этноса. Также имеют много общих традиций обучения и воспитания, в частности, ориентация этнокультурных традиций.

Поэтому, влияние этнокультурных ценностей на полноценное функционирование современного российского общества с точки зрения поликультурного подхода происходит за счет культурного плюрализма, стремящимся защищать национально-культурное многообразие. Стремление к национальной самоидентификации сопровождается осознанием поликультурности современного общества, восприятием других культур в их самоценности и уникальности.

Список литературы:

1. Вертякова Э. Ф. Теоретико-методологические аспекты регулирования этнокультурных отношений в образовательном пространстве: Монография.-Челябинск: ЧГПУ, 2006-143 с.
2. Зеленев В. И. Реализация этнокультурного воспитания в ВУЗе /В.И. Зеленев// Социальные отношения.-Москва, 2017.-№1(20).-С. 69-74.
3. Зеленев В. И. Сущность формирования этнокультурных ценностей студентов в системе высшего образования /В.И. Зеленев// Международная научно-практическая конференция «Высшее гуманитарное образование 21 века: проблемы и перспективы»: материалы одиннадцатой Международной научно-практической конференции.-Самара, 2016.-С. 97-100.
4. Иванова Г. П., Ширкова Н. Н., Зеленев В. И. Этнокультурные ценности как фактор социализации студентов в глобализующемся мире: Монография / Г.П. Иванова, Н.Н. Ширкова, В.И. Зеленев. – М.: Издательство «Перо», 2018. – 365 с.

Земцова Ирина Валерьевна

кандидат искусствоведения, преподаватель

ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия им. Н. Г. Кузнецова»

А. ДЕМЬЯНОВ: «...ДЕРЗКИХ В СМЫСЛЕ ХРАБРОСТИ МЕЖДУ НАМИ НИКОГО НЕ БЫЛО»¹

Несомненным достоинством мемуарной литературы является фиксация общественных настроений, эмоций и страхов мемуариста и окружающих его людей, самой атмосферы, в которой свершаются значимые события. Эта эмоциональная составляющая нередко даёт не меньше данных для понимания сути и причин происходивших перемен. В данной статье сделан сравнительный анализ воспоминаний активных участников и непосредственных свидетелей октябрьских событий: А. Демьянова, председателя Малого Совета Министров, возглавлявшего некоторое время подпольное Временное правительство²; С. Анского, гласного Петроградской городской думы от эсеров, известного еврейского писателя, этнографа, общественного и политического деятеля³; А.

Синегуба, адъютанта Петроградской школы прапорщиков Инженерных войск, командира одной из двух рот юнкеров, оставшихся защищать Временное правительство в Зимнем дворце⁴; С. Милицына, вольноопределяющегося расквартированного в Петрограде гвардии Преображенского полка⁵; В. Ауэрбаха, члена Правлений нескольких промышленных обществ, непосредственного свидетеля событий у Зимнего дворца 25 октября⁶.

В этих воспоминаниях обращают на себя внимание три характерные особенности, хотя и в разной степени, но отмечаемые всеми мемуаристами. Во-первых, это явная недооценка непосредственными, в том числе высокопоставленными участниками, характера и последствий вершащихся у них на глазах событий. Во-вторых, удивительная во многих случаях бездеятельность и безынициативность тех, кто ещё обладал, пусть и остатками, но всё же реальной власти и возможностями влияния на события (от министров до поручиков). В-третьих, неожиданные для окружающих и чрезвычайно резкие изменения в психологической структуре личности тех близких знакомых мемуаристов, кто был втянут в октябрьские события, в особенности на стороне большевиков.

Все указанные мемуаристы отмечают крайний скепсис, как личный, так и в общественных настроениях, в отношении большевистской затеи с захватом власти, даже несмотря на успешность их отдельных энергичных действий. Ауэрбах описывает свой разговор с одним из руководителей обороны Зимнего дворца (ошибочно определяя его как Главноуполномоченного Особого Совещания по обороне) П. И. Пальчинским днём 24 октября, а чуть позже с полковником Дутовым о чёрных тучах на политическом горизонте. Оба посоветовали ему спать спокойно, а Пальчинский без какой-либо обеспокоенности заявил: «Ну что Вы! Это очередная гроза, она пройдёт и будет ясно»⁷. Скепсис этот сохранялся не только наутро 26 октября, но на протяжении как минимум следующих 3-х недель. С. Ан-ский отмечает, что в окончательную победу не верили настолько, что кадеты и эсеры в городской Думе в первые дни после переворота обсуждали будущую судьбу побеждённых большевиков, которых кадеты требовали вешать и расстреливать⁸. При этом наличествовала странная убеждённость в неверии и самих большевиков в свои силы. Подтверждения этому находили, например, в невнимании новой власти на первых порах к деятельности министерств⁹ или в предложении от большевиков представителям Думы присутствовать при открытии кассы Государственного Банка, игнорируя тот факт, что ключи от кассы получены были под угрозой расстрела директора Банка¹⁰. Убеждённость эта, видимо, была столь сильна, что при обсуждениях будущих органов власти фигуры большевистских лидеров либо вовсе игнорировались (как это было в подпольном Временном правительстве), либо категорически отстранялись от участия в событиях ближайшего будущего (при обсуждениях состава Предпарламента и кабинета министров в городской думе)¹¹. Удивительно, но, то ли по инерции, то ли не веря в окончательность власти большевиков,

гласные думы даже после её роспуска продолжали устраивать тайные и бесполезные совещания в обычном порядке, не теряя убеждённости в падении большевиков со дня на день.

Такая позиция вполне объяснима. Мемуаристы неоднократно подмечают отношение к большевистской партии и её лидерам в солдатской и рабочей среде как негативное или безразличное, это следует из солдатских разговоров, реакции на большевистскую агитацию на собраниях полковых и ротных комитетов и на митингах. Милицын пишет: «Я вслушиваюсь в разговоры, расспрашиваю и прихожу к убеждению, что среди наших солдат почти нет сторонников большевизма. Но и за Временное правительство они не пойдут»¹². Тот же автор в декабре снова отмечает: «Невольнo пришло на мысль, что я ещё ни одного защитника большевизма не встретил»¹³.

Слухи первых дней об отсутствии у большевиков поддержки у рабочих и солдат, и даже товарищей по партии, как будто даже и находят подтверждение в характерном эпизоде, случившемся в думе в ночь на 29 октября. Тогда на заседание почти силой ворвалась делегация рабочих Путиловского завода с требованием прекратить продолжающуюся уже неделю между двумя лагерями гражданскую войну и угрозой самим с ними рассчитаться: «К чорту Ленина и Чернова! Повесить их обоих!». Выслушав представителей обеих партий, один из рабочих в сердцах крикнул: «Чорт вас разберёт, кто из вас прав! Все вы не стоите того, чтобы вас земля носила! Повесить бы вас всех на одном дереве – в стране само наступило бы спокойствие!»¹⁴. В целом, между безвольным и неавторитетным Временным правительством и возможным большевистским народными массы не видят большой разницы. Общее настроение, всё время отмечаемое в воспоминаниях, – выжидательное, массы готовы принять любую сторону, способную изменить ситуацию в стране, прекратить гражданское противостояние. В этом сказались и усталость от общественных баталий последнего десятилетия, в особенности последнего года, и отсутствие позитивных изменений. Ауэрбах пишет: «К концу октября «утомлённое революцией» население уже совсем утратило какую-либо активность, думая лишь о сегодняшнем покое, почувствовав даже как будто облегчение, когда ... «свершилось»»¹⁵.

При такой убеждённости в слабости противника тем невероятнее выглядит боязнь любых действий, которую демонстрируют сохранившиеся ещё органы прежней власти, большевиками пока не контролируемые, не разогнанные и не арестованные. Помимо недооценки произошедшего и, видимо, даже невозможности представить всей радикальности грядущих изменений в самом устройстве жизни были и другие причины бездеятельности, ярко выделенные А. Демьяновым при описании работы подпольного Временного правительства и Совета Министров (их арестованных членов постепенно выпускали). «У членов Совета была чисто русская психика интеллигенции, психика кабинетных людей. Они останавливались каждый раз, как только нужно было претворять идею в действие»¹⁶. Когда С. Н.

Прокопович, единственный министр волею случая оставшийся на свободе, заявил, что возьмёт все бразды правления в свои руки, показалось «явился наконец человек по праву занявший первое место и стремившийся к твёрдому проявлению власти. Минута была действительно такая, где решительность имела первостепенное значение, и это всеми чувствовалось. К несчастью, слова Прокоповича оказались только звуками, потрясшими воздух»¹⁷. Были предложения «объявить себя» и переехать в Сенат, снести с Верховным Главнокомандующим генералом Духониным, считавшим Временное правительство властью несмещённой, и переехать в Ставку под его защиту. Но большинством Совета этому не придавалось значения. Предложение же искать защиты и опоры у генерала Каледина на Дону не вызвало ни замечания, ни даже реплики¹⁸. Правительство не проявляло себя до такой абсурдной степени, что, несмотря на то, что некоторые его члены вошли в состав Комитета спасения родины и революции, в комитете никто продолжительное время и не подозревал о его существовании.

Даже финансовую деятельность чиновники продолжают вести так, словно ничего не произошло. «Ведь только подумать, каким ещё мощным средством для борьбы с большевиками обладало Временное правительство, владея деньгами! И этим средством оно не только не воспользовалось, но даже, казалось, и не хотело сделать этого», - пишет А. Демьянов¹⁹. Если на досрочную выдачу жалования госслужащим для поддержки саботажа новой власти ещё согласились, то выделить деньги на прокламации против большевиков отказались наотрез, не желая тратить на партийную борьбу народные деньги. Создаётся впечатление, что увязая в мелких протокольных вопросах, проблемах правомочности и личных обидах, эти деятели прячутся от любого реального действия и ответственности за него. Вся энергия утекает в пламенные речи друг перед другом и протестные резолюции.

Эта неспособность к решительным действиям проявляется у всех оппонентов большевиков. Ан-ский отмечает, что большинство эсеровской фракции в городской думе разошлось по фабрикам и казармам для антибольшевистской агитации²⁰, и вот как Милицын описывает их деятельность в его Преображенском полку: «Осторожны до трусливости, таинственны и очень туманны в своих планах». Неудивительно, что успеха они не имеют²¹.

Казалось бы где ещё искать решительности как не у военных, тем более фронтовиков? Однако и здесь мы встречаем ту же апатичность и нерешительность, которую мемуарист не замечает даже за собой. В записках А. Синегуба вырастает неприглядная картина вялой безынициативности защитников Зимнего: от бестолковой и бездеятельной осады телеграфной станции самим автором воспоминаний, явно не осознававшим важности объекта, до полной неорганизованности обороны. Автор показывает растерянных юнкеров, оставленных офицерами ради митинга в Белом зале, фактическую неспособность организовать оборону дворца и снабжение

защитников, неспособность управлять даже верными частями. Особенно эта бездеятельность контрастирует в описаниях с активностью большевиков: в отличие от защитников у их агитаторов есть план дворца и они прекрасно в нём ориентируются, работают смело и быстро, используя раздражение людей против бесполовой организации обороны и общее брожение в умах уводят взвод артиллеристов и обосновавшихся уже казаков прямо из дворца²².

Именно эта вялая неспособность организовать имеющиеся, и весьма значительные, силы и ресурсы выступает в мемуарах как заметная отличительная черта противников большевиков.

Ещё одной интересной особенностью, подмеченной мемуаристами, является невероятно сильное, буквально меняющее личность влияние, оказываемое на людей самим участием в революционных событиях. Характерно описание Ан-ским удивившей его невероятной перемены во взглядах и даже в психике старого знакомого – Рязанова (Гольдендаха), встреченного на организованном Викжелем совещании между большевиками и социалистическими партиями. За месяц до переворота тот не был большевиком и даже раскаивался, что оторвался от своих научных занятий за границей и приехал в Россию. Ранее спокойный и сдержанный человек, на совещании он выказал себя не владеющим собой истериком. По замечанию Каменева, на большевистских собраниях он бывал ещё резче²³. Такого же свойства перемену в личности своего знакомого, члена Временного правительства Пальчинского, описывает Ауэрбах: «Я его давно не видел, и меня сразу поразила перемена в его внешности и главное – появившееся сходство с Керенским, которое было тем более удивительным, что П. И. человек совсем другого уклада и совсем другого прошлого, чем этот неврастеник: военного покроя и материи френч и галифе, обмотки на ногах, волосы бобриком, окаймляющие большой лоб, сбритые усы и борода, нервная бодрость и следы переутомления на лице ... и я даже подумал, что русская революция, подобно французской, наложила на людей новые черты и принесла новый костюм. Раз подумав об этом, я уже часто замечал людей, на которых эпоха Временного правительства оставила свои следы»²⁴. Изменения, поразившие А. Демьянова в поведении вышедших на свободу членов Временного правительства, другого свойства – эти люди, казалось бы потеряли себя внутренне²⁵.

В целом можно согласиться с объяснением своеобразного деятельного бездействия противников большевиков в момент решающего противостояния, хотя и данного А. Демьяновым членам Временного правительства, но вполне применимого и к другим: «... эти «призванные» ничего не сделали не потому, что им это не удалось, а потому, что в этом отношении они оказались неспособными. Почему?! Только потому, что это были все люди, удел которых был критиковать и писать свои критики, а не действовать. [...] Они ... не обладали надлежащим духом сопротивляемости, были людьми не волевыми...»²⁶.

-
- ¹ Демьянов А.С. Записки о подпольном Временном Правительстве. // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. VII, с. 39.
- ² Демьянов А. С. Там же, с.34-52.
- ³ Ан-ский С. После переворота 25 Октября 1917г. // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. VIII, с. 43 – 55.
- ⁴ Синегуб А. Защита Зимнего дворца (25 октября – 7 ноября 1917г.). // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. IV, с. 121- 197.
- ⁵ Милицын С. В. Из моей тетради. Последние дни Преображенского полка. // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. II, с. 170 - 193.
- ⁶ Ауэрбах В. А. Революционное общество по личным воспоминаниям. // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. XIV, с. 5 – 38.
- ⁷ Ауэрбах В. А. Там же, с.24.
- ⁸ Ан-ский С. Там же, с. 44.
- ⁹ Демьянов А. С. Там же, с.34.
- ¹⁰ Ан-ский С. Там же, с. 44.
- ¹¹ Ан-ский С. Там же, с. 45.
- ¹² Милицын С. В. Там же, с. 175.
- ¹³ Милицын С. В. Там же, с. 177.
- ¹⁴ Ан-ский С. Там же, с. 49.
- ¹⁵ Ауэрбах В. А. Там же, с.23.
- ¹⁶ Демьянов А. С. Там же, с.43.
- ¹⁷ Демьянов А. С. Там же, с.41.
- ¹⁸ Демьянов А. С. Там же, с.44-45.
- ¹⁹ Демьянов А. С. Там же, с.39.
- ²⁰ Ан-ский С. Там же, с. 43.
- ²¹ Синегуб А. Там же, с. 180.
- ²² Синегуб А. Там же.
- ²³ Ан-ский С. Там же, с. 47.
- ²⁴ Ауэрбах В. А. Там же, с. 23-24.
- ²⁵ Демьянов А. С. Там же, с.41-42.
- ²⁶ Демьянов А. С. Там же, с.34.

Иванов Вячеслав Александрович

кандидат исторических наук

Крымский инженерно-педагогический университет

МЕМУАРЫ СОВЕТСКИХ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939–1940 ГГ.

Важным источником по истории советско-финляндской войны 1939–1940 гг. являются мемуарные воспоминания военачальников Красной Армии и Военно-Морского Флота СССР. Как известно, мемуары – это записи современников, сообщающие о событиях, в которых их автор участвовал сам или которые ему известны от очевидцев. Эти источники помогают не только реконструировать события Финляндской войны, а также рассмотреть с точки зрения индивидуально-личностной позиции взгляды и мнения советского командного состава на проблему военных действий, морально-

психологические, политические и социальные аспекты кампании. В публикации дан краткий анализ основных военных произведений советских военачальников, представленных всеми практически всеми родами войск (артиллерия, Генеральный Штаб, военная промышленность и инженерия, бронетанковые войска, авиация, военно-морской флот). Сразу отметим, что в отличие от событий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., широко представленных в серии «Военные мемуары», издававшихся с 1958–1991 гг., советско-финляндская война 1939–1940 гг., равно как военные походы в Западную Украину, Западную Беларусь, Прибалтику, Северную Буковину и Бессарабию, бои на озере Хасан и реке Халхин-Гол 1938–1940 гг., широко в советский военной мемуаристике, к сожалению, не освещалась¹. Источники личного происхождения, освещающие события Финской кампании 1939–1940 гг., в отличие от тех же мемуаров периода Великой Отечественной войны, достаточно кратки, сжаты, и редко в текстах встречалась более подробная, детализированная информация, позволяющая установить те или иные обстоятельства описания военных действий, природно-географических условий, морально-психологическое состояние бойцов Красной Армии и Флота, как и экспертный анализ противоборствующей финской стороны.

Непосредственно это связывалось со следующими факторами: во-первых, в силу своей ангажированности, предвзятости, советская военная наука не могла допустить в выход источников личного происхождения, бросавших тень на советское военное искусство, потери личного состава, тактические неудачи на поле боя в Финляндии зимой 1939–1940 гг., проблемы с обеспечением рядового и офицерского состава РККА, вопросы плена и интернирования лиц во время «Зимней войны», военачальников, которые пытались бросить вызов системе ждала опала и преследования (как в случае с Г. К. Жуковым, Н. Г. Кузнецовым, А.В. Горбатовым и др.); во-вторых, господство партийно-номенклатурной системы делало невозможным отход от общепринятых канонов изложения событий предшествующих Великой Отечественной войне, темы политических репрессий в Советском Союзе и в Вооруженных Силах, причин неудач и ошибки в военных кампаниях 1939–1941 гг. подвергались суровой идеологической ревизии и цензуре (поэтому ряд мемуарных воспоминаний некоторых советских военачальников фактически находились в т. н. «спецхранах» под строжайшим запретом до самого распада Союза или же оставались в виде неопубликованных рукописей у семьи, друзей или ближайшего окружения военачальников). И, наконец, в-третьих, советская пропагандистская машина изображала Финляндию, Польшу, Литву, Латвию, Эстонию, Румынию непримиримыми противниками советской социалистической системы, т. н. «белыми, белобандитами», под этими клише они и оказались допущены на страницы мемуаров, публикуемых документов и периодической печати².

Анализируя вкратце мемуары советских военачальников, посвященных периоду советско-финляндской войны 1939–1940 гг., прослеживается

следующая интересная тенденция, которая заключается в том, что виновником конфликта единогласно объявляется Финляндия, а не Советский Союз. В частности, маршал артиллерии Н. Д. Яковлев, в период конфликта командующий артиллерии 7-й армии, пишет, что «30 ноября 1939 года начались военные действия на Карельском перешейке и западной границе с Финляндией. Подталкиваемое фашистской Германией, финское правительство, не внемля голосу разума, решило начать войну с Советским Союзом»³. В такой ситуации, естественно, советскому руководству не оставалось ничего другого, как ответить «на акт агрессии со стороны Финляндии». На первый взгляд, все выглядит абсолютно так. Однако, если вчитаться в текст, особенно воспоминаний К. А. Мерецкова, становится понятно, что СССР готовится к вооруженной конфронтации с Финляндией задолго до провокаций на советско-финляндской границе в ноябре 1939 г. Мерецков утверждает, что план военных действий был утвержден заранее: «В конце июня 1939 года меня вызвал И. В. Сталин. У него в кабинете я застал видного работника Коминтерна, известного деятеля ВКП(б) и мирового коммунистического движения О. В. Куусинена. Я с ним впервые тогда познакомился. В ходе дальнейшей беседы меня детально ввели в курс общей политической обстановки и рассказали об опасениях, которые возникали у нашего руководства в связи с антисоветской линией финляндского правительства. Сталин сказал, что в дальнейшем при необходимости я могу обращаться к Куусинену за консультацией по вопросам, связанным с Финляндией. Позднее, в период финской кампании, когда Отто Вильгельмович находился в Петрозаводске, я не раз советовался с ним по ряду проблем, вытекавших из хода военных действий»⁴. Это подтверждает А. М. Василевский, который в 1939 г. занимал должность заместителя начальника Оперативного управления Генштаба РККА в своих воспоминаниях: «Разработанный командованием и штабом Ленинградского военного округа вариант контрудара был представлен в указанный И. В. Сталиным срок и утвержден. По этому варианту основные войска округа объединялись в 7-ю армию двухкорпусного состава (19-й и 50-й корпуса), на которую и возлагалась задача прорвать в случае агрессии на Карельском перешейке «линию Маннергейма» и разгромить здесь главные силы финляндской армии. Непосредственное командование войсками 7-й армии было возложено на К. А. Мерецкова. А севернее, на огромном фронте протяженностью около 1500 км, предусматривались действия крайне слабых по своему составу 8-й армии комдива И. Н. Хабарова, 9-й армии комкора В. И. Чуйкова и 14-й армии комдива В. А. Фролова, которые не были полностью укомплектованы»⁵. Нужно заметить, что намеченный оперативный план ведения боевых действий против Финляндии зимой 1939–1940 гг., фактически полностью себя не оправдал, поскольку природно-географические, погодно-климатические условия, возможности советского тыла, фактор стойкого сопротивления финских войск не позволили советской военной мощи сокрушить Финляндию к концу декабря 1939 г. Это подтверждают все советские мемуарные источники. Победу над

противником удалось одержать лишь благодаря сосредоточению артиллерийских и бронетанковых ресурсов на участке Карельского перешейка, что позволило 11 февраля 1940 г. прорвать укрепления «линии Маннергейма». Отметим тот факт, что все советские военачальники чрезмерно преувеличивали качество и оборонные возможности финских оборонительных сооружений⁶, фактически замалчивая причины неудачи советских войск⁷. Лишь в некоторых воспоминаниях, прежде всего в работе С. А. Ваупшасова, несмотря на советские идеологические установки, официальную цензуру, рассматривались неизвестные эпизоды советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Так С. А. Ваупшасов подчеркивал в своем труде, что: «война была недолгой, но тяжелой и кровопролитной. Географические условия действовали на наших бойцов и командиров изматывающе. Глубокие снега, сорокаградусные морозы, пронзительные ветры мешали воевать, мешали жить. Противник лучше был подготовлен к боям в этой климатической обстановке. Он оборонялся на заранее подготовленной, глубоко эшелонированной укрепленной линии со множеством долговременных огневых точек, сооруженных из железобетона и увенчанных броневыми колпаками. А для обороны, как известно, требуется в несколько раз меньше сил, нежели для наступления. Враг воевал на местности, которая была им отлично изучена. Он был в хорошей спортивной форме, предельно натренирован и фанатичен».⁸ Только после угрозы проникновения в глубокий тыл советских войск, армейское командование, указывает С. А. Ваупшасов, предприняло решение мобилизовать специальные пограничные батальоны и специальные войска НКВД, с предварительной подготовкой, вооружением, средствами связи, наладив снабжение и продовольствие для этих отрядов.⁹ Лишь эти необходимые нововведения, позволили Красной Армии эффективно бороться против полупартизанской тактики финских войск. Главный урок, который извлекло советское командование из боев с финскими войсками, заключался в том, что «...наша армия накопила немалый боевой опыт, на практике постигала науку взламывания укрепленной обороны, борьбы с диверсионными группами противника и многое другое».¹⁰ Все прочие, практически без исключения, мемуарные советские источники подчеркивают стойкость и храбрость советских войск, огромную значимость идеологии при достижении победы Красной Армии над Финляндией в феврале–марте 1940 г.

Таким образом, кратко рассмотрев и проанализировав работы советских военачальников, участвующих в советско-финляндской войне 1939–1940 гг., нами выяснено, что они являются весьма ценным источником информации, в котором четко дано советское восприятие Финляндии как противника, отражены моральные, военные, политические, психологические и социально-экономические аспекты советского военного генералитета, характеризующие отношение к «Зимней войне» с точки зрения профессиональных военных, выполняющих приказы вышестоящего руководства. Господство административно-командной системы, официальная цензура и диктат в печати, не позволяли переосмыслить и проанализировать военные действия против

Финляндии, с совершенно иной точки зрения, нежели та, которая была представлена в литературе и публицистике. Только демократические процессы в СССР в конце 1980-х гг. начали постепенно изживать идеологическое табу, что позволило постепенно начать более глубокий процесс всестороннего изучения советско-финляндской войны, в т. ч. с помощью источников личного происхождения.

¹ Архипов В. С. Время танковых атак. М.: Воениздат, 1981. 272 с.; Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1978. 552 с.; Грабин В. Г. Оружие победы. М.: Политиздат, 1989. 544 с.: ил.; Иванов С. П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М.: Воениздат, 1990. 480 с.; Красовский С. А. Жизнь в авиации. М.: Воениздат, 1968. 376 с.; Кузнецов Н. Г. Накануне. М.: Воениздат, 1969. 376 с.; Курист Л. И. Атакуют танкисты. К.: Политиздат Украины, 1981. 200 с.; Мерецков К. А. На службе народу. М.: Воениздат, 1983. 432 с.; Ротмистров П. А. Стальная гвардия. М.: Воениздат, 1984. 272 с.; Яковлев Н. Д. Об артиллерии и немного о себе. М.: Высш. шк., 1984. 168 с.; Бирюков Н. И. Листая летную книжку... // На земле, в небесах и на море. М.: Воениздат, 1987. С. 270-271; Ваупшасов С. А. На тревожных перекрестках: Записки чекиста. М.: Политиздат, 1988. 508 с.: ил.; Казарьян А. В. Присяга на всю жизнь. М.: Воениздат, 1988. 271 с.; Калинина Т. В. Память сердца // На земле, в небесах и на море. М.: Воениздат, 1989. С. 272-273; Лелюшенко Д. Д. Москва – Сталинград – Берлин – Прага. М.: Наука, 1987. 406 с.; Мальцев Е. Е. В годы испытаний. М.: Воениздат, 1979. 319 с.; Раков В. И. Над морем и сушей: записки военного летчика. Л.: Лениздат, 1984. 432 с.; Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1968. 415 с. и др.

² Курист Л. И. Атакуют танкисты. К.: Политиздат Украины, 1981. С. 18; Ваупшасов С. А. На тревожных перекрестках: Записки чекиста. М.: Политиздат, 1988. С. 208; Лелюшенко Д. Д. Москва – Сталинград – Берлин – Прага. М.: Наука, 1987. С. 10; Мерецков К. А. На службе народу. М.: Воениздат, 1983. С. 265.

³ Яковлев Н. Д. Об артиллерии и немного о себе. М.: Высш. шк., 1984. С. 41.

⁴ Мерецков К. А. На службе народу. М.: Воениздат, 1983. С. 104.

⁵ Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1978. С. 88.

⁶ Грабин В. Г. Оружие победы. М.: Политиздат, 1989. С. 369.

⁷ Иванов С. П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М.: Воениздат, 1990. С. 33.

⁸ Ваупшасов С. А. На тревожных перекрестках: Записки чекиста. М.: Политиздат, 1988. С. 207.

⁹ Там же. С. 208-209.

¹⁰ Там же. С. 211.

Иванова Наталья Ивановна

руководитель музея немцев в Санкт-Петербурге

и немецкой секции Ассоциации исследователей г. Санкт-Петербурга

ВОЙНА И ПАМЯТЬ ГРАФОВ ЙОРКОВ ФОН ВАРТЕНБУРГОВ (ПАМЯТНИК РУССКО-ПРУССКОМУ «СВОЕВОЛИЮ»)

Есть много памятников, посвященных войнам, победам в различных сражениях, мирным договорам. Но есть странный памятник, установленный на месте заключения Таурогенской конвенции, позволившей нейтрализовать прусский корпус, стоявший на границе с Россией и начать Заграничные походы русской армии 1813 – 1815 гг. Целью Заграничных походов стало освобождение Европы от французской оккупации и установление нового

европейского порядка. Памятник установил Генрих Йорк фон Вартенбург в 1912 г., материалы по его установке ранее не публиковались.

Предистория установки памятника такова. 18 (30) декабря 1812 г. прусский генерал Людвиг Йорк и российский генерал И.И. Дибич подписали документ на Пошерунской мельнице, который реально вступил в силу, не будучи согласованным ни с прусским королем, ни с русским императором. Конвенция стала документом, принятым состоящими на государственной военной службе генералами самостоятельно.

После занятия наполеоновскими войсками Европы Пруссия при военных действиях Франции должна была поставлять свои воинские подразделения во французскую армию. Корпус прусского генерала Йорка в 1812 г. стоял на границе с Россией. Отношения Йорка и его непосредственного начальника-шотландца, командира французской армии императора Наполеона I Ж. Макдоналда (1765 – 1840) были натянутыми, и прусский генерал жаловался на недопоставки питания и фуража в его корпус. В свою очередь Макдоналд предполагал отстранить Йорка от командования корпусом, а корпус расформировать. Под началом маршала Макдоналда состояло 18986 пруссаков, 2800 баварцев, 2800 вестфальцев, 8400 поляков, с 16 орудиями.

Сначала российский генерал Эссен, затем генерал-лейтенант Ф.О. Паулуччи (1779 87? – 1849) предлагали генералу Йорку сотрудничество и нейтрализацию прусского корпуса. Первое письмо Паулуччи послал 2(14) ноября 1812 г.¹. На это письмо и последующие Йорк отвечал уклончиво, он писал: «...никогда не знал и не буду знать других интересов, кроме интересов моего короля и моей родины». А потому «никогда не должен рисковать этими священными интересами, действуя самовольно или преждевременно». Но он просил присылать бюллетени с данными о военных действиях русской армии². В декабре 1812 г. корпус Йорка медленно продвигался от Шавлях (сейчас Шауляй) к Тауроге. Он должен был встретиться с Макдоналдом в Тильзите (сейчас Советск). 16(28) декабря состоящий на русской службе Дона сообщил Паулуччи из Ворни, что И. Дибич отрезал путь Йорку на Тильзит. Переговоры между Дибичем и Йорком продолжались несколько дней. Решающим стал 18(30) декабря – день заключения Таурогенской конвенции. Как писал К. Клаузевиц: «...принятие генералом Йорком на собственный страх и риск решения, которое должно было увлечь прусскую политику в противоположном направлении, представляло один из самых смелых поступков, с каким мы когда-либо встречались в истории»³. На следующий день Йорк писал Паулуччи из Тауроге: «Медленность действий русских корпусов делает мое положение чрезвычайно тягостным. Я должен был принять добровольное решение сделать шаг, к которому я бы предпочел быть вынужденным»⁴. Правда, генерал Людвиг Йорк перед подписанием неоднократно направлял своих адъютантов в Берлин с донесениями о получаемых письмах от русских. Йорка отдали под суд, но в дальнейшем оправдали. Выиграв сражение под Вартенбургом, получил графское достоинство фон Вартенбург, денежную дотацию, 8 деревень в

Силезии. В 1821 г. он становится фельдмаршалом. Наградил его и российский император, вручив Йорку орден св. Георгия 2 ст. и шпагу, украшенную драгоценными камнями.

В 1909 г. потомок Людвиг Йорк фон Вартенбурга Генрих Йорк фон Вартенбург обратился в Министерство иностранных дел Германии с просьбой о содействии в установке памятника на месте заключения Таурогенской конвенции в Ковенской губернии⁵. Посол Германии в России граф Фридрих фон Пурталес (1853 – 1928, в 1907 – 1914 гг. посол Германии в Петербурге) в свою очередь написал министру иностранных дел России А.П. Извольскому (1856 – 1919, в 1906 – 1910 гг. министр иностранных дел России). Извольский одобрительно отнесся к просьбе и сообщил о своем решении военному министру и министру внутренних дел. Поскольку предполагаемое место установки памятника находилось в майоратском владении князя Б.А. Васильчикова (1863 60? – 1931), то 10 декабря 1909 г. министр направил ему письмо за № 16803 с просьбой о содействии. Решение приняли положительное.

Переписка на французском и немецком языках продолжалась три года, в том числе вопросы согласовывались с исправником Нагорным. Предполагалось предоставить проект памятника. В документах переписки этого проекта нет, в качестве приложения была лишь копия Таурогенской конвенции – «Тауроогский договор, заключенный 18 (30) декабря 1812 года Королевско-прусским генерал-лейтенантом фон Йорк и Императорским русским генерал-майором Дибичем в Пошерунской водяной мельнице»⁶.

В 1912 г. Йорк фон Вартенбург направлял письма для согласования приглашенных лиц, пути следования приезжающих и программу празднования. С немецкой дотошностью приглашаемые были расставлены по группам: А, В, С. В группу «А» входили члены семей графов Йорков фон Вартенбургов и Дибича. В группу «В» – российские представители: князь Б.А. Васильчиков, члены парламента администрации Тильзита Ф. Хабеданк (Habedanck) и генерал от артиллерии князь В.Н. Масальский (1860 – 1940), губернатор Ковно (сейчас Каунас, Литва) А.А. Куломзин (1870 – 1941), генерал армейского корпуса в Вильне (сейчас Вильнюс, Литва) Мартсон, генерал-лейтенант, командир отдельного корпуса жандармов Толмачев, исправник Нагорный, начальник администрации округа Тауроген Ольденборгер, Андерс. Группа «С» состояла из немецких представителей: генерал Клюг (Kluck), Дона-Шлобиттен (Dohna-Schlobitten), Виндхайм (Windheim), дивизионные генералы Дона-Финкенштайн (Dohna-Finckenstein), генерал от инфантерии Ганс фон Гурецкий-Корнитц (1855 – 1917) (Guretzky-Cornitz), фон Белов (von Below), генерал-майор, командир 1-го корпуса прусской армии барон Шмидт фон Шмидтсек (Schmidt von Schmidtseck), бригадный генерал Вальдерзее (Waldsee), Кроберн (Krobern), Капп (Kapp), Берг (Berg), Бойен фон Крёвель (Boyen von Kraewel), командир драгун принц Альберт Прусский Глазенапп (Albert Glasenapp), д-р Штокманн (dr. Stockmann), барон фон Рихтхофен (baron von Richthofen), Ламсдорф (Lamsdorf), Шлентер (Schlenter), граф фон Лерхенфельд (Graf von

Lerchenfeld), близкий друг семьи Йорков, муж Берты Йорк фон Вартенбург, художник, граф Леопольд фон Калькрёйт (1855 – 1928) (Leopold von Kalckreuth), батальонный генерал-лейтенант Мюнтер (Muentner), прусский военный деятель Гуго фон Поль (1855 – 1916) (Hugo von Pohl), писатель, историк В. Пшиборовский (1845 – 1913) (Prziborowsky), Отто фон Бранденштайн (Brandenstein Otto Freiherr von) (1865 – 1945), ассессор Либерманн (assessor Liebermann)⁷.

К переписке прилагалась программа празднования установки памятника. 17 (30) декабря 1912 г. собравшиеся в Кёнигсберге (сейчас Калининград) гости в 8.44 отправлялись в Тильзит, в 10.07 остановка производилась в Истербурге (сейчас Черняховск)⁸. Далее поезд следовал без остановок до Тильзита. Затем в 12.20 поезд отправлялся из Тильзита в Лаугсцарген (Laugszargen, сейчас Lauksargiai Лауксаргяй, Литва). Оттуда путь шел к монументу. Вел мероприятие по установке памятника сам граф Йорк фон Вартенбург, он же произносил первую речь. За ним следовал генерал Клюг.

После открытия памятника торжества продолжились в Тильзите. В здании администрации Крайсстендехауз (Landratsamt, Kreisstaendehaus) состоялся праздничный обед.

Здание Kreisstaendehaus было построено в 1907 г. и находилось на берегу Мельничного пруда (ныне городское озеро). Здание не уцелело, в 70-е годы прошлого века было полностью разрушено⁹. Проведение праздничного обеда было также регламентировано. Первым выступал Мартсон, произнесший речь в честь Людвиг Йорка фон Вартенбурга. За ним следовали с речами Клюг, Йорк фон Вартенбург из Шлейбца, потомки Дибича, Генрих Йорк фон Вартенбург, Б.А. Васильчиков. В заключение торжества все отправились в театр, где был дан спектакль «1812».

Памятник представлял собой куб из гранита, поставленный на четыре небольших шара, имитирующих пушечные ядра. В 2001 г. краевед г. Советска И. Рутман писал, что ранее на западной стороне памятника стояла надпись: «Таурагской конвенции между генерал-лейтенантом Прусского королевства Йорком и генерал-майором Российской империи Дибичем, составленной в Пошерунской мельнице 30/18 декабря 1812 года». На южной стороне: «Бесстрашному и верному слуге его королевского величества, чье благородное поведение было причиной возвышения и освобождения Пруссии. Правнук», на северной стороне: «Так Божьей волей наше освобождение началось и кончилось. Йорк, 29 декабря 1812 года», на восточной стороне: «В память заключения Таурогенской конвенции, подписанной 30/18 декабря 1812 года на Пошерунской мельнице генерал-лейтенантом королевской Прусской службы фон Йорком и генерал-майором императорской Российской службы И. И. Дибичем. Памятник сооружен старанием и иждивением графа Йорка фон Вартенбурга, 1912 год»¹⁰.

С момента заключения Таурогенской конвенции, не согласованной с монархами России и Пруссии, все происходившее было каким-то условным.

Заключения Конвенции проходило на Пошерунской мельнице, а названа она была «Таурогенской». Спустя десять дней произошло событие, которое не отмечалось в ранее публиковавшихся документах и не упоминалось в дальнейшем. 28 декабря (9 января) 1813 г. Паулуччи направил Йорку письмо следующего содержания: «Комендант г. Мемеля доносит мне, что Вы требуете в силу конвенции, заключенной с генералом Дибичем, занятия Мемеля прусскими войсками, а также выдаче Вам некоторых вещей после капитуляции этого города». Одновременно Паулуччи сообщил о происшедшем императору. В дополнении он писал Йорку: «... комендант Мемеля полковник Экеспарре не может безусловно ни разрешить Вашим войскам вступать в Мемель, ни дозволит им получить какие бы то ни было вещи, находящиеся в городе». Одновременно он упоминал: «Я не буду оспаривать, имел ли генерал Дибич разрешение подписывать Конвенцию, которую заключил с Вашим превосходительством»¹¹.

С течением лет памятник разрушился, и его восстановили в ознаменование 200-летней годовщины заключения Таурогенской конвенции. Таким образом, была сохранена память о русско-прусском «своеволии», сыгравшем роль в историческом процессе Европы.

¹ Сборник Императорского Русского исторического общества (собр. и изд. под ред. и с пред. К. Военского). Т. 133. СПб., тип. А.Ф. Военского, 1911. С. 331.

² Там же. С. 335.

³ Клаузевиц К. 1812 год. М., Гос. воен.изд. Наркомата обороны СССР, 1937. С. 139.

⁴ Сборник Императорского Русского исторического общества (собр. и изд. под ред. и с пред. К. Военского). Т. 133. СПб., тип. А.Ф. Военского, 1911. С. 389.

⁵ РГИА ф. 651. Оп. 1. Д. 1303. Лл. 1 – 20. Письма (шесть) графа фон Йорка-Вартенбург к Борису Александровичу Васильчикову.... 1909 – 1912 гг.

⁶ РГИА ф. 651. Оп. 1. Д. 1303. Л. 3 Письма (шесть) графа фон Йорка-Вартенбург к Борису Александровичу Васильчикову.... 1909 – 1912 гг.

⁷ РГИА ф. 651. Оп. 1. Д. 1303. Лл. 17, 17об, 18. Письма (шесть) графа фон Йорка-Вартенбург к Борису Александровичу Васильчикову.... 1909 – 1912 гг.

⁸ Железнодорожная линия на участке Инстербург – Тильзит прокладывалась в 1863–1865 гг.; 16 июня 1865 г. в Тильзит прибыл первый поезд из Кёнигсберга.

⁹ За сообщенные сведения выражаю благодарность директору исторического музея в г. Советске Анжелике Шпилёвой.

¹⁰ https://www.klgd.ru/city/history/almanac/a2_7.php (дата обращения 01.01.2019).

¹¹ Сборник Императорского Русского исторического общества (собр. и изд. под ред. и с пред. К. Военского). Т. 133. СПб., тип. А.Ф. Военского, 1911. С. 403.

Изюмова Лариса Владимировна

кандидат исторических наук, доцент

Вологодский государственный университет

ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕСОЗАГОТОВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Лесозаготовки занимали и занимают важное место в экономике северных регионов. Еще в конце 1920-х гг. была поставлена задача: превратить лесозаготовки в постоянно действующую отрасль народного хозяйства. Однако на протяжении 1930-х годов лесозаготовки продолжали носить преимущественно сезонный характер и основным резервом рабочей силы для лесозаготовительной промышленности оставались крестьяне-сезонники. В январе 1941 г. установившийся порядок мобилизации сельских жителей на лесозаготовки был закреплён введением платной трудовой и гужевой повинности на предприятиях Наркомата лесной промышленности СССР¹. В статье ставится задача на примере Вологодской области проанализировать особенности организации и проведения лесозаготовок в условиях Великой Отечественной войны. Источниковую базу исследования составили документы партийных органов и лесозаготовительного предприятия «Вологдалес», выявленные в фондах вологодских архивов.

Трест «Вологдалес» – крупнейшее лесозаготовительное предприятие Вологодской области, был образован в августе 1939 г. путем реорганизации треста «Севлес», в его состав вошли 10 леспромхозов, 16 механизированных лесопунктов и одна сплавная контора². К началу Великой Отечественной войны были достигнуты некоторые успехи в преодолении сезонности на лесозаготовках. Это проявилось, прежде всего, в росте удельного веса рабочих постоянного кадра. Так, на предприятиях треста удельный вес постоянных (штатных) рабочих составлял на 1 января 1940 г. 42% от общего числа рабочих, на 1 января 1941 г. – 55%³. Однако создать стабильный состав рабочих постоянного кадра не удавалось из-за большой текучести. Например, в течение 1939 г. на постоянную работу было принято 2530 человек, за этот же период выбыло 2360 человек. Среди причин увольнения указывались: нарушение трудовой дисциплины (879 человек), призыв в ряды РККА (830), плохие бытовые условия (479) и другие причины (172 человека)⁴.

Можно предположить, что наиболее «стабильной» категорией в составе рабочих постоянного кадра треста «Вологдалес» были спецпереселенцы, удельный вес которых на 1 января 1941 г. составлял 35%. Но, как следует из отчетной документации, спецпереселенцы, прибывшие в Вологодскую область в основном из Западной Украины и Западной Белоруссии⁵, необходимых «производственных навыков на лесозаготовках не имели» и руководители лесозаготовительных предприятий предпочитали «вербовать в постоянный

кадр» местных колхозников, что часто сопровождалось «противодействием председателей колхозов и сельсоветов»⁶.

Великая Отечественная война нанесла ощутимый удар по лесозаготовительной промышленности страны. В военный период произошло заметное снижение объема лесозаготовок. Если в 1940 г. в Вологодской области было заготовлено и вывезено 6803 тыс. м³ древесины, то в 1945 г. этот показатель составил 3839 тыс. м³. Изменилась структура треста «Вологдалес»: по данным за 1944 г. в его составе осталось 9 леспромхозов и 4 механизированных лесопункта. В условиях войны произошло резкое снижение уровня механизации всех основных лесозаготовительных процессов (заготовка, подвозка (трелевка) и вывозка древесины). Многие механизмы (тракторы, автомашины и проч.) были мобилизованы на нужды фронта. В леспромхозах оставалась в основном старая техника, требующая капитального ремонта. Так, на предприятиях треста «Вологдалес» в 1944 г. из 108 тракторов работало всего 9, из 29 автомашин – 4⁷. Основной объем работ по вывозке и подвозке древесины был перенесен на гужевые обозы леспромхозов и колхозов. Механизация таких трудоемких процессов, как рубка, погрузка, разгрузка фактически не проводилась совсем.

С первых дней войны на лесозаготовительных предприятиях резко обострилась кадровая проблема. В связи с военной мобилизацией численность кадровых рабочих сократилась в два раза, но самое главное – резко снизилось качество трудовых ресурсов, в том числе сезонных рабочих из числа колхозников⁸.

Основную массу сезонных и кадровых рабочих стали составлять женщины (как указывали в документах: «бывшие домохозяйки», «малоценная молодая рабочая сила»)⁹. Например, на предприятиях «Вологдалес» среди кадровых рабочих удельный вес женщин возрос с 49% в 1943 г. до 61% в 1945 г. Приведем весьма показательный факт из годового отчета треста за 1945 г., который характеризует отношение мобилизованных к лесозаготовкам. В первые послевоенные месяцы на лесозаготовительных предприятиях обострилась проблема самовольного ухода рабочих с лесозаготовок. В отчете отмечалось, что в этом виноваты рабочие, «мобилизованные в постоянный кадр из числа сельского населения Вологодской области, для которых окончание Великой Отечественной войны означало (по их понятию) окончание срока их работы на лесозаготовках». Далее в документе сообщалось, что «по их возврату на производство проведена большая разъяснительная работа в сельсоветах и колхозах, многие привлечены к ответственности нарсудом, но желательных результатов это не дало...»¹⁰. Приведем конкретную ситуацию, которая сложилась в Семигородном мехлесопункте. Если на 1 апреля 1945 г. численность работников постоянного кадра составляла 215 человек, то на 1 июля 1945 г. она сократилась до 155 человек. Руководство лесопункта старалось принять меры по возвращению рабочих, ушедших с лесозаготовок, что не всегда получалось. Так, из Кирилловского района удалось вернуть

обратно на лесозаготовки 18 человек, но как следует из документа: «все-таки ушли вторично»¹¹. В первые послевоенные месяцы комплектование постоянного кадра лесозаготовительных предприятий Вологодской области происходило за счет демобилизованных из Красной Армии и репатриированных¹².

В годы войны лесозаготовки продолжали носить сезонный характер, т. е. проводились в период с октября по апрель, основной рабочей силой выступали местные колхозники, мобилизованные в лес в порядке трудовой и гужевой повинности. В памяти сельских жителей лесозаготовки остались как изнурительная, тяжелая работа. Например, Кедрова Мария Марковна, жительница деревни Яковлевское Устюженского района, вспоминала о военной поре: когда заканчивалась уборка в колхозе, «начиная с осени, все должны были работать в лесу, заготавливать лес и дрова. Я работала в леспромхозе Желябово. Мужчины, которые не ушли на фронт были там кадровыми рабочими. Десятник (бригадир) давал нам наряды. Девки, кто постарше, работали побойчее: прицепят лес на санки и тащат. А я в первый раз, мне 18 лет всего, у меня и бревно на санках заплетается. Бригадир научил орудовать палкой, стало получаться. Затем дали и мне лошадь хорошую и я стала передовой, по 2–3 рейса делала»¹³. Краснова Матрена Егоровна, колхозница из Устюженского района, вспоминала: «Из лесной убежать нельзя было, тогда садили за побег. На Мезге пилили дрова поперечкой, в день требовалось напилить и выложить 2 кубометра двухметровки, если спиличи пень выше положенного, заставят снова пилить. В Чагоде по ледянке возили дрова. Ледянка – это такая намороженная дорога: чтобы лошади было легче тащить воз, обливали водой снег под полозья, замораживали. <...> Утром вставали ранехонько: надо лошадь накормить, приготовить, напоить, чтоб отработать на ней. Приезжали затемно из леса...»¹⁴.

В северной частушке тема нелегкой «обязаловки» на лесозаготовках встречается довольно часто. Приведем следующие примеры:

«Во леса-то мы приехали
С четырнадцати лет,
Стали бревнышки наваливать,
А силушки-то нет¹⁵...
В лесу мы родились,
В лесу мы живем.
В лесу похоронят меня
С топором¹⁶...
Дали мне топорик в руки,
Дали острую пилу,
Привели к зеленой елочке,
Неохота, да пилю¹⁷...
Все на сплаве, да на сплаве,
Все на сплаве, да в лесу.

Загорели наши лица.
Утерjali мы красу¹⁸...»

Отчетные и делопроизводственные документы военного периода постоянно фиксируют проблему несвоевременного выхода сезонников в лес. Как правило, из Наркомата лесной промышленности поступали жесткие указания. Например, из приказа от 16 февраля 1944 г. узнаем, что план, установленный на осенне-зимний сезон 1943/1944 гг. сорван из-за «несвоевременной мобилизации пеших рабочих и возчиков с лошадьми». Ответственности за выполнение плана возлагалась на руководителей региона (первого секретаря обкома и председателя облисполкома), которые должны были «принять меры по выходу рабочих и возчиков с лошадьми в количестве, обеспечивающем безусловное выполнение плана». В противном случае «недовыполнение плана по заготовке и вывозке древесины в зимний сезон приведет к необходимости мобилизации пеших рабочих и возчиков с лошадьми в летнее время» (т. е. в разгар сельскохозяйственных работ)¹⁹. В зимние месяцы были такие дни и недели, когда угроза невыполнения плана вынуждала отправлять на лесозаготовки 14-летних подростков, пожилых мужчин, многодетных матерей, даже доярок и скотниц снимали с работы и отправляли в лес²⁰.

С первых дней войны перед руководителями лесозаготовительных предприятий встала задача организовать без отрыва от производства обучение рабочей силы, не имевшей навыков работы. Следует выделить несколько форм обучения, которые получили широкое распространение: организация кружков техминимума, работа «стахановских школ» (прикрепление к передовику производства неопытных рабочих, которые в течение 10–15 дней знакомились с приемами «стахановской работы»), индивидуальное обучение (прикрепление новичка к опытному лесорубу).

Основной формой организации производственного процесса на лесозаготовках оставался бригадно-звеньевой метод. В годы войны широкое распространение получили сквозные комплексные бригады, особенно среди колхозников-сезонников. В комплексную бригаду входили лесорубы и возчики, соответственно итоги рабочего дня определялись не количеством заготовленного на делянке леса, а количеством доставленного в места приемки на верхних складах. Повсеместно проводились «фронтные вахты», соревнование за звание «комсомольско-молодежной фронтальной бригады», движение «двухсотников» и «трехсотников» (выполнение за лесозаготовительный сезон 200–300 дневных норм вместо установленных планом 100–120) и т. д.

Кроме моральных методов поощрения за ударный труд власть прибегала к материальному стимулированию работы лесозаготовителей. В период лесозаготовительного сезона предусматривалась нормированная продажа отдельных товаров, что в условиях товарного дефицита было немаловажным. Так, приказом Наркомата лесной промышленности СССР от 19 января 1944 г.

за выполнение месячных производственных норм на лесозаготовках предусматривалась гарантированная продажа 5 м хлопчатобумажной ткани, 100 г табака (для курящих), 100 г хозяйственного мыла, трех коробок спичек, 200 г кондитерских изделий (для некурящих). За перевыполнение сезонной нормы устанавливалась гарантированная продажа 10 м хлопчатобумажной ткани²¹. При выполнении районом планов лесозаготовок денежными премиями поощрялись местные руководители (секретарь райкома и председатель райисполкома)²².

Отдельного рассмотрения заслуживает характеристика жилищно-бытовых условий на лесозаготовках в период войны.

Жилищно-бытовые условия в леспромхозах оставались крайне неудовлетворительными, об этом свидетельствуют материалы обследования медицинского и жилищно-бытового обслуживания рабочих лесозаготовительных предприятий. Жилищная проблема была одной из самых острых. Часто сезонных рабочих селили в неприспособленные помещения, во временные постройки. Во многих общежитиях не было кроватей, поэтому обычно строили нары. Известны случаи, когда рабочие спали прямо на полу. Постельные принадлежности (матрасы, подушки, одеяла, постельное белье) зачастую отсутствовали. На многих лесных участках не было бань и оборудованных сушилок в общежитиях. Не хватало мастерских по ремонту обуви и одежды. Вследствие такого положения на лесозаготовительных предприятиях остро стояла проблема с обеспечением рабочих обувью и одеждой. Согласно отчетным документам лесозаготовительных предприятий, многие рабочие не могли выйти на работу в лес из-за отсутствия у них одежды и обуви. Рабочие-лесозаготовители не обеспечивались в должной степени медицинским обслуживанием, во многих леспромхозах не хватало медикаментов, на лесосеках отсутствовали аптечки. В некоторых леспромхозах остро стояла проблема заболеваемости педикулезом и острыми кишечными инфекциями. В феврале 1945 г., например, в вологодском тресте «Череповецлес» сложилась следующая ситуация: из 2879 рабочих постоянного кадра непосредственно на лесозаготовках работали 1650 человек (57%), 554 человека (19%) были заняты на вспомогательных работах, 168 (6%) – совершенно не работали из-за отсутствия обуви и одежды, 488 человек (17%) были больны и 19 человек (менее 1%) находились в отпусках²³.

В годы войны наблюдались серьезные проблемы с обеспечением леспромхозов продовольствием, что также приводило к текучести работников. Так, в докладной записке председателя Вологодского райисполкома от 12 марта 1945 г. отмечалось, что в начале марта в Монзенском леспромхозе за одну ночь «самовольно» ушли 53 колхозника по причине того, что «рабочим не давали три дня хлеба»²⁴. И такие случаи не были единичными. Сезонные рабочие, как правило, рассчитывали только на те продукты, которые привозили из дома. М.Е. Краснова вспоминала: «Поедем домой, котомку возьмем с продуктами. Все из дома возили, и сено из колхоза для лошади везли»²⁵.

В заключении следует отметить, что несмотря на сложные кадровые и жилищно-бытовые проблемы, за годы Великой Отечественной войны удалось организовать вполне стабильную работу лесозаготовительных предприятий. Наиболее тяжелыми для лесозаготовителей стали 1941 и 1942 гг., когда отрасль приспособлялась к новым экстремальным условиям. Если в 1941 г. на предприятиях треста «Вологдалес» план по заготовке древесины был выполнен лишь на 66,5%, по вывозке – на 82%, то уже в 1944 планы выполнялись на 100% и более²⁶. Двойная нагрузка в годы войны легла на плечи колхозного крестьянства. Нельзя забывать, что кроме мобилизации на лесозаготовки, к которым вологодские колхозники привлекались в обязательном порядке, деревня продолжала выполнять свою основную обязанность – бесперебойно снабжать продовольствием воюющую армию и город.

¹ Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда: Вологодский НКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. С. 78.

² ГАВО (Государственный архив Вологодской области). Ф. 1727. Оп. 4. Д. 19. Л. 276.

³ Там же. Д. 19. Л. 67; Д. 23. Л. 385, 395.

⁴ Там же. Д. 19. Л. 67.

⁵ ВОАНПИ (Вологодский областной архив новейшей политической истории). Ф. 2522. Оп. 2. Д. 314. Л. 72.

⁶ ГАВО. Ф. 1727. Оп. 4. Д. 23. Л. 385.

⁷ Там же. Д. 58. Л. 58.

⁸ Изюмова Л. В. Трудовые ресурсы колхозов Европейского Севера России в 1930–1960-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 2. С. 50-54.

⁹ ГАВО. Ф. 1727. Оп. 4. Д. 148. Л. 21.

¹⁰ Там же. Л. 20.

¹¹ ГАВО. Ф. 1727. Оп. 4. Д. 99. Л. 138.

¹² Там же. Д. 148. Л. 20.

¹³ Историческое краеведение и архивы: материалы областной научной конференции. Вып. 12. Часть II. Вологда, 2006. С. 74.

¹⁴ Там же. С. 92–93.

¹⁵ Деревенская частушка XX века / Сост. С. Б. Адоньев. СПб.: изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 342.

¹⁶ Там же. С. 357.

¹⁷ Там же. С. 361.

¹⁸ Там же. С. 258.

¹⁹ ГАВО. Ф. 1727. Оп. 4. Д. 58. Л. 127.

²⁰ Ильина О. В. Повседневность сельской семьи Европейского Севера России в 1941–1945 гг. // Материалы III Всероссийской научной конференции "Некрасовские чтения (памяти доктора исторических наук, профессора Ю. К. Некрасова)". 19–20 мая 2017 года. Вологда: ВоГУ, 2017. С. 126.

²¹ ГАВО. Ф. 1727. Оп. 4. Д. 58. Л. 176.

²² Там же. Л. 123.

²³ ВОАНПИ. Ф. 3707. Оп. 1. Д. 40. Л. 60.

²⁴ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 566. Л. 26.

²⁵ Историческое краеведение и архивы: материалы областной научной конференции. Вып. 12. Часть II. Вологда, 2006. С. 93.

²⁶ ГАВО. Ф. 1727. Оп. 4. Д. 98-А. Л. 1 об.

Ильина Ольга Викторовна

кандидат исторических наук, доцент

Вологодский государственный университет

ДОШКОЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1940 – 1950-Е ГГ.

Изучение истории дошкольного образования – тема актуальная, так как сегодня существует немало проблем по организации и материально-техническому обеспечению детских садов, наполнению их профессиональными педагогическими кадрами и удовлетворению потребностей населения в нужном количестве и качестве обслуживания детей в дошкольных учреждениях. История дает нам примеры решения вышеназванных проблем и обозначает причины недостатков в работе детских садов, которые могут использоваться в планировании дальнейшей социальной политики государства.

В 1937 г. Вологодская область была выделена из Северного края, начинается самостоятельный этап ее развития. В изучаемый период он связан с чрезвычайной военной ситуацией и преодолением ее последствий, в том числе в направлении восстановления сети дошкольных учреждений и кадрового состава в них.

Дошкольные учреждения вошли в советскую государственную систему образования после 1917 года. Они предназначались для общественного воспитания детей раннего (от 2 месяцев до 3 лет) и дошкольного (от 3 до 6-7 лет) возрастов. В 1920-е годы существовало 3 типа дошкольных учреждений – детские дома для детей-сирот, детские очаги (для детей фабрично-заводских рабочих) и детские сады¹. Количество детей в группах колебалось от 20 до 50 человек. Режим работы дошкольных учреждений был различным: детский очаг, как правило, работал 8-10 часов, детский сад – 6 часов в день. Целью дошкольного учреждения провозглашалась подготовка ребенка к освоению материалистического мировоззрения, а также выработка коллективистских навыков.

Основным типом дошкольного учреждения в системе Министерства просвещения СССР был детский сад, предназначенный для общественного воспитания и всестороннего развития детей в возрасте от 3 до 7 лет. Наряду с детскими садами общего типа существовали детские сады санаторные (для больных и ослабленных детей) и специализированные (для детей с дефектами слуха, речи, зрения и с заболеваниями центральной нервной системы). В детских садах осуществлялось нравственное и эстетическое воспитание, прививались культурно-гигиенические навыки, проводились оздоровительные мероприятия (закаливание, физическое воспитание), подготовка к занятиям в школе; в санаторных специализированных детских садах, кроме названных направлений, осуществлялось лечение или исправление дефектов, привитие навыков самообслуживания и общения с учетом имеющихся нарушений.

До 1959 года в СССР для воспитания и всестороннего развития детей от 2 месяцев до 3 лет создавались детские ясли. Затем стала развиваться сеть объединенных учреждений – ясли-сады, которые в середине 70-х годов XX в. стали основным типом детских дошкольных учреждений, позволяющим обеспечить преемственность физического и духовного воспитания ребенка. Ясли сохранились в основном в сельской местности; принципы их работы были те же, что и в яслях-садах². Ясли-сады делились на районные (по месту жительства, в ведении органов здравоохранения) и ведомственные (по месту работы родителей). Детей в ясли-сады распределяли по возрастным группам. Большинство яслей-садов были дневные; из круглосуточных яслей-садов родители забирали детей на выходные дни.

Сезонные детские учреждения (детские площадки и ясли) организовались в колхозах для детей дошкольного и ясельного возраста с целью создания условий для активного участия женщин-колхозниц в сельскохозяйственном производстве и обеспечения правильного ухода за детьми в период занятости родителей. Они открывались по решению общего собрания колхозников на период сельскохозяйственных работ и содержались на средства колхоза. Создавались детские площадки для детей дошкольного возраста от 3 до 7 лет из расчета не более 25 человек в группе, ясли для детей до 3 лет из расчета до 20 детей в группе. Ясли-площадки – комбинированное детское учреждение организовывалось при небольшом количестве детей в колхозе или бригаде с выделением детей ясельного возраста в отдельную группу³.

Новая система в целом удовлетворяла потребности разных социальных групп в обеспечении государственного обслуживания детей дошкольного возраста⁴. Исключение составляли колхозы, так как из-за низкой плотности населения и удаленности колхозов друг от друга и районных центров, содержание детских садов в отдельном колхозе было нерентабельно. Выход видели в создании сезонных детских учреждений, содержание и организация которых полностью возлагалась на колхозы.

В период Великой Отечественной войны, несмотря на чрезвычайные условия военного времени, дошкольные учреждения продолжали функционировать, увеличивалось число детских садов, часть из них переходила на круглосуточное обслуживание населения. Так в Вологодской области в период с 1941 по 1945 гг. (по состоянию на 1 января) количество детских садов увеличилось с 261 до 378, а количество воспитанников в них с 10,4 тыс. чел. до 21,8 тыс. чел.⁵ Большая часть детских садов находилась в ведении государственных органов народного образования.

На фоне увеличения их числа наблюдается снижение количества колхозных детских садов с 23 в 1941 г. до 9 – в 1945 г.⁶ Такая ситуация объясняется не только снижением рождаемости в сельской местности, но и неудовлетворительным материально-техническим положением колхозов, не имеющих средств на содержание детских учреждений в военное время. Учитывая, что высокая занятость в колхозах женщин трудоспособного возраста

не позволяла им сидеть дома, а подростки в возрасте от 12 до 16 лет в военный период тоже были обязаны выработать минимум 50 трудодней, то проблема ухода за маленькими детьми стояла очень остро⁷. Эта проблема решалась созданием на период напряженных полевых работ т.н. сезонных детских площадок. Так, если в 1941 г. (по состоянию на 1 августа) в Вологодской области действовало 556 колхозных детских площадок, то в 1945 г. их количество увеличилось до 1342 с охватом детей с 17,8 тыс. чел. в 1941 г. до 22,5 тыс. чел. в 1945 г.⁸

Большая часть детских садов содержала детей и занималась их воспитанием 9 часов в сутки. Круглосуточно в детских садах находилось в 1941 г. 33 чел., а в 1945 г. – уже 457 чел., что объяснялось занятостью населения в военное время, в том числе в условиях, когда мужчины были призваны на фронт и в семье оставался один взрослый член семьи⁹.

Особенностью военного времени являлось увеличение числа дошкольных учреждений в области за счет эвакуированных детских садов. По отчету Переселенческого отдела при Вологодском облисполкоме в период со второй половины 1941 г. по начало 1943 г. в Вологодской области на временное жительство было размещено более 165 тыс. чел., в том числе мужчин 15,5 тыс. чел., женщин 72,2 тыс. чел. и детей 77,3 тыс. чел.¹⁰ Большинство эвакуированных граждан было размещено в деревне (91 % от общего числа эвакуированных), а трудоспособные трудоустроены в колхозах области.

В первые месяцы войны для размещения эвакуированных садов использовались школьные здания, а с началом учебного года школы освобождались, взамен же предоставлялись другие помещения, в которых нормы площади в расчете на одного воспитанника не соответствовали установленным нормам. В ряде детских садов спальная комната являлась одновременно игровой. Большая часть детских садов была эвакуирована со всем оборудованием, мягким инвентарем, посудой. Не имели оборудования по росту детей два детских сада, эвакуированных из Ленинградской области, в них дети пользовались взрослой обстановкой¹¹.

На 1 сентября 1941 года эвакуированных детских садов из прифронтовой полосы на территории Вологодской области было 35 с количеством детей в них 2,4 тыс. чел.¹² К концу 1942 г. в 316 детских садах Вологодской области из 17,9 тыс. детей было 2,7 тыс. эвакуированных ребят, прибывших из Ленинградской области, Карело-Финской ССР и с других территорий¹³.

Окончание Великой Отечественной войны поставило перед государством новые задачи, связанные в том числе с восстановлением и расширением сети дошкольных учреждений, с улучшением качества работы воспитателей в них.

Таблица 1. Численность детских садов Вологодской области в 1940, 1950 и 1960 гг. (на конец года)¹⁴

	1940 г.	1950 г.	1960 г.
Всего в области детских садов (в абс. цифрах)	287	397	546

В том числе:			
Всего детей в детских садах (в тыс. чел.)	11,6	13,2	30,7
В том числе:			
в городах и поселках	7,1	8,0	19,8
в сельской местности	4,5	5,2	10,9

Из таблицы 1 видно, что в период 1940-1950-х гг. в Вологодской области число детских садов выросло в 2 раза, а контингент воспитанников в них – более чем в 3 раза. Большая часть дошкольников ходила в детские сады в городах и поселках городского типа, что объясняется быстрым ростом населения этих типов поселений, благоприятной демографической ситуацией и высокой занятостью женщин в общественном производстве.

По-другому выглядит ситуация с количеством и качеством работы детских яслей, что наглядно представлено в таблице 2.

Таблица 2. Численность яслей Вологодской области в 1940, 1950 и 1960 гг. (на конец года)¹⁵

	1940 г.	1950 г.	1960 г.
Действующих яслей (в абс. цифрах)	501	394	283
В них мест	10512	9247	11775
В том числе:			
в городах и рабочих поселках	2926	3890	6945
в сельской местности	7586	5357	4830

Таблица 2 показывает, что количество яслей в период с 1940 г. по 1959 г. уменьшилось на 218, а количество мест в них увеличилось на 1263. Такое положение объясняется реформированием системы дошкольных учреждений, постепенным переходом к новой организации содержания маленьких детей, в т.н. яслях-садах. В то же время необходимо отметить, что большая наполняемость яслей связана и с некоторым увеличением рождаемости детей в послевоенный мирный период¹⁶.

Важным направлением государственной политики в области дошкольного образования стала подготовка и повышение квалификации воспитателей. В декабре 1944 г. был принят новый «Устав детского сада», детально раскрывающий важнейшие вопросы деятельности детских садов и сыгравший значительную роль в организации дошкольного воспитания в послевоенные годы. Особое значение имела разработка нового «Руководства для воспитателя детского сада» 1945 г., который содержал программные и методические указания для работы в различных возрастных группах. В «Руководстве...» определялась роль воспитателя, требования к его профессиональной подготовке, давались рекомендации для проведения занятий по физическому воспитанию, изучению родного языка, окружающего мира, музыки. Отдельный

раздел «Руководства...» был посвящен работе с семьей воспитанников. Недостаточно в «Руководстве...» был представлен программный материал для проведения обязательных занятий, что снижало уровень подготовки детей к школе. В дальнейшем эти замечания были учтены в Приказе Министерства просвещения «Об улучшении работы детских садов» 1949 г. и в «Руководстве для воспитателей» 1953 г.

Подготовка специалистов для работы в дошкольных учреждениях велась на дошкольных отделениях в педагогических училищах. В Вологодской области это были Белозерское, Великоустюгское и Вологодское педагогические училища, а также Кирилловское дошкольное педучилище и ряд других.

В 1944 г. в дошкольные учреждения было распределено выпускников, окончивших дошкольное отделение: из Вологодского педучилища – 26 чел., из Великоустюгского – 15 чел. В 1945 году распределение выпускников, окончивших дошкольное отделение Вологодского педучилища, по детским садам выглядело следующим образом: в Вологду – 5 чел., в Сокол – 2 чел., в Кириллов – 5 чел., в Вытегру – 2 чел., в Белозерск – 1 чел., в Вологодский район – 1 чел., в Управление Северной железной дороги – 1 чел.¹⁷ Несмотря на ежегодные выпуски педагогических кадров, проблема их профессиональной подготовки и повышения квалификации обсуждалась на методических объединениях и научных конференциях работников дошкольных учреждений, давались практические советы молодым воспитателям.

В целом, система советского дошкольного образования прошла богатый путь становления и развития, выдержала испытания военного времени и накопила богатый опыт для дальнейшего взаимодействия государственных дошкольных учреждений с родителями и детьми.

¹ Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. В.В. Давыдов. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. Т. 1. С. 295.

² Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Д.И. Валентей М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 124.

³ Положение о колхозных сезонных детских учреждениях. Утв. 8 марта 1955 г. Вологда, 1967. С. 3.

⁴ Жукова В.С. Трансформация бытовых условий жизни сельских жителей Европейского Севера России в 1914-1930-х гг. // Региональная история: методология, источники, историография. Сборник научных трудов третьих Международных Усмановских чтений. Стерлитамак, 2016. С. 254-256.

⁵ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 2360. Оп. 2. Д. 1466. Л. 5.

⁶ Там же.

⁷ Ильина О.В. Повседневность сельской семьи Европейского Севера России в 1941-1945 гг. // Материалы Всероссийской научной конференции «Некрасовские чтения». 19-20 мая 2017 г. Вологда: ВоГУ, 2017. С. 124-127.

⁸ ГАВО. Ф. 2360. Оп. 2. Д. 1488. Л. 6-7.

⁹ Там же. Д. 1466. Л. 5.

¹⁰ ГАВО. Ф. 3105. Оп. 2. Д. 6. Л. 307.

¹¹ ГАВО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 3327. Л. 17.

¹² Там же.

¹³ Там же. Д. 3326. Л. 54.

¹⁴ Народное хозяйство Вологодской области за годы советской власти: стат. сб. Вологда: Изд-во «Статистика», 1967. С. 143.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ильина О.В. Демографические процессы в деревне Европейского Севера России в 1940-1950-е гг. // Актуальные вопросы изучения и преподавания истории, социально-гуманитарных дисциплин и права: материалы международной научно-практической конференции к 100-летию исторического факультета ВГУ им. П.М. Машерова. Витебск, 2018. С. 157-159.

¹⁷ ГАВО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 3542. Л. 53.

Ильинский Игорь Валерьянович

доктор экономических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ЧЕЛОВЕК И НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Современное общество в настоящее время находится под беспрецедентным в истории развития цивилизации влиянием научно-технической революции. Конец XX и начало XXI века – эпоха бурного прогресса науки и техники. Вопросы научно-технического прогресса и использование его достижений во всех сферах человеческой жизни стали элементом политики государств, независимо от их общественно-экономической системы. В настоящее время судьба любого государства зависит от развития в нем науки, техники, технологии, человеческого капитала, от того, как эти достижения реализуются на практике, эволюционно или революционно.

Современный этап научно-технической революции, с нашей точки зрения, означают революционные и взаимосвязанные изменения науки, техники, технологии, в производстве, в человеческом капитале, обществе, исходным пунктом которого является научное открытие. В современных условиях они носят глобальный характер, охватывают все без исключения сферы материального, духовного производства и жизнедеятельности человека¹.

Современный этап научно-технической революции имеет следующие основные формы своего существования.

1. Он основан на всесторонней и глобальной автоматизации производства, науки, образования, сферы обращения и быта.

1.1. В его основе лежит всеобщая компьютеризация всех сфер жизнедеятельности человека. В оборот входят компьютеры пятого-шестого поколения, обладающие элементами искусственного интеллекта, способными понимать речь, снимки, графики, работать в диалоговом режиме и др.

1.2. Всеобщая и всесторонняя роботизация производства, науки, образования, транспорта, сферы жизни и др. В процесс применения входят роботы третьего-четвертого поколений, обладающие искусственным зрением, осязанием, слухом, способностью к самостоятельной переналадке. Признанным

лидером в области производства и применения различного рода роботов является Япония.

1.3. Создание гибких глобальных автоматизированных производств и комплексов в различных отраслях и сферах жизнедеятельности человека. Аккумулируя предыдущее они в состоянии в настоящее время без участия человека или при уменьшающемся его участии осуществлять научный поиск, разработку инноваций, создание опытного образца, производство серийной продукции, ее реализацию, обслуживание и утилизацию. Данные процессы по-новому ставят типизацию производства, реализации, обмена и потребления материальной и духовной продукции, в целом видоизменяют ход общественного воспроизводства.

2. Широкое создание, использование и тиражирование новейших революционных технологий. Речь идет о лазерных, плазменных, лучевых, химических, биотехнологических и других технологиях. Отличительной их чертой является малооперационность, малоотходность и безотходность, т.е. высокая экономическая эффективность. Классический пример подобного рода – создание пластиковых труб, революционно преобразовавших данную область деятельности.

3. Глобальная информатизация производства, науки, образования, технологий, сферы жизнедеятельности человека, создание всемирной информационной сети «Интернет» революционизирует процесс производства, как материальный, так и духовный, видоизменяет многие важные и ключевые понятия экономики, ее истоков, форм, механизмов воздействия и влияния, источников и факторов экономического роста, качественно и количественно преобразует человеческий капитал применительно к различным уровням экономики².

4. Новая роль науки в процессе общественного производства и воспроизводства. Формируется новая парадигма общественного производства, сердцевину которого образует наука и ее приложения, образование, новые технологии, информация, человеческий капитал.

4.1. Наука в настоящее время в развитых странах мира превратилась в главную производительную силу общества со всеми вытекающими отсюда последствиями.

4.2. Наука в развитых странах мира выступает в качестве важнейшего фактора научного, экономического и социального прогресса общества. Только в области экономики за счет науки и ее технологических приложений производится большая часть продукции, совокупного общественного продукта, обеспечивается рост общественной производительности труда и др.

4.3. В настоящее время в странах с развитой экономикой происходит глобальная и качественно-многообразная интеграция науки, производства, информации, образования, технологии в единые интеллектуальные комплексы, показывающие очень высокую экономическую и социальную эффективность деятельности.

5. Изменение роли образования. В развитых странах мира происходит превращение образования в производительную силу общества, важный фактор экономического и социального прогресса. Несмотря на экономические кризисы растут инвестиции в образование, применительно к различным его уровням. Государство играет ведущую роль в этом процессе, фирмы и корпорации также осуществляют инвестиции в образовательные, а крупнейшие из них имеют собственные образовательные структуры. Например, в России это Газпром, Сбербанк, Росатом и некоторые другие. В практической деятельности широко реализуется концепция «непрерывного образования» со всеми ее приложениями.

6. Создание новых предметов труда. Речь идет о массовом производстве искусственных материалов, полимеров, биоматериалов и композиционных материалов с заранее заданными свойствами. Практически в развитых странах мира прошла замена металлосодержащих предметов труда новыми материалами. Это также существенно повышает экономическую эффективность деятельности, воздействует на процесс общественного воспроизводства.

7. Создание и разработка новых источников энергии. Атомная энергетика, несмотря на различного рода катаклизмы, остается перспективной сферой. Россия имеет здесь неоспоримые преимущества и выгоды. Наряду с этим ведутся работы по термоядерному синтезу. Широкое применение имеет возобновляемая энергетика: солнечная, ветровая, водная и некоторые другие. Использование новых источников энергии позволит в перспективе решить ресурсную проблему, обеспечить дешево энергией мировую экономику.

Современный этап НТР оказывает революционное воздействие на положение человека. В инновационном производстве изменяется роль, функции и методы воздействия человека на средства производства, изменяется характер труда. В развитых странах мира более половины работников заняты умственным трудом, в США таких работников более 2/3 населения.

Основные направления воздействия НТР на положения человека сводятся к следующему:

1. Многократно возрастает уровень интеллектуализации труда всех участников общественного производства. Всеобщее базовое и профессиональное образование является объективным условием участия работника в процессе производства.

2. Объективной необходимостью современного этапа НТР является формирование универсального работника. Все большее значение приобретают фундаментальные знания, которые в меньшей степени подвержены моральному износу и имеют более продолжительный срок эффективного использования, чем специальные знания. Университет стал основой высшего профессионального образования.

3. Происходит гуманизация и гуманитаризация человеческого капитала. Это означает, что в производстве увеличивается удельный вес

гуманитарных специальностей (экономисты, юристы, психологи, социологи и др.) и все другие специальности увеличивают удельный вес гуманитарной подготовки.

4. Работник в условиях современного инновационного производства должен обладать всесторонней мобильностью.

4.1. Профессиональная мобильность, т.е. работник должен постоянно повышать свою квалификацию и в среднем, до пяти раз в течение своей деятельности, менять свою профессию или специальность.

4.2. Территориальная мобильность. Работник должен следовать за рабочим местом в течение своей трудовой жизни, и в среднем, от 3 до 5 раз, менять трудовое место территориально, переезжая из одного региона в другой, из одной страны в другую.

5. Формирование развитой личности работника также является закономерностью современного этапа НТР. Такой работник должен обладать высокими психологическими, культурологическими, социологическими и другими характеристиками. Это предполагает высокую культуру производства, дисциплину, ответственность, сознательность работника, умение работать в коллективе, неконфликтность, психологическую устойчивость и прочее.

6. Происходит повышение уровня обобществления человеческого капитала. В индустриальной экономике господствовал индивидуальный труд, в инновационной – коллективный. Первичная ячейка – бригада, коллектив, в том числе и виртуальная.

7. Реализуется концепция «непрерывного образования», т.е. человек в инновационной экономике и обыденной жизни должен постоянно учиться, приобретать новые знания и компетенции.

8. Объективной необходимостью современного производства является формирование и развитие креативного работника, способного создавать инновации. В настоящее время именно такие работники особенно востребованы производством и максимально стимулируются бизнесом.

Формирование в развитых странах мира человеческого капитала высокого качества является приоритетным фактором развития экономики, социальной жизни, повышения ее конкурентоспособности. Российская экономика также должна ставить подобные принципы деятельности в приоритет своего развития.

¹ Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России. М.: Научный консультант, 2017. 196 с.

² Более подробно см.: Человеческий капитал и обеспечение устойчивого социально-экономического развития России: монография под ред. проф. А.В. Демидова, проф. И.В. Ильинского. СПб.: СПбГУПТД, 2016.

Исаченко Анжела Валерьевна

старший преподаватель

Витебский государственный технологический университет

Исаченко Инга Владимировна

инженер-программист

Витебский государственный университет им. П. М. Машерова

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ ЦВЕТА В ДИЗАЙНЕ ИНТЕРФЕЙСА

Многие факторы оказывают влияние на психику человека. Одним из таких воздействий является цвет. Умение использовать цвета раскрывает массу возможностей в различных целях. В современном мире высоко ценятся специалисты, умеющие сочетать цвета и использовать эти навыки в коммерческих целях – в веб-дизайне, рекламе.

Цвет оказывает влияние на человека по-разному благодаря различным факторам. Эмоциональное воздействие цвета зависит от двух причин: физиологическая (возбуждение, покой, равнодушие и т.д.) и ассоциативная (ассоциации, которые с ним связываются).

Влияние цвета на психическое состояние было известно еще в древности. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические раскопки, наскальные рисунки, изображающие сцены охоты первобытных племен. Отношение людей к цвету менялось в зависимости от совершенствования общества, от изменения материально-духовных ценностей. В первобытном обществе отношение к цвету базировалось на жизненно важных для человека объектах. Красный ассоциировался с огнем, черный – с землей, и белый цвет молока как источник жизни, отпугивал злых духов.

В античный период развивается гармония светосочетания, возникает полихромия. Постепенно отходит мифологизм в отношении к цвету и на первое место выдвигается эстетическое его восприятие при сохранении символики цвета.

Эпоха Средневековья производит свое деление цветов. Они делятся на "божественные" и "богопротивные". Белый символизировал божественность, святость, зеленый считался земным, черный символом негативного.

В эпоху Ренессанса обогащается учение о цветосочетании в живописи, одежде, быту. В это время возникают первые цветовые системы психологических свойств человека. Дж. П. Ломаццо соотносил цвета с тем или иным типом темперамента. Флегматическому типу соответствует белый цвет, меланхолическому – черный, сангвиническому – красный, а холерическому типу – желтый. Темные оттенки он связывал с меланхолией и грустью, а яркие – с весельем и радостью.

Начиная с XVII века, отношение к цвету начинает носить научный характер. Исследования И. Ньютона в области света заставило по новому

подойти к этой проблеме с позиций физики. В соответствие цвету ставятся как физические явления и процессы, так и физиологические ощущения, категории нравственности. Расширяется список цветовых ассоциаций (цвета делятся на "тяжелые", "легкие", "впечатляющие", "малозаметные" и т.д.).

В XX веке цвет используется в качестве символа для обозначения общественно-политических движений. Наиболее популярными становятся: белый, черный и красный цвета.

На протяжении человеческой истории содержание цветовых символов подвергается изменению трактовки и отношения к ним, но ядро символики цвета остается неизменным. Различные исследования указывают на способность цветов оказывать влияние на психофизическое состояние человека. Реакция человека на цвет зависит от физиологических особенностей глаз, от состояния нервной системы, окружающих предметов и жизненного опыта. Различные цвета способны воздействовать на различные участки головного мозга, в частности, на гипофиз, вырабатывающий гормоны, регулирующие обменные процессы организма, влияющие на сон, аппетит и эмоции человека.

Так, белый цвет символизирует легкость, чистоту, доброту. Черный цвет – с одной стороны признак элегантности и классического стиля, а с другой – может говорить о подавленности эмоционального состояния. Синяя цветовая гамма ассоциируется с безопасностью, уверенностью, властью. Многие сайты выбирают именно этот цвет. Зеленый является одним из самых простых цветов для восприятия человеческим глазом. Этот цвет, как правило, связывают с ростом, здоровьем. Многие компании-производители продуктов питания выбирают для своих сайтов именно этот цвет. Оранжевый – это цвет предупреждения об опасности, но, с другой стороны, он способствует бодрости и активности.

Цвета придают дополнительное значение информации. Это уникальное свойство используют в дизайне интерфейса сайта. Интерфейс представляет собой посредника, который связывает две взаимодействующие друг с другом стороны: пользователя и компьютер, основанные на представлении всех доступных пользователю системных объектов и функций в виде графических компонентов экрана (навигация, кнопки, формы и т.д.). При этом пользователю не обязательно знать устройство компьютера и то, как внутри него реализован процесс смены команд. Все, с чем сталкивается пользователь при работе – это интерфейс. Главная задача – получить необходимый результат.

Интерфейс – это одна из главных составляющих создаваемого продукта. Судьба проекта в большей степени зависит от того, насколько понятно и комфортно для пользователя будет создан интерфейс. В процессе проектирования интерфейса разработчик должен учитывать целый ряд важных моментов: сферу профессиональной деятельности пользователя, особенности его цветового восприятия с учетом социально-культурной и религиозной принадлежности.

Интерфейс для пользователя должен быть не только информативен и прост в использовании, но и что не менее важно, формировать определенное эмоциональное настроение у пользователя. Для этого нужно обратить особое внимание на физические характеристики выводимых на экран изображений, в частности, контрастность, цветовой фон, цветовой баланс, яркость, насыщенность и размер объектов. Особое внимание разработчик должен уделить психологическим особенностям зрительного восприятия, к которым можно отнести: факторы привлечения внимания, феномены цветового зрения, запоминания информации по цвету и т. д.

Главная задача в процессе создания такого интерфейса – это сгруппировать и упорядочить информацию таким образом, чтобы внимание пользователя было привлечено к наиболее важным единицам информации. Для этого необходимо максимально эффективно отобразить и структурировать информацию, отобразить только то, что является главным для пользователя, сведя к минимуму общую информацию.

Особенность усвоения информации зависит от экранной плотности (количество информации, отражаемой на экране). Меньшая экранная плотность позволяет сделать информацию более доступной. Одной из главных проблем, стоящих перед программистом во время проектирования, является подбор цвета для фона, на котором будет отображаться информация.

Благодаря хорошо подобранной цветовой гамме можно значительно улучшить интерфейс, сделать его более интересным для пользователя. При помощи правильно подобранного цвета можно выделить наиболее важные части страницы (блоки, навигационные элементы), показать назначение и цели сайта, а также создать атмосферу, которая вызовет интерес, создаст эмоциональный настрой и как результат – желание работать с данным продуктом.

Более 80% потребителей отмечают, что именно цвет является основной причиной выбора товара – от автомобилей до обуви. В сфере услуг этот фактор играет не менее важную роль. Узнаваемость бренда зависит от цветового оформления, которое вызывает доверие потребителя. Более половины покупателей не посетят сайт снова, если им не понравилось его оформление. Цвет, согласно исследованиям, способен притягивать внимание людей, менять предпочтения и оказывать влияние на поведение потребителя.

Согласно исследованиям И. Иттена (швейцарский художник, создатель теории цвета), все цвета делятся на две большие группы: хроматические и ахроматические. К хроматическим относят цвета солнечного спектра, к ахроматическим белый и черный, а также все расположенные между ними оттенки серого. При помощи цветового круга И. Иттена можно подбирать наиболее удачные сочетания цветов.

При разработке интерфейса необходимо руководствоваться некоторыми принципами:

1. Количество используемых цветов не должно быть больше четырех.

2. Для выделения менее активных элементов использовать бледные цвета.

3. С целью привлечения внимания необходимо использовать красный, желтый и белый цвета.

4. Для более эффективного разделения данных следует выбирать цвета из различных частей спектра, например, красный в сочетании с зеленым, синий с желтым.

5. Особое внимание стоит уделять соотношению цвета фона и текста.

Определенный эмоциональный настрой у пользователя, как правило, вызывают те цвета с которыми мы сталкиваемся в обычной жизни, цвета окружающих нас объектов. Именно эти цвета вызывают у человека определенный настрой.

Естественные цвета позволяют пользователю сосредоточиться на взаимодействии с системой. Самыми привычными для глаз цветами являются серые, голубые, желтые тона. Естественные цвета способны увлекать, создавая у пользователя приятные ощущения и желание вернуться вновь к этой системе. Естественные цвета, помимо других свойств, обладают уникальной способностью это способность вдохновлять. Как правило, эти цвета вызывают у нас ассоциации с природой, которая призвана вдохновлять человека.

Анализируя вышесказанное, можно сделать вывод, что цвет имеет сильное влияние на человека и использовать его стоит с осторожностью. Воздействие цвета происходит на подсознательном уровне. У пользователя возникают определенные эмоции, на основании которых складывается отношение к сайту или бренду.

Каматесов Александр Михайлович

руководитель отдельной дисциплины ОБЖ

и основ военно-морской подготовки

Кронштадтский морской кадетский военный корпус

РОЛЬ ВОЕННО-МОРСКОЙ ПОДГОТОВКИ КАДЕТ В КРОНШТАДСКОМ МОРСКОМ ВОЕННОМ КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ВЫБОРЕ УЧАЩИХСЯ

Проблема взаимодействия человека, общества и государства является одной из важнейших в настоящее время. От выбора человека жизненного пути, от его понимания своей роли, зависит как благополучие общества, так и существование государства.

Одним из сложных вопросов такого взаимодействия является исполнение государственной службы. Если в обществе существует отрицательное отношение к государственной службе, то такое общество, как правило, обречено на прозябание в современных условиях. Появившиеся в начале

Новейшего времени идеи об отмирании государства и его основных функций не выдержали проверку временем.

Мы видим, что дикий и свободный рынок постепенно уступает место регулируемому рынку, государство все более вмешивается во все виды отношений, существующих в обществе. В большинстве внешне благополучных и свободных стран под надуманным предлогом могут забрать ребенка из семьи. Современные технологии позволяют взять под контроль все стороны частной жизни. Нередкость, когда в квартиры добропорядочных граждан врываются блюстители порядка только потому, что соседям их жизнь или обстановка в доме показалась подозрительной.

Государство не может существовать без силовых институтов. Служба в них ответственна и опасна, но пользуется авторитетом в обществе. Однако по мере реализации петровских реформ стало понятно, что кадры для государственной службы, как военной, так и гражданской, надо готовить с раннего возраста. Так с 1732 года в России появились кадетские учебные заведения. Через сто лет основной задачей их стала подготовка кадров для военных учебных заведений. В связи с революционными событиями начала XX века кадетские корпуса были упразднены. Но произошедшие в стране изменения в конце XX века привели к их возрождению.

Как и в первый период своего существования современные кадетские корпуса ставят формирование у воспитанников гражданских качеств, однако не требуют поголовного зачисления на государственную службу. Выбор молодого человека в первую очередь определяется его гражданской идентичностью.

Исходя из определения идентичности российская (гражданская) идентичность рассматривается как тождественность личности статусу гражданина, как оценку своего гражданского состояния, способность и готовность выполнять сопряженные с наличием гражданства обязанности, пользоваться правами, принимать активное участие в жизни государства.

Российская идентичность кадета военно-морского корпуса, на мой взгляд, это:

- способность занять свое место в строю офицеров;
- подготовить себя к службе в рядах Военно-морского флота;
- правильно выбрать специальность;
- готовность с полной отдачей выполнить свой воинский долг.

Но этот процесс осуществляется не автоматически. Поступление юноши в кадетский корпус – это первый шаг к военной профессии. Учеба в кадетском корпусе может привести к разочарованию молодого человека в выбранном пути. И чтобы этого не произошло, необходима большая работа всего педагогического коллектива. И наряду с другими предметами особую роль в военно-профессиональной ориентации кадет имеет военно-морская подготовка.

Командованием Военно-Морского Флота России разработана Концепция непрерывной подготовки кадров для Военно-Морского Флота. Согласно этой

концепции обучение в корпусе является первым этапом подготовки офицера ВМФ. Важнейшим результатом всей нашей работы является осознанный выбор нашими выпускниками профессии военного моряка.

Самое серьезное внимание мы уделяем повышению роли военно-морской подготовки в формировании осознанной готовности наших воспитанников к поступлению в высшие военно-морские учебные заведения. И этот процесс идет на всем протяжении обучения в корпусе.

В нашем понимании, готовность к поступлению в высшие военно-морские учебные заведения – это комплексное состояние выпускника, определяющее его способность, возможность и желание к осознанному выбору профессии военно-морского офицера, поступлению после окончания корпуса в военно-морские учебные заведения.

Структура готовности выпускника, на наш взгляд, состоит из следующих элементов:

- психологическая готовность, включающая в себя профессионально-важные качества, мотивы, отношения, желания и другие психологические образования, необходимые выпускнику для поступления и в ходе обучения в военно-морском учебном заведении, способность пройти профессионально-психологический отбор при поступлении;

- интеллектуальная готовность, состоящая из способностей поступить в военно-морское учебное заведение по результатам ЕГЭ, а также с высокими результатами осваивать учебную программу вуза;

- моральная готовность – это способность понять и строго руководствоваться правилами поведения в воинском коллективе, требованиями уставов и приказов;

- социальная готовность – это способность выполнять социальные роли, необходимые для деятельности военнослужащего (дневальный, дежурный, командир отделения, старшина класса, старший в группе и др.);

- физическая готовность – это способность выполнить на необходимом уровне все нормативы по физической подготовке при поступлении, а также осознанное стремление к своему физическому совершенствованию;

- валеологическая готовность – это способность пройти медицинскую комиссию при поступлении, сформированная потребность к здоровому образу жизни;

- специальная (профессиональная) готовность – это результат овладения основами военных и военно-морских специальностей, необходимых для дальнейшего обучения в военно-морских учебных заведениях.

Военно-морская подготовка кадет организуется:

- в ходе урочной деятельности при изучении образовательной программы «Основы военно-морской подготовки» для 5-11 классов;
- внеурочной деятельности;
- занятий в системе дополнительного образования;
- в ходе шлюпочной и морской практики.

В ходе проведения урочной деятельности кадеты всех классов с пятого по одиннадцатый изучают учебную дисциплину «Основы военно-морской подготовки».

В старших классах кадеты изучают корабельный¹ и общевойсковые уставы², устройство и боевую организацию корабля, корабельное оружие и технические средства кораблевождения, международное морское право, познают основы навигации.

На практических занятиях в кабинете военно-морской подготовки, электронном тире кадеты осваивают основы огневой и медицинской подготовки, борьбу за живучесть корабля, получают прочные навыки строевой подготовки. В старших классах также изучается устройство и правила эксплуатации маломерных судов.

Для более качественной подготовки кадет к поступлению в военно-морские учебные заведения в этом году мы пошли на эксперимент по формированию классов профильной направленности.

Особенностью построения образовательной деятельности по формированию готовности кадет к поступлению в военно-морские учебные заведения является практическая направленность занятий в объединениях дополнительного образования. Причем программа основного и дополнительного образования по военно-морской подготовке согласованы таким образом, что после прохождения определенных тем на уроке, кадеты в дополнительном образовании отрабатывают эти темы на практике. При этом мы используем разнообразные формы практической деятельности.

Для закрепления теоретических навыков управления кораблем и маломерным судном с кадетами проводятся занятия на специальных тренажерах, которые нам предоставляют военно-морские учебные заведения. Занятия на таких тренажерах позволяют получить определенные навыки по морской профессии, научиться управлять судном в разных условиях.

Тренажеры насыщены разнообразными визуальными эффектами. Кадеты ощущают себя, как на боевом мостике реального корабля с заходом в определенные порты. Они могут с большой достоверностью имитировать маневры по расхождению с судами и боевыми кораблями, а также почувствовать штормовую погоду, качку, как в реальном морском походе.

В специально оборудованных классах обучаемые получают навыки штурманской прокладки курса, пользуются настоящими навигационными приборами. В настоящий момент реализуются и другие практические программы, такие как освоение навыков легководолазной подготовки.

При отработке практических навыков борьбы за живучесть корабля, кадеты участвуют в практических занятиях на реальном учебно-тренировочном комплексе, предназначенном для подготовки военных моряков. Они получают навыки борьбы с затоплением корабля, пожаром на борту. В этом им помогают опытные инструктора, обеспечивающие соблюдение всех необходимых требований безопасности.

Полученные в течение учебного года знания, навыки и умения военно-морской подготовки кадеты закрепляют и развивают в ходе учебных практик.

Катерная и корабельная практика проводится после окончания учебного года с кадетами 10-х классов на катерах и кораблях Балтийского флота. В ходе прохождения практики кадеты знакомятся с устройством корабля, боевой и повседневной организацией, несением корабельных нарядов и вахты, корабельными расписаниями, отрабатывают действия по тревогам. Во время практики кадеты закрепляют навыки по основам кораблевождения, ведения навигационной прокладки, выполнения маневров.

Воспитанники 10-х классов принимают участие в дальних морских походах на учебных кораблях ВМФ. В 2016 году группа кадет на учебном корабле «Смольный» совершила переход из Севастополя в Кронштадт, в 2017 году из Севастополя в Черное море сроком на 20 суток. В 2017-18 учебном году прошел дальний штурманский поход с участием всей роты десятиклассников.

В период участия в дальних штурманских походах на учебных кораблях «Смольный» или «Перекоп» кадеты, помимо ознакомления с устройством корабля, получают практику несения дежурно-вахтенной службы на корабле с исполнением обязанностей дублеров младших специалистов.

В ходе экскурсий на боевые и учебные корабли, базирующиеся в Кронштадте и других военно-морских базах, у кадет формируется уважение к флагу корабля, флотским профессиям, морским традициям, чувство гордости за отечественное кораблестроение, за успехи в боевой подготовке экипажа, романтика флотской службы и дальних океанских походов.

Результатом действенности созданной в кадетском корпусе системы работы по повышению роли военно-морской подготовки в формировании российской идентичности является динамика поступления воспитанников корпуса в военно-морские институты, которая постоянно растет.

¹ Корабельный устав Военно-Морского Флота. М.: Воениздат – 512 с.

² Общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации. М.: Воениздат – 608 с.

Канышева Ольга Альбертовна

кандидат философских наук, доцент

Российский государственный гидрометеорологический университет

СОВРЕМЕННАЯ ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В НАУКЕ

Социальные проблемы современности всех волнуют без исключения, т.к. происходит столкновение интересов каждого человека. Нас волнуют этнические, гендерные, социальные, политические, экономические и многие другие вопросы. Соприкосновение разными сторонами социального бытия

вынуждает нас реагировать в контексте совместного существования. Борьба интересов протекает в разных формах выражения. Можно об этом писать толерантно, как того требует стиль научной публикации, а можно создать абсурдный вариант агонального письма. Но проблема заключается в том, какой из вариантов окажется действенным. Ведь мы не только должны обозначить проблему, но и решить ее. Обычно все публикации проходят на средневековом уровне: проблема обозначается и значит решается символически.

Нужна такая организация, которая бы изучала все публикации и делала соответствующие выводы в форме статистики по наиболее актуальным вопросам. Сегодня мы пишем свои статьи, зачастую проплачивая собственную публикацию и обнаруживаем ненужность такой трудоемкой работы. Выходит, что мы пишем просто для того, чтобы писать, другого предназначения такой работы не обозначено. Апология письма. Ведь писать нужно так, чтобы не испортить приятность чтения читателю, который должен все это уже знать и без нас.

Этикет письма диктует нам правило, согласно которому ты оскорбишь человека, если напишешь такое, что он не сможет прочитать. Это одна из основных задач толерантного письма: писать узнаваемо. Даже самый дремучий читатель должен чувствовать себя героем, или наилюбимейшим собеседником автора. Зачастую читателем в науке становится сам автор, который читает свой текст в изложении ученика. Если профессор узнает себя в тексте, он сможет оценить эту работу по достоинству. Ему важно это прочесть снова и снова, т.к. это было написано им. Узнавание – переживание дает возможность стать актуальным, признанным, услышанным.

Другая сторона этикета предполагает включение в соавторство людей, которые даже не знали о существовании такой работы и могут обнаружить неожиданно для себя свою фамилию среди соавторов. Покровительство работ предполагает соучастие в ее издании и славу покровителю и автору одновременно.

Этикет письма предполагает еще одну особенность. Студент пишет на те темы, которые интересуют научного руководителя. Конечно, студент не имеет пока своего мнения и плохо ориентируется в научной литературе. В таком случае лучше воспользоваться советом профессионала.

Научный этикет предполагает в рамках требования индекса Хирша встречное цитирование. Особенно это практикуется среди коллег. Можно даже более откровенно договориться, кто и кого будет цитировать. В любом случае, ссылка на влиятельное лицо не помешает: неизвестно, будет ли от этого лучше, но точно – хуже не будет. Взаимопомощь и поддержка в научной среде – распространенное явление. Даже на защитах диссертаций голосование проходит компаниями: голоса отдаются «за» или «против» уже по заранее намеченному плану. Этикет не позволяет обидеть своих коллег и выйти из коллектива со своим голосом.

Это можно тоже назвать толерантностью коллег, сотрудников, единомышленников. Научный этос предполагает по Р. Мертону коллективизм как черту, согласно которой научные открытия принадлежат всему научному сообществу в целом. Как если бы все ученые принимали участие в научном открытии.

Наука как тип мировоззрения сегодня стала нормой человеческого существования. Сциентистски ориентированное общество распространило научную толерантность на все уровни жизни. Объективация событий через констатацию факта как непреложного закона делает мир прозрачным и холодным. Факт требуется принять, признать, понять и отойти от него. Гибель людей от взрыва в Магнитогорске с точки зрения науки является разрушением части дома в результате взрыва газа. И все. Все остальное дело техники: разбор завала, похороны погибших, выдача денежной помощи и т.д. Оборвались человеческие жизни, и обрываются. Люди уходят из жизни не по своей воле, в расцвете сил и все, что ими было сделано, сметено моментально, просто растоптано и уничтожено. Жизнь оборвалась и все стало бессмысленным.

Человек для науки — это машина, материал, сырье, биосубстрат, но не душа. Конечно, психологи могут возразить и сказать, что предметом их науки является изучение души. Существует множество теорий, но все они являются своеобразной манипуляцией с психикой человека. Невозможно мир души объективировать, это значит сделать душу онемевшей в какой-то момент времени. Описать этот фрагмент немоты – значит создать очередную теорию. В рамках научного мировоззрения душа человека остается неразрешимой проблемой.

Можно сделать вывод, что человек есть больше, чем наука. Вернее, он переживает себя в науке в задаваемых ею формах осмысления действительности. Дух человека перерастает самого себя и наблюдает новые формы мировосприятия. Ценность жизни велика, чтобы игнорировать ее иные формы самовыражения. Техногенность цивилизации создает мир искусственный, замеревший, остывший. Понятно, что «мертвое» более доступно человеку, чем «живое». Человек окружил себя «мертвыми» вещами, создал мир комфорта. «Если, например, перед нами цветок, то рассудок замечает его отдельные разрозненные качества; химия разрывает цветок и анализирует его. Мы различаем, таким образом, цвет, форму листьев, лимонную кислоту, эфирное масло, углерод и т.д., а затем мы говорим, что цветок состоит из всех этих частей»¹.

Толерантность к «мертвому» сложно определить, т.к. здесь речь идет об отсутствии сопротивления. Лучше сказать, что это равнодушие, т.к. отсутствует духовная связь.

Смена рассудочной рефлексии разумной должна стать мировоззренческой революцией. Она произошла в сознании Гегеля Г.В.Ф. еще в 19 веке, но не в мире. Иррациональная философия ушла в стихию жизни, пытаясь противопоставить иррациональное рациональному, но утратила

метафизику. Онаучивание человека привело к рассмотрению его с точки зрения химии, физики, биологии, анатомии, психологии, механики... комплексом естественных наук. Это позитивное рассмотрение человека создает фактологический материал о человеке.

Дух остается загадкой для науки. «Природа есть отчужденный от себя дух, который в ней лишь резвится; он в ней вакхический бог, не обуздывающий самого себя; в природе единство понятия прячется»². Природа есть инобытие духа, в то время как человек есть результат снятия этого инобытия. Человек несмотря на развитие науки остается верующим существом, т.е. человек живет удвоенной жизнью: внешней и внутренней. Не совпадает внешнее и внутреннее осмысление мира: внутренний мир - только для одного, а внешний мир – для всех. Человек видит себя изнутри иначе, чем снаружи, глядясь в зеркало. Душа внепространственна, в отличие от тела.

Современная проблема мировоззрения состоит в том, что человек не видит удвоенности бытия, переживает это как конфликт, на бессознательном уровне испытывает страх из-за отчуждения от реального мира. Задача заключается в объединении внешнего и внутреннего, но оно не может произойти насильственным образом, это единство должно родиться в душе человека. «Непосредственное люди часто считают более превосходным, при мысли об опосредствованном мы представляем себе зависимое. Но понятие обладает обеими сторонами; оно есть опосредствование через снятие опосредствования, и, таким образом, оно является непосредственностью»³.

Опосредованная непосредственность есть цель развития духа, снятие отчуждения, осмысление конфликта рассудка и разума. «Жизнь есть понятие, дошедшее до своего выявления, понятие, ставшее ясным, истолкованное понятие. Но рассудку вместе с тем труднее всего постичь жизнь, потому что он легче всего понимает абстрактное, мертвое, так как оно – наиболее простое»⁴. Наука написана на языке рассудка, поэтому все, что попадает в ее поле видения, обретает упрощенные формы восприятия мира, адаптированные под рассудок.

Наука есть смешение эмпирического знания с рассудком, но есть нечто, что объединяет и то, и другое, это наличие разных форм все того же *мышления*. Мы в любом случае подвергаем мир абстрагированию, превращаем единичные вещи во всеобщие. Мы присваиваем мир через понятия о мире, но по ту сторону мышления существуют единичные вещи, мы же имеем дело с понятиями. «Если же мы разрешим себе перескочить пропасть, отделяющую нас от объектов, - а мы действительно поддаемся этому искушению, - то в результате окажется, что мы мыслим эту природу: мы превращаем ее, являющуюся чем-то другим, чем мы, в нечто иное, чем она»⁵. Проблема единства природы и человека есть божественная проблема единства, где «бог есть то, в чем дух и природа пребывают в единстве, в чем интеллект обладает одновременно бытием и образом»⁶.

Непосредственность восприятия, в котором соединены мышление и созерцание, является свойством любви. Христианская мысль, что бог есть любовь, символизирует принцип познания мира. Научная толерантность есть суррогат любви. Желание достичь единства с собой в познании, снять отчуждение и преодолеть разрыв между природой и человеком, который сегодня звучит как «экологический кризис», есть признак кризиса научного мышления, которое все больше подкрепляется мифом, религией, философией, искусством. «Ибо метафизика есть не что иное, как совокупность всеобщих определений мышления, как бы та алмазная сеть, в которую мы вводим любой материал и только этим делаем его понятным»⁷. Наука ушла от чувственного явления, и тем самым ушла и от истины.

Рассудок нетерпим к чувственному знанию, т.к. природа его ему не ясна, а значит не доступна реальность. Проблема толерантности в науке заключается в терпимом отношении к чувственному, которое лишено раздвоенности и представляет собой единство мышления и созерцания. «Бог нам открывается двояким образом: как природа и как дух. Оба этих лика суть его храмы, которые он наполняет и в которых он присутствует... Таким образом, только бог есть истина, только бог есть бессмертное живое, как говорил Платон, душа и тело которого слиты в природе воедино»⁸. Наука рассматривает лишь один аспект бытия по причине ограниченности научной формы мышления.

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия природы // Энциклопедия философских наук. Т. 2. М., 1975. 695 с. С. 21-22.

² Там же. С. 26.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Там же. С. 15.

⁶ Там же. С. 17.

⁷ Там же. С. 21.

⁸ Там же. С. 24.

Кириллов Дмитрий Владимирович

кандидат педагогических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ПРИМЕНЕНИЕ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ШКОЛЕ И ВУЗЕ: ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Как известно, повышение эффективности преподавания социально-гуманитарных дисциплин в школе и в вузе будет наиболее эффективным при использовании разнообразных методов и технологий обучения. В этом смысле,

учитывая специфику предметов социально-гуманитарной направленности, интенсивное использование игровых технологий на занятиях с обучающимися позволит наиболее полно раскрыть потенциал тех или иных качеств личности.

Вследствие этого, формирование и дальнейшее становление гражданской позиции личности учащегося, как личностного новообразования, в рамках преподавания дисциплин социально-гуманитарного цикла, нужно понимать, как поэтапную смену строго определенных социально-значимых педагогических ситуаций, которые имеют своей целью приблизить обучающегося (субъекта) к объекту ценностного отношения. Данный процесс может происходить посредством взаимодействия учащегося с группой сверстников (классом, аудиторией, академической группой и педагогом), в конечном итоге данная активность порождает некий внутренний диалог субъекта, который может достигаться с помощью игровой деятельности обучающихся в условных рамках образовательной среды.

Ситуации социально-нравственной оценки направляют интерес обучающегося на понимание смысла нравственной константы долга и ответственности перед другими (обществом), раскрывающим функционально-содержательную сторону патриотизма, гражданственности; расширению личностного опыта обучающегося.

Главными целевыми установками-задачами представленной ситуации будут выступать:

- экспликация интереса субъект-субъектных отношений, мотивов самопознания, передача учащимся знаний о правах человека как признания его значимости со стороны государства и общества;
- изучение и анализ взаимосвязи прав человека и ответственности;
- усвоение обучающимися опыта формальной стороны социально-значимого поведения (гражданственности, гражданской позиции),
- развитие умений и способностей находить проявления гражданской позиции личности в своей жизнедеятельности;
- базисными средствами формирования ситуаций социально-нормативной оценки будут являться ситуативные игры.

Данные ситуации предполагают возникновение эмоционально-оценочного личностного опыта, делая упор на осознание идей гражданского долга и ответственности личности.

Системообразующими задачами-принципами данной ситуаций выступают:

- осознание учащимися смысла таких дефиниций, как гражданское общество и правовое государство, в русле мотивации самопознания личности;
- формирование умений осмысливать собственное социально-значимое поведение;
- дидактическими средствами создания искомых ситуаций являются сюжетно-ролевые игры.

Формированию субъективированных мотивов самореализации на базе социально-гуманитарных знаний, умений нахождения и проявления значения ценности гражданского общества и правового государства иницируют ситуации личностно-значимого выбора. Целями вышеописанных ситуаций являются:

- становление мотивов самореализации личности обучающегося (студента) в рамках знаний о проявлениях ценностного отношения к гражданскому обществу и правовому государству;
- повышение эффективности умений и навыков в сфере социально-практической деятельности субъекта, отражающего проявления ценностного отношения к гражданскому обществу и правовому государству;
- стимулирование мотивов социально-направленной деятельности, приобщение учащихся к интересам и потребностям «другого», или общества в целом;
- ключевыми средствами организации ситуаций личностного выбора выступают деловые игры.

Структурно-функциональная модель формирования педагогических ситуаций с использованием игровых технологий имеет достаточно сложноорганизованную структуру:

- преамбула, в ее контексте происходит сама постановка проблемы (это может быть проблемная задача, разнообразные суждения, нравственно-смысловая коллизия);
- процесс диалогического общения по выявленной проблеме в логике развивающегося взаимодействия (могут быть использованы игровые методики, экспериментальные тесты, тексты);
- кульминационное сопряжение различных позиций, суждений (при всем этом рассуждение, беспристрастно выводящее на нерешенные «нескончаемые» трудности бытия, не завершается во время занятия, а остается проблемой для личного размышления, переживаний);
- личностно-нравственный выбор как внутренняя диалог, спор обучающегося с собой, как самоопределение, как самооценка;
- финальный этап, который оставляет обучающихся проблема, «один на один» с размышлениями по представленной дилемме.

Профессор И.М.Сыроежкин, так выразил роль игры в процессе обучения: «...игра — это модель реального процесса, приводимая в движение решениями, принимаемыми ее участниками». «В игре совершаются лишь те действия, цели которых значимы для индивида по их собственному внутреннему содержанию»¹.

Несомненно, что сегодня среди педагогов, методистов можно найти огромное количество определений, отражающих сложность и неоднозначность трактовки рассматриваемого феномена игры. Ученые Анисимов О.С., Мамигонов В.Т. определяют игру, как некий вид человеческой деятельности, которой свойственно моделировать и порождать совершенно разные формы социального взаимодействия – жизнедеятельности. Профессор Кавтарадзе Д.Н.

убежден, что «игры – это способ группового диалогического исследования возможной действительности в контексте личностных интересов»². Вместе с тем, методологическим основанием-ориентиром выступают исследования Г.К. Селевко, которые предлагают рассматривать игру как форму знаково-контекстного обучения³.

Искомые игры имеют следующую видовую классификацию:

- игры с ситуативной направленностью, когда используется некая ситуация из социально-личностного опыта, а чтобы ее разрешить следует применить теоретические знания гуманитарного предмета;
- сюжетно-ролевые игры – они, прежде всего, направлены на выполнение заранее обговоренных установок ролей и связанных с ней определенных видов деятельности участником или группой;
- деловые (имитационные), когда предлагается конкретная проблема, имеется «дело», общий предмет деятельности, который образует основу для общения.

Дидактической наполняемостью любой игры в условиях преподавания дисциплин социально-гуманитарного цикла может быть:

- собственно сами игровые приемы;
- действия учебно-познавательной направленности (решение задач, поиск ответов на вопросы и т. д.);
- коммуникация (диалог, дискуссии, обсуждение вопросов и т.д.);
- трудовые, полезные действия (изучение материала и т. д.)⁴.

Благодаря использованию воображаемых ситуаций, игры имеют свойство проецировать учебно-познавательную деятельность учащегося на реальную социальную, наиболее эффективно подводят к пониманию личностью целей обучения и воспитания.

Игра, позволяет обнаружить возможности познавательной активности личности учащегося, мобилизует его интеллектуальные внутренние резервы, облегчает исполнение учебно-познавательных целей. Игровая активность, предопределяет обстоятельства для возникновения и развития познавательных мотивов, невзирая на то, что в игре поддерживается высокая эмоционально-интеллектуальная напряжённость, играющий свободен, игра снимает некие пределы свободы (предоставляет свободу действия), например материальную и моральную ответственность, каждый ученик получает объективную возможность экспериментировать со своим поведением, исследовать альтернативные возможности решения учебно-познавательных проблем.

Суть его в том, что «педагог не бесосновательно создает условия для того, чтобы учащийся сам заметил «дефект», сам вырастил потребность в своем изменении, сам желал бы его, искал пути к новому состоянию, сам бы строил траекторию своего изменения». Согласно точке зрения профессора О.С. Анисимова, в игре реализуется принцип «выращивания новых способностей», включая способность к саморазвитию⁵.

Игра становится наиболее полезной, когда формируется модель, основанная на обыденных, фактических эпизодах жизнедеятельности, причем

она может содержать и проблемы формирования гражданского общества, правового государства.

Образовательный опыт применения игровых технологий в рамках социально-значимых педагогических ситуаций predetermined критерии эффективности их применения:

- актуальность исследуемой задачи, определение целей и задач;
- реальность при выборе игровой ситуации;
- задействованность в игровой ситуации всего учебного коллектива.

¹ Мамигонов В.Т., Мамигонова Т.А. Педагогические игры: содержание и возможности //Советская педагогика. 1981. №2. - С. 96-104.

² Кавтарадзе Д.Н. Обучение и игра. Введение в активные методы обучения / Д.Н. Кавтарадзе. – М., 1998. – с. 22.

³ Селевко, Г.К. Современные образовательные технологии: учеб. пособие / Г.К. Селевко. – М.: Народное образование, 1998. – 256 с.

⁴ Газман О.С. О понятии детской игры // Игра в педагогическом процессе. - Новосибирск, 1989. - С. 3-10.

⁵ Анисимов О.С. Развивающие игры и игротехника. Новгород, 1989. – с. 53.

Ковалева Галина Викторовна

кандидат технических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СФЕРЕ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Основной закон нашей страны определяет Российскую Федерацию как социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Важнейшей задачей социального государства является обеспечение баланса интересов всех слоев общества посредством реализации принципов социальной справедливости, социальной защищенности и социального партнерства. В социальном государстве обеспечивается высокий уровень социальной защищенности всех граждан страны путем активной деятельности государства по регулированию социально-экономической и других сфер жизни населения.

Условия развития России как социального государства связаны с совершенствованием механизмов реализации социальной политики, которая выражается в деятельности государства по обеспечению социальных гарантий граждан, в том числе в сфере социального обеспечения, поддержки семьи, материнства, детства, инвалидов и пожилых граждан, пенсионного обеспечения, развития системы социальных служб.

Социальная политика является одним из приоритетных направлений

внутренней политики государства, целью которой является воспроизводство населения, гармонизация общественных отношений, политическая стабильность и гражданское согласие. Основные направления социальной политики Российской Федерации закреплены в статье 7 Конституции РФ [1].

Одним из существенных элементов социальной политики является пенсионное обеспечение. В статье 39 Конституции РФ закреплено право граждан на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом. Отдельным категориям граждан гарантированы государственные пенсии и социальные пособия.

Согласно действующему пенсионному законодательству РФ граждане имеют право на получение страховой пенсии по старости, страховой пенсии по инвалидности, страховой пенсии по случаю потери кормильца или пенсии по государственному пенсионному обеспечению.

Однако современное пенсионное законодательство не обеспечивает тот уровень жизни гражданам, который они имели в период трудовой деятельности, поэтому вопрос реформирования пенсионного законодательства по-прежнему остается актуальным.

Потребность в реформировании пенсионного законодательства обусловлена следующими основными причинами:

- повышением продолжительности жизни граждан;
- сокращением численности занятого экономически активного населения;
- финансово-экономическим положением страны, в том числе: низкими доходами населения и нехваткой средств в Пенсионном Фонде РФ [2].

Предложение правительства РФ повысить пенсионный возраст в России вызвало широкий общественный резонанс и резкую критику оппозиционных партий. Парламентско-общественные слушания выявили положительные и отрицательные стороны пенсионной реформы.

К основным плюсам реформы относятся:

- восстановление баланса между численностью работающих и пенсионеров;
- сохранение на своих рабочих местах квалифицированных кадров;
- снижение расходования бюджетных средств; повышение пенсий пенсионеров.

С другой стороны, негативными последствиями реформы являются:

- усиление социального протеста населения;
- увеличение безработицы среди граждан предпенсионного возраста,
- возрастание числа безработной молодежи.

С целью смягчения негативных последствий пенсионной реформы были предложены различные инициативы, в том числе: увеличение пособия по безработице для граждан предпенсионного возраста, а также возложение обязанности на работодателя оплачивать диспансеризацию этой категории

работников; усиление юридической ответственности работодателей, увольняющих сотрудников за два года до выхода на пенсию.

Во исполнение Указа Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» с 2019 года стартовала пенсионная реформа, запланированная на долгосрочную перспективу [3].

Общей целью реформы является балансирование пенсионной системы и повышение уровня доходов пенсионеров, в том числе:

- снижение уровня бедности в 2 раза;
- обеспечение роста пенсионного обеспечения в соответствии с темпом выше уровня инфляции;
- разработка и внедрение программы поддержки и повышения качества жизни россиян старшего поколения.

Пенсионная реформа существенно изменяет условия выхода на пенсию, что связано с началом повышения пенсионного возраста, а также изменения порядка индексации пенсий неработающим пенсионерам. Пенсионный возраст повышается для мужчин до 65 лет, для женщин до 60 лет, при этом предусматривается поэтапное повышение пенсионного возраста с ежегодным увеличением возраста выхода на пенсию на 12 месяцев. Поэтапное повышение пенсионного возраста позволит существенно снизить неблагоприятные для населения последствия.

Пенсионная реформа предусматривает также повышение на пять лет возраста, достижение которого дает право на оформление социальной пенсии по старости. Право на социальную пенсию теперь имеют постоянно проживающие в РФ граждане РФ, достигшие возраста 70 и 65 лет (соответственно мужчины и женщины). Новый норматив возраста выхода на пенсию будет повышаться постепенно в течение 5 лет.

В переходный период для населения предусмотрены существенные гарантии и льготы, в частности:

- уточняется понятие предпенсионного возраста, который определяется как период в течение 5 лет до наступления возраста, дающего право на страховую пенсию по старости;
- предусматривается льготный порядок назначения пенсий (при соблюдении установленных условий) для многодетных женщин;
- устанавливается, что лицам, имеющим страховой стаж не менее 42 и 37 лет (соответственно мужчины и женщины), страховая пенсия по старости может назначаться на 24 месяца ранее достижения определенного возраста, но не ранее 60 и 55 лет соответственно).

Также внесены поправки в порядок назначения пенсий и порядок индексации ее размеров [4]. Уже с 1 января 2019 года страховые пенсии увеличатся в среднем на 1000 рублей, однако, эти положения не затронут работающих пенсионеров.

Начиная с 1 января 2019 года и далее ежегодно с 1 января

соответствующего года минимальный размер оплаты труда (МРОТ) будет устанавливаться федеральным законом в размере величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по РФ за второй квартал предыдущего года.

Таким образом, пенсионное законодательство постоянно совершенствуется, стремясь к созданию многоуровневой пенсионной системы, позволяющей обеспечить гражданам возможность получения достойной пенсии после окончания трудовой деятельности. Серьезные преобразования, происходящие в сфере пенсионного обеспечения, требуют взвешенной социальной политики государства, а также принятия законов, учитывающих нужды и потребности человека, направленных на создание условий, способствующих повышению качества и уровня жизни граждан. Создание эффективных механизмов реализации социальной политики позволят осуществить конституционный принцип социального государства.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Роль социальной работы в модернизации российского общества: монография // под ред. Г. В. Ковалевой. – СПб.: ФГБОУВПО «СПГУТД», 2011. – С. 38-51.
3. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 20. – Ст. 2817.
4. ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 № 350-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 41. – Ст. 6190.

Коженова Любовь Валентиновна

кандидат философских наук, старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ОСНОВЫ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СЕМИОТИКИ Ю.М. ЛОТМАНА

Развитие информационного общества трансформирует социальный контекст образовательного пространства, усиливает диссипацию образовательной структуры, обосновывает актуальность культурологического и философского анализа основ коммуникативного действия.

Обращение к наследию известного российского культуролога Ю.М. Лотмана для рассмотрения коммуникативного акта как элемента межкультурного взаимодействия вызвано тем, что исследователь формулирует положения своей концепции в противоположность классической традиции, где

понятие «человек» играет роль абстрактной единицы, а субъекты коммуникации обладают полностью идентичной «кодовой природой». Различия между людьми в этих системах относятся к сфере вариативного, значит – несущественного. Такой взгляд, по мысли Ю. М. Лотмана, восходит к античности и особенно четко был сформулирован социологами XVIII века. Современный мир критикует данную точку зрения, но она «как молчаливая презумпция устойчиво доминирует» в практиках коммуникативных действий и по сей день¹.

Природу любой культуры, по мнению Ю. М. Лотмана, невозможно осмыслить без глубокого понимания культурной ценности различия между людьми, без понимания того, что каждая «единица культуры» не только способна вступать в коммуникацию и хранить информацию, но, как «культурная индивидуальность» – вырабатывать новую в процессе взаимодействия. Потенциал для организации культурной коммуникации Ю.М. Лотман видит в следующем: «...Недостаточность информации, находящейся в распоряжении мыслящей индивидуальности, делает для нее необходимым обращение к другой такой же единице. Если бы мы могли представить себе существо, действующее в условиях полной информации, то естественно было бы предположить, что оно не нуждается в себе подобном для принятия решений»². Он поясняет, что абсолютно совпадающим системам присуще полное понимание между субъектами взаимодействия и отсутствие каких-либо сомнений. Коммуникацию между идентичными культурными единицами можно охарактеризовать как всезнание, но всезнание, ограниченное в пределах «заданного алфавита», всезнание статическое. И только, когда представленная структура допускает «пустые клетки» для возможных еще неизвестных состояний, реагирующий механизм системы приобретает черты сознания, способность функционировать и саморазвиваться³. Заметим, что это положение концепции напрямую соотносится с образовательными задачами.

Любая семиотическая структура является как минимум бинарной, подчеркивает Ю. М. Лотман: «...На всех уровнях мыслящего механизма – от двуполушарной структуры человеческого мозга до культуры на любом из ее уровней организации – мы можем обнаружить биполярность как минимальную структуру семиотической организации»⁴. Подобную мысль развивает советский и российский социолог Ж. Т. Тощенко. Он полагает, что в результате признания существования различных позиций в современной действительности, достигается более полная и всесторонняя характеристика изучаемого социального или культурного процесса, явления, образа, личности. Такой подход, полагает Ж. Т. Тощенко, позволяет более полно, системно и всесторонне представить то или иное явление, не только через характеристики составляющих его элементов, но как обладающее и другими, несоизмеримо более объемными и более содержательными характеристиками⁵. Постмодернистская философия, сопровождающая современный этап парадигмальных трансформаций утверждает, как вероятность одновременного

существования бесконечного множества каналов коммуникации в их спектральной игре от гармонии до деструкции, так и безусловную полифонию культур. Таким образом, полисемичность современного мира все более остро ставит задачу понимания: обретения возможности уяснить получаемую информацию и «быть услышанным» в процессе информационной передачи.

Проблема «перевода» выступает исходным положением сознательного коммуникативного действия для мыслящих структур. Она становится наиболее значительным аспектом коммуникации, условием установления и осуществления диалога в современном мире, где мышление «открыто», не ограничено доминирующей идеей, но следует ризомному принципу многовариативного развития, где всё дополняет и обуславливает друг друга. В данной связи, современный социолог А. М. Лопухов подчеркивает, что непременным условием коммуникации, становится преодоление узости, догматичности, фрагментарности традиционного мышления, находящегося во власти логического императива «или — или»⁶. «Своя культура» не должна рассматриваться как единственная, которой противостоит «не-культура» других сообществ. Переживание структуры мира, допускающего неоднозначность, по мысли Ю. М. Лотмана, строится как постоянная система внутренних переводов и перемещения смыслов в проблемном поле между различными полюсами. В реализации современных практик коммуникации крайне важно осознавать, что для успешного функционирования мультикультурной системы языки должны быть «взаимопереводимы».

Выделяются два вида интеграционных механизмов:

во-первых: метаязык выступает обязательным элементом «интеллектуального целого», он представляет коммуникативный комплекс как единство, рассматриваемое в более широком контексте. Например, партнерство «западной» и «восточной» цивилизации возможно, только при включенности их в единое целое под названием «мировая культура»⁷.

во-вторых: в процессе взаимодействия происходит креолизация языков, поскольку принципы одного из них оказывают глубокое воздействие на другой, несмотря на различную «природу грамматик»⁸.

Индивидуальные различия и наслаивающиеся на них культурно-психологические групповые различия в контексте семиотики Ю. М. Лотмана составляют не вариативный комплекс, а основу коммуникативных действий человека, в котором антагонистические права и интересы противостоят друг другу не иначе, как дополняя друг друга. Таким образом, особенности, противоречия, самобытность, непохожесть традиций и взглядов, мнений и проектов выступают не препятствием, но необходимым базисом сознательной коммуникации в мультикультурном пространстве и пространстве современного образования.

¹ Лотман Ю.М. Феномен культуры – Семиосфера. – СПб.: Искусство СПб, 2000. – 704с.; С. 570.

² Там же. С. 276.

³ Там же. С. 578.

⁴ Там же. С. 570.

⁵ Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема как особый случай парадоксальности общественного сознания // Вопросы философии, 2002. №6. – 29-38с.; С. 36.

⁶ Лопухов А.М. Словарь терминов и понятий по обществознанию 7-е изд. переб. и доп. / Серия: Социология. Обществознание. – М.: «Арис-Пресс», 2017. – 512с., С. 155-156.

⁷ Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3-х томах. Том1. Статьи по семиотике и культурологии. Таллин: Александра, 1992. – 472 с.

⁸ Лотман Ю.М. Феномен культуры – Семиосфера. – СПб.: Искусство СПб, 2000. – 704с.; С. 574.

Корнеева Галина Андреевна

кандидат исторических наук, доцент

Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СИБИРИ В СОЦИОПОЛИТИЧЕСКОМ И МЕНТАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 – 1907 ГГ.

В условиях смены поколений политической ссылки 90-х гг. XIX в. накануне первой русской революции в Сибири деятельность различных неформальных общественных организаций стала индикатором быстрой динамики перекодировки сознания, широкого диапазона и связанности мировоззренческих взглядов с поведенческим стереотипом, прежде всего демократической интеллигенции. В контексте общих причин погромов октября 1905 г., консолидации сил и оформления правомонархического (черносотенного) движения это объясняет реакцию «старых» слоев городского социума на конституционализм левых либералов и радикализм революционеров. Вместе с тем, нарастание оппозиционности интеллигенции органы местной администрации и полиции фиксировали уже с 1901 г., а Иркутская судебная палата перелом в увеличении количества «дознаний о преступных государственных деяниях» в Восточной Сибири определяла 1902 г.¹ Одновременно полицейские и жандармские отделения в отчетах о политических настроениях на местах не отмечали каких-либо подвижек в «перекодировки» сознания слоев традиционного социума. Первая русская революция в конечном итоге была результатом комплекса противоречий в обществе социокультурного раскола, усиленных неорганичной, непоследовательной и незавершенной модернизацией империи. В контексте глубинных социоментальных причин первой русской революции рассмотреть проявление противостояния носителей «двух культур» в административных границах Сибири начала XX в. и заключается задача статьи.

Накануне революции центрами концентрации демократической интеллигенции были различные неформальные общественные организации

(общества), редакции газет, деятельность которых губернское жандармское управление Министерства внутренних дел (ГЖУ МВД) характеризовало главным образом в формате «разрушительной» общественно – политической деятельности.

Томское управление в донесениях в Департамент полиции МВД (ДП МВД) за 1901-1904 гг. отмечало неблагонадежный состав и подчеркивало независимый и «тенденциозный» характер деятельности томского общества начального попечения², нарастание радикализма в коллективе общества книгопечатников (большинство членов составили ядро эсеровской организации в Томске), с 1902 г. «главной... целью» которого стало привлечение «как можно большего числа» интеллигенции и развитие «революционной деятельности». Особенно управление акцентировало внимание на том, что члены общества ведут пропаганду и агитацию среди рабочих (обычная повестка – увеличение заработной платы, сокращение рабочего дня, обсуждение действий хозяев), объясняют значение стачек и забастовок, организуют сходки, обещают материальную помощь и юридическую защиту в случае привлечения к суду, отмечалось, что первым результатом подобной деятельности стали забастовки рабочих типографии Орловой и П. И. Макушина в 1902 г.³. В письме к А. Н. Куломзину от 8 мая 1902 г. попечитель учебного округа в Томске Л. Лаврентьев сообщал, что благодаря «красному» Совету, общество попечения о народном образовании «забрало в руки местную печать», «играет в думе большую роль», «собирается открыть книжную торговлю, издавать журнал». Добиваясь закрытия, о тенденциозной направленности просветительской деятельности общества (напечатана статья Г. Успенского, в которой дискредитируется духовенство) попечитель поставил в известность и обер-прокурора Синода В. К. Саблера⁴. «Неблагонадежного» помощника енисейской врачебной инспекции областника – либерала В. М. Крутовского Енисейское ГЖУ относило к членам революционной партии⁵, Томское ГЖУ – профессора университета М. Н. Соболева – к «партии томских либералов»⁶. О «настроениях» в среде коллектива преподавателей Томского университета свидетельствовало увольнение профессора государственного права М. А. Рейснера, как сообщал журнал «Освобождение», за лекции, «отвлекающие студентов от научной работы» и «побуждающие к неуважению и враждебности к существующему строю в России»⁷. Проявлением консолидации сил сибирских либералов стали комитеты Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Автор письма (подпись «Май») от 23 декабря 1902 г. к В. Гробер в Берн писал, что в Красноярске «все сословия поднялись», «либералы заняты комитетами по сельскохозяйственной промышленности», «все требуют земства»⁸.

Помимо ГЖУ по различным каналам подавалась панорама «противоправительственных» настроений в обществе. В отчете Степного генерал-губернатора Н. Н. Сухотина Министерству земельных и государственных имуществ (МЗиГИ) за 1901–1902 г. города края

расценивались местами сосредоточения «злонамеренных людей»: «здесь образовались ... модные кружки,.. они до последнего времени, например, в городе Омске владеют местной печатью, а в городе Усть-Каменогорске провели своих членов в городское управление», подобная деятельность «замечена так же в некоторых правительственных учреждениях, как, например, статистической партии и географическом обществе»⁹. Командированный в Сибирь генерал-лейтенант фон Валь в 1903 г. обнаружил в г. Омске совершенно неблагонадежный, пропагандирующий «в народе противоправительственные идеи», коллектив экспедиции по исследованию степных областей под руководством Ф. Щербины, в г. Иркутске – участие председателя общества распространения народного образования, старшего чиновника поземельно-устроительного отряда А. Н. Ушакова в организации публичных лекций «известного по своей политической неблагонадежности» Н. Кулябко-Корецкого, который выражает «полное сочувствие социализму и революционному движению», причем, последняя лекция «Европа в XIX веке», прочитанная в 14 января 1903 г. в помещении Общественного собрания («присутствовало около 1000 человек») закончилась разбрасыванием листовок «с надписями противоправительственного характера»¹⁰. Листовки за подписью Иркутского комитета РСДРП были разбросаны под лозунгом «Долой царское самодержавие! Да здравствует свобода! Да здравствует социализм!»¹¹.

Администрация сообщала в Главное управление о «разрушительной» направленности местной печати с просьбой помочь «обуздать сибирскую прессу», например, томский «Сибирский вестник», редакция которого представляет к цензуре массу тенденциозного материала «с резко выраженными... социал-демократическими идеями», «кишит лицами политически опасными и прямо принадлежащими к «рабочей организации», а сама газета представляет «орудие громадной силы в руках «боевой организации»¹²; редакция и состав сотрудников иркутского «Восточного обозрения» – «ярые сторонники переворота в России»¹³.

В целом накануне первой революции общее оппозиционное движение в регионе не определялось деятельностью социал-демократов и эсеров, так как их комитеты еще находились в стадии формирования, социалистическое подполье Азиатской России получило окончательное оформление только в условиях подъема революции 1905 – 1906 гг. Организации социал-демократов имели интеллигентский характер, отличались малочисленностью состава, кружковщиной, организационной слабостью и идеологической неоднородностью. Объектом агитационно-пропагандистской работы была учащая молодежь, рабочие, главным образом железнодорожники, однако связь с рабочими районами «была плохая», «в громадном большинстве» «борьба рабочих протекала без всякого влияния революционных организаций, стихийно, под руководством инициаторов из среды самих рабочих»¹⁴. Пропаганда в рабочей среде в ряде городов затруднялась, с одной стороны, малочисленностью пролетариата или вообще отсутствием железнодорожников,

сохранением в менталитете городского населения (преобладал мещанский тип городской культуры) структур традиционного общества, продуцируемые крестьянским общинным архетипом в процессе «окрестьянивания» городов, подавляющая часть населения сибирских провинциальных городов продолжала «по традиции коснеть в укладах своей крестьянско – мещанской жизни», «туго вовлекалась в экономическую борьбу», «марксистскую проповедь воспринимала не глубоко»¹⁵. Вместе с тем материально-правовое положение рабочих обуславливало напряженность социальных отношений в производственной сфере, росла доля грамотных, категория профессиональных молодых рабочих, которая интересовалась общественными вопросами, сближалась с учащейся молодежью, в итоге составила ядро первого марксистского кружка в Сибири (1896 г., Томск), степень социальной зрелости сибирского пролетариата проявилась в стачечном движении первой революции¹⁶. С другой стороны, интеллигентский характер, разрозненность и малочисленность социал-демократических организаций, нелегальное положение (использовали собрания неформальных обществ) обуславливали «узкий характер» пропаганды, «массовое социал – демократическое движение еще не началось»¹⁷. Сказывалась кружковщина и слабая связь с центром. По воспоминаниям Вл. Виленского (Сибиряков): «Союз, конечно, больше существовал на бумаге. Местные организации работали за свой страх и риск, руководствуясь директивами и тем чутьем, которое подсказывало, что нужно делать»¹⁸. В силу отсутствия достаточных кадров, материальных средств, в деревне устная пропаганда проводилась не регулярно и не системно, деятельность комитетов «носила по преимуществу характер случайного использования связей в целях литературной агитации», в основном ограничивалась рассылкой литературы. Сами социал-демократы признавали слабость «организационного руководства массами», например, В. Вегман спад революционной волны после октябрьских 1905 г. погромов объяснял «слабостью и даже растерянностью мало опытного социал – демократического аппарата, который взял в свои руки руководство революционным движением»¹⁹. В социополитическом измерении октябрьские погромы показали «отрыв социал – демократов от массы», В. М. Броннер признавал, что они не смогли предотвратить томский погром, так как «наша организация была слишком слаба»²⁰. Но и политическая активность рабочих накануне революции оставалась «не высокой»: в политических стачках 1895 – 1904 гг. участвовало около 3% стачечников (в период высшего подъема революции 89% всех стачек имели политический характер), слой рабочих социал-демократов в целом «был тонок» – 1-2 тыс. человек или 0,2-0,4 % всех рабочих, и накануне 1917 г. слой политически сознательных рабочих-партийцев, среди которых «преобладало влияние большевиков», оставался незначительным (1-2 тыс.), 9/10 рабочих оставались «пассивной эксплуатируемой массой»²¹.

Таким образом, либерально-революционная оппозиция накануне революции развивалась «сверху», открытые выступления с «красными

флагами» и пением «Марсельезы» носили единичный характер, участниками противоправительственных уличных демонстраций в основном была учащаяся и студенческая молодежь, демонстрация под антиправительственными лозунгами в Иркутске 14 января 1903 г., студенческая демонстрация в Томске 18 февраля 1903 г. явились результатом публичного выступления Н. Кулябко-Корецкого, не разделяющего в этот период позиции ни социал-демократов, ни эсеров²². Причем демонстрация в Томске закончилась столкновением с монархически настроенными горожанами (лавочники, чернорабочие, пожарники, извозчики, базарные приказчики). Уже в это время определилась антиинтеллигентская и антиреволюционная направленность погромного движения октября 1905 г.: был избит присяжный поверенный М. Н. Вознесенский²³, реакцией на демонстрацию стало распространение в городе листка – «патриотического воззвания» с призывом «ко всем русским патриотам», «к русскому патриоту и христианину» к изгнанию «всех крамольников-молокососов», «претендующих на русское студенческое движение», «с горизонта земли русской», «тогда же на улицах Томска была найдена записка с призывом «бить крамольников, врагов царя»²⁴.

В политических обзорах администрации и донесениях ГЖУ просматривается параллельность социоментальных характеристик на уровне «старых» и «новых» структур общества. Тобольское ГЖУ за 1899 г. отмечало, что «все народонаселение», как и в предыдущий год, оставалось «предано Правительству», причем, «чувства любви и преданности престолу особенно привиты сельскому населению», в Томской и Тобольской губерниях в 1902 – 1903 гг. «жители среднего и старшего возраста (за исключением молодежи) верили заветам своих отцов, государю-императору и родине»²⁵. После посещения Ишимского, Тюкалинского и Тарского уездов Тобольской губернии унтер-офицер ГЖУ Иванов в донесении от 28 февраля 1906 г. акцентировал внимание на аполитичности местного населения, которое «во всех отношениях жизни вполне довольны и заботятся исключительно всякий о своем хозяйстве и вообще своем деле, не вдаваясь ни в какие политические вопросы», поэтому «любой агитатор или оратор сразу в преступной агитации рискует попасть в руки крестьян, в особенности стариков – старожилков, а главное еще старообрядцев – патриотов, привыкших к старинным порядкам», и вообще в Тюкалинском уезде «тишь и гладь и божья благодать»²⁶. В политическом обзоре Ачинского и Минусинского уездов Енисейской губернии за 1900 – 1901 гг. констатировалось, что «общее настроение во всех слоях общества спокойное», отношение (особенно «коренного населения») к правительству «не заставляет желать лучшего». В силу специфики социокультурного типа сибирского либерала, привыкшего «к свободе в самом превратном и извращенном смысле этого слова», только «интеллигентские классы» отличаются своим либерализмом»²⁷. Архетипические структуры традиционного сознания проявлялись и на бытовом уровне в антисемитизме, например, 4 июля 1903 г. мещане г. Мариинска Томской губернии, «выражая «антисемитские

чувства», протестовали «против строительства торговых лавок близко к собору»²⁸, в проведении молебствий (иногда по просьбе рабочих), патриотических манифестациях по случаю начала русско-японской войны²⁹, например, в Томске организаторами патриотической манифестации стали архиерей Макарий и купец А. Кухтерин, полицейский Аршаулов (в будущем активные участники правомонархического движения в губернии)³⁰. Лозунги либеральной и леворадикальной демократии в ряде случаев вызывали открытую реакцию «снизу». Так, в Барнауле в день Троицы группа революционной демократии устроила митинг под лозунгом «Долой войну», но выступавшие «в своих речах затронули монархические и религиозные предрассудки толпы», в результате митинг «закончился избием ораторов»³¹. В селе Буреть Иркутской области крестьяне на сельском сходе приняли приговор выселить из села революционно настроенных учителей, в селе Тырети по инициативе крестьян агитаторов посадили под стражу³².

Таким образом, накануне первой русской революции слабо дифференцированное общественно-политическое пространство Сибири характеризуется определением границ по уровню ментального и политического противостояния, симптомы этого противостояния стали предвестниками всех социальных потрясений начала XX в.

-
1. Обзор революционного движения в округах Иркутской судебной палаты за 1897 – 1907 гг. СПб.: Сенатская типография, 1908. С. 3.
 2. ГАРФ. 102. Оп. 1901. Д. 871. Л. 8-8 об., 32 об., 8-9.
 3. ГАРФ. ДП-ОО. Ф. 102. Оп. 1904. Д. 2025. Л. 4 об.
 4. ГАРФ. Ф. 102. ДП-ОО. Оп. 1901. Д. 871. Л. 21, 22.
 5. ГАРФ. Ф. 102 (ДП-ОО). Оп. 1904. Д. 1937. Л. 7.
 6. ГАРФ. Ф. 102. ДП-ОО. Оп. 1898 г. Д. 9. Ч. 32. Л. 25 об.
 7. Письма из провинции // Освобождение. 1903. № 22.
 8. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1898 г. Д. 9. Ч. 40. Л. 15.
 9. ГАРФ. Ф. 391. Оп.1. Д. 802. Л. 36.
 10. РГИА. Ф. 391. Оп.1. Д. 802. Л. 25-25 об., 13 об.
 11. Обзор революционного движения в округах Иркутской судебной палаты за 1897 – 1907 гг. СПб.: Сенатская типография, 1908. С. 59; Крамольников Г. И. О подпольной работе в социал-демократических организациях Сибири // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск: Изд-во Томского университета, 1967. Вып. IV. С. 29-30.
 12. РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 19. Ч. II. Л. 244-245, 273, 285-286.
 13. Иркутск накануне 1917 года: Очерки политической истории губернского центра / под ред. Л. А. Дамешек. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017. С. 305.
 14. А. Ч. 1905 год в Иркутске. До революции 1905 года // 1905 год в Сибири. Сборник статей и воспоминаний. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. С. 177; Обзор революционного движения в округах Иркутской судебной палаты за 1897 – 1907 гг. СПб.: Сенатская типография, 1908. С. 61.
 15. Вегман В. 1905 год в Новониколаевске // Сибирские огни. 1925. № 4-5. С. 174-179; Шемелев В. И. Барнаул в 1905 – 1907 гг. // Сибирские огни. 1925. № 4-5. С. 195; В. Шемелев. Как возникла и оформилась первая революционная организация РСДРП в Барнауле // 1905 год в Сибири. Сборник статей и воспоминаний. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. С. 143; Плотников А. Е. О социальном облике сибирских рабочих пореформенного периода // Экономические и социальные проблемы истории Сибири: Материалы научной конференции. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. С. 73-84.
 16. Дмитриенко Н. М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 229, 231, 235-237, 238.

17. Обзор революционного движения в округах Иркутской судебной палаты за 1897 – 1907 гг. СПб.: Сенатская типография, 1908. С. 10; Яковлев Н. Н. 1905 год в Иркутске // Труды Московского историко – архивного института. М. , 1954. Т. 6. С. 81; Шемелев В. Как возникла и оформилась первая революционная организация РСДРП в Барнауле // 1905 год в Сибири. Сборник статей и воспоминаний. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. С. 140.
18. Виленский Вл. (Сибиряков). Томск накануне 1905 года // 1905 год в Сибири. Сборник статей и воспоминаний. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. С. 120.
19. Вегман В. Сибирь на пути к 1905 году // 1905 год в Сибири. Сборник статей и воспоминаний. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. С. 6; Голиенко Г. Революционные события 1905 – 1906 годов в Приморье (по материалам Истпарта ДВ и Приморского губархива) // 1905. Революционное движение на Дальнем Востоке. Владивосток: Книжное дело, 1925. С. 156, 157, 159.
20. Шемелев В. Как возникла и оформилась первая революционная организация РСДРП в Барнауле // 1905 год в Сибири: Сборник статей и воспоминаний. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. С. 144; Броннер В. М. Октябрь 1905 года в Томске // 1905 год в Сибири: Сборник статей и воспоминаний. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. С. 134.
21. Зиновьев В. П. Индустриальные кадры старой Сибири. Монография. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. Гл. 4. 7; Зиновьев В. П. Социально – политический облик сибирского отряда рабочего класса России накануне революции 1917 г. // Из истории социальной и общественно – политической жизни советской Сибири: Сб. ст. / Отв. ред. М. Е. Плотникова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. С. 15-16, 18.
22. ГАРФ. Ф. 1732 (Н. Г. Кулябко-Корецкий). Оп. 1. Д. 40. Л. 17-17 об.
23. Освобождение. 1903. № 19.
24. Ищенко О. В. Студенческая и учащаяся молодежь как фактор общественной и культурной жизни Сибири (конец XIX – начало XX в.). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. С. 198-199.
25. Храпцов А. Б. Донесения административных чиновников об изменении общественно – политической ситуации в Западной Сибири в 1900 – 1914 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 6 (38). С. 31-32.
26. ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 159. Оп. 1. Д. 39. Л. 44-44 об.
27. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 280. Л. 4, 8-9 об., 18 об.-19.
28. Общественно – политическая жизнь в Томской губернии в 1880 – феврале 1917 г. Хроника. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 97, 98, 102-103, 105.
29. Голос Сибири. 1911. 9 января.
30. Коняев А. Т. Деятельность большевиков по интернациональному воспитанию рабочих накануне первой русской революции // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск: Изд-во Томского университета, 1974. Вып. VII. С. 31.
31. Шемелев В. И. Барнул в 1905 – 1907 гг. // Сибирские огни. 1925. № 4-5. С. 184.
32. Кабацкий Н. И. Социал – демократические организации Сибири в борьбе за массы в революции 1905 – 1907 гг. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. С. 119.

Королева Татьяна Олеговна
хранитель музейных предметов
Краеведческий музей г. Ломоносова

**МИЛОСЕРДИЕ ДЛЯ ВСЕХ. ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА «В ПОЛЬЗУ
ОБЩИНЫ СВ. ЕВГЕНИИ» В КОЛЛЕКЦИИ «КРАЕВЕДЧЕСКОГО
МУЗЕЯ Г. ЛОМОНОСОВА»**

Доброта, любовь и сострадание, желание облегчить душевные, а порой и физические раны всех жаждущих и страждущих являются основой добродетели любой женщины, независимо от ее социального статуса и положения в обществе, будь то августейшая особа или знатная дворянка, представительница

купечества или мещанского сословия, а может простая, неграмотная крестьянка. А особенно эти чувства, если они обострены, могли способствовать тому, что все эти женщины добровольно, порой отказывая себе в устройстве личного счастья, вступали в общины сестер милосердия.

Таких общин на территории Российской империи в XIX - начале XX вв. было немало. В основном они располагались в восьми городах: Санкт-Петербурге – 8 общин, Выборге - 1, Саратове - 1, Риге - 1, Таллинне - 1, Хельсинки – 1, Одессе – 1, в Херсоне – 1¹. Цели и уставы общин милосердия благородные и возвышенные: служение больным, сирым, убогим, детям, оставшимся без родителей или подкидышам, воинам - раненым или больным.

В них принимались вдовы и девицы 20-40 лет всех сословий и православного вероисповедания. Испытуемые должны были обучиться навыкам гигиены, правилам ухода за больными, некоторым лечебным процедурам. Все эти требования предъявлялись сестрам милосердия первой в России Санкт-Петербургской Свято-Троицкой общине, основанной в 1844 году по инициативе великой княгини Александры Николаевны и принцессы Терезии Ольденбургской². После обучения испытуемые приносили присягу на верность больным, за которыми они намеревались ходить, и врачам, рекомендациям которых должны были следовать.

Свято-Троицкую общину сестер милосердия можно назвать мирной общиной, основанной в мирное время. Но последующие общины в Санкт-Петербурге и других городах Российской империи при обучении испытуемых должны были учитывать и условия военного времени³.

Так, в Крестовоздвиженской общине сестер милосердия, основанной незадолго до Крымской войны 1853-1856 гг., предусматривалось не только обучение испытуемых азам гигиены и санитарии, но и умение оказать первую медицинскую помощь во время военных действий, по сути, готовя первых перевязочных и операционных сестер милосердия. Большую помощь в обучении оказал знаменитый хирург Николай Иванович Пирогов⁴.

При создании последующих общин учитывался опыт подготовки сестер милосердия как в Свято-Троицкой общине, так и в Крестовоздвиженской. С 1867 года сестринское обучение стало осуществляться на базе Российского общества Красного Креста, а общины объединили в школу сестер милосердия⁵.

В связи с этим интересна история создания и становления общины Святой Евгении, образованной на базе Красного Креста и связанной с именем известного русского живописца Гавриила Павловича Кондратенко.

Однажды, а это происходило в 1880-е годы, художник отправился на этюды в Крым. В Севастополе он повстречал нищенку. Она не была похожа на тех нищенок, которые требовали материальной помощи при этом скверно ругаясь. Казалось, женщина стеснялась своего теперешнего положения, вынужденная просить подаяния, оставшись без средств существования и крова. Оказывается, эта была сестра милосердия, которая во время русско-турецкой

войны 1877-1878 годов выхаживала раненых, а теперь сильно бедствовала, как и многие другие сестры милосердия.

Встреча произвела на Гавриила Павловича сильное впечатление, и он не остался безучастным к судьбе этой женщины. Вернувшись в Петербург, он организовал благотворительную выставку в пользу сестер милосердия, и, кроме этого, обратился за помощью к влиятельным лицам, употребив имеющиеся связи и знакомства. В итоге в 1882 году был организован «Санкт-Петербургский Попечительный комитет о сестрах Красного креста». Инициаторами его создания являлись российские деятели искусства. Заботу об этой благотворительной организации взяла на себя принцесса Евгения Максимельяновна Ольденбургская, внучка императора Николая I. В честь ее небесной покровительницы, Святой Евгении, организация получила название «Община святой Евгении»⁶.

Как и всякой благотворительной организации «Общине» необходимы были деньги: для строительства больницы, содержания приюта для престарелых сестер и для работы подготовительных курсов для молодых на случай войны. В поисках средств в 1896 году «Община святой Евгении» приступила к издательской деятельности. Круг издательской деятельности был достаточно широк: выпускались конверты, книги, альбомы, плакаты, календари, каталоги к выставкам, но наибольшую известность общине принесли открытки.

Существовало три вида открыток: репродукции с картин выдающихся художников Западной Европы и России, представленных в залах музея им. Александра III и в Эрмитаже; с рисунками, специально созданных для открыток или «артистических карточек» знаменитых художников тех лет, работавших в различных творческих направлениях; видовые открытки. Видовые, фотографические открытки выпускались с фотографий известных фотомастеров.

Многими известными художниками были созданы не только лицевые стороны карточек, но и адресные стороны, причем так же тщательно и профессионально, как и лицевые стороны открыток. Творцы разработали знаки общины, используя один из основных символов медицины – красный крест в различных цветовых и графических вариациях⁷.

Так, в 1902 году художник Мстислав Валерьевич Добужинский красный крест помещает в центр картуша. Картуш, как и другие обрамления красного креста, мог быть выполнен в различных цветовых тонах зеленого, серого, коричневых цветов, редко встречался темно-синий цвет. В том же 1902 году предположительно художницей Варварой Петровной Шнейдер красный крест помещен в центр широкого круга, напоминающего спасательный круг с надписью: «В пользу общины Св. Евгении», увитой цветами и увенчанной короной. В 1903 году художником Федором Густовичем Бернштамом красный крест помещен в эллипс, обрамленный рокальными С-образными завитками.

Художник Евгением Евгеньевичем Лансере в 1904 г. помещает красный крест в обрамлении драпировки шатра под императорской короной.

В различные годы знак общины на адресной стороне открыток менялся. Можно увидеть и более скромный вариант знака, разработанный художником Сергеем Васильевичем Чехониным в 1914 году: в центре квадрата, окаймленного зелеными линиями, красный крест в окружении зеленых узоров.

В создании открытых писем принимали участие и члены Царской семьи. Их издание приурочивалось к праздникам Пасхи, Рождества, Нового года. Адресную сторону украшали рисунки великих княжон⁸.

И сразу был заявлен высочайший художественный уровень изданий. Полиграфическое исполнение открыток осуществлялось в различных типографиях: Заведении графических искусств Э.И. Маркуса, Картографическом заведении А.И. Ильина, Товариществе Р. Голике и А. Вильборг, типографиях И.С. Лапина в Париже, Брукмана в Мюнхене и многих других. Выпуск открыток преследовал не только финансовую выгоду для «Общины», но и просветительские цели, воспитывающие у населения эстетический и художественный вкус, благодаря которым жители Российской империи получили возможность узнать, что Россия – огромная страна с разными городами и достопримечательностями.

Всего издательство выпустило 6410 номеров открыток общим тиражом 30 миллионов экземпляров, среди которых свыше двухсот почтовых карточек с видами Ораниенбаума. Ораниенбаум в XIX - начале XX веков – не только пригород Петербурга, резиденция герцогов Мекленбург-Стрелецких с богатыми историческими традициями, но и место, где любили отдыхать в летнее время петербуржцы, наслаждаясь целебным морским климатом, запахом сирени, уединением. И поэтому, как писал писатель и драматург П.П. Гнедич в своей статье, посвященной Ораниенбауму, «масса дачников из Петербурга и Кронштадта с ранней весны забирается по всем окрестным закоулкам, переполненными всевозможными дачами, от самых роскошных апартаментов, до простых чухонских избышек, кое-как выклеенных обоями»⁹

Воспроизводились виды Ораниенбаума с фотографий, созданных в мастерской фотографа и издателя А. Графа, которая располагалась на центральном проспекте города – Дворцовом проспекте в доме №26¹⁰. Открытые письма, выпущенные «Общиной святой Евгении», в иллюстрированной форме давали представление об этом курортном месте на берегу Финского залива: как до него доехать, где можно остановиться, отдохнуть, что посмотреть. Первые впечатления дополнялись и репродукциями с акварелей художника А.Н. Бенуа, много лет жившего на даче в Мартышкине – пригороде Ораниенбаума¹¹.

Коллекция открытых писем, выпущенных издательством «Общины святой Евгении», в фонде печатной продукции краеведческого музея г. Ломоносова насчитывает 32 открытки. В основном это видовые открытки города Ораниенбаума. Среди изображений можно упомянуть следующие виды:

- Центральная улица города с видом на колокольню собора Архангела Михаила (ЛКМКМ-660) и на проспект в противоположном направлении с движущимися по нему экипажами (ЛКМКП-1022/15) и телегой, перевозящей дачников и их вещи (ЛКМКП-1022/17);

- Каменное здание железнодорожного вокзала Балтийской дороги арх. Миллера с различных ракурсов и фасадов (ЛКМКП-709), (ЛКМКП-738), (ЛКМКП-648) и офицерской стрелковой школы (ЛКМКП-1022/18).

- Прекрасный город с моря (ЛКМКП-1022/33).

- А если есть море, то есть и пристань - первая, старая с кораблями, причалами, постройками (ЛКМКП-1022).

- Дворцово-парковый ансамбль герцогов Мекленбург-Стрелицких поражал воображение посетителей утонченной роскошью былого века и современного. Владельцам усадьбы в XIX веке удалось так переделать планировку парков и дворцов с веяниями нового времени, что получилось органичное соединение двух веков.

- Пейзажные уголки парка XIX века с озерами (ЛКМКП-1022/60), (ЛКМКП-1022/53), (ЛКМКП-1022/40) и аллеями (ЛКМКП-371) дополнили регулярные планировки парков XVIII века.

- Большой дворец герцогов с его входом (ЛКМКП-1022), регулярным партером (ЛКМКП-369, ЛКМКП-1022/48) и видами Бокового павильона Большого дворца с северного фасада (ЛКМКП-658) и южного (ЛКМКП-1022) сохранили в основном дыхание предыдущего, XVIII века.

- Изящное творение итальянского архитектора XVIII века А. Ринальди, одноэтажный Китайский дворец, благодаря надстроенному в XIX веке архитектором Л.Л. Бонштедтом помещению второго этажа становится жилым. Меняется и оформление северного фасада здания: высокие деревья в кадках, как и легкая летняя мебель и беломраморная интерьерная скульптура летом, выставляются на ступени дворца. (ЛКМКП-1022a), (ЛКМКП-377).

- Скромную ораниенбаумскую резиденцию герцогов дополнили виды императорского Петергофа: дворца «Монплеизир». Построенного еще императором Петром I в Петергофе (ЛКМКП-917/1) и фонтана «Пирамида» (ЛКМКП-1090).

- География регионов российской империи расширена изображениями крымского парка Массандры с Аллеей роз (ЛКМКМ-1466/86), города Харькова-Мироносецкой улицей и памятником Н.В. Гоголя (ЛКМКП-1466/98), (ЛКМКП-1466/124).

В коллекции имеется несколько художественных открыток с акварели А.Н. Бенуа «Ораниенбаум. Вид на Церковный павильон. 1901 год» (ЛКМКП-955) написанная им в глухих пастельных тонах охристых, салатных, песочных, коричневых цветов. Это фрагмент западного фасада дворца герцогов Мекленбург-Стрелецких, с возвышающимся над двухъярусной террасой церковным павильоном, освещенного лучами осеннего солнца, пробившимися

сквозь небо, затянутое серой дымкой. И акварели Н. Грищенко «Петергоф. Сирены» (ЛКМКП-923/2), а также репродукций с картины И.К. Айвазовского «Море» 1901года (ЛКМКП-519/17) и картины И.Е. Репина «Граф Л.Н. Толстой» (ЛКМКП-519/4). Одна открытка с иллюстрацией П. Соколова к повести Н.В. Гоголя «Мертвые души» Т.1 гл.1. (ЛКМКП-519/20).

Казалось бы, такая небольшая коллекция, но по своей значимости она является бесценным материалом для краеведов, реставраторов, любителей старины и, в первую очередь, она интересна для жителей Ораниенбаума-Ломоносова¹².

В 1920 году община была ликвидирована, но ее больница продолжала функционировать. В октябре 1918 года ей было присвоено имя Фридриха Адлера, а в апреле 1921 года она была переименована в больницу имени Я.М. Свердлова. Издательство общины было передано в ведение Российской академии истории материальной культуры и преобразовано в Комитет популяризации художественных изданий (был ликвидирован в 1929 году)¹³.

¹ Сестры милосердия в России. СПб: Изд-во «Альянс», 2005. С. 118-130.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Снегурова М. Община св. Евгении // Наше наследие. 1991. № 3. С. 27-33.

⁷ Курбатов В.Я. Обзор художественных изданий Общины св. Евгении. СПб: Изд-во «Т-во Р. Голике и А. Вильборг», 1909.

⁸ Там же.

⁹ Гнедич П.П. Ораниенбаум // «Нива». 1878. № 19. С. 334-335.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Вульфсон Ю.Н. Иллюстрированный каталог-ценник открытых писем в пользу Общины Св. Евгении. М: «БОНФИ», 2005. Т. 1- 4.

¹³ Снегурова М. Община св. Евгении // Наше наследие. 1991. № 3. С. 27-33.

Костюк Руслан Васильевич

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

МЕЖДУ КОММУНИЗМОМ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЕЙ: ПРИМЕР ФРАНЦУЗСКОГО СОЦИАЛИЗМА 1920-Х ГОДОВ

Общеизвестно, что после победы Октябрьской революции в России в международном левом движении и в организационно-политическом, и в идеологическом отношениях доминирующими силами становятся социал-демократия и коммунизм. Но левое движение «Старого Света» продолжало оставаться «многополюсным» и между тенденциями рабочего движения,

воплощавшими социал-реформизм и революцию, находились другие политические течения социалистической мысли, в частности, революционный реформизм.

В межвоенную эпоху, в особенности в 20-е гг. XX в., революционный реформизм особенным влиянием пользовался в социалистическом движении Австрии («австромарксизм») и Франции. Французская секция Рабочего интернационала (СФИО) после того, как большая часть французских социалистов перешла на позиции III Интернационала, основав Французскую коммунистическую партию (ФКП), в доктринальном отношении встаёт на путь революционного реформизма. Персонально эта идеология проповедывалась Генеральном секретарём СФИО Полем Фором и лидером депутатской группы социалистов Леоном Блюмом.

Уже в первых заявлениях партии после размежевания с коммунистами политическая стратегия СФИО определялась таким образом: «В своей пропаганде партия постоянно напоминает пролетариату о том, что он найдёт своё спасение и полное освобождение только при коллективистском строе, она ведёт эту пропаганду во всех слоях с целью породить всюду дух требований и борьбы»¹. В 1920-е гг. в электоральном отношении социалисты оставались главной левой партией Французской Республики, одновременно расширялась и социальная база партии. Вместе с тем, в целом по «социальному профилю» социалистическое движение Франции оставалось пролетарским.

В межвоенный период, как и в прошлом, внутри французской социалистической партии шла серьёзная внутренняя борьба разных течений и фракций – от революционного марксизма до правосоциалистических направлений. Но то, что высшие партийные посты находились в руках социалистов-центристов, обусловило тот факт, что именно идеология революционного реформизма доминировала в тот период во всей партии.

Большинство социалистов той эпохи определяли себя как революционеры. Например, Л. Блюм в книге «Радикализм и социализм» писал: «Именно с целью уничтожения наёмного труда и антагонизма классов социализм стремится к коренному преобразованию отношений собственности... Мы полагаем, что социальное преобразование не может осуществиться в результате череды вспомогательных реформ... Мы не думаем, что сможем перейти от существующих сейчас отношений собственности к новым отношениям через серию еле заметных преобразований и разрушений. Мы полагаем, что наступит один день, когда мы столкнёмся с необходимостью осуществить качественный скачок. И мы являемся революционерами потому, что полны решимости это сделать»².

Основная часть французских социалистов в 20-е гг. XX в. не ставила под сомнение концепт диктатуры пролетариата. Конечно, в отличие от коммунистов, они отмечали, что в актуальных политических условиях парламентский путь продвижения к новому обществу предпочтителен для западноевропейских стран, но, как отмечал Л. Блюм, «революция не может

совершиться, если пролетариат предварительно не захватит всю полноту политической власти. Завоевание власти является необходимым условием революции именно потому, что новое общество, которое будет создано в процессе революционной деятельности, качественным образом отличается от старого»³. Более того, руководители и идеологи французской социал-демократии в 1920-е гг. указывали, что «в случае необходимости» они признают право рабочего класса и всех угнетаемых слоёв на восстание, революцию и диктатуру пролетариата. Социалисты одновременно признавали, что переход к более справедливому обществу будет непременно связан с качественной ломкой старых, отживших и тормозящих социальный прогресс порядков. Вместе с тем, руководство СФИО предлагало активистам партии разделять процессы политической и социальной революции. Так, в своём выступлении на XXIV Национальном съезде партии в 1927 г. Л. Блюм отмечал: «Политическая революция имеет место тогда, когда конституции одного характера резко заменяются конституциями совершенно иного характера, когда, например, республика сменяет монархию. Социальная революция имеет место тогда, когда один социальный строй сменяется другим строем, основанным на качественно других принципах...»⁴.

Но, отвергая классическую и традиционную парламентскую буржуазную модель, социалисты Франции в межвоенный период также достаточно жёстко критиковали большевистскую советскую модель политического устройства. С их точки зрения, в Советской России и в СССР диктатура пролетариата трансформировалась в диктатуру правящей коммунистической партии, при которой произошёл отказ от элементарных норм и принципов демократии, личностных, политических и профсоюзных свобод. Социалисты Франции утверждали, что в Советском Союзе произошла «этатизация» социалистической революции, а капиталистическая и рыночная эксплуатация была заменена на всеохватывающий контроль за обществом со стороны партийной бюрократии.

С точки зрения лидеров СФИО, масштабные и качественные социальные преобразования социалистического характера будут иметь успех лишь при строгом соблюдении политических свобод и демократических процедур. В то же самое время Л. Блюм и П. Фор утверждали, что подлинно революционные преобразования возможны не только при наличии стабильного парламентского большинства, ибо простой парламентаризм исключил бы творчество рабочего класса, Но, уже завоевав власть, заявляли руководители французских социалистов в 1920-е гг., рабочему классу надлежит его «легитимировать». Л. Блюм в данной связи утверждал: «Я полагаю, что если в результате игр парламентских сил, в рамках действующих институтов и Конституции мы призваны исполнять власть, мы должны исполнять её, соблюдая при этом законность, лояльно...»⁵. Социалисты обещали не допустить ни в коем случае какой-либо узурпации власти.

Смысл доктрины революционного реформизма заключался в том, что её сторонники при переходе к обществу и государству нового типа допускали революционные преобразования и даже элементы насилия, считая, что современное им общество является классовым, несправедливым, эксплуататорским, служащим преимущественно интересам крупной буржуазии и финансистов. Наоборот, при власти пролетариата, отмечали лидеры французских социалистов, все прежние классовые и политические привилегии должны уйти в прошлое.

Необходимо отметить, что те, кто в межвоенный период принадлежали к умеренному направлению СФИО, в большей степени делали упор на продвижении к социализму путём качественной и взаимозависимых реформ, защищая при этом лозунг «революционной эволюции». Данный тезис означал, что ставка делается на поэтапный путь строительства социалистического общества, подразумевающий демократизацию социальной и экономической жизни. Даже представители правого течения французской социал-демократии в 1920-е гг. заявляли: «Мы принимаем реформу, но мы рассматриваем её как имеющую революционный характер подготовку нового порядка вещей»⁶. В отличие от Л. Блюма и его сторонников, умеренные социалисты уже в 1920-е гг. ставили под вопрос лозунг об исключительно буржуазном характере французского государства. Они отмечали, что в актуальных условиях происходит естественная социально-политическая эволюция и в итоге нельзя утверждать, что государство «принадлежит» какому-либо одному классу. При этом лидер правых в СФИО Марсель Деа призывал товарищей по партии использовать государство в соответствии со своими ценностями и принципами и преобразовывать его, исходя из прогрессивных социалистических убеждений.

Социалисты, исходя из своего «центрального» положения в левом движении Франции, вынуждены были также отстаивать оригинальность собственных теоретических конструкций в лицо «соседствующим» с ними политическими силами. Так, участвуя в середине 1920-х гг в левоцентристском парламентском большинстве, СФИО заявляла о поддержке тех усилий радикал-социалистов, которые направлены на улучшение социального положения людей труда. А вот что заявляли лидеры социалистов относительно коммунистов: «Конечно, существует несомненная общность между большевистской партией и нами... Как и мы, коммунисты стремятся заменить нынешний строй порядком, при котором всё общество воспользуется своими богатствами; как и мы, они считают, что такая замена может быть лишь результатом революционного преобразования существующих общественных отношений; как и мы, они полагают, что классовая борьба делает рабочий класс главным орудием этой трансформации; следовательно, они, как и мы, обращают свою пропаганду именно ко всему миру труда, ищут в нём своих сторонников...»⁷.

На самом деле, доктринально и идеологически в 1920-е гг. СФИО и ФКП объединяло то, что и социалисты, и коммунисты провозглашали в качестве

своей важнейшей политической цели именно революционную трансформацию капиталистического общества. Но для социалистов вместе с этим очень важным делом оставалась «каждодневная» борьба за продвижение социальных и экономических реформ и преобразований, способных на деле улучшить материальное положение людей труда.

Одновременно отметим, что если наиболее радикальные тенденции внутри СФИО в 20-е гг. прошлого века однозначно призывали к достижению «пролетарского единства» с французскими коммунистами (причём как на национальном уровне, так и «снизу» – в профсоюзах, во время забастовок и демонстраций), то те, кто находился на противоположном внутрипартийном фланге – правые социалисты – говорили о том, что предстоит очень напряжённая, как идейная, так и организационно-политическая борьба с коммунистами за сохранение гегемонии в рабочем движении. С их точки зрения, для социалистов и левых в целом не достаточно было сгруппировать вокруг себя французский пролетариат. Умеренные во французской социал-демократии, в частности, М. Деа, также ставили вопрос о необходимости распространения социалистического влияния на крестьянство и городские мелкобуржуазные слои. Наоборот, левые во французском социалистическом движении говорили о приоритетности «рабочего единства» - что подразумевало участие в боевом пролетарском союзе анархистов, революционных синдикалистов и т. д.

Безусловно, анализируя идеологический багаж французских социалистов в межвоенную эпоху, мы можем со всей определённой констатировать, что большая часть руководителей и рядовых активистов СФИО оставалась в это время, и особенно в 1920-е гг. на марксистских позициях. Они были солидарны с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом в том, что наступление социализма неизбежно, что «капитализм содержит в себе противоречия, которые он не способен преодолеть, ибо диалектика эволюции капитализма такова, что в ходе развития подготавливаются условия для отрицания самого капитализма и растёт сила пролетариата, который ниспровергнет капиталистический строй»⁸. Теоретики СФИО, в частности, заместитель Генерального секретаря партии Жан-Баттист Северак, заявляли о верности историческому материализму К. Маркса. Они соглашались с тем, что история делается людьми, а кризис и грядущий крах капитализма предрешены всем предшествующим ходом человеческой истории. Но при этом они подчёркивали, что крах капиталистической системы произойдёт лишь при наступлении определённой ступени экономического развития, когда в итоге организованный и удельный вес пролетариата будут адекватны переходу к социализму.

Теоретики СФИО в 1920-е гг. призывали интегрировать учения Маркса с идеями Жюлья Гедда и Жана Жореса, что также соответствовало духу революционного реформизма. При этом дискурс о диктатуре пролетариата, революции, неизбежном крахе капитализма сосуществовал с вполне «мягкой» и

умеренной внутривластной линией, которой придерживалось руководство СФИО в 20-е гг. XX столетия.

Отметим также, что для лидеров и идеологов французского социалистического движения в межвоенную эпоху важное место занимал этический компонент. Речь о том, что, согласно их принципам, социальная революция обязательно должна соответствовать этическим нормам рабочего движения, умственному и нравственному идеалу, чувству человеческой сопричастности и солидарности, а также морали. Л. Блюм подчёркивал неоднократно, что социалистическая практика должна соответствовать гуманистическим критериям, что не происходит, например, в советском обществе. С точки зрения Л. Блюма, социалистический идеал соответствует «самому чистому и возвышенному в человеке: сознанию справедливости, равенства, братства»⁹.

Французские социалисты исходили из того, что социалистическое мировоззрение представляет собой целостную и комплексную систему, но одновременно идеологи СФИО убеждали товарищей по партии, что недостаточно быть лишь критиками существующего порядка или простыми «верующими» в неизбежность торжества идей социализма и гуманизма. Они утверждали, что научная социалистическая идеология способна совершенствовать изначально заложенные в человеке инстинкты братства, равенства и солидарности. Но эти «инстинкты» невозможно реализовать на практике в рамках эксплуататорского общества.

В 1920-е гг. французские социалисты отдавали себе отчёт в том, что капитализм трансформируется, встав на путь более рациональной организации производства и сбыта, гуманизации социального законодательства, повышения заработной платы и т. д. Вместе с тем, лидеры СФИО не питали иллюзий относительно сущности капиталистического общества. Вот как оно определялось в одном из политических документов партии: «Капиталистическое общество основано на эксплуатации работников наёмного труда владельцами средств производства и обмена труда капиталом. Эта эксплуатация состоит в том, что рабочие производят большую стоимость, чем стоимость, выраженная в заработной плате, и именно благодаря этой разнице создаётся капиталистическая прибыль... Капиталистическое общество содержит в себе такие противоречия, которые оно бессильно разрешить, так как для того, чтобы их разрешить, оно должно прекратить производство ради прибыли, то есть ликвидировать саму свою суть»¹⁰.

Оставаясь на позициях творческого марксизма, Л. Блюм и его сторонники после Первой мировой войны говорили, что развитие производительных сил в условиях капиталистического способа производства не ослабляет социальной справедливости и неравенства: «Наука развивается, беспредельным образом растёт производительность труда, но если социальные отношения остаются в основе несправедливыми, то, увеличивая богатство, увеличивают лишь ещё больше несправедливость. Если основа распределения несправедлива, значит,

несправедливость увеличивается с ростом продукции труда, которую нужно распределять»¹¹. С другой стороны, многие политики и публицисты из СФИО в середине 1920-х гг. признавали, что классовый антагонизм в западноевропейских странах ослабевает, а эксплуатация рабочего класса снижает свои обороты. Видный профсоюзный лидер и представитель умеренного крыла СФИО Жюль Мок в своей работе «Социализм и рационализация» утверждал, что в новой форме капитализма, которая наступила в ведущих западных странах после Первой мировой войны «не может быть речи ни о продолжающемся обнищании масс (как свидетельствует статистика), ни о растущем классовом антагонизме (об этом говорят факты), ни о промышленных кризисах, усугубляющихся недостаточным потреблением (как подтверждает опыт)»¹².

Идеология революционного реформизма доминировала в социалистическом движении Франции и в 1930-е гг. Практика правительства Народного фронта в немалой степени исходила из данных идейно-теоретических постулатов, хотя реальная деятельность СФИО в 1920-е и особенно в 1930-е гг. в большей степени соответствовала реформистской «парадигме». В этом заключался, пожалуй, главный парадокс конструкции революционного реформизма в межвоенной Франции.

¹ SFIO. Dures années. 1917-1920. Paris, 1995. P. 345.

² Blum L. Radicalisme et socialisme. Paris, 1928. P. 18.

³ Ibid. P. 11.

⁴ SFIO. XXIV Congrès national. Compte-rendu sténographique. Paris, 1927. P. 5.

⁵ La Nouvelle revue socialiste. 1926. № 3. P. 25.

⁶ La vie socialiste. 1927. № 50. P. 5.

⁷ Le Populaire de Paris. 1927. 18 mars.

⁸ Les socialistes français de 1918 à 1936. Nouvelle lecture de l'histoire. Paris, 2006. P. 44.

⁹ Blum L. Pour être socialiste. Paris, 1986. P. 21.

¹⁰ Calvine Ph., Dousta R. SFIO après le congrès de Tours. Rouen, 1978. P. 91.

¹¹ L'Humanité. 1924. 22 mai.

¹² Monch J. Socialisme et rationalisation. Bruxelles, 1927. P. 58.

Костякова Юлия Борисовна

кандидат исторических наук, доцент

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

ПОТЕНЦИАЛ ТЕЛЕВИДЕНИЯ В КОНСТРУИРОВАНИИ «ОБРАЗА» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Образы прошлого и отдельных его явлений, событий и людей являются неотъемлемыми составляющими исторической памяти. Таковую память можно трактовать как «совокупность представлений о социальном прошлом, которые существуют в обществе, как на массовом, так и на индивидуальном уровне,

включая их когнитивный, образный и эмоциональный аспекты»¹. Историческая память представляется как «процесс осовременивания прошлого в сознании индивидуальных или коллективных субъектов»², но также и как результат восприятия былого сквозь призму настоящего. Осуществляя такие мыслительные процедуры, человек пытается соотнести свою жизнь с минувшим и выработать свое видение будущего.

Прошлое выступает источником исторических «образов», которые активно используются в пропаганде, что сказывается на политизации трактовок явлений, событий, деятельности их участников. Стремление политических сил к власти, к консолидации или разобщению общества приводит к тому, что научное осмысление прошлого, построенное на основе фактов и верифицированных источников, оказывается «неудобным». Поэтому, – как считает Д. А. Аникин, – «история подвергается мифологизации», в ходе которой формируется упрощенный и непротиворечивый «образ» прошлого, «определяющего контуры современного социального и политического порядка»³. Это утверждение справедливо и по отношению к Великой Отечественной войне, история которой трактуется и мифологизируется в зависимости от политической ситуации, официальной идеологии и устремлений руководства страны. Поэтому «образ» войны, существующий в сознании и исторической памяти индивидуальных или коллективных субъектов, видоизменяется, корректируется, дополняется под влиянием информации, транслируемой средствами массовой коммуникации.

«Образ», как составляющая исторической памяти, является результатом «реконструкции объекта в сознании человека», его активного, преобразующего отношения к действительности⁴. СМИ способны активизировать обращение людей к прошлому, дать «пищу» для их воображения и, тем самым, стимулировать конструирование или трансформацию «образов» в массовом сознании. Таким стимулом служат, в том числе, художественные образы, создаваемые коллективным творчеством журналистов.

Востребованность телепередач как источника исторических сведений и самого телевидения как средства их трансляции обусловлена не только расширением технических и творческих возможностей данного СМИ, но и общей тенденцией изменений, происходящих в сфере распространения и потребления информации. Аудиовизуализация медийного продукта повышает степень его эмоциональности и, как следствие, воздействие на зрителей, усвоение ими получаемой информации.

Вместе с тем, возможность получения готовых «образов» прошлого в компактной и быстроусвояемой «упаковке» позволяет аудитории не активизировать собственное воображение и не создавать свои «образы» минувшего. Результатом это становится пассивное отношение людей к действительности, отсутствие у них попыток самостоятельно осмысливать прошлое, соотносить его с настоящим и желаемым будущим. Вместе с тем, аудиовизуализация телевидением исторической информации позволяет придать

историческому «образу» метафоричность, узнаваемость и эмоциональность, то есть те его свойства, которые, по мнению Л. Н. Мазур, обеспечивают реализацию его коммуникативных функций⁵.

Телевидение, благодаря современным цифровым технологиям, обладает широкими возможностями для создания и презентации зрителям «образов» прошлого. Но, в силу своей специфики как СМИ, оно вынуждено учитывать не только особенности использования при подготовке экранного продукта тех или иных источников, но и изменения, происходящие в составе аудитории, в ее мировосприятии.

Так, неуклонное уменьшение числа ветеранов приводит к тому, что в качестве источника информации о Великой Отечественной войне выступают уже не непосредственные свидетели, а их потомки. Ценность получаемых от них сведений оказывается ниже, чем у свидетельств очевидцев военного времени. Для демонстрации на телеэкране ранее распространенного образа ветерана все чаще приходится использовать архивные видеозаписи, фотографии, документальные кадры. В итоге доверие зрителей к такой исторической информации, на наш взгляд, снижается.

Авторам медиаматериалов приходится учитывать и то, «что память ветеранов, переживших все ужасы войны, отличается от исторической памяти последующих поколений, которые уже не воспринимают события прошлого столь лично и остро»⁶. Это в значительной степени определяет композицию и содержание передач, посвященных Великой Отечественной войне. Заставляет прибегать к новым формам подачи информации, более привычным для молодежи и зрителей среднего возраста («клиповый» монтаж, специальные видеоэффекты и проч.). В то же время, накопленный опыт освещения военного прошлого позволяет журналистам сохранять определенную стилистику таких телепередач. А доступ к электронным фоно-, аудио- и фотоархивам дает возможность воссоздавать визуальную и звуковую атмосферу военного времени.

На наш взгляд, потенциал телевидения в конструировании «образа» Великой Отечественной войны во многом зависит от того, насколько успешно журналисты и СМИ решают ряд задач, прежде всего – по привлечению и удержанию внимания зрителей к военной теме. Для актуализации информации о военном времени и адаптации ее для современной аудитории используется, например, прием персонификации истории, то есть показ ее событий на примере биографии конкретного человека – героя войны. Это позволяет представить сохранение памяти о нем, как семейную традицию, соблюдение которой необходимо для успешной самоидентификации и воспитания каждого члена семьи, установления и укрепления связи поколений. Такое «осовременивание» истории стимулирует интерес зрителей к прошлому и своим семей, позволяет на показанном примере создавать свои представления о том, как жили, воевали, работали их предки во время Великой Отечественной войны, то есть сконструировать индивидуальный ее «образ».

Не менее важной задачей является стимулирование активного отношения зрителей к транслируемой исторической информации. Преимущество телевидения перед другими СМИ заключается в том, что оно показывает динамику события. Но излишняя камерность, отсутствие узнаваемых изображений или звуков – символов войны, создает у аудитории ощущение статичности. Недостаток действия на экране приводит к снижению зрительского интереса. Такие, прежде всего, студийные передачи о войне могут быть ценным источником исторической информации. Но при этом потенциал телевидения в конструировании «образа» Великой Отечественной войны не будет использован в полной степени.

Справиться с решением указанной задачи помогает, в частности, регионализация военной истории, своеобразное «вписывание» ее в современную для аудитории действительность. Это могут быть, например, рассказы о героях, чьими именами названы улицы или населенные пункты региона. Также отношение зрителей к военной теме активизируют опросы людей и презентация их мнений или знаний о войне.

Интересным можно назвать опыт, когда узнаваемые для местной телеаудитории персоны (лидеры общественного мнения) рассказывают о том, что они сами знают о военных событиях, как относятся к ним, к участию в них своих предков. В результате зрители получают не только личностно-ориентированную историческую информацию, но и пример отношения к прошлому, можно сказать – исторического поведения, которому они могут следовать. Внимание заслуживает и прием сегментирования военной темы, когда журналисты не пытаются объять такое масштабное событие, как Великая Отечественная война, в одной передаче, а делают цикл выпусков, каждый из которых рассказывает о каком-либо аспекте военного времени: образование, питание, досуг, труд и т. д.

Важную роль в конструировании телезрителями индивидуального или коллективного «образа» войны играет качество посвященных ей программ. Оно во многом зависит от того, насколько органично в передаче соединяются текст и изображение, музыка и голос, общая и региональная историческая информация, аутентичные и современные документы, аудио- и видеозаписи. Так, «перекорм» изображениями войны, например, показом фронтовой кинохроники, затрудняет восприятие зрителями фактографической информации. Зачитывание в эфире фронтовых писем без пояснения конкретной исторической ситуации, в которой они были написаны, не дает желаемого эффекта. Такой документ лишь подтверждает аутентичность транслируемой исторической информации, но описываемые автором мысли и чувства, используемая лексика и отсылки к другим источникам сведений без соответствующего объяснения могут остаться непонятными современному зрителю.

Потенциал телевидения, как средства конструирования и укрепления в массовом и историческом сознании представлений о прошлом, в том числе о

Великой Отечественной войне, достаточно высок. Это обусловлено аудиовизуальной природой данного СМИ и наличием широких технических возможностей для создания и трансляции художественных образов. Однако успешность вовлечения аудитории в процесс усвоения исторической информации, сила воздействия на эмоции и воображение зрителей в значительной степени зависят от творческой составляющей телевизионных программ. Здесь определяющее значение имеет способность журналистов находить интересные ракурсы освещения военной темы, использовать новые приемы подачи информации для активизации внимания и интереса аудитории к событиям и героям Великой Отечественной войны. Итогом этого, как мы считаем, становится восприятие людьми военного прошлого как части личной (семейной) истории, включение его «образа» в представления о действительности и историческую память.

¹ Репина Л.П. Историческая память как понятие и как проект // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 184.

² Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 170.

³ Аникин Д. А. Стратегии исторической памяти и легитимизация революционных процессов // Культурная память и культурная идентичность: мат-лы Всеросс. (с международным участием) науч. конф. молодых ученых (XI Колосницынские чтения). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 14.

⁴ Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т. 3. Н–С. М.: Мысль, 2010. С. 128.

⁵ Мазур Л. Н. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // *Quaestio Rossica*. 2015. № 3. С. 168.

⁶ Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. № 2 (6). С. 29.

Кузнецов Владимир Дмитриевич

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Религиозная политика самодержавия в начале XX века отличалась крайней противоречивостью. В немалой степени это было связано и с деятельностью Святейшего Синода (Св. Синода) и его Обер-Прокурора К.П. Победоносцева. Это ведомство, с одной стороны, стремилось активизировать деятельность Русской Православной Церкви (РПЦ), с другой, усиливало правительственный контроль за этой деятельностью и мелочной регламентацией ограничивало ее самостоятельность, что крайне осложняло положение Православной церкви. Прежде всего это проявилось в падении

влияния православного духовенства на массы верующих. Среди православного духовенства уже в конце XIX - начале XX вв. появляются течения, стремившиеся к изменить Русскую Православную Церковь, то есть реформировать ее положение в государстве, повысить ее авторитет и влияние духовенства на верующих. В церковной и светской печати появляются требования освободить РПЦ от жесткой зависимости от государства. Возникли вопросы о предоставлении ей настоящей самостоятельности, проведении реформ церковного суда и епархиального управления, преобразовании прихода. Ряд представителей Церкви требовали превратить Синод в "синодальное правительство Всероссийского собора", независимое от светской власти. Другие высказывались за восстановление института патриаршества¹.

В конце декабря 1904 г. петербургский митрополит Антоний (Вадковский) от имени столичного духовенства подал председателю Комитета министров С.Ю. Витте "Записку" с предложением провести неотложные реформы в Русской Православной Церкви. При обсуждении "Записки" в Комитете министров она получила поддержку С.Ю. Витте, который на ее основании составил свою "Записку" на имя императора. В ней он изложил программу срочных преобразований в РПЦ: обновление прихода, улучшение материального положения приходского духовенства, преобразование системы духовного образования, предоставления РПЦ большей самостоятельности. Против этих предложений С.Ю. Витте решительно выступил обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев, который считал, что эти изменения представляют опасность для самодержавия. Тем не менее революция 1905 г. заставила самодержавие пойти на ряд уступок, в том числе и в религиозной политике. 17 апреля 1905 г. был опубликован "Манифест о веротерпимости", который провозглашал свободу вероисповедания всему населению Российской империи. Были прекращены гонения на старообрядцев (запрещено прежнее название «раскольники») и различных сектантов. Отныне каждый мог, не таясь, открыто исповедовать свою веру, строить храмы, издавать духовную литературу, создавать духовные братства².

В декабре 1905 г. был уволен с поста обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцев. Новым обер-прокурором стал князь А.Д. Оболенский, сторонник либеральных взглядов. В это же время император вынужден был согласиться на созыв "в ближайшее время" Поместного собора Русской Православной Церкви для решения ее неотложных нужд, в том числе и разработки не обходимых реформ. В январе 1906 г. для подготовки Поместного собора было создано при Св. Синоде Предсоборное присутствие, в которое вошли 10 епархиальных архиереев и 21 профессор духовных академий и университетов. В епархии были направлены предписания прислать свои мнения по насущным церковным проблемам, которые предстояло обсудить на Поместном соборе. От епархий поступил обширный и интересный материал разных отзывов и мнений, которые в тот же год и были изданы в 4 томах. В декабре 1906 г. Предсоборное присутствие завершило свою работу, подготовив

необходимые материалы для созыва Поместного собора. Но к этому времени правительству удалось уже отбить революционную волну, и в обстановке наступившей после 3 июня 1907 г. реакции вопрос о созыве Поместного собора РПЦ был отложен. В 1912 г. Св. Синод создал в узком составе Предсоборное Совещание, надеясь этим напомнить правительству о необходимости созвать Поместный собор, но император не отреагировал на этот шаг Св. Синода. В 1913 г. некоторые епархиальные епископы выступили в прессе с напоминанием о необходимости избрать патриарха и этим оградить Церковь от излишней ее опеки со стороны светской власти³.

Вопрос о созыве Поместного собора Русской Православной Церкви был решен в 1917 г., после свержения самодержавия. Отречение Николая II от престола одновременно означало и лишение его вав как главы Русской Православной Церкви⁴. Новый обер-прокурор Св. Синода князь В.Н. Львов 4 марта официально заявил об освобождении Православной Церкви от неканонического господства над ней императора. В подтверждение этого царский трон был вынесен из зала заседаний Св. Синода. Был изменен и состав Синода, из которого были удалены все сторонники Г. Е. Распутина. На местах стали создаваться исполнительные комитеты из духовенства и мирян, которые установили контроль над епархиями, а некоторых из них, защитников старой власти, изгнали из храмов. 29 апреля 1917 г. Св. Синод установил выборность епископов путем тайного голосования на епархиальных съездах верующих и духовенства. Так же избирался епархиальный совет, который ограничивал епископскую власть в епархии. Декретом Временного правительства от 14 июля "О свободе совести" устанавливалась свобода выбора вероисповедания, провозглашалась свобода для всех религиозных конфессий, за исключением "изуверских сект". Русская Православная Церковь по-прежнему признавалась "первенствующей", и Временное правительство не стало отделять ее от государства⁵.

5 августа Св. Синод как высший орган управления был упразднен. Вместо него учреждалось Министерство исповеданий. Тем самым закончился двухсотлетний "синодальный" период в истории РПЦ. Министром исповеданий был стал профессор Петербургской духовной академии, видный историк Церкви А.В. Карташев. Для подготовки Поместного Собора Русской Православной Церкви еще 29 апреля 1917 г. был образован Предсоборный Совет в составе 32 высших иерархов церкви и профессоров духовных академий. К 5 июля он подготовил Правила избрания представителей на Собор и Повестку дня. I Всероссийский Поместный собор РПЦ торжественно открыл свои заседания 15 августа 1917 г. в Успенском соборе московского Кремля. В состав Собора были избраны 73 архиерея, 192 приходских священника и 299 мирян. На его обсуждение был поставлен широкий круг вопросов жизни и деятельности Церкви и ее взаимоотношений со светской властью. Заседания Собора продолжались до 20 сентября 1918 г., и были прекращены Советским правительством. Но Собор успел все-таки принять ряд важных решений, и

среди них – восстановление патриаршества. Патриархом РПЦ 4 ноября 1917 г. был избран митрополит Московский Тихон (в миру Василий Иванович Белавин). Было решено: считать высшей властью в области вероучения, церковного управления и суда Поместный собор; патриарх подотчетен Собору и обязан был отстаивать интересы Церкви перед государством. Собор узаконил епархиальное и приходское самоуправление, восстановил древний обычай избрания настоятелей монастырей монашеской братией, провозгласил принцип неучастия РПЦ в политической борьбе⁶.

Во взаимоотношениях между Церковью и государством необходимо учитывать и природу их возникновения. Церковь основана Иисусом Христом; богоустановленность же государственной власти признается в историческом процессе опосредованно. Целью Церкви является вечное спасение людей, цель государства заключается в их земном благополучии.

РФ является светским государством, религия отделена от государства, образования и воспитания. Его сотрудничество с Церковью ограничено рядом областей и основано на взаимном невмешательстве в дела друг друга. В осуществлении своих социальных, благотворительных, образовательных и других программ РПЦ может рассчитывать на помощь и содействие государства. Традиционной областью общественных трудов Православной Церкви является забота перед государственной властью о нуждах народа, о правах и заботах отдельных граждан или групп населения.

¹ Русская Церковь и императорская власть (очерки по истории Православной Российской Церкви. 1900–1917 гг.). М.: Русское религиозное изд., 1998. С. 37.

² Там же. С. 71-72.

³ Одинцов М. И. Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002. С. 113-114.

⁴ Солоневич И. Солоневич И. Л. Народная монархия. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 404-405.

⁵ Там же. С. 418-420.

⁶ Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Изд. Республика, 1995. С. 98-101.

Кузнецова Ольга Николаевна

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

АДРЕСА ЧЛЕНОВ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ В 1917 ГОДУ В ИСТОРИИ ПЕТРОГРАДА

Одной из задач изучения истории повседневности Петрограда эпохи революции 1917 года является рассмотрение размещения основных объектов и локализации новой политической власти. Хотелось бы выделить «массивы проживания» членов Временного правительства с опорой на городские адреса,

затронув наиболее примечательные городские объекты, а также сюжеты, связанные с повседневной жизнью столицы и известных политических деятелей в период революции 1917 года.

Так, например, в июле 1917 года в канцелярии министра председателя был составлен адресный список с указанием телефонов и адресов членов Временного правительства¹. Вопрос о точности данного списка остается открытым. В данном случае будем отталкиваться только от архивного документа, поскольку на первом плане было выявление свода адресов личного проживания в связи с тем, что адреса официальных учреждений, где работали министры Временного правительства, достаточно хорошо известны². Следует обратить внимание также на топонимический аспект, соотнеся современные и исторические названия улиц и показать краткую историю этих зданий.

Летом 1917 года Министр-председатель, военный и морской министр, А.Ф. Керенский, жил по адресу: улица Тверская дом 29. В работе Б.В. Колоницкого затронут сюжет, связанный с официальными резиденциями Керенского³. Так, Е. Брешко-Брешковская по приглашению Керенского жила в его официальных резиденциях: сначала в здании Министерства юстиции, а затем в Зимнем дворце. Неподалеку от главы кабинета, на улице Тверская 13, располагался заместитель министра председателя и министр финансов Н.В. Некрасов, в этом же доме проживал и Министр труда М.И. Скобелев. Улица Тверская располагалась в районе Смольного монастыря и получила свое название в 1859 году, когда несколько проездов в том числе и Офицерская улица (будущая Тверская) получили наименование по губернским городам Центральной России⁴. В том же районе проживали министр государственного призрения И.Н. Ефремов на Таврической улице, дом 5 и Обер-прокурор Святейшего Синода А.В. Карташев – Кавалергардская, 22.

Следует отметить, что часть министров правительства имели свои квартиры в столице, другие же были приглашены для работы и поэтому могли жить и принимать (работать) в других местах. Например, министр торговли и промышленности С.Н. Прокопович проживал в Северной гостинице и работал в Зимнем дворце в период действия Экономического комитета⁵. Построенная в 1851 году гостиница «Знаменская» в 1887 году была переименована в «Большую Северную гостиницу», следующее ее переименование произошло в 1930 году, и с тех пор гостиница носит название «Октябрьская».

Товарищ министра путей сообщения Л.А. Устругов проживал в служебном вагоне на Николаевском вокзале. Государственный контролер Ф.Ф. Кокошкин располагался в помещении Крестьянского банка. Крестьянский поземельный банк или Крестьянский банк являлся кредитным учреждением, работал в 1882-1917 годах в Российской империи. Банк выдавал долгосрочные ссуды крестьянам на покупку земель и находился на Адмиралтейской набережной, 12.

Министр внутренних дел Н.Д. Авксентьев проживал по адресу Театральная площадь, дом 3. Сегодня это здание консерватории, конечно,

нумерация домов могла измениться, но по нашим данным этого не происходило. Также интересная пометка стоит напротив фамилии и адреса министра путей сообщения П.П. Юренева – Большой Сампсониевский 9б, квартира доктора Волкова. В настоящий момент здесь находится дом типовой постройки 1966 года, который принадлежит факультету подготовки врачей для ракетных и сухопутных войск ВМА. Заметим, что новые члены правительства имели другое жилье (в Москве и других городах) и временно переехали работать в Петроград. Вероятно, в условиях революционной ситуации не хватило квартирного фонда, а также времени для постоянного обустройства жизни новых членов правительства.

Ряд ключевых министров, которые вошли в состав коалиционного правительства (с участием социалистов), жили недалеко от нового места работы: так, например, министр земледелия В.М. Чернов располагался на улице Галерной дом 27, помощник управляющего делами Э.Э. Шольц проживал на Фонарном переулке, дом 3. Здание министерства земледелия располагалось на Большой Морской, 44.

Министр почт и телеграфа А.М. Никитин имел адрес Ждановка 3, кв. 19. В Санкт-Петербурге существуют Ждановские набережная и улица. Как пишут А. Владимирович и А. Ерофеев, с 1828 года набережную и улицу именовали одинаково – Набережная реки Ждановки. В 1887 году было присвоено название Ждановская улица и с 1914 года Ждановской постепенно становится и набережная. Вероятно, из-за сохранения прежнего названия в топонимике города, адрес был записан, как Ждановка, вероятно имеется ввиду дом номер 3 по Ждановской набережной. Министр продовольствия А.В. Пешехонов – Петропавловская ул. 4. Министр юстиции А.С. Зарудный имел адрес по Нижегородской улице дом 23, это современная улица Академика Лебедева.

Другие ключевые фигуры кабинета, а именно министр иностранных дел – М.И. Терещенко – проживал на Дворцовой набережной, 22. Министр народного просвещения С.Ф. Ольденбург находился на Университетской линии, дом 1 (вероятно, имеется в виду Университетская набережная, долгое время именовавшаяся набережной линией). Список содержит также адреса помощников министров. Так, например, А.Н. Кайстра проживал на Седьмой Рождественской улице, дом 3-4. Современное название десяти Рождественских улиц появилось в 1923 году, и сегодня улицы известны как Советские. Еще один известный деятель в Петрограде в 1917 году, П.И. Пальчинский, занимающий пост товарища министра торговли и промышленности, проживал на Матвеевской улице, дом 11. Это современная улица Ленина, которая объединила две прежних улицы, а именно Матвеевскую и Широкую.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что данный список был составлен для понимания того, кто где находился, чтобы разыскать их в случае государственной необходимости. Также можно выделить несколько «массивов проживания» деятелей правительства на городской карте, именно там располагались личные квартиры министров Временного правительства.

В основном члены правительства жили в новых домах, объекты политической власти находились по преимуществу в центральной части города, зачастую там же располагались и резиденции министров. Однако следует помнить, что рамки города были уже, и квартирному фонду могло не хватать. В целом, места проживания представителей новой власти были локализованы в трех-четыре районах города.

¹ ГАРФ (Государственный архив РФ). Ф. 1778 (Канцелярия министра-председателя Временного правительства). Оп.1. Д. 1. Состав Временного Правительства на 25 июля 1917 г.

² Костюков Ю. О.
https://www.google.com/maps/d/viewer?amp%3Busp=sharing&mid=1ear2IfuubY6z9_kEUQcvni2YFY&ll=59.937264019199624%2C30.319529686046394&z=14 – (дата обращения 25.09.2018).

³ Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март-июнь 1917 г.). СПб., 2017. С. 117

⁴ Владимирович А.Г. Петербург в названиях улиц. Происхождение названий улиц и проспектов, рек и каналов, мостов и островов. СПб., 2009.

⁵ Кузнецова О.Н. О составе Главного экономического комитета при Временном правительстве России в 1917 году // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия История. 2012. № 1. С. 42-54.

Куликова Ольга Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

Федорова Алла Владимировна

доктор исторических наук, профессор

Оренбургский государственный аграрный университет

ТРУДАРМИЯ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Проблема Трудармии, ранее запретная, в последнее пятилетие как бы выплеснулась на страницы печати, не ограничиваясь журналистскими зарисовками, включая серьезные исследования ученых. Только на Международной научной конференции «Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения», проходившей в г. Анапе в 1996 г., было представлено три доклада: П.Б. Ремпель, О.А. Гербер, Л.А. Бургарт¹.

На крутых поворотах истории на долю немецких переселенцев выпали тяжкие испытания. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года о переселении немцев, проживающих в районах Поволжья, утверждал, что немецкое население скрывает в своей среде врагов советского народа. Немцы были высланы на Урал, в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию. Вердикт гласил: на вечные времена. 1,4 млн. человек были превращены в нищих, лишены имущества и высланы в малонаселенные районы². Часть немцев отправили Оренбургскую область, в частности из Саратовской области, с Северного Кавказа, встречались и москвичи. Много насильственных

переселенцев принял Орск. В Бугуруслане и Орске для них оборудовали специальные поселки. В Домбаровке и Соль-Илецке немцы жили при шахтах.

Но это не сломило их любви к своей стране. В тылу, на трудовых фронтах они со всем советским народом ковали победу над врагом, а многие граждане немецкой национальности правдами и неправдами добились участия в военных действиях. Вот лишь несколько имен Героев Советского Союза: Петр Миллер, Михаил Гаккель, Роберт Клейн.

Немецкие юноши, призванные в армию перед войной, попали в самое пекло. Часть из них погибла, часть пропала без вести. Из хутора Пустошь-Адамовка Переволоцкого района не вернулись с фронта Петр Эльсер, Эдуард Дауэр, Фридрих Шлегель, Яков Гинкев³.

Среди погибших на поле брани – оренбуржцы Генрих Присс, Петр Дерксен, Иван Присс, Яков Классен. Трудармеец Яков Аронович Пеннер убежал из «зоны» на фронт под русской фамилией, героически сражался за свою землю. Обнаружив, что он немец, его снова направили в трудармию, лишив боевых наград. И только спустя много лет справедливость восторжествовала. Фронтовику вернули награды, признали его заслуги перед Родиной.

Воевали и вернулись живыми жители села Федоровка Акбулакского района Рафаэль Романович Иммель, Иосиф Иосифович Герб. Иммель был награжден многими орденами и медалями. И.И. Герб попал в плен, испытал его ужасы. Погибли на фронте еще до сталинского приказа А.И. Иохим, А.А. Прозовский, А.К. Гельблинг, Л.П. Рейнгольд, П.К. Оберст (с. Федоровка Акбулакского района)⁴.

Согласно постановлению Государственного Комитета Оборона «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет», принятому 10 января 1942 года, и ряду других более поздних постановлений, через военкоматы за колючую проволоку ГУЛАГа было заключено более полумиллиона немецких мужчин от 14 до 60 лет и не менее четверти миллиона женщин-немок от 15-летнего возраста.

Выполнение принятых постановлений было возложено на НКВД. «Трудмобилизованные» мужчины и женщины размещались, как того требовал ГКО, в специально отведенных «зонах», обнесенных непролазными заграждениями, с вооруженной охраной и вахтой ворот. Комендант, наделенный большими полномочиями, мог арестовать трудармейца и отправить в карцер. Лишенные документов выпускались за ограду только на работу под личную ответственность вольнонаемного представителя предприятия. Журнал «Жизнь национальностей» так характеризует трудармию: «Это было изумительное изобретение бериевского НКВД, позволившее увеличить вдвое-втрое... бесплатную силу лагерных заключенных людьми, невинными в полном смысле слова, но незведанными в положение заключенных и содержащихся под стражей. Вся разница в названии. Человек не сидел в тюрьме, не находился в лагере – он был в трудовой колонне»⁵

Советские немцы строили вольфрамовый рудник на монгольской границе (Джидстрой), Узбекский и Орский нефтеперегонные заводы, Актюбинский ферросплавный завод, Челябинский и Нижне-Тагильский металлургические комбинаты, магниевый завод в Березниках и т.д.

Большое количество оренбургских немцев отправили на работу в шахты г. Коркино Челябинской области, Домбаровки и Соль-Илецка, на предприятия Орска, в Бугуруслан. Они трудились на строительных объектах Оренбурга, Новотроицка. Многих немцев, жителей восьми немецких сел Александровского района, направили в Ульяновскую область на строительство железной дороги Балашов – Молотов. Немцы из хутора Пустошь-Адамовка строили аэродром в Донгузе, пилили в местных лесах березу для изготовления лыж для армии. Везли из глубинных сел Александровского района хлеб на элеватор.

Из Переволоцкого района более 400 мужчин направили на угольные разрезы Челябинской области, 400 с лишним женщин, мужчин, подростков трудились на заводах и стройках Оренбурга, Орска, Новотроицка, Перми⁶.

На трудовой фронт из села Хортица Александровского района было отправлено 115 человек. Уходили в три потока. Из Трудармии многие не вернулись, а некоторые по возвращении вскоре умерли.

В трудармию мобилизовали 120 немцев из совхоза «Дружба» Соль-Илецкого района, не вернулись домой 19 человек. Осенью 1942 года из колхоза «Пахарь» Тепловского района (с. Лящево) в трудармию выехало семнадцать уроженцев села Золотурино Саратовской области. В совхозе «Уральский» этого же района мобилизовали семьи Валь, Риттер, Гаас, Рост, Лейфред, Берх⁷

Одним из крупных объектов оборонного значения, на котором работали в военное время немцы, являлось строительство газопровода Бугуруслан-Куйбышев. В нем участвовало около десяти тысяч человек. В декабре 1942 года состоялась торжественная встреча немцев-трудармейцев в Бугуруслане⁸.

Основная часть мобилизованных немцев трудилась в лагерях НКВД. Доступ к архивным материалам, проливающим свет на данную проблему, все еще затруднен. Но даже крупинки данных, найденные в бывших партийных архивохранилищах, в госархивах, а также воспоминания трудармейцев позволяют представить ужасную картину «трудармейского бытия». Наслышанные об этих лагерях, немцы старались избежать мобилизации. Многие понимали, что лагерь НКВД – прямая дорога на тот свет. Эти обстоятельства привели к тому, что 16 января 1942 года во все райвоенкоматы поступил приказ Оренбургского облвоенкомата: «На некоторых предприятиях и в районах НКВД СССР совместно с соответствующими наркоматами проводят мобилизацию немцев и направляют их на работу в колонии НКВД. По сообщению ГУЛАГ НКВД имелись случаи задержки военкоматами проведения мобилизации немцев.

Приказываю: при проведении мобилизации органам НКВД не чинить препятствия».

В ноябре 1942 года была проведена вторая мобилизации в трудармию. Теперь мобилизовывали юношей с пятнадцати лет, а девушек с 16-летнего возраста, а также всех женщин, на иждивении которых находились дети в возрасте трех лет и старше. Ребятишек, а в немецких семьях их было по 6 и более, оставляли на попечении бабушек и дедушек, близких родственников, а у кого они отсутствовали – просто отдавали знакомым. Г. Герд вспоминает: «Можно себе представить какой плач стоял в те дни в каждом доме: ревели дети, от страшного горя согнулись матери. Ведь никто не знал, на какой срок продлится разлука».

Очевидец рассказывал: «Минуты расставания с детьми невозможно передать. Сердце разрывалось при виде детских ручонок, вцепившихся в матерей. Последние объятия и поцелуи... истерический плач и причитания, долгие прощальные взмахи рук. В 1943 году стали забирать женщин, дети которых были меньше трех лет» Одна из мобилизованных женщин села Федоровка проработала 15 лет⁹. Историкам еще надлежит уточнить статистику, касающуюся трудармейцев как в целом по стране, так и по Оренбургской области.

Прибывших в Коркино оренбургских немцев разместили в огороженный двумя высокими рядами колючей проволоки лагерь с отрядом вооруженной охраны. Д.Д. Лепп из Деевки, участник стротельства железной дороги Балашов – Молотов, рассказывал, что после завершения строительства дороги многих направили на лесозаготовку. «Слабое питание, непригодные жилищные условия, тяжелый изнурительный труд очень скоро привели мужчин в состояние крайнего измождения. Многие из тех, кого не удалось по состоянию здоровья отправить домой, погибли от невыносимых жизненных условий»¹⁰.

Условия, в которых находились трудармейцы, были чрезвычайно тяжелыми. Г.Г. Дик их с. Ждановки Александровского района вспоминал: «Изможденным, полуголодным, больным... приходилось пробивать тоннель через горный хребет Сихоте-Алинь. Жили в бараках, а на улице 40–50 градусов мороза. Люди умирали от недоедания, холода, болезней»¹¹.

На стройках Оренбургской области работало много трудармейцев, прибывших из Сибири, выдержавших две-три волны переселения. Одна из немок вспоминала полвека спустя о работе в Бугуруслане: «В декабре для жилья были предоставлены землянки без дверей, без окон, без печей. Спать приходилось прямо на полу. А мороз достигал 30 градусов»¹². «Среди рабочих было много больных брюшным и сыпным тифом, в день «косило» по 8–10 человек»¹³.

В 1943 году стали возвращаться домой пострадавшие в трудармии люди. Вернулся в Карагуй Я.Я. Эккерт из Батуринаского разреза, он чудом остался жив после завала в шахте. В последней стадии дистрофии прибыл домой Г.Н. Нейфельд. Опухший от недоедания, приехал домой Г.Г. Гооге. Две недели дежурили около него родные, пока опасность не осталась позади. В трудармии

погибли сотни квалифицированных работников: бригадиры, машинисты, комбайнеры, учителя и т.п.

Герхард Вольтер, бывший трудармеец, член Союза писателей российских немцев, так оценил события тех давних лет: «Это был труд для страны напряженный. Он помогал сжимать ту гигантскую пружину страны, которая, распрямившись, позволила ответить сокрушительным ударом по врагу в 1942 и 1943 годах. Но одновременно труд – труд подневольный, испогащенный унижительным заключением в своих, советских, концлагерях.

Два главных губительных фактора было в том заповолочном лихолетье «трудармейцев»: преднамеренно созданный нескончаемый голод и предписанный системой лагерной жизни чудовищный морально-психологический прессинг, окончательно добивавший смертельно голодных людей»¹⁴.

Их труд вошел в копилку общей Победы. После окончания войны немцев не отпустили на малую родину. Указ Президиума Верховного Совета СССР гласил: «В целях режима поселения для выселенных Верховным органом СССР в период Отечественной войны... немцев... а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно без права возврата их к прежним местам жительства.

За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ». Частично ограничения в правовом положении немцев и членов их семей, находящихся на спецпереселении, были сняты Указом Верховного Совета СССР 13 декабря 1955 года, где, в частности, говорилось: «Снять с учета спецпереселения и освободить из под административного надзора органов МВД немцев и членов их семей, выселенных на спецпоселение в годы Великой Отечественной войны...». Однако немцам не возвращалось имущество, конфискованное во время выселения, им запрещалось возвращаться в места, откуда они были выселены.

29 августа 1964 года Указ Президиума Верховного Совета СССР признал: «Жизнь показала, что огульные обвинения были неосновательными и являлись проявлениями произвола в условиях культа личности Сталина». Только в 1972 году сняли ограничения в выборе места жительства. Понадобилось полных тридцать лет для исправления допущенной ужасной ошибки¹⁵. И сегодня она продолжает давать свои печальные плоды. Немецкие населенные пункты опустели, и одна из причин ведет в далекий 1941 год, другая – в 1937-й. Были, несомненно, и другие «ошибки».

1. Ремпель П.Б. Депортация немцев из Европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941–1944 гг. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. Материалы международной научной конференции. Анапа, 20–25 сентября 1995 г. М.: Готика, 1996. С. 69–97; Гербер О.А. Источники изучения проблемы

использования принудительного труда мобилизованных немцев в угольной промышленности Кузбасса в 1940-е годы // Там же. С. 97–115; Бургарт Л.А. Депортация немцев в Восточно-Казахстанскую область и жизнь спецпереселенцев на спецпоселении (1941–1956 гг.): источники и состояние проблемы // Там же. С. 116–126.

2. По данным переписи 1939 года, в СССР было 1427232 жителя немецкой национальности
3. Светлый путь. Переволоцкий район. 1992. 1 февраля.
4. Степные зори. Акбулакский район. 1989. 25 февраля.
5. Жизнь национальностей. 1996. № 2. С. 88.
6. Светлый путь. Переволоцкий район. 1995. 13 июня.
7. ГАОО. Ф. 2843. Оп. 1 с. Д. 11. Л. 110.
8. Бугурусланская правда. – 1992. – 12 декабря.
9. Степные зори. Акбулакский район. 1989. 25 февраля.
10. См.: Нейфельд М.Я. Судьбы поколений. Оренбург, 1995. С. 58.
11. Звезда. Александровский район. 1992. 16 октября.
12. Оренбуржье. 1992. 7 декабря.
13. Там же.
14. Жизнь национальностей. 1996. № 2. С. 89.
15. Цой Б. Социальные и экономические аспекты реабилитации народов и граждан, репрессированных в СССР по политическим мотивам // Государство и право. 1994. № 12. С. 12–21; Лазарев Б.М. Правовые вопросы реабилитации репрессированных народов // Там же. С. 21–27.

Кулько Екатерина Ивановна (Республика Беларусь)

старший преподаватель

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ: СВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И МЕНТАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Основными характеристиками социальной системы выступают открытость, определенная степень согласованности подсистем и неравновесность, которая предполагает существование свободы выбора из нескольких возможных альтернатив будущего развития. Наиболее значимыми ограничениями возможностей данного процесса являются внешняя среда, историческое наследие, противоборство личностных и социальных сил, имеющих различные интересы и цели.

Совокупность прогрессивных системообразующих изменений во всех сферах человеческой жизнедеятельности получила в научной литературе название «модернизация». Ее современная парадигма, которая сложилась в 70-е гг. прошлого века, характеризуется следующими заключениями:

а) складывающиеся в обществе социокультурные типы и ценностно-смысловые приоритеты являются основой его устойчивости и стабильности, занимают особое место в процессах регуляции различных сторон хозяйственной и политико-правовой жизнедеятельности;

б) процессы социальной модернизации характеризуются многовекторностью институциональных, символических, идеологических интерпретаций в различных типах социума;

в) важным фактором социальной модернизации является характер устоявшихся общественных институтов и элит, степень их восприимчивости к инновациям и способность к поддержанию традиций.¹

Данная парадигма предполагает, что ментальные характеристики и ценностные стереотипы, сложившиеся в процессе исторического развития каждой страны, приобретают статус важнейшего параметра социодинамики, обеспечивая ее устойчивость и непрерывность.

Одним из целевых параметров общественного развития нашей страны в настоящее время является социально ориентированная рыночная экономика. Однако, как известно, данная модель хозяйства исторически вряд ли может считаться принципиально новой. Теоретические основы социального рыночного хозяйства были сформированы еще в 30-50-е гг. XX века, а на сегодняшний день в Западной Европе существуют и воспроизводятся, как минимум, два типа подобной модели – скандинавская и континентальная.³

Опыт формирования социальной рыночной экономики в странах Запада позволяет сформулировать основные принципы данного вида экономической системы: главенство права; устойчивость экономического роста как материальной основы для всеобщего благосостояния; установление социальных гарантий; социальная справедливость; социальное партнерство, обеспечивающее равноправные и равноответственные отношения между нанимателями, работниками и государством; ответственность граждан за экономическую эффективность индивидуальной и общей деятельности, а также за свой образ жизни.

В связи с этим отметим, что для общества, находящегося на пути формирования социальной экономики, становится актуальной проблема выборочной ассимиляции достижений передовых стран с учетом специфики собственного культурного воспроизводства. Отечественная общественная система вынуждена решать сложную двойственную задачу: с одной стороны, условия модернизации диктуются всеобщностью многих экономических законов, универсализацией структуры мирового хозяйства и глобальными интеграционными процессами. Закономерности функционирования мировой хозяйственной системы определяются «правилами игры», которые задают страны, занимающие лидирующее положение в сфере современных технологий и характеризующиеся высоким уровнем развития экономики. Важным аспектом становления этой системы является формирование универсального образа жизни, что также, предполагает экспансию западной культуры.

Культурный контекст процесса глобализации включает в себе следующие важные аспекты. Во-первых, всеохватность и комплексность изменений определяют необходимость принципиального акцента не на рассмотрение фрагментарных тенденций в тех или иных сферах, а на их взаимодействие и взаимоположение. Во-вторых, важный аспект глобализации базируется на существовании тесной связи макро- и микроуровней происходящих изменений. Новые планетарные реалии радикально

видоизменяют даже наиболее консервативные и устойчивые структуры сознания и поведения, приобретая статус высшей нормативной ценности. В - третьих, в современных условиях феномен глобализации характеризуется возникновением разнообразных культурных «гибридов», которые отличаются коротким периодом полураспада, нестабильностью, несоответствием параметрам локальной самобытности.¹

Специфика учёта влияния социокультурных факторов на процесс модернизации заключается прежде всего в том, что их следует разграничивать по степени подверженности изменениям и способности к инкорпорированию социальной инновации. С этой позиции можно выделить две основные категории компонентов в структуре ментального и социокультурного фона: 1) факторы, которые подвержены быстрому изменению или модификации и поэтому характеризуются минимальной вероятностью конфликтного взаимодействия с нововведениями (например, потребности и ожидания людей, а также принимаемой стратегии выживания); 2) факторы, для которых характерен медленный темп изменения, высокая степень устойчивости к воздействию нововведений. Параметры данной группы определяются как культурные традиции, которые обуславливают вероятность актуализации сценария их конфликтного соотношения с инновациями, а, следовательно, и снижения эффективности модернизации.

Несмотря на широкое употребление понятия «традиция», следует отметить его неоднозначность интерпретаций. В рамках анализа взаимосвязи факторов самобытности и экономических инноваций наиболее перспективным представляется «субъектный» подход к понятию традиции, согласно которому в центре внимания должно находиться «отношение данного поколения к прошлому, его согласие на наследование или же протест против этого».² Данные интерпретации традиции ориентированы на преодоление её рассмотрения «как чего-то попросту данного... Зато появляется сложная проблематика преемственности и преобразования, непостоянство шкалы ценностей, отбора; течений, благодаря которым на реке наследия появляются и исчезают острова традиций».² Таким образом, культурная традиция выступает как упорядоченная иерархия ценностей, которая опосредует всю человеческую деятельность и, соответственно, является своеобразным «фильтром» изменений, навязываемых извне. Это значит, что любая социальная инновация так или иначе оказывается проецируемой на оценочный контекст культурной традиции.

Ориентируясь на вышеотмеченные сведения, отметим, что эффективность экономической модернизации для конкретного общества определяется двумя основными критериями. Первый среди них – критерий внутренней эффективности, который обеспечивает высокие показатели развития экономики без учёта её взаимосвязи с другими сферами общественной жизнедеятельности. Второй – критерий внешней эффективности,

обусловленный влиянием на хозяйственные процессы факторов неэкономической природы, среди которых выделяется культурная традиция.

¹ Кобяк О.В. Экономический человек: закономерности формирования мышления и механизмы управления поведением. Минск: Право и экономика, 2006. 211 с.

² Шацкий Е. Утопия и традиция / общ. ред. В.А. Чаликовой. М., 1990. 456 с.

³ Пиляева В.В. Экономико-правовые категории мышления. М., Экономика, 2002. 225 с.

⁴ Экономическое мышление: философские предпосылки: учебное пособие для высших учебных заведений по экономическим специальностям / Е.Н. Калмычкова, И.Г. Чаплыгина. М.: Инфра-М, 2005. 365 с.

Курыло Ольга Владимировна (Республика Беларусь)

старший преподаватель

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия

НЕОБХОДИМОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Современная государственная политика в сфере образования направлена, прежде всего, на модернизацию системы образования. Главное – обеспечить конкурентоспособность образовательной системы, основным условием которой является инновационный путь развития экономики. В свою очередь, развитие экономики невозможно без инвестиций в человека, в образование.

Одна из главных задач модернизации образования – повышение качества образования. Качество образования признается как многоаспектная категория, интегральная характеристика системы образования, комплексный показатель, синтезирующий все этапы обучения, развития и становления личности, условия и результаты учебно-воспитательного процесса; это критерий эффективности деятельности образовательного учреждения, основной продукцией которого являются качественно подготовленные выпускники. Переход на инновационный путь развития связан, прежде всего, с масштабными инвестициями в человеческий капитал. Развитие человека – это и основная цель, и необходимое условие прогресса современного общества. Это и сегодня, и в долгосрочной перспективе наш абсолютный национальный приоритет. Будущее зависит от образования ее граждан, от их стремления всесторонне использовать свои способности, знания, умения на благо процветания государства. В переходный период своего развития страна должна разрешить свои назревшие социальные и экономические проблемы не за счет экономии на общеобразовательной и профессиональной школе, а на основе ее опережающего развития, рассматриваемого как вложение средств в будущее страны, в котором участвуют государство и общество, предприятия и организации, граждане – все, заинтересованные в качественном образовании.

В современном социуме, где знания, уровень интеллектуального развития его членов становится ключевым стратегическим ресурсом, определяющим

фактором развития экономики и становления новых общественных отношений, значительно повышается статус образования, формируются новые требования к его уровню и качеству. Образование сегодня, как никогда ранее, должно быть направлено не на обеспечение процесса, а на достижение современных образовательных результатов, в том числе экономических и социальных.

На современном этапе развития общества одной из актуальных проблем в сфере педагогической работы выступает духовное воспитание молодежи. Проблемы воспитания молодежи в обществе были, есть и будут, но в современном мире они ощущаются значительно острее, чем, например, в советское время. Тому есть несколько причин. Во-первых, в советский период проводилась жесткая политика уравниловки, как в социальном, так и в экономическом аспектах и неравенство между различными слоями населения не носило ярко выраженного характера. Во-вторых, надо отдать должное советское государство с самого раннего периода проводило политику целенаправленного воспитания молодежи, для этой цели отводилось как средства, так и была выстроена правильная система. Это было продиктовано необходимостью воспитания нового человека всецело разделяющего ценности коммунистического формата. На сегодняшний день создается такое впечатление, что государство совершенно не интересуется воспитанием современной молодежи. Можно согласиться с утверждением, что в советский период была только одна идеология и одна выработанная система нравственных ценностей. А в период демократизации общества на смену одной идеологии пришло огромное множество. Это и многообразие политических идеологий и идеологии различных национальных и этнических конфессий, каждая из которых наряду с общепризнанными ценностями проповедает свойственный своей философии исключительные ценности. При всем этом то, что мы закладываем в части воспитания нашей молодежи сегодня, является гарантом нашего благополучного будущего завтра [3].

Не секрет, что ценности могут приобретать уродливую форму и откровенный порок может без зазрения совести преподноситься как добродетель. Тому подтверждение ситуация в современной Европе, в которой однополые браки и гомосексуальные отношения не просто признаны нормой в обществе, а происходит их активное насаждение. Если государство и далее не будет прилагать активных усилий в сфере воспитания молодежи, то подобная деградация вполне возможна и у нас.

Молодежь в современном мире подвержена абсорбции мощного потока информации, которую по большей части ей никто не интерпретирует. Поскольку для большинства молодых людей нет авторитетного мнения, какую информацию из общего потока нужно принимать, а которую нет, порождает большие проблемы. Социальные институты, и прежде всего семья, образовательные учреждения, средства массовой информации не всегда способствуют формированию у молодых людей четких жизненных ориентиров. Поэтому сегодня необходим поиск новых форм воспитания молодого

поколения. Прежде всего, необходимо модернизировать воспитательный процесс в образовательных учреждениях, поскольку практика советских лет наглядно продемонстрировала насколько это эффективно [1].

Бесспорно, что обучение это один из лучших механизмов воспитания, поскольку человек высокого уровня знаний растет как личность, со свойственными личности нравственными критериями. При этом один процесс передачи знаний не может решать всех проблем воспитания, нельзя забывать, что школьная и студенческая пора – это время самого активного времени в жизни каждого человека. На мой взгляд, необходимо в образовательных учреждениях создавать условия формирования молодежных сообществ, в которых на примере друг друга в среде самой молодежи происходил бы процесс накопления и передачи нравственных ценностей. В позапрошлом веке в России студенчество являлось самым политически активным слоем населения, в этой среде рождались реформаторские идеи, в этот период был заложен фундамент современной юриспруденции, медицины, точных наук и т.п. Были созданы условия для самых смелых поисков и открытий. На сегодняшний день студенчество представляет собой по большей части инертную массу, не заинтересованную в развитии государства и общества. Бунтарский дух и свободомыслие, отличавшее студенчество в прежние времена, сейчас едва прослеживается. Поэтому необходимо делать акцент на развитие самостоятельности студентов и учащихся по уже выработанным в мировой практике стандартам [2].

К примеру, студенческий спорт в ВУЗах сведен к формализму, не проводятся первенства страны среди студентов по разного рода видам спорта. Нет в стране студенческого спортивного общества, осуществлявшего бы подобные процессы. К примеру, в США студенческий спорт является базовым в формировании олимпийского движения. Создание системы студенческого спорта позволила бы провести профилактику здорового образа жизни, что бесспорно способствовало бы повышению морально-нравственного климата.

Современную молодежь необходимо также привлекать к активному участию в политической жизни страны. Необходимо создавать молодежные комитеты внутри ВУЗов, консолидирующихся на платформе различных политических партий, дабы прививать им демократические основы и вырабатывать навык решения разногласий на основе диалога. Необходимо также создавать ячейки внутри ВУЗов различного рода благотворительных фондов, и из числа студентов активно пополнять ряды волонтеров. Что также весьма положительно скажется на выработке основ человеколюбия и сострадания.

Таким образом, необходимо отметить, что подобную работу невозможно проводить силами одних только ВУЗов, необходима единая государственная политика во всех учебных заведениях в рамках единой государственной программы. Планомерная работа в данном направлении станет серьезным

подспорьем в образовательном процессе и в формировании высоконравственного молодого поколения.

Список литературы:

1. Болонский процесс: середина пути / Под ред. В.И. Байденко. М., 2005. 135 с.
2. Гришнова Е.Е. Организация учебного процесса на основе системы зачетных единиц // Гуманитарное образование в техническом университете: состояние, проблемы, перспективы: Сборник докладов и выступлений / Под ред. В.Н. Ремарчука. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2006. С. 136-150.
3. Современные образовательные технологии и их использование в системе гуманитарной подготовки инженеров: Материалы II Всероссийской научно-методической конференции / Москва, 2–3 декабря 2010 г. М., МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2010. 237 с.

Кутепова Екатерина Валентиновна

аспирант

Массов Александр Яковлевич

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

РОЛЬ МУЗЕЕВ В ВУЗАХ МОРСКОГО ПРОФИЛЯ В ДЕЛЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ. (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ МУЗЕЯ САНКТ- ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МОРСКОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Гуманитарное образование и, в частности, изучение истории, является одной из важнейших составных частей подготовки специалистов с высшим образованием. Оно не только расширяет культурный и общеобразовательный кругозор, но и содействует социальной адаптации молодых людей, формирует их личность, воспитывает чувство патриотизма. Для учащихся кораблестроительных вузов и специальностей знание исторического прошлого своей страны и способность ориентироваться в основных процессах развития современного общества приобретает особое значение. Дело в том, что проектирование и строительство корабля, последующая его эксплуатация – процесс длительный по времени и очень дорогостоящий. При этом построенный корабль, предназначенный для реализации определенных задач в военной или гражданской области, трудно, а подчас и невозможно переделать для выполнения каких-то иных, изначально не заложенных в его конструкцию, функций. Поэтому для кораблестроителей чрезвычайно важно разбираться в особенностях геополитического положения своей страны в прошлом и настоящем, в истории ее присутствия на морях, ее участия в мировой торговле, исследовании и освоении океана. Необходимо четко осознавать характер и направление существующих военных и внешнеполитических угроз. Такое

знание необходимо для правильного выбора технических решений, определения типов и количества строящихся кораблей, для организации наиболее эффективного и экономически выверенного производственного процесса.

С началом XXI в. развитие отечественного судостроения и кораблестроительного образования, создание мощного военного и гражданского флота страны вновь стала одной из важнейших задач государства. В 2012 г. принята государственная программа «Развитие судостроения на 2013–2030 годы», которая предусматривает меры по повышению уровня технологического развития российской судостроительной промышленности, повышению ее конкурентоспособности на внутреннем и мировом рынках, определяя тем самым развитие этой отрасли на десятилетия вперед. Реализация этой программы означает появление весомого стимула к увеличению количества и повышению качества подготовки инженеров морского профиля: кораблестроителей, эксплуатационников, организаторов морских перевозок.

Одним из ведущих вузов в области подготовки будущих кораблестроителей и инженеров по созданию техники для освоения богатств океана является Санкт-Петербургский государственный морской технический университет (до 1990 г. – Ленинградский Кораблестроительный институт). Как и во всех других вузах России, история является в СПбГМТУ одной из обязательных для изучения гуманитарных дисциплин. При этом наряду с проведением учебного процесса в его традиционных формах – лекции, семинары, организация студенческих научно-практических конференций, в практику преподавания истории вошла совместная работа с музеем Морского технического университета.

Вузовские музеи существуют в настоящее время практически при каждом учебном заведении. Такие музеи, как представляется, могут стать значимым учебным, методическим и научным компонентом изучения истории в высших учебных заведениях. В экспозиции вузовских музеев отражается история самого высшего учебного заведения, история создания и развития отрасли, история эволюции технических решений и – что отнюдь не маловажно в воспитательном отношении – судьбы и профессиональные достижения наиболее выдающихся выпускников. Не является исключением и музей Морского технического университета. Подобный музей существовал еще в стенах кораблестроительного отделения Политехнического института, от которого «отпочковался» в качестве самостоятельного вуза Ленинградский кораблестроительный институт в 1930 г. Преемником того первого музея кораблестроительного отделения стал современный музей кораблестроения и кораблестроительного образования СПбГМТУ, открытый в 2005 г.

В настоящее время площадь музея составляет 220 кв. метров, а его фонды насчитывают более 3000 единиц хранения. Экспозиции музея отражают практически все этапы зарождения российского кораблестроения и становления

кораблестроительного образования России. Прослеживается история развития СПбГМТУ от образования кораблестроительного отделения Императорского политехнического института в 1902 году через становление и успешное развитие Ленинградского кораблестроительного института к современному Санкт-Петербургскому государственному морскому техническому университету. Собраны материалы об участии студентов и преподавателей в Великой Отечественной войне, в послевоенном строительстве и развитии отечественного судостроения, о роли выпускников вуза в развитии отечественной кораблестроительной науки и материальной базы российского военного и гражданского флота. Представлены экспонаты, иллюстрирующие жизнь и увлечения студентов ЛКИ, в частности участие студентов в шлюпочных агитационных походах. Отдельный зал посвящен работе конструктора 60-х годов: воссоздана чертежная мастерская, отражающая обстановку проектно-конструкторского бюро 60-х годов.

При изучении истории, которая на большинстве факультетов преподается на первом курсе, для студентов-первокурсников проводятся ознакомительные экскурсии в музей СПбГМТУ. Они призваны дать студентам ясное представление о роли и месте их родного вуза в деле создания и эксплуатации российского флота, о тех научных школах, которые, получили развитие в стенах их Альма-матер. Рассказы и свидетельства о вкладе корабелов в победу в Великой Отечественной войне обычно производят сильное впечатление на студентов и выступают, по сути дела, ненавязчивой и эффективной формой патриотического воспитания. Каждый год осенью для учащихся и заинтересованных сотрудников вуза организуется автобусно-пешеходная экскурсия по местам боев 264 отдельного пулеметно-артиллерийского полка, сформированного из студентов и сотрудников ЛКИ и работников судостроительного завода «Адмиралтейские верфи». В 2018 г. при содействии сотрудников музея организовано шествие обучающихся с портретами погибших студентов 264 ОПАБа в рамках акции «Бессмертный полк». На территории музея проводятся встречи с ветеранами ЛКИ-СПбГМТУ, которые передают из первых уст свои воспоминания о жизни, педагогической и научной деятельности в родном вузе. Таким образом, музей не только используется для изучения истории Отечества вне рамок учебного процесса, он также становится одним из главных звеньев воспитательной работы со студентами, центром формирования у них чувств гражданственности и патриотизма.

Не менее значима роль музея и его экспонатов в деле профессиональной подготовки будущих кораблестроителей, в частности при изучении ими курсов по истории кораблестроения и истории развития военно-морской техники. Кроме того, экспонаты музея помогают обучающимся осознать роль судостроения как важнейшей отрасли отечественной промышленности, оказывающей стимулирующее воздействие на развитие других отраслей, на развитие науки и техники в целом.

Так как вузовский музей является неотъемлемой частью университета, он выполняет и имиджевые функции, которые заключаются в своего рода рекламе Морского технического университета и привлечении абитуриентов. Это потребовало от сотрудников музея организации различных форм профориентационной работы. Все чаще проводятся экскурсии, причем не только для будущих абитуриентов, но даже и для школьников младших классов, которым в игровой форме рассказывается о будущей профессии. Подобный опыт с проведением квестов и игр по станциям был проведен со школьниками – детьми сотрудников университета в апреле 2018 г.

Конечно, в работе музея СПбГМТУ остаются еще нереализованные возможности и пресловутые «узкие места». В условиях современного общества музею не достаточно быть просто «институтом» памяти. Чтобы достойно выполнять свои функции в современном обществе, музейная работа должна быть организована на современном техническом уровне. Необходимо активно внедрять информационные и коммуникационные технологии, создавать электронные экспозиции и виртуальные 3D-туры. Это требует серьезных финансовых вложений, что крайне затруднительно в условиях хронического недофинансирования вузовских музеев. Не менее значимым для успешной деятельности и совершенствования экспозиционной и научной работы вузовских музеев является активизация усилий по пополнению музейных фондов, их научному описанию и систематизации, организация учета и создание должных условий хранения экспонатов.

Как показывает практика, для повышения роли музеев как идеологического, учебно-методического и научно-просветительского подразделения вуза, требуются серьезная научная разработка методических и организационных принципов сопряжения музейной работы с учебным процессом.

Ланцов Сергей Алексеевич

доктор политических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЦЕРКОВНОГО РАСКОЛА НА УКРАИНЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В 2018 – начале 2019 гг. общественность и экспертное сообщество России активно обсуждает и комментирует события вокруг православной церкви на Украине. Сложившаяся ситуация имеет свою предысторию, ее возникновение обусловлено факторами социально-политического и идеологического характера. Во многом первопричиной сегодняшних событий является имманентно присущее православной церкви противоречие между ее

сущностным универсализмом и административной децентрализацией. Если католическая церковь имеет единый центр в лице Папского престола, то в православии изначально стала складываться система независимых друг от друга автокефальных церквей, объединенных общими религиозными догматами и обрядами. Еще в Византийской империи наряду со Вселенским патриархатом с центром в Константинополе существовали Антиохийский, Александрийский и Иерусалимский патриархаты.

Вследствие политических причин число независимых автокефальных православных церквей могло меняться. Как правило, образование новой автокефальной церкви было связано со стремлением светских правящих элит укрепить и легитимизировать свою власть. Так, получение русской православной церковью автокефалии в 1448 г. можно рассматривать как закономерный итог процесса восстановления независимости и суверенитета Московского государства. Автокефальные церкви могли поглощаться другими, более крупными православными автокефальными церквями. Так, грузинская церковь после вхождения Грузии в состав Российской империи в начале XIX в. была присоединена к Русской православной церкви. В XIX в. ведущей в православном мире стала тенденция создания новых автокефальных церквей, что было связано с началом эпохи возникновения национальных движений и появления национальных государств. Очень часто обретение автокефалии новой православной церковью сопровождалось конфликтами, носившими не столько религиозно-канонический, сколько политический характер.

Образование новых государств в Юго-Восточной Европе происходило на территориях, ранее входивших в состав Османской империи, и ее власти этому всячески препятствовали, не останавливаясь перед использованием самых жестоких мер. Одновременно Константинопольский патриархат сопротивлялся созданию в новых государствах автокефальных церквей, стремясь сохранить свой административный контроль над ними. Такое сопротивление могло быть более или менее длительным. В одних случаях автокефалия признавалась вскоре после образования новых государств, как в Греции и Румынии. В других случаях признание автокефалии растягивалось на десятилетия, например, автокефалия Болгарской православной церкви была провозглашена в 1870 г., т.е. еще до создания независимого болгарского государства, а признана Константинопольским патриархатом в 1945 г. Весь этот период в болгарском православии сохранялся раскол¹.

В отличие от Османской империи, где православная церковь не занимала главенствующего положения, в России она была по сути одним из государствообразующих институтов. Православным было большинство населения Российской империи. С петровских времен русская православная церковь управлялась не избранным патриархом, а назначенным светскими властями обер-прокурором Священного Синода. Так же, как и другие полиэтнические империи, в XIX в. Россия столкнулась с зарождавшимися и активизировавшимися национальными движениями, потенциально

угрожавшими ее целостности. Русскую православную церковь, тесно связанную с государством, этот вызов поначалу затрагивал в меньшей степени, поскольку те этнические группы, где в первую очередь зарождались националистические идеи, не относились к числу исповедовавших православие.

Исключение составляла православная Грузия. Грузинская церковь, как уже отмечалось, была инкорпорирована в состав Русской православной церкви после вхождения Грузии в состав Российской империи. Но она сохраняла свою самобытность. Попытки унифицировать религиозную жизнь в Грузии по стандартам империи привели к латентным конфликтам. Когда в начале XX в. Грузию охватили волнения на социальной и национальной почве этот латентный конфликт привел к возникновению движения за автокефалию грузинской церкви. Светские и церковные власти Российской империи, после некоторых колебаний, все же не пошли на восстановление автокефалии грузинской церкви. Сразу после падения самодержавия в 1917 г. грузинская церковь получила автокефалию, которая сохранилась у нее и после включения Грузии в состав Советского Союза в 1922 г. Русская православная церковь признала грузинскую автокефалию только в 1942 г.

Серьезные проблемы у Русской православной церкви в период кризиса и распада Российской империи возникли на Украине. Православная традиция у восточных славян – великороссов, украинцев и белорусов – была общей. На рубеже XIX – XX вв. вопрос о дальнейшей судьбе этих народов еще не был окончательно определен и этноним "русские" охватывал три восточнославянских народа. Однако зародившееся украинское движение основывалось на идеологии украинского национализма, квинтэссенцией которого была идея полного отрыва от русских и России во всех сферах. В рамках этой идеологии была представлена фальсифицированная версия исторического процесса и литературный украинский язык, который должен был максимально отличаться от русского. Программа украинского национализма включала и задачу создания самостоятельной украинской церкви. Первый шаг к разрыву с традиционным православием заключался в замене церковнославянского языка в богослужении украинским. По этому поводу критик украинского национализма из числа русских эмигрантов Н. Ульянов справедливо отмечал: «Церковь и без того была "украинской" от рождения. Она возникла в Киеве, учреждена киевскими князьями, служила 900 лет на языке введенном теми же князьями и всем киевским обществом X-го столетия. То был живой осколок Киевского Государства. Объявив это государство "украинским", самостийники автоматически переносили новое имя на православную Церковь. Теперь приходилось украинизировать украинское»².

Однако до 1917 г. планы создания отдельной украинской церкви оставались абстрактными. В отличие от Грузии, где возникло мощное движение за автокефалию, на украинских землях ничего подобного не было. Распад Российской империи изменил ситуацию. С одной стороны, Русская православная церковь, тесно связанная с самодержавием, после его падения

оказалась в глубоком кризисе. С другой стороны, на политическую арену вышли силы, ранее считавшиеся маргинальными, и в их числе украинские националисты. Были предприняты первые попытки образования самостоятельной государственности в виде Украинской народной республики и Украинской державы гетмана Скоропадского. Летом 1918 г. был сделан шаг к созданию автокефальной Украинской церкви, но эти усилия не увенчались успехом, хотя была основана структура под названием Всеукраинская церковная рада. Политическая нестабильность и частая смена власти на Украине в годы гражданской войны не позволили сторонникам автокефалии реализовать задуманное.

После окончания гражданской войны и утверждения на Украине советской власти в 1921 г. автокефальная церковь была формально учреждена. Созданная на Всеукраинском церковном соборе Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ) не соответствовала церковным канонам и не пользовалась поддержкой со стороны основной массы верующих и священнослужителей. Но к ее деятельности благожелательно отнеслись большевики. С одной стороны, УАПЦ рассматривалась ими как противовес Русской православной церкви, с другой стороны, в этот период на Украине проводилась политика «коренизации», которая предполагала заимствование и использование ряда идей и подходов, разработанных в рамках идеологии украинского национализма. Нормализация отношений советского правительства с Русской православной церковью (РПЦ) и переход к активной борьбе с украинским национализмом предопределили судьбу УАПЦ: в начале 1930-х гг. она была ликвидирована.

Попытка возобновить деятельность УАПЦ была предпринята в период немецко-фашистской оккупации на Украине, а затем в эмиграции. Хотя структуры УАПЦ за пределами СССР сохранились, эта церковь не добила признания со стороны других православных церквей и осталась вне пределов канонического поля мирового православия. На Украине УАПЦ возобновила свою деятельность после распада СССР, но она так и осталась маловлиятельной и малочисленной. Политические процессы на постсоветской Украине находились под сильным влиянием украинского национализма, это влияние распространялось и на религиозную жизнь украинского общества. В 1992 г. в православной церкви на Украине произошел раскол, в результате которого возник так называемый Киевский патриархат, противостоящий Украинской православной церкви, оставшейся в составе Московского патриархата. На протяжении большей части постсоветской истории на Украине сохранялась ситуация параллельного существования трех православных церквей, из которых лишь УПЦ Московского патриархата имела канонический характер. Различные силы, действовавшие на политической арене Украины, пытались использовать религиозный фактор в своих интересах. Поскольку во внутривнутриполитической жизни Украины сохранялся определенный баланс,

постольку и религиозная ситуация была относительно стабильной, а межцерковный конфликт существовал в «замороженном» состоянии.

Все изменилось после государственного переворота 2014 г. и последовавших за ним событий. Национализм стал идейной основой официальной политики государственной власти Украины. Одно из проявлений такой политики – попытка «объединения» православной церкви на Украине, предпринятая президентом П. Порошенко. Это происходило на основе нелегитимных и неканонических решений Вселенского Патриарха Варфоломея. В результате объединились раскольники из УПЦ Киевского патриархата и УАПЦ. Большинство иерархов, священнослужителей и верующих канонической УПЦ от такого «объединения» отказались. Но теперь Украинская православная церковь подвергается давлению как со стороны радикальных националистических сил, так и официальных властей. Таким образом, воздействие политических и идеологических факторов на религиозную сферу может порождать острые, сложные конфликты, перспективы разрешения которых весьма неопределенны.

¹ Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи / Перевод с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.

² Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М.: Издательство "ИНДРИК", 1996. 289 с. С. 266.

Ланцова Ирина Сергеевна

кандидат политических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

КОРЕЙСКИЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

С 60-х годов XIX в., после присоединения Уссурийского края, во внешней политике Российской империи все большее значение приобретал восточноазиатский вектор. Среди вопросов, встававших в связи с этим перед Россией, был и корейский вопрос. В этот период Корея, традиционно находившаяся в сильной зависимости от Китая, стала объектом территориальной экспансии со стороны Японии. Успехи модернизации Японии привели к тому, что эта страна стремилась навязать свою волю соседям по Северо-Восточной Азии – Корее и Китаю. Прямым следствием такой внешнеполитической стратегии Японии была японо-китайская война 1895 года.

Победа Японии в этой войне встревожила и страны Запада, и Россию. Российская империя, в частности, добилась изменения условий первоначального мирного договора между Японией и Китаем, получив для себя права аренды Ляодунского полуострова, где были построены русские города

Порт-Артур и Дальний. Россия предпринимала усилия для укрепления своих экономических и политических позиций на территории Кореи. Таким образом, интересы Японской империи на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии в целом столкнулись с интересами Российской империи. Дальнейшее развитие конфликта российских и японских интересов в 1904 году привело к войне между Россией и Японией.

Несмотря на явное экономическое и военное превосходство России над тогдашней Японией, последней удалось одержать в русско-японской войне победу. Одним из политических последствий войны стало окончательное утверждение господства Японии на корейском полуострове.

Русско-японская война усугубила внутренний политический раскол в корейском обществе. Часть прояпонски настроенной элиты однозначно заняла антироссийские позиции, смирилась с неизбежной, по ее мнению, утратой Кореей своей самостоятельности. Другая часть, во главе с королем Кочжоном, придерживалась пророссийской ориентации и, соответственно, негативно относилась к действиям Японии. В одном из писем российскому императору Николаю II король Кочжон писал: «В течении пяти месяцев со времени объявления войны Корея терпит от Японии неисчислимые бедствия. Испытание, переживаемое моим государством, удручает меня тяжким горем, и единственное облегчение я нахожу в том, что некоторые из моих сановников и чиновников разделяют мои чувства. Положение мое крайне тяжелое, но переношу его, утешая себя тем, что в скором времени темные тучи рассеются и я снова увижу ясное небо»¹. Несомненно, возможность в будущем увидеть «ясное небо» Кочжон связывал с победой России над Японией, поскольку твердо надеялся, «что милостивыми заботами Вашего Величества под великодушным покровительством России счастье и благоденствие Кореи будут обеспечены и существующие дружеские отношения между обоими нашими государствами еще более укрепятся»².

Подобные настроения в еще большей степени были присущи рядовым корейцам, испытывавшим во время русско-японской войны притеснения со стороны японцев. Как отмечал русский посланник в Корею К. Вебер, «очень многие и многие корейцы симпатизируют России и в душе молят, чтобы она вышла победительницей из этой злосчастной войны»³.

Основные военные действия между Японией и Россией происходили на территории Китая, тем не менее, русско-японская война затронула и Корейский полуостров. В частности, первое сражение этой войны произошло около корейского порта Инчхон (в то время Чампульпо). В дальнейшем столкновения между русскими и японскими войсками имели место и на земле Кореи. Русские военные силы, действовавшие на Корейском полуострове, были немногочисленны и представлены, в основном, казаками. Но они получали определенную помощь и поддержку со стороны корейцев. Еще существовавшая самостоятельная корейская армия получила тайный приказ короля Кочжона не оказывать русским войскам сопротивления. Более того, многие корейские

офицеры передавали русскому командованию ценные разведывательные сведения. Гражданское корейское население зачастую выступало на стороне русской армии с оружием в руках.

Годы русско-японской войны стали периодом зарождения традиций антияпонского партизанского сопротивления на Корейском полуострове. В северных и восточных провинциях Кореи возникли крупные по численности партизанские отряды, на юге же действовали небольшие партизанские группы. Корейское партизанское движение возникло стихийно, без какого-либо участия русского военного командования. Хотя некоторое русское влияние все же имело место. Так, один из отрядов возглавил бывший юнкер военного училища в российском городе Чугуеве кореец Хен Хан Гын⁴.

Наличие массовых антияпонских настроений и готовность корейцев к вооруженной борьбе с японскими захватчиками породили у части русских военных планы создания Корейского народного ополчения. Русский подполковник барон Корф по этому поводу отмечал: «В случае формирования Корейского народного ополчения, оно может принести нам большую пользу на корейском театре военных действий...»⁵. Русскими офицерами при участии корейского полковника Виктора Кима, ранее состоявшего флигель-адъютантом у короля Кочжона, были предприняты попытки сформировать Корейское народное ополчение. Однако реализовать этот план до конца войны так и не удалось.

В русско-японской войне Россия фактически потерпела поражение. Хотя потенциальные ресурсы России превосходили аналогичные ресурсы Японии, продолжать военные действия царское правительство не могло и согласилось на мирные переговоры в Портсмуте. В ходе этих переговоров корейский вопрос не относился к числу важнейших, но все же стал предметом обсуждения.

Переговорные позиции России и Японии по вопросу о будущем Кореи были прямо противоположными. Япония стремилась к полной аннексии Кореи, а Россия предполагала сохранение ее формально-юридического суверенитета. На результаты переговоров в Портсмуте влияли не только итоги военного противостояния между Россией и Японией, но и структурные факторы, обусловленные сдвигами в международных отношениях того времени. К началу переговоров в Портсмуте Россия фактически осталась без союзников в Восточной Азии. Япония же, напротив, заручилась поддержкой Великобритании, а также Соединенных Штатов Америки. Великобритания поддерживала японские притязания на Корею, с некоторыми оговорками схожую позицию занимали США и Франция. В ходе переговоров Россия была вынуждена отказаться от прав аренды Ляодунского полуострова, южной части КВЖД, вывести свои войска из Манчжурии и уступить Японии южную часть Сахалина.

По корейскому вопросу российская дипломатия сумела добиться, пусть и небольшого, успеха. На протяжении всего переговорного процесса глава российской делегации С. Витте отстаивал тезис о сохранении суверенитета

Кореи. В результате в итоговых документах Портсмутской конференции прямо не было указано о лишении Кореи суверенитета. Однако Портсмутский мир все же был политической победой Японии, позволившей ей продолжать движение к своей цели – аннексии Корейского полуострова. Россия вынуждена была признать особые права Японии в Корее, одновременно отказавшись от своих прав, прежде всего от концессий на севере полуострова. Вскоре после подписания Портсмутского мирного договора Япония навязала Корее Договор о протекторате⁶, что привело к утрате Кореей последних остатков самостоятельности в международных делах.

Отношение к установлению японского протектората было в корейском обществе неоднозначным. Часть элиты и некоторые слои населения Кореи приветствовали данное событие. Имели место выступления в поддержку японских властей. Но более активным был протест против такого поворота событий со стороны основной части корейского народа. Проходили многочисленные демонстрации с требованиями аннулировать неравноправный договор. Сопrotивлялся аннексионистским планам Японии и король Кочжон. Последней его попыткой добиться от международного сообщества признания суверенитета Кореи была поездка корейской делегации на Вторую Гаагскую конференцию мира, открывшуюся в июне 1907 года.

Вторая Гаагская конференция была важнейшим событием в международных отношениях начала XX в. Сам факт полноценного участия в этой конференции представителей Кореи подтвердил бы, что Корея остается самостоятельным субъектом мировой политики. Изначально Россия пыталась содействовать планам короля Кочжона и корейские представители оказались в Гааге при явном российском содействии. Но к моменту начала работы Гаагской конференции ситуация для реализации планов короля Кочжона оказалась неблагоприятной. Как отмечает современный южнокорейский исследователь, «к сожалению, все выходы на международную арену для Кореи были заблокированы Японией. Да и Россия была связана по рукам и ногам недавно подписанным Портсмутским мирным договором; она постоянно искала новых надежных партнеров на международной арене, чтобы вновь выйти на первые роли в мировой политике. В этой ситуации при всем своем благожелательном отношении к Кочжону царское правительство не могло себе позволить поддержать его посланцев. Эти соображения, очевидно, сыграли решающую роль при определении позиции по корейскому вопросу российских уполномоченных на второй Гаагской конференции»⁷. В результате у корейской делегации не состоялись встречи с полномочными представителями государств-участников Гаагской конференции, а Япония использовала «Гаагский инцидент» для обвинения и нападок на короля Кочжона. Вскоре под японским давлением король Кочжон вынужден был отречься от престола.

Установление японского протектората стало лишь шагом к превращению Кореи из самостоятельного государства в колониальное. Окончательная аннексия Кореи Японией произошла в 1910 году. Корейский

народ оказался среди тех народов, которые в начале XX в. были лишены своей национальной независимости.

Практически единственной из великих держав, выступивших за сохранение суверенитета и национальной независимости Кореи, оказалась Российская империя. Однако ни ресурсы России, ни расстановка сил на международной арене в тот период не позволили достичь целей российской политики по корейскому вопросу. Тем не менее именно на рубеже XIX и XX вв. утвердились традиции дружественных отношений между Россией и Кореей, который в той или иной форме сохранялись и развивались на протяжении последующего столетия.

¹ Цит. по Пак ЧонХё. Русско-японская война 1904-1905 гг. и Корея. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 278 с. С. 183.

² Там же.

³ Там же. С. 182.

⁴ Пак ЧонХё. Русско-японская война 1904-1905 гг. и Корея. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 278 с. С. 211.

⁵ Там же. С. 215.

⁶ Шулатов Я.А. Корейский вопрос в российско-японских отношениях в 1905-1907 гг. // Восточный архив. 2004. № 11-12. С. 132-142.

⁷ Там же. С. 250-251.

Ланцова Лариса Александровна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет

ИСТОКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ СТАНОВЛЕНИЯ В РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

Идеи об отношении личности и власти, о природе человека как политического существа, содержащиеся в трудах таких политических мыслителей, как Аристотель, Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо, А. Смит и других, фактически стали источником политической психологии. Но политическая психология не была возможна, пока сама психология не оформилась как самостоятельная отрасль научного знания. Только в конце XIX столетия, когда, с одной стороны, психология конституируется в качестве отдельной научной дисциплины, а, с другой стороны, происходит развитие социологии и начинается становление современной политологии, создаются предпосылки для специальных политико-психологических исследований.

Существенный вклад в становление политической психологии в тот период внесли французские психологи и социологи Г. Тард и Г. Лебон¹. Хотя Г. Тарда в большей степени интересовали общие закономерности развития общества, чем специфические особенности политических процессов, однако

некоторые элементы его теоретической концепции были востребованы для изучения именно этих процессов. Исследования Г. Тарда легли в основу одной из первых психологических концепций политического лидерства, не утратившей полностью своего значения и по сегодняшний день. Для изучения массовых политических акций, механизмов формирования массового политического сознания использовались работы Г. Тарда по психологии толпы. В еще большей мере психологический подход к анализу социально-политических процессов продемонстрировал другой французский ученый Гюстав Лебон, который считал, что именно психология должна стать главным инструментом познания общественных явлений, включая, естественно, и политику. При этом сама психология должна ориентироваться не на познание сознательных поступков людей, а на неосознаваемые моменты душевной жизни, на изучение бессознательных психических факторов.

Как и Г. Тарда, Г. Лебона особенно интересовал феномен толпы. По его мнению, на рубеже XIX и XX веков в Европе наступала «эра толпы». Ученый выделил целый ряд характеристик толпы как группы людей, охваченных общими настроениями, стремлениями и чувствами. Исследования поведения людей в толпе привело ученого к идее о том, что особенно сильно толпа способна воздействовать на политические процессы. Пример подобного поведения Г. Лебон находил в действиях парижских народных низов во время Великой французской революции. С точки зрения ученого, революционные периоды отличаются «властью толпы», когда поведение людей, охваченных всеобщим возбуждением, меняется, и под влиянием толпы индивиды способны совершать неожиданные и нехарактерные для них героические или варварские поступки, они также доступны внушению и легко поддаются на любые, в том числе абсурдные, призывы лидеров толпы и демагогов. Идеи Г. Лебона носили консервативный характер. Они были направлены не только против революционной практики, но и против институтов парламентской демократии. В своей известной работе «Психология социализма» французский ученый характеризовал этот социально-экономический и политический строй как общество, состоящее из толп неприспособленных к жизни людей². Критикуя социалистическую теорию как научно несостоятельную, он все же не сомневался в ее осуществимости в силу иррациональности, присущей массовому сознанию, и привлекательности социалистических идей для широких масс. Хотя критика Лебоном социалистической теории и практики в какой-то мере была тенденциозной, некоторые ее положения оказались пророческими. В работах Г. Лебона содержались также практические рекомендации по манипулированию поведением людей, которые с успехом использовались некоторыми политическими лидерами XX столетия.

Однако в XIX веке политическая психология еще не оформилась в самостоятельную научную дисциплину. Ее становление в таком качестве шло параллельно с развитием политологии и других наук о политике и завершилось во второй половине XX века.

Появление психоанализа оказало значительное влияние на развитие политической психологии в XX веке. Идеи З. Фрейда и его учеников К. Юнга и А. Адлера легли в основу исследований классика американской политологии Г. Лассуэлла³, предложившего собственную методологию изучения политических процессов и отношений. Кроме психоанализа, в рамках Чикагской школы, крупнейшим представителем которой был Г. Лассуэлл, использовались и методологические подходы другого психологического научного направления – бихевиоризма. Во время Второй мировой войны эти психологические методики применялись для практических целей изучения возможных вариантов поведения руководителей нацистской Германии.

После второй мировой войны политическая психология получила дальнейшее развитие. Широкую известность в начале 1950-х годов приобрели исследования по проблемам авторитарной личности, под руководством Т. Адорно⁴. Расширилась сфера применения психологических методов исследования политических процессов. Например, психологов стали привлекать проблемы внешней политики и международных отношений. В 1960-е годы при Американской психиатрической ассоциации была сформирована группа по изучению международной политики, на основе которой в 1970 году был создан Институт психиатрии и внешней политики. В 1970-е годы процесс становления политической психологии как относительно самостоятельной научной дисциплины завершился. Свидетельством тому стало образование в 1979 году Международного общества политических психологов (ISSP).

В нашей стране процесс становления политической психологии имел свою специфику. В первые послереволюционные годы в Советской России большой популярностью пользовались идеи З. Фрейда и его учеников. Методологию психоанализа пытались использовать в политических исследованиях и в реальном политическом процессе.

С конца 1920-х годов для социально-гуманитарных наук в Советском Союзе наступили тяжелые времена. Если социология и социальная психология лишились официального статуса, то занятия политико-психологическими исследованиями стали просто опасными. Ситуация начала меняться только в 1960-е годы, когда, с одной стороны, произошло окончательное утверждение отечественной социальной психологии как официально признанной науки, а, с другой стороны, для советской научной общественности стали более доступными работы западных ученых по политологии и политической психологии. В рамках официально поощрявшейся «критики буржуазной идеологии и ревизионизма» проблемы политической психологии освещались в публикациях советских обществоведов, например, Г. Дилигенского, Ф. Бурлацкого, А. Федосеева⁵, Н. Косолапова, Е. Шестопаля и др. Были сделаны попытки использовать методологические подходы политической психологии к исследованию политических процессов пока еще за пределами Советского

Союза – в Западной Европе, Северной Америке, развивающихся странах Африки, Азии и Латинской Америки.

Становление отечественной политической психологии началось в годы «перестройки». Появление сферы публичной политики, многочисленные социально-политические и межнациональные конфликты вызвали огромный интерес к политико-психологической проблематике. 6 октября 1989 года первая в Советском Союзе кафедра политической психологии была открыта на факультете психологии Ленинградского государственного университета. Вскоре специальные учебные и научные подразделения такого профиля появились в Москве и других городах России и СНГ.

После 1991 года значение политической психологии возросло. Многопартийность, избирательные кампании, общественные движения и другие явления политической сферы стали предметом изучения. Появилось немало интересных исследований и учебных пособий по политической психологии таких авторов, как Г. Дилигенский, Л. Гозман, Е. Егорова-Гантман, В. Крамник, Д. Ольшанский, Е. Шестопап, А. Юрьев⁶. Учебные курсы по политической психологии читаются во многих российских университетах, где готовят политологов, психологов, специалистов в области международных отношений. В 1993 году была создана Российская ассоциация политических психологов, вступившая в качестве коллективного члена в ISSP.

¹ Лебон Г., Тард Г. Психология толп. Мнение и толпа. М.: Институт психологии РАН, КСП+, 1998. 416 с.

² Лебон Г. Психология социализма. М.: Социум, 2017. 484 с.

³ Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика: Монография / Пер. с англ. М.: Издательство РАГС, 2005. 352 с.

⁴ Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М.: Астрель, 2012. 480 с.

⁵ Федосеев А.А. Современная американская буржуазная политология: Истоки, традиции, новации. Л.: ЛГУ, 1989. 216 с.

⁶ Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994. 304 с.; Ольшанский Д.В. Политическая психология. СПб.: Питер, 2002. 576 с.; Шестопап Е.Б. Политическая психология. М.: ИНФРА-М, 2002. 448 с.; Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. СПб.: СПбГУ, 1992.

Левин Владимир Ильич

кандидат исторических наук, доцент

Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I

С. Ю. ВИТТЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

Сергей Юльевич Витте являлся крупнейшим государственным деятелем Российской империи за два последних царствования. Во время правлений императоров Александра III и Николая II. Витте определял финансовую политику, будучи одним из самых влиятельных людей в стране и при дворе.

Граф (1905) Сергѣй Юльевич Витте (1849 – 1915) — русский государственный деятель, министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892—1903), председатель Комитета министров (1903—1906), председатель Совета министров (1905—1906).

«Среди крупных государственных деятелей России трудно найти личность сколь незаурядную, яркую, столь и неоднозначную, противоречивую, каким был С. Ю. Витте. Этому человеку было суждено испытать головокружительный взлет — подняться от третьеразрядного канцелярского чиновника до самого влиятельного министра...» [5, С. 285].

На рубеже XIX-XX веков российское руководство продолжало искать пути совмещения традиционных основ жизни и набирающей обороты индустриализации. Правящая элита стремилась не только догнать, но и перегнать ведущие западные страны. Практическую реализацию эти идеи нашли в деятельности С.Ю. Витте, ставшего в 1892 г. министром финансов. Витте провел ряд реформ, направленных на модернизацию России. В основе Виттевской модернизации лежала мысль о важности развития путей сообщения, особенно железнодорожного транспорта и инфраструктуры в стране, имеющей огромную территорию.

Программа индустриализации страны, разработанная С.Ю. Витте, включала следующие задачи:

«1. Усиление государственного регулирования развития промышленности путем предоставления кредитов и распределения госзаказов среди частных предпринимателей. 2. Первоочередное развитие базовых отраслей тяжелой промышленности: горнодобывающей, металлургической, машиностроительной, химической. 3. Форсированное железнодорожное строительство с целью развития связей между отдельными экономическими районами страны, удобства подвоза экспортного хлеба к портам, более интенсивного освоения восточных регионов (Сибирь, Дальний Восток), организации переселений крестьян на новые земли. 4. Широкое привлечение иностранного капитала в Россию. Зарубежные предприниматели были заинтересованы вкладывать свои средства в российскую промышленность из-за дешевизны рабочей силы и высоких прибылей. 5. Защита отечественного производителя от иностранной конкуренции путем покровительственных таможенных тарифов. 6. Развитие банковского дела; государственный контроль и поддержка акционерных банков. 7. Стабилизация финансовой системы; профицит бюджета, введение золотого рубля, жесткий контроль за денежной эмиссией. 8. Модернизация сельского хозяйства, устранение ограничений на передвижение крестьян, отмена круговой поруки, разрешение свободного выхода из общины и другие меры, которые были призваны расширить внутренний рынок для промышленности путем повышения благосостояния крестьянства» [6, С. 182-183]. Витте считал, что выполнение этой программы, из которой ему удалось выполнить не все, будет способствовать экономическому рывку России.

Индустриализация оказалась локомотивом, тянувшим экономику, науку, культуру, образование, поскольку возрастал спрос на специалистов, владевших научно-техническими и гуманитарными знаниями [1, С. 187].

При Витте значительно расширилось вмешательство государства в экономику. Особое внимание Витте уделял кадровой политике: «Он стал деятельно подбирать новых людей, ценя в них не происхождение и связи, а знания и деловитость» [7, С. 34]. Витте издал циркуляр о привлечении на службу лиц с высшим образованием, добивался права комплектовать личный состав по опыту практической деятельности. «Я имел счастье вообще, где бы я ни служил, приглашать талантливых сотрудников, что, по моему мнению, составляет одно из самых главных и необходимых достоинств администраторов по крупным делам, а по государственным в особенности. Лица, – которые не умеют выбирать людей, не имеют нюха к людям, который не могут оценить их способностей и недостатков, – мне кажется, не могли бы быть хорошими администраторами и управлять большим делом» [3, С. 79]. Сейчас в руководители очень часто проходят люди с родственными связями, не имеющие компетенций для того, чтобы быть профессионалом в сфере своей деятельности.

Отметим и то, что Витте считал важным не только и не столько вывоз сырья, сколько вывоз готовой продукции, что приносит гораздо больше дохода в казну. «Постепенный рост обрабатывающей промышленности в стране, всегда сопровождающийся удешевлением ее продуктов, даст возможность и торговле пользоваться для экспорта не преимущественно сырьем, как теперь, а и промышленными изделиями, и наши нынешние потери в европейской торговле могут замениться выигрышами в азиатской» [2, С. 6].

В современной России часто в пример ставят дореволюционную Россию. Однако экономическая политика властей входит в противоречие с тем, что предлагал и делал С.Ю. Витте. Реформы Витте способствовали превращению России в индустриальную страну, формированию национальной промышленности [4, С. 101]. Нынешние реформы пока не вывели Россию на передовые позиции в экономике. И создается впечатление, что берут на вооружение худшее из того, что было в дореволюционной России.

Список литературы:

1. Викторов В.В. Российская цивилизация: тенденции развития от истоков к современности: Учеб, пособие. М.: Вузовский учебник, 2009. 336 с.
2. Витте С. Ю. Всеподданнейший доклад министра финансов С. Ю. Витте Николаю II. «Public Domain», 1899. <https://www.litres.ru/sergey-vitte/vsepoddanneysiy-doklad-ministra-finansov-s-u-vitte-nikolau-ii/> (дата обращения 10.02.2018 г.).
3. Витте С. Ю. Воспоминания. Том 1. «Public Domain». <https://www.litres.ru/sergey-vitte/vospominaniya-tom-1/> (дата обращения 10.02.2018 г.).
4. Еременко М. В. Царствование Александра III. М.: ООО ТД «Издательство Мир книги», 2007. 240 с.: ил.; цв. вкл. 16 с. (История России).
5. История России в портретах. В 2-х тг. Т. 1. Смоленск: Русич, Брянск: Курсив, 1997. 512 с., ил.

6. Реформы в России XVIII—XX вв.: опыт и уроки: Учеб, пособие / Под ред. проф. Я.А. Пляйса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2011. 509 с.
7. Шишов А.В. Витте. Финансовый гений последних Романовых. М.: Вече, 2004. 432 с., илл. (16 с.).

Лизовская Вероника Владимировна

кандидат экономических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ЦЕНОВЫЕ СТРАТЕГИИ В ОНЛАЙН И ОФФЛАЙН СРЕДЕ

Современные технологии и развитие электронной коммерции существенным образом меняют условия ведения бизнеса, что приводит к необходимым организационным изменениям компаний. В сложившейся ситуации развитие онлайн канала продаж становится необходимым условием для обеспечения стабильной работы компании за счет повышения конкурентоспособности и снижения рыночных рисков.

Динамика рынка онлайн торговли говорит о необходимости развития этого направления и совершенствования интернет представительства компаний. Так, рынок интернет торговли в последние пять лет показывает стабильный рост на уровне 16-23% в год, и на конец 2018 года оценивается в 1,15 трлн. рублей [1].

В последние годы также наблюдается рост количества заказов через интернет магазины в России на уровне 20% в год, и вместе с тем снижение суммы среднего чека отдельной интернет покупки. Основные продажи при этом приходятся на следующие товарные категории: электроника и техника, одежда и обувь, товары для дома и ремонта, автозапчасти. В общей сложности, на магазины из перечисленных четырех категорий приходится 65% всех продаж. Активно развиваются также универсальные интернет магазины, доля которых составляет 18% онлайн продаж. Наибольший прирост наблюдается в категориях товаров для дома и ремонта, продуктов питания, электроники и техники и товаров из сферы красоты и здоровья (30-35%).

Особо необходимо отметить, что в онлайн среде получила активное развитие конкуренция на рынках B2C и C2C. Активное развитие интернет площадок, позволяющих осуществить перепродажу уже использованного или нового товара частным лицом в настоящее время значительно. И хотя продавцов на онлайн рынке C2C почти в 19 раз меньше, чем на рынке B2C, то количество сделок отличается всего лишь в 2,6 раз, а объем продаж примерно в 3,5 раз.

Интернет-среда делает бизнес более контролируемым благодаря различным метрикам и регулярности и простоте отчетов по интернет продажам, однако подобную прозрачность информации получает и покупатель. При этом,

информация об аналогичных предложениях становится для покупателя более доступной. Исследования показывают, что большая часть онлайн покупателей стараются найти выгоду при покупках в Интернет: более интересное ценовое предложение (61%), купоны со специальными предложениями (41%), участие в специальных акциях компаний (23%) [2]. Большое количество интернет ресурсов предоставляет возможность проводить сравнение цен на различные товары и услуги в разрезе регионов, городов и различных магазинов. Это минимизирует ценовой барьер в виде эффекта затрудненности сравнения, что приводит к более высокой эластичности спроса по цене в онлайн среде, а, впоследствии, и в оффлайн. Таким образом, от компаний требуется серьезная ревизия применяемых стратегий и приемов ценообразования для поддержания конкурентоспособности.

Развитие мультиканальных систем обслуживания также приводит к необходимости осуществления более четкого контроля над ценами, товарными категориями и результатами деятельности компании в целом, внедрения современных технологий и регулярному мониторингу деятельности конкурентов и покупателей. Это говорит о возрастании значимости маркетинговых решений в деятельности компании и необходимости разработки готовых решений для торгового персонала в части обслуживания клиентов.

Современный маркетинговый подход, заключающийся в анализе покупательского пути, показывает, что действия клиента перед покупкой в большинстве случаев являются омниканальными. Поиск информации о товаре и компании на большинстве рынков включает все доступные клиенту источники и ресурсы, которые относятся как к оффлайн, так и онлайн среде. На основании этого покупатель составляет так называемый «шоп-лист», получает необходимую консультацию. При этом многие покупатели используют консультационную поддержку не профессионалов или экспертов, как это было ранее, а информацию от обычных пользователей (отзывы, видео обзоры). И на основании этого определяются с выбором и делают заказ. Далее, в зависимости от выбранного клиентом типа доставки, у компании появляется возможность сделать клиенту дополнительное предложение. Так, в 69% случаев, при посещении клиентом торговой точки для получения интернет заказа, осуществляется дополнительная покупка аксессуаров к основному товару при условии правильного формирования ассортимента и применении методов активных продаж [3]. Также, компании предлагают сервисное обслуживание в торговой точке как при заказе непосредственно в магазине, так и при покупках онлайн. Это приводит к пересечению различных каналов и кроссканальности. И может способствовать реализации стратегии связанного или пакетного ценообразования при кроссканальном взаимодействии.

Для большинства компаний актуальным становится вопрос установления цен на товары и услуги при использовании многоканальных систем обслуживания и кроссканальному взаимодействию. Большинство из них приходит к необходимости использования одинаковых цен в онлайн и оффлайн

среде. Однако, стимулирующие мероприятия одной и той же фирмы при этом могут отличаться. В связи с более сильной конкуренцией и прозрачностью интернет торговли, с целью продвижения компании в новой для нее среде или ресурсе, компания может предлагать специальные стимулирующие акции и дополнительные скидки [4]. Кроме этого, компании дают скидки за действие (подписка, написание отзыва о компании, отправка приглашение другу, который тоже получает дополнительную скидку при покупке). Что говорит о развитии и более широком применении стратегии скидок с цены в онлайн среде по сравнению с традиционным бизнесом. Накопительные скидки в онлайн среде становятся также более наглядными для потребителя и дополнительно стимулируют его к покупке в конкретном магазине, что, в целом, повышает эффективность ценовой стратегии [5].

Большое значение играют и другие ценовые стратегии, ценовое позиционирование, контроль над ценами и корректность информации о ценах. Ошибки при внесении информации о ценах в предложения для интернет пользователей могут привести как к падению спроса на продукцию компании, так и к снижению рентабельности продаж отдельных групп продукции и компании в целом. А современные системы и технологии позволяют получать информацию о ценах и результатах в реальном времени, что определяет переход к динамическому ценообразованию и высокой степени адаптации ценовой политики к рыночным условиям.

Необходимо отметить специфику ценовой рекламы, предполагающей акцентирование внимание покупателя на ценовых преимуществах товара компании. Этот прием достаточно часто можно встретить сейчас у компаний, и он применяется как для рекламы через онлайн каналы, так и в традиционных каналах коммуникаций. Возможность ее применения также основана на высокой степени контроля и наличии необходимой информации о ценах конкурентов.

Перечисленные изменения, несомненно, оказывающие влияние на бизнес под воздействием современных технологий в условиях ценовой прозрачности. Все это приводит к необходимости повышения компетенций специалистов компаний в работе с ценами, совершенствованию их навыков применения тех или иных ценовых стратегий. Таким образом, становится обоснованным активное развитие ценового менеджмента и спроса на специалистов, обладающими соответствующими навыками.

Список литературы:

1. Интернет торговля в России в 2018 году: цифры и факты. <http://files.runet-id.com/2018/rif/presentations/18apr.rif18-zal-6.12-30--virin.pdf> (дата обращения: 16.02.2019).
2. Отчет компании Price Waterhouse Coopers. https://www.strategyand.pwc.com/media/file/Strategyand_E-Commerce-and-Consumer-Goods.pdf (дата обращения: 29.10.2018).
3. Омниканальность: что это и как применять в магазине. <https://www.business.ru/article/1464-omnikanalnost-kkk> (дата обращения: 16.02.2019).

4. Маховикова Г.А. Цены и ценообразование в коммерции: учебник для ВУЗов. М.: Изд-во Юрайт. 2017. 240 с.
5. Маховикова Г.А. Ценообразование в торговом деле: теория и практика. М.: Изд-во Юрайт. 2017. 240 с.

Липская Ольга Геннадьевна (Республика Беларусь)

преподаватель

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия

ТЕАТР АБСУРДА КАК ФЕНОМЕН XX ВЕКА

Экзистенциализм – это течение философии XX века, в котором основной темой для размышления выступают экзистенциальные проблемы человека, то есть проблемы, возникающие из самого факта существования человека. Экзистенциализм состоит из множества близких друг другу мировоззренческих оснований, являющихся своеобразной реакцией на рационализм и интеллектуальность предшествующей традиции, которые получили яркое отражение в разных областях искусства. Идеи мира абсурда, одиночества и отчуждения человека нашли свое отражение в искусстве XX века. В художественный менталитет вошли как идеи ангажированности творчества, ответственности художника, так и нонконформистская концепция «бунтующего искусства».

Философия экзистенциализма стала идейной основой модернистского театрального направления. Театр абсурда в западноевропейской драматургии возник в 1950-е гг. во Франции и связан с именами С. Беккета и Э. Ионеско, которые считаются его основоположниками. В это время в театрах Франции начали появляться необычные представления, смысл которых был непонятен зрителям. Эти необычные представления получили название искусство «абсурда» или театр абсурда, причем это название носило двойной смысл: с одной стороны, оно отражало творческий прием драматургов (доведение до абсурда отдельных положений, лишение их всякого логического связи и содержания), а с другой, понятие «абсурд» определяло мировосприятие самих авторов, их понимание мира, существующего без логики.

Само понятие абсурд происходит от латинского слова *absurdus*, что в переводе означает нелепый, глупый. В логике под абсурдом понимается противоречивое выражение. Понятие «абсурд» как эстетическая категория отражает отрицательные свойства и характеристики мира, логический абсурд – это отрицание логики вообще, а также смысла происходящего, суть метафизического абсурда заключается в выходе за пределы понимания.

В обычном языке однозначности в понимании термина «абсурд» не существует, так абсурдным может называться и внутренне противоречивое выражение, и все бессмысленное, нелепо преувеличенное. В философии и художественной литературе понятие «абсурд» истолковывается как нечто

иррациональное, лишенное всякого смысла и внятной связи с реальностью. Для классической философии проблема абсурда, в сущности, не мыслилась отдельно от понятий «смысл», «разум», и абсурд соответственно воспринимался как «изнанка, обратная сторона смысла, его превращенная форма»¹. В целом же данный термин можно трактовать как нечто алогичное, нелепое, противоречащее здравому смыслу. Проблема абсурда не новая в истории человечества: еще древние греки в поисках гармонии и стремлении к прекрасному остро ощущали присутствие феномена дисгармонии, рассогласованности. Но именно в XX веке проблема абсурда начинает занимать особое место в общественном сознании.

Философской основой театра абсурда стало понимание современного мира как мира абсурда, неверие в возможности человеческого разума, утверждение бессмысленности всяческих попыток понять или исправить действительность. Основными идейными постулатами театра абсурда являются:

- разочарование во всех идеологиях, и только абсурдное искусство может дать истинную картину мира, так как оно свободно от всего идеологического;
- невозможность общения друг с другом, невозможность взаимопонимания между людьми, даже чисто языкового;
- мысли о непобедимости зла, и, следовательно, убежденность в абсурдности борьбы со злом;
- непоколебимая уверенность в том, что человек современной цивилизации обречен на полное одиночество. Человек был и будет вечно одинок и полон вопросов, которым суждено остаться без ответов;
- идея о бессодержательности активных действий и недостижимости для человека поставленной им перед собой цели.

Таким образом, смысловые положения театра абсурда можно свести к следующим положениям: во-первых, человеческая жизнь несчастна, она не имеет ни ценности, ни смысла, она абсурдно-бессмысленна, так как человек единственное существо, знающее о своей конечности, смертности; во-вторых, человека характеризуют его поступки, человек существует лишь в определенных ситуациях, и, следовательно, не может быть фиксированных характеров в обычном смысле слова; в-третьих, язык как таковой умирает, превращаясь в набор штампов и клише, парализующих мышление. В результате невозможным становится общение между людьми, человек оказывается абсолютно одиноким.

Отвергая любые каноны, драматурги театра абсурда тем не менее сформулировали довольно четкие формальные правила для своего театра:

- отказ от предыстории, открытая концовка, круговая композиция;
- абсурдный диалог, строящийся на невозможности воздействия партнеров друг на друга;
- алогичность поведения героев, двойственность их внутреннего «я»; бессмысленность ситуаций;

– игра со словом, обостренное внимание к нему, муссирование проблемы бессодержательности, пустоты языка;

– крушение и высмеивание всяческих стереотипов и клише, как языковых, так и социально-политических;

– превращение разговора, диалога в фабулу;

– разрушение сценического действия и многих других театральных средств выразительности².

Авторы театра абсурда противопоставляли своих героев обществу, но не конкретному, которое угнетало человека, а обществу вообще. В пьесах и постановках театра абсурда нельзя увидеть индивидуальность, а лишь – типажи, человека-функцию, социальные маски, лишенные индивидуальных черт и даже имен. Время и место в абсурдистских пьесах – это нигде и никогда. Тем самым драматурги стремились акцентировать внимание на основных проблемах современного общества:

– проблеме нивелирования личности;

– употребления в процессе общения только языковых штампов и клише;

– потере людьми «человеческого» лица и превращения их в ужасных созданий.

С помощью экстравагантных преувеличений, сцен без всякого действия, потери собственного «я» персонажами, повторов, нарушения хронологической последовательности, бессвязности диалогов, буквального понимания слов и фраз, драматурги показывают тотальную разобщенность людей. Театр абсурда становится художественным способом противоречивости, «непонятности» эпохи. И в то же время он через гротеск, иронию помогает отстраниться от этих характеристик современного мира. Через алогичность поведения героев, вызывающую смех, театр абсурда открывает человеку глаза на абсурдные стороны его существования, стараясь привести зрителя к переосмыслению своей жизни. За бессмысленными диалогами, интригами люди должны увидеть мелочность и бессмысленность собственных интриг и разговоров с близкими и друзьями.

Авторы театра абсурда протестовали против любого регламента, против «здорового смысла» и нормативности, смешивая в своих произведениях фантастику и реальность, различные драматические жанры, а также элементы различных сфер искусства (пантомиму, хор, цирк, мюзик-холл, кино). Театр абсурда шокировал своей художественной техникой, напрочь отметающий старые традиции и представления, отрицая реалистичных персонажей, ситуации и все другие соответствующие театральные приемы.

Таким образом, философия экзистенциализма стала основой театра абсурда, представляющего собой определенный тип современной драмы, основанной на концепции отчуждения и абсурдности существования современного человека. Можно раз и навсегда поверить в то, что мир абсурден и не подлежит исправлению, но для некоторых героев театра «абсурда» характерна другая позиция: мир абсурден, но я-то не абсурден и абсурдный мир

не делает меня своей частью. Поэтому сопротивление в театре абсурда часто сопряжено с индивидуальной стойкостью, экзистенциальным противостоянием абсурду.

Е. Ионеско (один из основоположников театра абсурда) считал, что театр абсурда будет существовать всегда, ведь абсурд заполнил собой реальность и сам при этом стал реальностью. Влияние же театра абсурда на искусство XX века велико и его трудно переоценить, ведь именно это направление заставило обратить людей внимание на сложность, иррациональность человеческого существования, заставить людей избавиться от шаблонов в своем восприятии и взглянуть на свою жизнь по-новому.

¹ Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 719.

² Трemasкина И. В. Театр абсурда: философские и эстетические корни. Основные художественные принципы // Вестник Мордовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 3. С. 93-97.

Лисенкова Любовь Николаевна

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет

1917: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИИ ЭСЕРОВ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ С.П. ПОСТНИКОВА)

В блестящем созвездии имен партии социалистов-революционеров фамилия Сергея Порфирьевича Постникова почти неизвестна. Впрочем, это закономерно: С. П. Постников принадлежал к той категории людей, которых по праву можно назвать «чернорабочими революции».

Воспоминания его, написанные в эмиграции, повествуют об издательской деятельности партии эсеров в 1917 году. С.П. Постников был одним из основателей газеты «Дело Народа», вскоре ставшей Центральным органом партии, газет «Народное слово» и «Простой газеты», издательства «Революционная Мысль», впоследствии переименованного в издательство «Колос».

Поводом для написания воспоминаний, замечал С.П. Постников, послужил фельетон М.А. Алданова в «Последних новостях» о немецких деньгах в издании большевистских газет. Автор не мог представить, что социалистические газеты, не имея объявлений, могли существовать без каких-либо «темных денег». Споря с М.А. Алдановым, С.П. Постников приводил пример своей народно-социалистической газеты «Народное слово», которая за 10 месяцев издержала более 300000 рублей, выходя в сравнительно небольшом размере и тираже. «Алданов не принял во внимание того, что народно-социалистическая партия в 1917 году не была так популярна, как партия социал-революционеров и партия большевиков, - писал С.П. Постников. - Эти

партии не нуждались в больших капиталах на свои газеты, так как их тираж сразу начинал покрывать расходы издания. Россия в 1917 году, да и прежде, была страной различных больших возможностей в издательских делах»¹.

На сравнительно небольшую сумму, около 60000 руб., которую С.П. Постников получил от Э.А. Тропа и других знакомых, 15 марта 1917 года был выпущен первый номер «Дело Народа». Незначительность суммы на эсеровскую газету объяснялась как популярностью партии, так и содействием всех партийных сил ее распространению. «Газета расходилась вся до последнего номера, - вспоминал С.П. Постников. - С первых же дней со всей России стали поступать заказы и деньги. Если первый номер вышел в количестве 68000, то второй номер напечатали в 100000. И так увеличивали с каждым днем все больше и больше, вплоть до 300000. Такой тираж вполне окупал расходы по изданию и даже позволял делать также покупки, не относящиеся непосредственно к издательству»².

Подробно останавливался мемуарист на тех идейных разногласиях, которые существовали в редакции «Дела Народа», бессменным секретарем которой он являлся. «У нас никогда не было единого ответственного за направление газеты, редакции, - вспоминал он. - Не было и хорошо составленной, единомысленной редакционной коллегии. Всегда редакция была по своему составу разнообразная, где находились и самые правые социалисты-революционеры и самые левые, причем не было постоянной ежедневной работы редакционного коллектива. <...> При таком положении редакции мое положение как ответственного, генерального секретаря редакции было крайне затруднительно. Я все время должен был наблюдать за тем, чтобы вследствие случайной наличности присутствующих редакторов не попало бы в номер такое, что резко расходилось с общей линией направления»³. Состав редакции разделялся так: правые - Гуковский, Сорокин и Зензинов; крайне левые - Иванов-Разумник и Мстиславский; центр - Русанов и Постников. «8 апреля из заграницы приехали социалисты-революционеры эмигранты: Чернов, Авксентьев. Бунаков-Фондаминский, Лебедев, Савинков, Аргунов, Сталинский и др. Приезд эмигрантов принес еще более резкие расхождения», - вспоминал автор⁴. Разногласия касались двух главных вопросов - отношения к войне и к коалиционной власти.

С.П. Постников занимал позицию безотлагательного выхода России из войны: «Я считал, что продолжение войны, при ее внутреннем положении убьет не только новый режим, но и грозит самому существованию России»⁵. Петроградская конференция социалистов-революционеров (май 1917 года) приняла написанную С.П. Постниковым резолюцию, требующую, чтобы Временное Правительство и Совет Рабочих и Крестьянских депутатов воздействовали на союзные страны в интересах скорейшего осуществления общего, одновременного на всех фронтах враждующих коалиций, перемирия. «Эта осторожная резолюция, призывающая к прекращению войны, - вспоминал автор, - практически ставила вопрос, указывая конкретный путь к этому

прекращению - перемирие. Фактически перемирие на русском фронте, хотя и в слабой и явочной форме, уже было в виде "братания" русских и немецких солдат. Я предлагал перемирие организованное, делал уступку, когда говорил о перемирии на всех фронтах»⁶. Но резолюция С.П. Постникова возбудила большое негодование в партийных руководящих кругах, в большинстве настроенных «оборончески», и его кандидатура в Центральный Комитет на третьем съезде социалистов-революционеров была категорически отвергнута.

Интересны наблюдения С.П. Постникова об отношении между А.Ф. Керенским и эсеровской партией. «Керенский, - вспоминал автор мемуаров, - всегда называл себя социалистом-революционером. Пройдя в 4 Государственную Думу как трудовик и состоя лидером небольшой фракции трудовиков Государственной Думы, тем не менее, он не переставал причислять себя к партии социалистов-революционеров»⁷. В этом отношении, указывал С.П. Постников, особенно замечательна пафосная речь А.Ф. Керенского на третьем съезде партии, которую он начал словами: «Товарищи, как усталый путник к холодному источнику, чтобы освежиться, припадает, так и я после моей внешней тяжелой работы окунаюсь в товарищескую среду моих партийных единомышленников и здесь пью живую влагу идей бодрости, энергии, энтузиазма»⁸. Казалось, оратор не отделял себя от эсеровской партии, но «фактически ЭТО, конечно, было не так, - настаивал С.П. Постников. - А.Ф. Керенский никогда не был партийным человеком в обычном смысле этого слова. Он разделял мировоззрение партии, признавал основы программных положений, <...> но всегда политически действовал за свой страх и риск, не считаясь ни с партийными постановлениями, ни с мнением товарищей по партии. В лучшем случае он совещался с несколькими, 2-3-мя близкими ему друзьями социалистами-революционерами»⁹. По мнению С.П. Постникова, основная слабость политической позиции премьер-министра А.Ф. Керенского в 1917 году заключалась в том, что он преувеличивал свою роль революционного вождя. «Можно сказать, что он персонифицировал Февральскую революцию, - писал С.П. Постников. - Действительно, в первые дни этой революции он был настоящим вождем, солдатские и рабочие массы признавали все его заслуги революционных выступлений в последние месяцы царизма, считали его чуть ли не единственным настоящим провозвестником прихода революции и верили ему. Но потом, с течением времени это обаяние личности его как революционного вождя прошло, и он остался одиночкой без серьезной поддержки со стороны каких-либо реальных сил. Керенский, в отличие от Ленина, Муссолини и Гитлера, никогда не придавал того значения партийным массам, какое они имеют в борьбе за власть»¹⁰.

Текстологический и смысловой анализ записок позволяет сделать вывод, что работал над ними С.П. Постников в конце 30-х годов XX века. К сожалению, воспоминания остались неопубликованными, они хранились в фондах Русского Заграничного Исторического Архива в Праге (ныне находящегося в составе ГА РФ), в котором автор заведовал отделом печатных изданий. Русский Заграничный Исторический Архив пользовался общим признанием всех эмигрантских кругов вне их политических направлений и стал той зарубежной книжной русской палатой, куда все издательства и отдельные авторы посылали свои работы. К 1933 г. Архивом было

собрано около 2500 книг и брошюр, 1005 названий журналов, вышедших в количестве 15350 номеров, около 1200 названий газет¹¹. Эта работа была продолжена и в последующие годы. «Русская зарубежная печать по-своему количеству и качеству может быть сравнима с литературой небольшого государства», - отмечал С.П. Постников¹². Им была проделана огромная работа по описанию и систематизации собранных материалов, составлен ценнейший библиографический указатель «Русская зарубежная книга»¹³.

В 1928 году была опубликована книга С.П. Постникова «Русские в Праге», где показаны итоги русской эмигрантской работы за первые 10 лет существования Чехословацкой Республики, образование которой совпало с началом русского изгнания¹⁴. С первых лет своей самостоятельной жизни Чехословакия стала оказывать бескорыстную помощь русским людям, очутившимся на чужбине. Стараясь соблюсти наибольшую объективность, С.П. Постников обратился ко всем пражским эмигрантским обществам и учреждениям с предложением самим написать о себе и своей деятельности. Собранные в одном издании отчеты Земгора и Главного Комитета Союза Городов, Русского Заграничного Исторического Архива и Русского Философского Общества, Педагогического Института, Юридического Университета и Института сельскохозяйственной кооперации, профессиональных, студенческих и казачьих организаций, издательств и русского театра (всего 79 отчетов) дают широкую картину того, в каких условиях жили наши соотечественники за границей, и что они сделали в области науки, культуры, воспитания молодежи. «На основании собранных в книге материалов, - писал С.П. Постников, - с удовольствием можно сказать, что русские люди, даже выброшенные из своей страны и оказавшиеся в чужой для них обстановке и в тяжелых условиях эмигрантской жизни, не потерялись, но нашли в себе достаточно духа и энергии, чтобы работать во всех областях общечеловеческой культуры»¹⁵. С.П. Постников был главным создателем систематического каталога библиотеки Архива. В 1938 году в Праге была опубликована, составленная им «Библиография русской революции и гражданской войны (1917-1921): из каталога библиотеки Русского заграничного исторического архива», специальный раздел которого посвящен изданиям партии социалистов-революционеров в 1917 году.¹⁶

В годы II мировой войны С.П. Постников занимал патриотическую позицию, оказывал помощь военнопленным и евреям, прошел через застенки гестапо. В мае 1945 года он принял участие в антифашистском восстании в Праге. Позднее в своей автобиографии напишет: «Я следил за каждым шагом красной армии от Сталинграда, радовался ее успехам, терзался временными неудачами, и в числе первых с радостью приветствовал появление первых советских танков на нашей окраине города, где я живу»¹⁷. Но уже в июне 1945 года С.П. Постников был арестован советской контрразведкой и отправлен в Москву, где Особым Совещанием НКВД был осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Как с иронией замечал С.П. Постников в автобиографии «за бывшую принадлежность к бывшей партии социалистов-революционеров»¹⁸. В 1950 году, по отбытии заключения, как инвалид, был направлен на жительство к сестре в г. Никополь (Донецкая область), где служил швейцаром в чайной. В 1957 году С.П. Постников вернулся в Прагу и работал в Славянской

библиотеке. Скончался Сергей Порфирьевич в 1965 году. Только в 1989 году С.П. Постников был реабилитирован. В 1993 в Нью-Йорке в издательстве «Norman Ross Publishing» увидела свет составленная им двухтомная библиография - «Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. 1918-1945»¹⁹. Библиография Сергей Порфирьевич Постникова стала «настойной книгой» всех историков, занимающихся изучением Русского Зарубежья.

¹ ГАРФ. Ф 6065. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

² Там же. Л. 40.

³ Там же. Л. 44.

⁴ Там же. Л. 50.

⁵ Там же. Л. 53.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 10.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 11.

¹⁰ Там же. Л. 12.

¹¹ Там же. Д. 12. Л. 5, 9.

¹² Там же. Д. 12. Л. 4.

¹³ Русская зарубежная книга. Прага, 1924.

¹⁴ Русские в Праге (1918-1928 гг.) Прага, 1928.

¹⁵ Там же. С. 5.

¹⁶ Постников С.П. Библиография русской революции и гражданской войны (1917-1921): Из каталога библиотеки Русского заграничного исторического архива / сост. С. П. Постников. Прага, 1938.

¹⁷ Дойков Ю.В. С. П. Постников. Материалы к биографии. (1883–1965). Архангельск, 2010. С. 45.

¹⁸ Постников С.П. Краткие биографические сведения // Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции, 1918-1945. Библиография: Из каталога библиотеки Русского Заграничного Исторического Архива в Праге: В 2 т. Т. 2. New York, 1993. С. 399.

¹⁹ Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции, 1918-1945. Библиография: Из каталога библиотеки Русского Заграничного Исторического Архива в Праге: В 2 т. Т.1: Книги и брошюры русской эмиграции, 1918-1945. Т 2. Периодика русской эмиграции, 1918-1945 / Сост. С. П. Постников. New York: Norman Ross Publishing Inc., 1993.

Логинова Диана Васильевна

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВИЛ ЭКСПЛУАТАЦИИ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА В РОССИИ ДО РЕВОЛЮЦИИ 1917Г.

Проблемы формирования и развития отечественной автотранспортной отрасли, учитывая рост объемов перевозок этим видом транспорта, приобрели сегодня особую значимость. Актуальность данного исследования определяются качественными изменениями, происходящими в современной политике ведущих стран, оказывающих существенное влияние на всю автотранспортную систему. В связи с этим государственной концепции развития автомобильного

транспорта было заявлено о необходимости переориентации традиционных исследований в сфере истории отечественного автомобилестроения в разряд прикладных, востребованных современной ситуацией, считая, что уважительное отношение к собственной истории, причем и на общегосударственном уровне, должно рассматриваться как один из вариантов поддержки российской автомобильной промышленности.

Оценку исторических событий, происходивших в автомобильном транспорте, возможно дать в том числе и изучив вопросы развития безопасности дорожного движения. Исследованию современных условий дорожного движения сегодня посвящено немало исследований, но большей частью в них отсутствует историческая справка, позволяющая увидеть этапы развития дорожных знаков, организации пропаганды безопасности дорожного движения¹. Обращение к исторической ретроспективе организации и безопасности дорожного движения, позволит глубже понять проблемы, которые стоят сегодня перед участниками движения и может быть найден выход по принципу «новое – это хорошо забытое старое».

Движение по дорогам на любом историческом этапе требовало от человека обозначения своего маршрута чтобы не сбиться с пути: путем заламывания веточек, зарубок на деревьях, кучи камней, мильные столбы, с помощью которых можно было получить информацию о ближайшем населенном пункте, расстоянии до него и пр. С появлением и интенсивным распространением автомобилей возникла иная потребность регламентации дорожного движения, связанная с регулированием проезда. В связи с этим в осенью 1909 г. в Париже на первой международной конференции были приняты первые четыре дорожных знака: извилистая дорога, неровная дорога, пересечение с железной дорогой и перекресток. Вопрос об их форме и цвете не ставился². Эти же знаки были приняты в России благодаря В. В. Свечину, который был выбран в президиум конференции и принимал активное участие в выработке и ратификации Россией данной конвенции.

С ввозом автомобилей в страну в России начинают действовать Правила о порядке и условиях движения самодвижущихся экипажей. По Правилам, все автомобили находящиеся на территории губерний обязательно записывались в особую реестровую книгу, которые находились в губернских правлениях. Учет автомобилей был строжайший. Так, после ввоза автомобиля на территорию губернии необходимо было встать на учет в губернском правлении (в Москве – в течении 10 дней, в Одессе – в течении месяца). При въезде на своем автомобиле в другую губернию, необходимо было получить временные номера данной губернии и по выбытии вернуть их обратно в управление. Номерные знаки на автомобилях должны быть прикреплены спереди и сзади. Это были металлические дощечки с белыми цифрами по темному фону. Регламентация касалась как высоты размера знака (120 мм), так и цифр (100 мм), толщины линий (5 мм) и расстояния между цифр (35 мм)³. Причем, вместо переднего знака номера разрешалось наносить краской на радиаторе (в этом случае

размеры должны были быть вдвое больше обыкновенного).

Ежегодно в губерниях производилась перерегистрация автомобилей, обычно с 15 марта по 30 апреля. При этом обязателен был тщательный технический осмотр автомобиля с дальнейшей выдачей разрешения на эксплуатацию и продление владения номерами. Номерной знак выбывшего из эксплуатации автомобиля мог быть присвоен повторно другому автомобилю.

Для автомобильных фирм и фабрик, выпускающих автомобили или осуществляющих торговлю автомобилями, выдавались «летучие» номера, ставившиеся на машины для пробной поездки. Такие же временные номера можно было получить всем сроком на две недели с целью осмотра и испытания покупаемого автомобиля. С временными номерами запрещалось ездить в темное время суток, при густом тумане и можно было ездить только со скоростью 7 верст/час. Отметим, что временных знаков для мотоциклов не предусматривалось.

При утере автомобильных номеров необходимо было троекратно подать объявление об этом в местную газету и уплатить пошлину за повторное их изготовление.

Перерегистрация производилась также с целью удержания транспортного налога, оплачивавшегося за целый год вперед. Налог оплачивался за полгода, если автомобиль ввозился на территорию губернии после сентября текущего года. Транспортный налог необходимо было оплатить в течение десяти дней после покупки или привоза: время приобретения удостоверялось предъявлением счета, накладной фирмы, продавшей автомобиль, железнодорожного дубликата и т.п.. Несвоевременная уплата налога грозила штрафом в размере 50% от суммы, подлежащей уплате.

При путешествии на своем автомобиле за границей, необходимо было получить особую жестянку с буквой «R», а также международное дорожное свидетельство, дающее право эксплуатации автомобиля по всей стране. Все это, а также заграничный паспорт выдавался местными властями (губернаторами и градоначальниками). За получение международного свидетельства и специальной «жестянки» необходимо было уплатить гербовый сбор по 75 коп. с каждой⁴.

В Правилах особое внимание обращалось на эксплуатацию автомобилей. Автомобилистам разрешалось ездить со скоростью не более 15 верст/ч в центральных частях города, 20 верст/ч по остальным улицам города и 35 верст/ч – за городом. Все автомобили в обязательном порядке должны уступать дорогу крестным ходам, похоронам, пожарным обозам, проходящим частям войск и арестантским партиям⁵. А также следовало обязательно снижать скорость и в дальнейшем останавливаться, если при встрече с конными обозами лошади пугались. Возчикам же при таких случаях требовалось немедленно соскакать с облучка, взять лошадь под уздцы и, по возможности, прикрыть ей глаза.

Водителям требовалось немедленно остановиться по первому требованию чинов полиции. Причем, если в Москве это мог быть сигнал свистка, либо

оклик об остановке, то в Киеве полицейский делал один продолжительный и несколько последовательных обрывистых свистков.

Каждый автомобиль, как и сегодня, должен быть снабжен дорожной аптечкой. Перечень лекарственных средств начала XX века сегодня вызывает у нас сегодня легкое недоумение, и даже улыбку. Так, в аптечке числится 25 наименований различного рода лекарственных средств, начиная от «английского пластыря» для защиты ран на коже, а также «Капель Датского короля», французского скипидара от легкого кашля; липового цвета, уксуса с водкой, малины (средство от простуды), хинина как жаропонижающее средство⁶. Практически отсутствуют средства, необходимые при автомобильных травмах. Найдём этому единственное объяснение, что при движении 7–15 верст/час практически исключались аварийные ситуации. Хотя, в правилах указывалось, что водитель при аварии должен немедленно остановиться, сделать все необходимое для помощи пострадавшему, а заодно собрать свидетелей происшествия.

Первым делом, после случившейся аварии, полицейский выяснял трезв ли водитель. В случае несоблюдения «правил трезвости» ответственным считался не только нетрезвый водитель, но и владелец автомобиля, который допустил нетрезвого за руль. Виновные частные лица в административном порядке подвергались взысканию до 3 тыс. рублей штрафа (в 1917 г.) или заключению в тюрьму или крепость сроком до 3 месяцев. А все прочие лица – подвергались дисциплинарному взысканию во всех видах наложения⁷.

Таким образом, организация безопасности движения в дореволюционной России позволила значительно повысить качество эксплуатации автомобильного транспорта и упорядочить движение на дорогах и улицах. Повсеместный контроль губернских властей за техническим состоянием автомобилей позволил держать под контролем дорожно-транспортные происшествия, поднимать культуру вождения автотранспортом, мотоциклом, велосипедом и даже гужевой повозкой.

¹ Воля П. А. Организация движения: учебное пособие для студентов специальности 190702 - Организация и безопасность движения / П. А. Воля; Федеральное агентство по образованию, Белгородский гос. технологический ун-т им. В. Г. Шухова. Белгород: БГТУ, 2010. 201 с.; Пугачев, И. Н. Организация движения автомобильного транспорта в городах / И.Н. Пугачев; Федер. агентство по образованию, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Тихоокеан. гос. ун-т». Хабаровск: ТОГУ, 2005. 196 с.

² Бабков В. Ф. Развитие техники дорожного строительства. М : Транспорт. 272 с.

³ Кузнецов П. Автомобильный календарь. Справочник. – Петро-град. 1915. 202 с.

⁴ Кузнецов П. Автомобильный календарь. С. 70.

⁵ Пашкевич А. М. Автомобильный справочник. Вып. 4. – СПб, 1914. 103 с.

⁶ Кузнецов П. Автомобильный календарь. С. 92–93 .

⁷ Кузнецов П. Автомобильный справочник и календарь. III-е изд. Петроград: Техническое издательство инженера Кузнецова, 1917. 254 с.

Любезников Олег Анатольевич

кандидат исторических наук, старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

ИЗ ИСТОРИИ ЦАНДЕРОВСКОГО ИНСТИТУТА В ЕССЕНТУКАХ: АРХИТЕКТОР Н.П. НИКИТИН И ОРГАНИЗАЦИЯ КАБИНЕТА ТРУДОТЕРАПИИ В 1943 ГОДУ

В XIX – начале XX вв. одним из приоритетных направлений европейской медицины стала лечебная гимнастика. Промышленный переворот и научно-технический прогресс, перманентное внедрение в повседневную жизнь машин и механизмов обеспечили появление целого ряда специально сконструированных медицинских аппаратов для физических упражнений. Известность получили разработки шведского физиотерапевта Густава Цандера, который изобрел более полусотни механических тренажеров для различных групп мышц. Популярность устройств Г. Цандера обусловила появление специализированных медико-механических институтов в Стокгольме и по всему миру, в том числе на территории Российской империи. Цандеровский институт механотерапии в Ессентуках на Кавказских Минеральных Водах был открыт в 1902 году, налаживанием привезенного из Швеции оборудования занимался перед открытием приехавший из Стокгольма механик¹. С первого дня открытия института, согласно современным научным и популярным изданиям, «в качестве мальчика при аппаратах работал Евдоким Моисеевич Жирноклеев»².

Имя Е.М. Жирноклеева сегодня овеяно героическим ореолом. «Простой советский механик» – «дважды спасал он уникальное оборудование»³ института, как указывают многочисленные публикации СМИ со ссылкой на воспоминания Е.М. Жирноклеева. Так, в годы Гражданской войны ему, ставшему механиком-инструктором, выпало вернуть из Пятигорска вывезенные туда прежде аппараты, правда, для этого «пришлось применить силу»⁴. А во время Великой Отечественной войны и оккупации Ессентуков Е.М. Жирноклеев, опасаясь вывоза ценных тренажеров, разобрал их и решил «сложить в угол будто ломанное» – интереса у захватчиков получившийся «металлолом» не вызвал⁵. И в 1943 году механик самостоятельно восстановил тренажеры: «После того как фашисты покинули город, Жирноклеев в одиночку собрал и вновь запустил все оборудование»⁶. По-видимому, история возобновления Цандеровского института в Ессентуках после оккупации была все же несколько сложнее, в ней принимал участие не только механик-самоучка Е.М. Жирноклеев, но ряд специалистов, в том числе кандидат технических наук, ленинградский архитектор-художник Н.П. Никитин.

Николай Петрович Никитин (1884-1971), сын крестьянина-владельца «мелкого столярного заведения», первые тридцать лет жизни провел в Москве, последовательно окончив Строгановское училище «со званием художника по

прикладному искусству» и Училище Живописи, Ваяния и Зодчества по архитектурному отделению⁷. В 1917 году Н.П. Никитин блестяще завершил обучение в Высшем художественном училище Академии художеств, в 1919 году стал заведующим Архитектурной секцией Археологического отдела Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Наркомате просвещения, а в 1920-е гг. являлся старшим экспертом Ленинградской государственной реставрационной мастерской. Специализируясь в области реставрации ленинградских памятников зодчества (в первую очередь, Исаакиевского собора, Елагиноостровского дворца и зданий, формирующих ансамбль Дворцовой площади)⁸, Н.П. Никитин активно занимался и преподавательской работой. В 1931-1934 гг. он работал ассистентом кафедры графики Учебного комбината имени В.М. Молотова (ныне – Высшая школа технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна), а с 1934 года был зачислен на должность и.о. доцента кафедры «Архитектура» Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта (ЛИИЖТ). В институте Н.П. Никитин продолжал работать и во время Великой Отечественной войны.

Летом 1941 года архитектор принимал участие в укрытии и маскировке городских памятников⁹. В Ленинграде провел он и первую блокадную зиму, а 7 апреля 1942 года получил в ЛИИЖТе командировочное удостоверение «на спецстройку Центрального Военно-Восстановительного Управления в районы гор. Новосибирска»¹⁰. Преподаватели вуза, помимо командировочных документов, «параллельно [...] были оформлены как эвакуировавшиеся и имели на руках соответствующие эвакуационные документы»¹¹. Н.П. Никитин не уехал в Новосибирск, а покинув Ленинград 8 апреля, оказался в Эссентуках¹².

На территории Кавказских Минеральных Вод архитектор бывал и прежде. В 1935-1937 гг. он руководил реконструкцией санатория Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов «Крепость» в Кисловодске. В этом городе жил и работал однокашник Н.П. Никитина по Академии художеств архитектор Павел Павлович Еськов (1883-1967), его именем сегодня названа одна из кисловодских улиц¹³. Можно осторожно предположить, что эти довоенные связи повлияли на приезд Н.П. Никитина в Эссентуки.

Пребывая в городе, архитектор пережил немецкую оккупацию в августе 1942 – январе 1943 гг. А уже в апреле 1943 года Уполномоченным по Ставропольскому краю от Всесоюзного комитета по делам высшей школы он был официально командирован «в города Кисловодск, Эссентуки, Пятигорск и Минеральные Воды». В Эссентуках «в начале июня [...] по собственной инициативе и проекту [...] предложил Эссентукскому Курортному Управлению организовать кабинет трудтерапии». Зодчий вспоминал: «Предложение мое было принято, и 11/VI [1943 г.] я был назначен Начальником названного кабинета»¹⁴. Инициированный Н.П. Никитиным кабинет, естественно, начал

свою работу в стенах Цандеровского института. Возможно, именно само фахверковое здание института, выстроенное архитектором И.И. Зелинским в Курортном парке города в начале XX века, поначалу и привлекло Н.П. Никитина. Конечно, в условиях военного времени институт должен был работать, главным образом, на реабилитацию военнослужащих. Первоначальные цандеровские тренажеры использоваться практически не могли. Н.П. Никитин, гордо называвший себя «строгановцем», «художником-прикладником», стал проектировать специальные «станки для ранбольшных»¹⁵. Об этом участии Н.П. Никитина в жизни Эссентуков после оккупации в двух кратких предложениях упоминается сегодня лишь в единственной газетной заметке. Ее анонимный автор, к сожалению, ошибочно называет Н.П. Никитина «доктором архитектуры» (докторская диссертация будет защищена только поздней осенью 1945 года), но отмечает, что «Никитин занимался с ранеными, которые лишились верхней конечности, реабилитацией»¹⁶. Инициатива Н.П. Никитина и предпринимаемые им конкретные шаги по обустройству кабинета очень скоро встретили яростное сопротивление назначенного на должность мастера-лаборанта – Е.М. Жирноклеева.

История конфликта становится известной благодаря четырем документам личного фонда Н.П. Никитина в архиве Российской Академии художеств. Три из них – обращения самого архитектора в различные инстанции: рапорт и заявление на имя руководителей управления курорта М.И. Гилут и А.Г. Дорохиной и заявление прокурору Эссентуков. Достоверность изложенного в этих обращениях подтверждается как высоким статусом адресатов, так и четвертым документом – рапортом завхоза кабинета Ольшанникова. Хотя изложение Н.П. Никитиным и Ольшанниковым фактической стороны дела представляется достоверным, истинные мотивы поступков Е.М. Жирноклеева еще предстоит выяснить. Между тем, имеющийся комплекс документов позволяет на конкретном примере увидеть всю неоднозначность положения эвакуированных в годы войны высококвалифицированных специалистов в новых для себя, но давно сложившихся, сплоченных коллективах на местах.

Исток конфликта, по-видимому, лежал в самом факте организации кабинета трудотерапии именно в здании Цандеровского института. Е.М. Жирноклеев не только имел казенную квартиру в нем, но и собственную столярную мастерскую, «токарный станок и столярный верстак». Неудивительно, что на должность «ближайшего помощника по технической части» Н.П. Никитину он и «был дан Кур.управлением». Однако это решение оказалось ошибочным: между столяром-самоучкой, всю сознательную жизнь служившим в Цандеровском институте Эссентуков, и практически 60-летним кандидатом технических наук, доцентом одного из ведущих ленинградских вузов, опытным реставратором памятников мирового значения партнерства не сложилось. Архитектор указывал: «С самого начала работы я увидел, что новая организация и я как начальник не встречают сочувствия у тов. Жирноклеева, мало того, он вскоре стал открыто уклоняться от какой-либо помощи мне как

руководителю кабинета»¹⁷. О причинах такого неприятия к себе Н.П. Никитин догадывался: «Управление курорта считает тов. Жирноклеева изобретателем и незаменимым работником (с многолетним служебным стажем)». Сам факт появления в стенах института приезжего специалиста высшей квалификации, обладателя ученой степени кандидата технических наук (за исследование неравномерной осадки здания Исаакиевского собора) вызвал негативную реакцию со стороны местного мастера. Евдоким Моисеевич прямо в лицо назвал Н.П. Никитина «примазывшимся»¹⁸. Архитектор фиксировал неисполнение подчиненным своих обязанностей: «Жирноклеев не ведет никакого учета рабсилы, материалов, времени поступления и окончания заказов [...], не следит за порядком в мастерской, за техникой безопасности, не точит инструмент для ранбольных, что они делают иногда сами, и что недопустимо, принимает в мастерской в рабочее время своих клиентов, часто не отмечает часы своего ухода с рабочего места, [...] забирает себе отходы древесины, даже те, которые можно пустить в дело». В общем, по словам Н.П. Никитина, Е.М. Жирноклеев «открыто выражал свое несочувствие организации кабинета»¹⁹.

Явную форму конфликт приобрел в середине августа 1943 года. Н.П. Никитин спроектировал «гончарный станок для ранбольных», передал чертеж для изготовления механизма Е.М. Жирноклееву, а тот чертеж потерял, одну из деталей изготовил, по мнению архитектора, «технически неправильно». Н.П. Никитин был вынужден передать заказ другому рабочему, но Е.М. Жирноклеев в ситуацию вмешался, стал кричать, обращаясь к архитектору: «Я не позволю Вам валять дурака, это Ваш каприз, сделано хорошо». Столяр сопровождал свое выступление «угрожающими жестами». Н.П. Никитин обратился к руководству учреждениями курорта с ходатайством «о немедленном удалении т. Жирноклеева из [...] кабинета трудтерапии». Но реакции никакой не последовало.

На следующий день, 14 августа, Е.М. Жирноклеев встретил Н.П. Никитина так: «Вы что! Хотите приходовать щепки заготовлять на зиму. Я Вам покажу щепки... вашу мать!!!». Архитектор вспоминал: «Далее среди ругательств т. Жирноклеев сказал, что по поводу щепок и меня (Н.П. Никитина) с ним говорила Мария Ильинична (Гилут). Закончив этим свое обращение (к своему начальнику), тов. Жирноклеев добавил несколько неприличных выражений и ругательств вообще». Потребовав немедленного увольнения Е.М. Жирноклеева или – в противном случае – освобождения себя самого от занимаемой должности, Н.П. Никитин подчеркнул, что «за все время службы [...] не имел очага для приготовления пищи и не взял ни одной щепки»²⁰.

Парадоксально, но на сторону Н.П. Никитина руководство курорта встало неохотно. Так, М.И. Гилут прямо сказала архитектору, что не верит ему. Главный врач курорта А.Г. Дорохина, хотя и признала факт неподобающего поведения Е.М. Жирноклеева, указала, что Н.П. Никитин слишком нетерпим по отношению к невежливому сотруднику, слишком радикален, почему-то не

хочет помочь ему: «Надо не выживать человека, а его воспитать». Начальник курорта Г.Д. Ингерман согласился уволить Е.М. Жирноклеева только в случае приглашения Н.П. Никитиным на его место другого столяра. И все же Е.М. Жирноклееву был объявлен выговор с предупреждением об увольнении «за превышение власти и за оскорбление начальника»²¹.

Евдоким Моисеевич, однако, продолжил вести борьбу с кабинетом трудотерапии и его начальником. Неоднократно он «оставлял ключ в замке с внутренней стороны двери», не давая попасть в мастерскую ни Н.П. Никитину, ни другим рабочим. 21 августа, согласно рапорту завхоза Ольшанникова, Е.М. Жирноклеев свинтил фланец с подготавливаемого по чертежам Н.П. Никитина станка гончарных изделий, заметив, что «это часть механизмов, находящихся у него на хранении», «что эта деталь значится у него якобы в инвентаре». Архитектор, скептически оценив действия столяра, пояснил, что взял заинтересовавшую Е.М. Жирноклеева деталь «в хламе на полу мастерской (откуда брали этот хлам посторонние лица)»²². Сложно сказать, чем руководствовался Е.М. Жирноклеев, самовольно демонтируя установленные Н.П. Никитиным и другими работниками кабинета механизмы. Правда, современные авторы указывают, что еще в 1942 году Евдоким Моисеевич, спасая подлинные цандеровские тренажеры от вывоза оккупантами, разобрал их и детали сложил на полу мастерской. Нельзя исключать, что столь ревностно относясь к институту, отслужив в нем не одно десятилетие, Е.М. Жирноклеев старался сберечь дореволюционные аппараты, внутренне сопротивлялся инициативам Н.П. Никитина, его стилю руководства и просто препятствовал изготовлению станков. Однако неприкрытое хамство Е.М. Жирноклеева вынудило ленинградского архитектора, отчаявшегося найти поддержку в Кур.управлении, обратиться в прокуратуру.

В сентябрьском заявлении прокурору города Н.П. Никитин рассказал об очередном выступлении столяра. «Вчера, 19/IX, придя в кабинет, я услышал от т. Жирноклеева: “Ты что не закрыл окно”, – я на это промолчал, – «Ты что? Глухой!» Оскорбленный поведением мастера Н.П. Никитин, подчеркивая, что Е.М. Жирноклеев всячески препятствует налаживанию нормальной работы кабинета трудотерапии, потребовал разобраться, допросить других сотрудников кабинета – завхоза, инструктора по физкультуре, уборщицу. Какова была реакция прокуратуры, сказать сложно, необходим дальнейший архивный поиск, правда, известно, что Н.П. Никитин работать в созданном им кабинете продолжал, в апреле 1944 года как представитель Ессентукской клиники Государственного Бальнеологического Института он выступил с докладом «Роль трудового фактора в лечении контрактур» на научно-практической Межкурортной конференции по комплексному лечению контрактур в эвакогоспиталях в Пятигорске²³.

Однако именно летом 1943 года, во время конфликта с Е.М. Жирноклеевым, Н.П. Никитин, может быть, почувствовав некоторое свое одиночество как профессионала, принял для себя решение как можно скорее

попытаться реэвакуироваться, уехать из Эссентуков в Москву. С соответствующей просьбой он обратился к классику советского зодчества А.В. Щусеву. А.В. Щусев сначала посоветовал связаться с И.Э. Грабарем и Д.П. Суховым, а в октябре 1943 года, уже планируя создать Архитектурную секцию в Академии наук, обнадежил Н.П. Никитина: «Для Вас [...] найдется работа по паспортизации разрушенных городов [...]. Тогда мы сможем Вас вызвать»²⁴. На следующий год, однако, Н.П. Никитин вернулся в Ленинград, где продолжил свою реставрационную практику.

¹ Глухов А.Н. Из истории развития механотерапии в России и на Кавказских Минеральных Водах // Курортная медицина. 2014. № 1. С. 96–105.

² Там же. С. 100; Тюменева Е. Лечебная гимнастика с вековой историей // Русская планета. 2016. 5 июня. URL: <http://rusplt.ru/health/mehanoterapiya-lechebnaya-gimnastika-25801.html> (дата обращения: 10.02.2019)

³ Цандеровский институт механотерапии. URL: <https://www.tourister.ru/world/europe/russia/city/yessentuki/placeofinterest/27021> (дата обращения: 13.02.2019).

⁴ Жатькова Э.А., Корчевная А.В. Открылся в Эссентуках Цандеровский институт врачебной гимнастики // Ставропольский хронограф на 2002 год. Ставрополь, 2002. С. 107–111. URL: <http://www.skunb.ru/node/5707> (дата обращения: 15.02.2019).

⁵ Там же.

⁶ Тюменева Е. Лечебная гимнастика с вековой историей // Русская планета. 2016. 5 июня. URL: <http://rusplt.ru/health/mehanoterapiya-lechebnaya-gimnastika-25801.html> (дата обращения: 10.02.2019).

⁷ ЦГА СПб. Ф. 2555 (Ленинградское отделение Главнауки НКП РСФСР). Оп. 1. Д. 868. Никитин Николай Петрович. Л. 1 об.; НА РАХ. Ф. 42 (Н.П.Никитин). Оп. 1. Д. 2. Автобиография, списки научных работ, научно-реставрационных работ и обмеров. Л. 1.

⁸ НА РАХ. Ф. 42 (Н.П. Никитин). Оп. 1. Д. 12. Документы, связанные с работой в Государственных реставрационных мастерских. Л. 6-17; Любезников О.А. К истории музеефикации Исаакиевского собора: Архитекторы Н.П. Никитин и А.П. Удаленков // Культура и власть в СССР. 1920 – 1950-е годы: Материалы IX международной научной конференции. Санкт-Петербург, 24–26 октября 2016 г. М., 2017. С. 91–99; *Он же*. Исаакиевский собор в 1917-1920-е гг. Архитекторы М.Т. Преображенский, Н.П. Никитин, А.П. Удаленков и проблема музеефикации памятника. СПб., 2017.

⁹ Кедринский А.А., Колотов М.Г., Ометов Б.Н., Раскин А.Г. Восстановление памятников архитектуры Ленинграда. Л., 1983. С. 13.

¹⁰ НА РАХ. Ф. 42 (Н.П. Никитин). Оп. 1. Д. 3. Характеристики с мест работы, трудовые книжки, членские билеты, удостоверения, паспорта и другие документы, подтверждающие служебную деятельность. Л. 40.

¹¹ *Каргин Д.И.* Великое и трагическое: Ленинград 1941-1942. СПб., 2000. С. 151.

¹² НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н.П.). Оп.1. Д. 21. Документы, связанные с работой в ЛИИЖТе. Л. 27; Д. 2. Автобиография, списки научных работ, научно-реставрационных работ и обмеров архитектурных памятников. Л. 4.

¹³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 341 (Ленинградская организация ордена Ленина Союза архитекторов СССР). Оп.3. Д. 304. Николай Петрович Никитин. Л. 5; РГИА. Ф. 789 (Академия художеств). Оп. 13. 1910 г. Д. 130. Еськов Павел Павлович. Л. 50 об.

¹⁴ НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н.П.). Оп. 1. Д. 20. Документы в связи с работой Н.П. Никитина в период эвакуации в Эссентуках начальником кабинета трудотерапии. Л. 5.

¹⁵ НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н.П.). Оп. 1. Д. 47. Письма Н.П. Никитина. Л. 9; Там же. Д. 20. Документы в связи с работой Н.П. Никитина в период эвакуации в Эссентуках начальником кабинета трудотерапии. Л. 3.

¹⁶ Незабываемые страницы истории: К 75-летию освобождения Эссентуков от оккупации // Эссентукская панорама. 2018. № 1 (1334). 11 января. С. 13.

¹⁷ НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н.П.). Оп. 1. Д. 20. Документы в связи с работой Н.П. Никитина в период эвакуации в Ессентуках начальником кабинета трудотерапии. Л. 3, 5 - 5 об.

¹⁸ Там же. Л. 5.

¹⁹ Там же. Л. 3, 5 об.

²⁰ Там же. Л. 4.

²¹ Там же. Л. 5, 5 об.

²² Там же. Л. 4, 5.

²³ Там же. Л. 6 - 6 об.

²⁴ НА РАХ. Ф. 42 (Никитин Н.П.). Оп.1. Д. 52. Письма А.В. Щусева. Л. 1, 2 об.

Ляпанов Артем Владимирович

кандидат исторических наук, доцент

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦИКЛЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ (МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ)

Знакомство с историей естественным образом формирует представление об изменчивости общества и государства. В центре нашего внимания – ретроспективный анализ политического и социально-экономического развития России. Почему политический аспект стоит на первом месте? Дело в том, что по нашему мнению, именно политическая составляющая оказывает приоритетное влияние на развитие других сфер в нашем обществе. Да и в паре общество-государство, на протяжении всей российской истории доминирует последнее.

Как утверждают многие теоретики (например, западники), Россия с Петра I развивалась и продолжает развиваться по догоняющему пути¹. Подобная характеристика соответствует понятию «неорганическая модернизация», которая свойственна в основном слаборазвитым странам (бывшим колониям). Россия, напротив, практически на протяжении всей своей истории являлась империей, которая существовала во многом именно за счет внешней экспансии. Таким образом, налицо определенная нестыковка между характером развития и статусом страны, амбициями ее правителей. В царской России, а затем в СССР модернизация была вызвана скорее внешними, нежели внутренними факторами. Место и имидж страны на мировой арене, а не стремление к благополучию внутри нее стали источником модернизационных импульсов.

Петр I осознавая нарастающее экономическое, а следовательно и военное отставание России от европейских стран; несоответствие служилого сословия требованиям общественного развития страны; проблемы страны после предыдущего «Бунташного» XVII в.; духовный кризис общества железной рукой начал преобразовывать страну. Петровская «вестернизация» России, носившая насильственный и поверхностный характер, укрепляла основы

русской цивилизации - самодержавие и крепостничество, вызывала к жизни силы, осуществлявшие модернизацию.

После Петра, наметившийся в обществе разрыв между элитой и низами не сократился. Не последнюю роль в этом сыграли внутренние аспекты династического кризиса – ситуация, которая традиционно именуется «дворцовыми переворотами».

В XIX в. страна еще более явно ощутила свое отставание от Запада (проигранная Крымская война). Вновь назрела необходимость модернизации. «Великие либеральные реформы» Александра II, после его убийства сменяются контрреформами Александра III. Правда, именно в это период в России все же происходит промышленный переворот, который является важнейшей вехой в социально-экономической истории любой страны. Чем раньше и успешнее он завершается, тем выше уровень ее экономического развития. Россия, с точки зрения промышленного переворота, отставала от стран Западной Европы².

В начале XX столетия Россия в очередной раз переживала состояние глубочайшего кризиса, охватившего практически все стороны ее государственно-политической, социально-экономической и культурной жизни. Масштабные реформы становятся жизненно необходимым и единственным средством преодоления социальных разногласий, достижения национального единства и социальной стабильности в обществе. К сожалению, правительству не удалось справиться с ситуацией, начинается Первая русская революция. Да, в ходе этой революции Россия получила Государственную Думу, возможность создавать легальные политические организации – политические партии. Однако, как показал дальнейший ход развития событий, это были полумеры, не способные окончательно решить весь комплекс накопленных противоречий.

В частности, для России, 87% населения которой числилось на 1897 год крестьянским, одним из основных вопросов оставался крестьянский вопрос. Растёт перенаселенность и крестьянское малоземелье. При низком уровне техники и аграрной культуры это влекло за собой массовое «оскудение» деревни.

П.А. Столыпин начинает воплощать в жизнь свою реформу. Оставляя за рамками рассмотрения процессуальную сторону проведения аграрной реформы, которая достаточно подробно рассмотрена еще в научной литературе советского периода, перейдем к ее идеологической составляющей. Ведь именно благодаря ей аграрная реформа П.А. Столыпина может быть выдвинута в качестве программы аграрной модернизации страны в целом³.

По сути реформы П.А. Столыпина можно рассматривать как продолжение того реформаторского курса, на который Россия вступила в эпоху «Великих либеральных реформ» второй половины XIX века. При этом, как уже упоминалось выше, в ее основе было заложено все то же представление о государстве как единственном источнике модернизационных процессов в обществе.

Главной целью аграрной реформы П.А. Столыпина было создание в деревне класса независимых крестьян собственников, призванного стать социальной опорой государства на местах. Провозглашалась идея воспитания гражданственности через наделение крестьян собственностью.

Однако, программе реформ не суждено было осуществиться в том виде, в каком ее хотел видеть сам П.А. Столыпин. Мировая война вновь поставила страну на грань пропасти. Последовавшая за ней октябрьская революция, длительная гражданская война породили целый ряд негативных социально-экономических и культурных последствий, которые свели до минимума зарождавшиеся в России процессы модернизации.

В советский период были свои этапы модернизации. Индустриализация, которую необходимо было провести быстрыми темпами из-за военной угрозы, массовая и зачастую насильственная коллективизация, культурная революция позволили большевикам перейти к главной стратегической цели - построению нового коммунистического общества. Однако, Вторая мировая война внесла коррективы в развитие страны. Масштабы разрушений после Великой отечественной войны в нашей стране были столь велики, что иностранные эксперты единодушно утверждали, что нашему государству потребуются не менее 25 лет на восстановление народного хозяйства при условии финансовой помощи извне⁴. Однако, страна вновь справилась, да, за счет колоссального напряжения и мобилизации всех сил, но справилась.

Правда, борьбу с капиталистическим Западом Советский Союз все же проигрывал. В этой связи характерны решения апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС. На нем был намечен курс на ускорение социально-экономического развития СССР. А когда вскоре стало ясно, что курс на ускорение сам по себе недостаточен, и что рывок можно осуществить лишь произведя кардинальные перемены в общественном строе, была принята концепция «Перестройки», выдвинутая М.С. Горбачевым на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. Под «перестройкой» понималось коренное реформирование всех сторон советского общества с сохранением главных параметров системы и ее идеологии. Однако введя в стране гласность, плюрализм мнений, элементы демократии, партийное руководство прошло «точку невозврата». С распадом СССР и образованием СНГ перестройка потерпела крах.

Распад СССР серьезным образом усложнил задачу политической и социально-экономической модернизации страны. Да, современная Россия унаследовала от СССР значительный ресурсный потенциал, который дает возможность для нового качественного рывка вперед. Но Россия унаследовала и многие диспропорции, которые ослабляют ее и делают уязвимой при неблагоприятных внешних воздействиях. Например, несоответствие между стоимостной оценкой природно-ресурсного потенциала, потенциальных возможностей человеческого капитала и финансовой мощью государства и, особенно, уровнем благосостояния его граждан. Не вдаваясь в подробности социально-экономических и политических процессов 90-х, можно с полным

основанием утверждать, что многие проблемы современного этапа были заложены еще тогда.

Подводя итог нашим размышлениям можно сказать, что для большинства модернизационных изменений в нашей стране характерны следующие, ставшие уже традиционными, черты:

– стремление не отстать от ведущих европейских держав, не потерять статус «ведущей державы»;

– поверхностное и выборочное заимствование технических достижений (часто для военных целей) в обмен на сырье;

– ужесточение эксплуатации собственного народа традиционными методами;

– наличие только одного источника изменений, которым является исключительно политическая элита, власть;

– растущая централизация и бюрократизация управления.

Нам катастрофически не хватает времени, для того чтобы «неорганическая модернизация», свойственная нам, органично увязалась бы с традиционной культурой и сознанием населения. К сожалению, в России такой увязки на протяжении долгих лет осуществить не удается, слишком часто и резко происходят изменения.

¹ Побережников, И.В. Модернизационная перспектива: теоретико-методологические и дисциплинарные подходы [Текст] / И.В. Побережников // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург: УрПГУ, 1999. – С. 16-25.

² Рындзюнский, П.Г. Вопросы истории русской промышленности в XIX в. [Текст] / П.Г. Рындзюнский // История СССР. – 1972. – № 6. – С. 40-58.; Струмилин, С.Г. Промышленный переворот в России [Текст]: монография. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1944. – 260 с.; Яцунский, В.К. Промышленный переворот в России [Текст] / В.К. Яцунский // Вопросы истории. – 1951. – № 12. – С. 48-70.

³ Домников, С.Д. Столыпинская программа аграрной модернизации России [Текст] / С.Д. Домников // Реформаторские идеи в социальном развитии России. – М., 1998. – С. 233-254.

⁴ Потатуров, В.А. Отечественная история [Текст]: конспект лекций / В.А. Потатуров. – М.: МИЭМП, 2004. – с.76.

Малахов Николай Евгеньевич

эксперт по охране интеллектуальной собственности

БашТехИнформ

УГЛУБЛЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ ИСТОРИИ КАК ОБЪЕКТИВНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ретроспективный анализ исторического образования разных времён и народов убедительно демонстрирует, что оно всегда систематизировались на основе последовательно изменяемых социальных парадигм, зачастую обладающих прогнозным потенциалом. Так, например, в США после обретения национальной независимости успешно эксплуатируется концепция

буржуазного патриотизма в политике, опирающегося на свободу предпринимательства в экономике, как «высшей» формы социально-экономического развития. В постсоветской России продолжают фактически придерживаться сомнительной обезьяньей идеи для прогресса - «копируй всё с цивилизованных стран Запада» Но всегда ли возможно повторение чужих успехов? Следовало бы помнить, что история может повторяться как фарс и что любой успех предполагает качественное преобразование подходов.

При этом становление и развитие мировой цивилизации демонстрирует последовательную смену концепций исторических знаний. От религиозно-идеологической (деление исторических времён до Рождества Христова и после, нового и новейшего времён) и до современных попыток предложения технологической парадигмы 3-х волн (аграрного, индустриального и постиндустриального обществ, согласно концепции «технологического детерминизма» Э. Тоффлера и др.).

Между указанными двумя парадигмами исторического развития можно также выделить концепцию так называемого «административно-политологического детерминизма», изучающего историю войн, революций и монархических династий, форм правления от тоталитаризма и авторитаризма до республик и демократий, которую до сих пор исповедует буржуазный Запад и успешно навязывает её современной постперестроечной России. Кроме того, известен марксистский «экономический детерминизм» истории, который без основания был представлен в качестве «исторического мутанта».

А на временном горизонте постиндустриальной эпохи уже маячат ещё более основательные подходы, чем концепции, базирующиеся на поэтапной смене производственных отношений и производительных сил. Так в настоящее время наблюдается усиление демографического фактора, как определяющего историческую парадигму. Глобальная миграция, ускоренное усиление таких эпицентров демографического взрыва как Китай, Индия, страны арабского и исламского мира, Африки и латинской Америки. Явно напрашивается концепция «демографического детерминизма» истории.

Вполне очевидно, что и это ещё не предел, когда в связи с мировым демографическим взрывом всё более актуализируются проблемы кризиса природной среды и глобальных ресурс дефицитов. Налицо объективная потребность в ещё более углублённой и всеобъемлющей исторической концепции, которую следует называть «экологическим детерминизмом». Такая парадигма включала бы как частные случаи и другие вышеописанные подходы исторического детерминизма, поскольку противоречие между общественными потребностями и планетарными ресурсами являлось во все времена главной силой становления и развития цивилизации.

РБХД – ресурсная база хозяйственной деятельности, которая непосредственно связана с коренными технологическими преобразованиями от подручных и ручных орудий труда до механических, машинных и автоматических средств производства, которые обуславливают социально-

экономический прогресс. Такой подход обладает наиболее основательным потенциалом логически системного и преемственного выстраивания концепции общественного развития, что позволит безусловно более эффективно и плодотворно преподавать целый комплекс образовательных дисциплин и прежде всего гуманитарного цикла.

Каждому из вышеизложенных подходов к концепциям исторического процесса соответствует своя совокупность объективных закономерностей или гипотез развития цивилизации.

1. Для «религиозно-идеологического подхода» свойственен переход от языческого многобожия к эпохе едино божиих религиозных конфессий.

2. Для «административно-политологического подхода» свойственно прославление переходов от абсолютных монархий к конституционным и республиканским управлениям; от тоталитарных и авторитарных правящих режимов к либеральным и демократическим, часто через революции.

3. Для «экономико-хозяйственного подхода» характерно рассматривать историю как смену общественно-экономических формаций с их кастами, сословиями, классами, от первобытно-общинной бесклассовой через классовые снова к бесклассовой - коммунистической, как утраченному «золотому» веку. Также как от средневековой монархии к древней демократии.

4. Для предлагаемого «технологического подхода» характерно классификация исторического процесса на эпоху аграрного общества, индустриального и постиндустриального обществ. А если смотреть глубже, то производительные силы коренным образом преобразовывались с поэтапным функциональным усложнением орудий труда и средств производства, сопровождаемое поэтапным устранением роли труженика-производителя от приводной до управленческой функции.

5. Для возможного «демографического подхода» стоило бы рассматривать функциональную зависимость между господствующими хозяйственными укладами и плотностью населения, которая скачкообразно увеличивалась, как следствие технологических преобразований производственной сферы от неолитической до научно-технической революции.

6. В рамках наиболее основательного, «экологического подхода», следовало бы рассматривать преобразование РБХД (ресурсной базы хозяйственной деятельности) – от вещественной до энергетической и информационной с учётом углубления ресурсной переработки от формы к содержанию (структуре).

Манько Юрий Владимирович

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТЕМАТИКИ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ КАФЕДРЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК ЗА ПОСЛЕДНИЕ 25 ЛЕТ

В рассматриваемый период 90-е годы XX-начала XXI века кафедра обращала внимание на проведение научных конференций по нижеследующим основным направлениям.

Первое. В связи с преобразованием в 1992 году Ленинградского государственного института текстильной и легкой промышленности в Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, существовавшая тогда отдельно кафедра философии во главу угла своей научно-теоретической деятельности сконцентрировала выявление философско-социологических основ дизайна, как специфической отрасли человеческой деятельности и культуры. Поэтому после многочисленных внутри кафедральных обсуждений данной проблемы, она была вынесена на первое научно-практическое внутри вузовское обсуждение в апреле 1994 года с заведующими и научно-исследовательским активом кафедр университета.

В последующем данная проблема обсуждалась на городском, общероссийском и, наконец, международном уровнях с демонстрацией лучших дизайнерских работ Санкт-Петербурга и других городов России. На таких конференциях, как правило, присутствовали губернатор Санкт-Петербурга и представители профильных министерств и ведомств Российской Федерации.

По итогам этих обсуждений на кафедре было подготовлено пособие утвержденное ученым советом университета: Плахов В.Д., Плахова А.В. «Философия дизайна\ под ред. Проф. Ю.В. Манько» – СПбГУТД – Спб., 1995. – 46с. В нем были рассмотрены общие закономерности и особенности дизайна как специфического явления человеческой культуры и особой формы человеческой деятельности: художественно-эстетической, конструкторской. Определяющим принципом дизайна является «принцип человека» – человеческой личности с ее универсальными потребностями и интересами. Дизайн, превратившийся из «возможности» (прикладное искусство, ремесло) в «действительность», а в условиях информационной цивилизации он обретает во всевозрастающем масштабе поистине великую способность – дарить людям красоту, удобство, комфорт.

Второе. Генеральным направлением научно-практической деятельности кафедры философии, а в последующем и объединённой кафедры общественных наук, стало, после распада СССР и КПСС, выяснение мировоззренческих основ населения Российской Федерации. Поскольку на протяжении тысячелетней

истории России, начиная с 1998 года такой мировоззренческой основой России была православная ветвь Христианства, то с помощью руководства университета и лично его ректора Романова Виктора Егоровича кафедра организовывала ежеквартальные дискуссионные встречи студентов и профессорско-преподавательского состава университета с иерархами Русской Православной Церкви Петербурга и другими священнослужителями.

Для более глубокого научно-практического изучения данной важнейшей мировоззренческой проблемы, кафедра добилась перевода в наш университет межвузовского центра гуманитарного образования по религиоведению. Руководитель центра Швечиков Алексей Николаевич, в последующем защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук по теме «Теоретико-методологические основы современного российского религиоведения. – СПб 2009», научным консультантом которого был д.ф.н. профессор Манько Ю.В.

Особое внимание на конференциях данного направления обращалось на роль православия в патриотическом воспитании населения, а особенно молодежи. Кстати, данная проблема была обсуждена на специальной научно-практической конференции по теме: «Патриотизм и православие» - 26-27 марта 2004 года (см: Православие и патриотизм\ отв.ред. А.Н. Швечиков. – СПб., Алетейя, 2005. – 248с.

Третье. Учитывая особую важность в перестроечные годы России вопросов воспитания молодого поколения, кафедра приняла решение об открытии подготовки специалистов по работе с молодым поколением. В течение трех лет кафедра изучала проблему работы с молодежью в СССР и других странах Европы. Не смотря на все препятствия, которые возникали в министерстве высшей школы, кафедра при поддержке ректората университета все же добилась открытия нового направления подготовки специалистов с высшим образованием по работе с молодежью.

На кафедре была разработана вся учебно-методическая документация и учебная литература для подготовки специалистов по данному профилю (программы, тексты лекций, планы семинаров, учебные пособия и др.). Более того, изданное в университете учебное пособие под редакцией профессора Манько Ю.В. «Основы социальной работы с молодежью. – СПб., СПбГУТД, 2005ю – 377с.» было «допущено» в качестве учебного пособия советом по социологии социальной антропологии и организации работы с молодежью УМО по классическому университетскому образованию.

Первый выпуск специалистов социальной работы с молодежью (более 30 человек) кафедра общественных наук осуществила в июле 2009 года. После этого ученый совет университета принял решение об образовании 01.09.2009 года самостоятельной кафедры по подготовке студентов. Современная кафедра «Социальной работы и права», заведует которой Ковалева Галина Викторовна – выдвиженка кафедры общественных наук, продолжает традицию проведения

научно-практических конференций. Она 22-24 ноября 2018 года провела уже 10-ю Всероссийскую конференцию по данной проблематике.

Четвертое. И конечно, кафедра проводила различные научно-теоретические конференции по актуальным проблемам общественного развития Российской Федерации, а так же посвященные юбилейным датам Победе Советского народа в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг. против фашистской Германии. Например: «Великая Победа (к 60-летию Победы Советского народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне в 1941-1945гг.): сборник статей \ под ред. проф. В.Ф. Цымлова. – СПГУТД, 2005 – 152с.».

В заключении хотелось бы выразить огромную признательность всему профессорско-преподавательскому составу кафедры общественных наук (а это было в начале XXI века более 50-и человек), и особенно: Андриановской Ольге Руслановне, Бугашеву Сергею Ивановичу, Чуриловой Галине Александровне, Минину Александру Сергеевичу, Оганяну Каджикю Мартиросовичу, Цымлову Василию Федоровичу, Левину Герману Михайловичу, Сотникову Антону Олеговичу за многогранную работу по подготовке и проведению кафедрой всех научно-практических конференций в нашем университете за последние 25 лет.

Манько Юрий Владимирович

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИТ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Конец XX и начало XXI веков заставили человечество вздрогнуть от ужаса, надвигающегося непонятого и неизвестного этапа развития человеческой цивилизации.

Интеллектуальная элита начала лихорадочные поиски его сущностного начала. На Западе философско-социологические изыскатели, удовлетворенные дискредитацией марксистско-ленинского мировоззрения, в связи с развалом СССР, смогли спокойно использовать материалистическое марксистское решение основного вопроса философии: «бытие определяет сознание». А поскольку основным законом капитализма является получение максимально высокой прибыли, то естественно, они объявили о новом этапе научно-технической революции.

Впервые о новом этапе НТР заговорили в Германии в 2011 году. Но через некоторое время, весной 2014 года, в США появляется информация о программе «Интернет вещей», о которой известный швейцарский экономист К.М. Швааб, опубликовал статью в американском журнале «Foreign Affairs», а

затем и огласил ее основные положения 20.01.2016 в Давосе как о «Четвертой промышленной революции» в производительных силах (Ч+Ср) относился к техническим средствам производства и технологическим процессам. Они базировались на отказе от использования полезных ископаемых (например, это служит почти основным аргументом в противодействие российскому газопроводу «Северный поток – 2», переходе к возобновляемым источникам энергии в сочетании с внедрением автоматизации и переходе к цифровому аддитивному производству, который журнал «Economist» еще в 2012 году назвал новой промышленной эрой).

В то же время, еще с 80-х годов 20-ого века во всех промышленно-развитых странах стали осуществляться программы компьютеров пятого поколения и роботов сначала третьего, а затем четвертого и пятого поколений, предлагающих использования в теории и практики искусственного интеллекта. Все эти процессы привели в начале 21 века к реализации нового этапа научно-технологического процесса – информационного.

Информационное общество – это постиндустриальное общество, в котором главными продуктами производства являются информация и знания. При этом в системе «Ч – Т» информацией (как сведения) могут владеть оба члена данной системы, а знанием – только человек, поскольку знание всегда сочетает в себе не только рациональное, но так же и эмоциональное и даже иррациональные составляющие, которые присущи только субъекту познания – Человеку. Кроме этого человек, как источник и носитель информации может (а скорее должен) ее одухотворять, то есть она должна нести в себе единство истины, добра и красоты. Поэтому не случайно во все времена и в философии, и в жизни человечность и духовность отождествились. Автор, еще в 80-х годах 20-ого века обратил внимание, что в то время, не смотря на распространенное употребление понятия «духовность» (оно даже вошло в текст морального кодекса «строителя коммунизма») оно в научной философско-социалистической литературе не было конституировано, что и побудило автора взять его в качестве исследования докторской диссертации: «Духовное состояние личности (философско-социологический анализ) Ленинград 1990», а ранее в 1988 году издал монографию: «Философско-социологический анализ духовного состояния личности».

Именно диалектический подход анализа духовного состояния личности социума позволяет определить ценностную детерминацию как определяющий критерий развития информационной цивилизации. Так, определяющими личностными ценностями информационной цивилизации останутся, как и прежде: любовь, труд, дружба, свобода, воля, творчество, храбрость, семья и т.д. А личностными духовными ценностями останутся: знания, добро, красота, справедливость, совесть, юмор, жалость, стыд, милосердие и др.

Но духовность личности во все времена определялась направленностью содержания сознания человека, которое, в свою очередь, зависело от информации, наполняющей данное сознание. В течение более двух тысяч лет,

вплоть до середины 20 века, понятие «Информация» понималось как передача сообщений, сведений о чем-то. Однако, с появлением кибернетики понимание информации изменяется. Так, Шеннон ее понимает как коммуникацию и связь, Винер называет информацией обозначением содержания, сведений о предмете познания, полученных от познаваемого внешнего мира, Моль считает, что информация – это оригинальность, новизна, мета-сложности структур, А.Д. Урсун определял информацию как отраженное разнообразие и др. Мы будем исходить из понимания информации, как сведения об отражаемом в нашем сознании предмете познания. В свою очередь, сведения понимаются как количественно-качественная характеристика объекта познания.

С конца 20 начала 21 веков общество реализует новый этап своего развития – информационный. Основными чертами этого этапа являются компьютеризация (по форме средств жизнедеятельности) и информатизация (по ее содержанию). Процесс информатизации изменяет не только материальную (производственную), но и духовную стороны жизни людей и общества. Информатизация по сути ликвидирует национально-государственные границы между людьми, превращая земной шар в единое информационное пространство. Об изменениях в материальном производстве автор изложил в опубликованной в 2016 году статье «Философско-методологический анализ концепции «Индустрия 4.0.». В ней подчёркивалось, что компьютеризация и информатизация выступает не только как мощное технологическое средство труда и общения людей, но и как средство самореализации человека, как инструмента творчества, стимулирующего человека лучше познать себя, полнее открыть свои способности, проявить свою индивидуальность.

Информация, которая функционирует в обществе всегда носит субъект-объектный характер, поскольку личность всегда формируется и живет в той или иной социальной среде, цивилизации, в конкретных обществе, нации, социальной группе и общности. Поэтому социальная информация всегда несет в себе след этих социальных групп и общности.

В то же время в постиндустриальной цивилизации, человек находится во власти информации, которая, по сути, его обезличивает, поскольку Интернет в союзе со средствами массовой информации унифицирует наше сознание, как в начале 20 века конвейер Генри Форда унифицировал (обезличил) производства, сделав его массовым, технологическим, а не индивидуализированным. Но еще с античности считалось, что «жить в обществе и быть свободным от него – нельзя».

Однако, IT-цивилизация втягивает в орбиту человеческой деятельности принципиально новые типы объективно-саморазвивающихся систем, которые характеризуются синергетическими эффектами, когда система, проходя точки бифуркации (неустойчивости), при незначительном, случайном воздействии может привести к появлению новых уровней организации системы, которые воздействуют на уже сложившиеся уровни и трансформируют их.

Поэтому в информационном обществе деградация внутреннего мира человека не зависит от того, сколько у него денег и где живет человек: в бараке или в «золотой клетке». Бездуховность настигает человека изнутри, и от нее не скроешься в «золотых палатах». В IT-цивилизации особо важную роль начинают играть не просто материальные и духовные блага, а информационно-организационные блага: уровень услуг, образование, способы и средства получения информации и т.д. В современном информационном обществе изменятся и сама система человеческих потребностей, когда материальным потребностям все больше противостоят потребности в достижении, следовательно, социальная информация превращается в атрибут субъект-объектных отношений в обществе. Более того, характерной чертой информационного общества становится появление «Сетевого интеллекта», как субъекта деятельности. Как отмечает Бутаев В.Б. в своей кандидатской диссертации «Субъект деятельности в информационном обществе» (М. 2003). «В постиндустриальной эпохе есть единица когни-тариата. Это означает, что субъект без глубоких знаний в какой-либо области не мыслим. Знания приобретают другой статус – «инструмент выживания». То есть, находясь в виртуальной реальности, он должен знать правила существования в ней.

Кто же будет определять субъект-объектные отношения наступившей IT-цивилизации? Как и во все времена, основным субъектом деятельности останется человек, а в наступившей информационной эпохе – это, прежде всего, молодежь. Не случайно со времен социалистов-утопистов и до советской социалистической цивилизации актуальным был лозунг: «Коммунизм – это молодость мира и его возводить молодым!». А кому, как не молодежи, возводить наше «капиталистическое завтра»? Конечно, ведущим звеном субъект-объектных отношений в IT-цивилизации, информационном обществе будет – молодежь. Какова же она – современная молодежь?

Наступивший 21 век, наряду с извечными проблемами борьбы за существование людей, поставил перед современной молодежью ряд новых проблем, с которыми молодежь других поколений меньше или совсем не сталкивалась. Это, прежде всего, замена живого межличностного общения между детьми – виртуальным, что привело к их разобщенности, начиная с девяностых годов двадцатого столетия, даже с родителями и родственниками. Двадцать первый век привнес информационное пресыщение молодежи, что повлияло на содержание процесса познания в плане уменьшения способности человеческого сознания выделять главное и достоверное в получаемой информации, так как многие, особенно молодые люди, информацию принимают на веру, а не как знание. Молодое поколение получило больше свобод, многообразие стилей и практик не только поведения, но и жизни. А это повлияло на устойчивость формирования сознания и жизненных стратегий. Несформированность молодежного сознания превратилась в его постоянную «переходную» форму. Частнособственнические экономические отношения привели к социальной и культурной дифференциации (разобщенности)

молодого поколения и индивида эгоистической направленности. Основными трендами философии жизни стали персонализация и овеществление сознания. Отсюда в повседневной жизни молодых людей наблюдается рост агрессии, равнодушия к окружающим. Для поколения молодых двадцать первого века авторитет старших подорван, поскольку последние, по мнению молодых, не могут им передавать что-то практически значимое и полезное, так как вся нужная им информация – в Интернете. А возросшее непонимание внутри семьи и между поколениями порой приводит молодых людей к бегству из семьи, бродяжничеству, а в особых случаях и к суициду.

Российское общество уже более тридцати лет (начиная с середины восьмидесятых годов двадцатого века) испытывает духовно-нравственный упадок. У государства нет официальной, поддерживаемой народом идеологии. Пропагандируемый государственными СМИ, патриотизм при отсутствии коллективистской психологической установки у молодежи, превращается в пустопорожний лозунг, который в жизненной практике многие не следуют. Так, по данным социологического опроса, опубликованным в июле 2018 года в газете «Санкт-Петербургские ведомости»: 31% молодых людей в возрасте 18-26 лет хотят переехать за границу на постоянное место жительства.

Возможно, патриотические чувства у молодежи возникают лишь на международных состязаниях – спортивных, производственных, учебных и т.п. Это происходит в силу разобщенности (материальной и духовной) и внутренней противоречивости сознания молодежи, как крупного социального слоя общества. Ей одновременно присущи целеустремленность и разгильдяйство, альтруизм и эгоизм, агрессивность и человеколюбие, предприимчивость и чрезмерная апатичность, наличие умственного потенциала и бездуховность, тяга к познанию нового, неизведанного, и жажда наживы, богатства. То есть молодежи двадцать первого века присущи все человеческие добродетели и пороки.

Российская Федерация не только многонациональная страна. В ней проживают представители более двухсот наций, народностей и этнических групп, это и многовозрастная страна. Так, в 2018 году в нашей стране проживают люди шести поколений:

1. Поколение GL (1900-1923 годы рождения – «победители»);
2. «Молчаливое поколение» (1923-1943г.р.);
3. Поколение «Беби-бумеров» (1943-1963г.р.);
4. Поколение X (1963-1984г.р.);
5. Поколение Y (миллениум – 1984-2000г.р.);
6. Поколение Z (с 2000 г.р.)

Следовательно, молодое поколение Z-тов уже вступило в свои права IT-цивилизации. Еще в конце двадцатого века в российской ювенологии существовали 3 методологических подхода к изучению молодежи: восторженнооптимистический, негативный (критически-ругательный), научно-достоверный, подтвержденный данными социологических исследований. Эти

исследования показывали, что одни молодые люди живут прошлым, опираясь на рассказы старших о их прекрасной жизни, когда успешно решались все жизненные проблемы и не реагируют на настоящее. Другие, наоборот, агрессивно ведут себя по отношению ко всем нововведениям, критикуют «всё и вся», занимаются поисками врага, на которого можно было бы свалить причины всех бед. Третьи, отчаявшись, уходят «в никуда», пьянствуют, потребляют наркотики, превращаются в бомжей, становятся на преступный путь. Четвертые начинают искать «путь к богу», вступают в различные секты, увлекаются мистикой и колдовством. Пятые, понимая, что только с помощью собственной активности можно добиться успеха в жизни, адаптируются к новым реалиям, ищут пути решения возникающих проблем. Разобщенное, озлобленное на всё и всех молодое сообщество становится горючим материалом для экстремистов, националистов, и так называемых, радетелей за народное счастье (демократы типа Навального), которые, используя потребность молодежи «потусоваться», выводят ребят на так называемые митинги протеста по поводу и без повода.

Поскольку поколение Z-тов уже вступает в свои права и многогранно проявляет себя в социуме, то и приписывают ему различные качества и свойства: «цифровое поколение», для которого быть в контакте – все равно что дышать; поколение It; «домашнее поколение»; поколение Я, Я, Я; «центениалы»; дети «X-ов и Y-ов»; творцы виртуального пространства, поколение, общающееся с помощью гаджетов, а посему «тихое поколение».

В повседневной жизни для Z-тов главное быть в информационном контакте. «Быть в контакте со сверстниками для нас как воздух» - пишет на своем сайте молодой человек. «Когда мы не на связи, мы чувствуем что что-то не так. Страх что-то упустить заставляет нас постоянно контролировать свои аккаунты». И это подтверждается социологическими исследованиями. Так, например, в США 44% представителей молодежи проверяют свои аккаунты в социальных сетях как минимум один раз в час, 7% - чаще, чем раз в 15 минут. При этом интересно, что один из пяти Z-тов чаще обновляет свою ленту в Twitter, чем читает ее. И это понятно, поскольку они черпают информацию не менее, чем с пяти источников (экранов) одновременно: с экрана телевизора (Т), ноутбука (НБ), персонального компьютера (ПК), планшета (ПЛ) и, конечно, мобильного телефона (МТ). Вот и получается информационная формула наших современных детей: $инфZ = T + НБ + ПК + ПЛ + МТ$.

В силу практически постоянной информационной зависимости, поколение молодых не видит разницы между реальным и виртуальным миром («фиджитал-мир»). Поэтому молодым крайне важна персонализация себя в информационном пространстве. И у молодежи масса способов продемонстрировать себя: от ответов в twitter, постов в instagram, до страниц в facebook, то есть совокупное информационное пространство позволяет каждому с помощью селфи идентифицировать себя, проанализировать личный бренд и сообщить о нем всему миру. А главная цель всего этого действия:

получить максимальное число лайков, которое и составляет, по мнению молодых, мою социальную значимость. А для того, чтобы ее повышать Z-ты считают необходимым обладать бесприцендными возможностями выбирать и контролировать свои предпочтения; быть технологически продвинутым; быть не зацикленным; обладать открытым мышлением и, конечно, решительностью идти до конца в достижении поставленных целей.

У молодежи формируются специфические потребности, свойственные IT-цивилизации: коммуникация из дома, онлайнобщение; постоянная потребность новых трендов и личное участие в их разработке; острая необходимость личной безопасности и реализация себя в Интернет-пространстве (социальных сетях). Названные и другие потребности, диктуемые информационным обществом, формируют у молодежи и свои духовные ценности. Особо они ценят, оберегают и защищают свой внутренний мир. Поэтому они стремятся избегать конфликтов и противоречий, уважают и оберегают как свое внутреннее пространство, так и пространство других людей. Чаще они живут по принципу: «Ты меня не трогай – я тебя не трогаю». Но это не исключает их страстного стремления к лидерству. В силу чего они часто достигают мастерства в избранной сфере. Ярким примером, которого являются достижения наших подростков на мировом уровне в профессиональном мастерстве, в творческой и технической сферах. А остальные представители детей-уникумов демонстрируют свое мастерство на всероссийском и мировом уровне («Голос-дети», «Лучше всех!»). Так, обладателем «Гран-при» Российской национальной премии образовательной организации высшего образования «Студент года – 2018» стала студентка Тульского филиала финансового университета при правительстве РФ – Анастасия Артемова. Победителем премии в номинации «Спортсмен года» стал Руслан Зубачук из Севастопольского государственного университета, в номинации «Доброволец года» - Артур Покатилов из Кемеровского государственного сельскохозяйственного института, в номинации «Творческая личность» - Валерия Савинова из Тюменского государственного медицинского университета министерства здравоохранения РФ, в номинации «Журналист года» - Юлия Пекина из Московского педагогического университета. А Петербургские старшеклассники победили на всемирной олимпиаде роботов WRO-2018 с проектом Strawberry fields.

К концу двадцатилетия двадцать первого века формируются и социальнопсихологические качества поколения новых людей. Прежде всего, они быстро развиваются по сравнению с X-и и Y-и. Поэтому они отлично работают с любой информацией, без чего каждый из них не выживет в информационном обществе. Это позволяет им делать одновременно несколько дел: учить уроки, писать сообщение в сетях, слушать музыку, играть в компьютерные игры. Но это приводит их к низкой вовлеченности в рабочий процесс. «Клипное мышление» негативно сказывается на запоминании информации. Да и зачем это им. Всегда все можно найти, что нужно, в сетях. Молодые люди двадцать первого века очень своенравны, в силу чего для них

характерна повышенная возбудимость. А заикленность на себе приводит, как правило, молодых к индивидуализму, а порой и к эгоцентризму. А распространенное среди молодых мнение, что их не только все взрослые, но и родители не понимают и не хотят понять, приводит, как правило, к конфликту поколений.

К сожалению, в сознании молодежи произошла дегероизация трудовой деятельности, вместо нее жизненными героями стали «идолы поколения». Средства массовой информации в России по всем каналам стремятся возвеличить не человека труда и творчества, а собственных коллег, даже по средствам асоциальной и сексуальной тематики.

Конечно, детей нужно вести по жизни, но не нести их до старости. А что значит вести? Это значит, во-первых, создавать условия для самореализации внутренних потенций молодых, содействовать тем усилиям, которыми они стремятся реализовать себя для самоопределения, самоутверждения, самореализации; во-вторых, создавать условия для максимального усвоения воспитуемым материальной культуры и духовных ценностей, накопленных человечеством и нашей страной; в-третьих, стимулировать процесс осознания молодым человеком самого себя в развитии своей позитивной индивидуальности, в поведении и жизни.

Таким образом, субъект-объектные отношения IT-цивилизации претерпевают качественные изменения. Зачастую в процессе познания и жизнедеятельности объект с помощью IT-технологий субъективируется и заменяет человека в системе «Ч – Т». Тем не менее, как бы далеко искусственный разум не развился со временем субъектом жизнедеятельности в человеческом обществе останется *homo sapiens* – Человек разумный.

Массов Александр Яковлевич

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

Поллард Марина (Австралия)

сотрудник этнического радио Radio 4EB

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О РОССИЙСКОМ КОНСУЛЕ В МЕЛЬБУРНЕ А. Д. ПУТЯТЕ

Российская консульская служба была учреждена в австралийских переселенческих колониях с 1857 г., когда в Сиднее и Мельбурне – столицах двух самых развитых переселенческих колониях Новом Южном Уэльсом и Виктории начали работать русские нештатные консулы. В 1893 г. нештатное консульство в Мельбурне было преобразовано в штатное, и его возглавил профессиональный российский дипломат¹. Отныне и вплоть до конца 1917 г., когда после Октябрьской революции связи между Австралийским Союзом и

Советской Россией оказались временно прерванными, именно консулы поставляли российскому внешнеполитическому ведомству основной массив информации о положении дел в молодом британском доминионе и о развитии международной обстановки в южной части бассейна Тихого океана. Качество этой информации во многом зависело от личности самого консула – уровня его образования, способности к аналитическому мышлению, политического и культурного кругозора. Вот почему при изучении истории российской консульской службы в Австралии в частности и истории российско-австралийских отношений в целом столь важным представляется изучение биографии и личных человеческих качеств российских консулов в Мельбурне.

Первым штатным российским представителем в Мельбурне стал Алексей Дмитриевич Путята. Свой пост он занимал недолго – всего 11 месяцев до своей скоропостижной смерти в декабре того же года в возрасте 40 лет. К выполнению обязанностей консула А.Д. Путята относился исключительно добросовестно и сумел за время работы представить в императорское российское посольство в Лондоне более 30 донесений. В них содержался подробный анализ развития внутривосточной ситуации в Виктории и других английских колониях в Австралии, освещались международные проблемы в юго-западной части тихоокеанского бассейна, была дана оценка перспектив развития торгово-экономических связей России и Австралии.

Нельзя сказать, что о первом штатном представителе России в Австралии ранее ничего не было известно исследователям. Основные вехи биографии консула, равно как и его донесения, отправленные из Мельбурна в императорское российское посольство в Лондоне, которому по субординации подчинялись русские консулы в Австралии, были опубликованы в книге «Российская консульская служба в Австралии 1857-1917 гг. (Сборник документов)»². Однако за последнее время удалось обнаружить новые документальные материалы, проливающие свет на ранее неясные детали биографии А.Д. Путяты, его службы в Австралии и расширяющие наши представления о личных качествах и воззрениях этого человека.

Прежде всего, удалось добавить штрихи к биографии А.Д. Путяты. Выяснилось, что его отец – владелец имения Бессоново в Смоленской губернии Д.А. Путята был известным в России селекционером и вывел так называемую бессоновскую породу крупного рогатого скота. Смоленский помещик поставил своей целью создать высокоудойную породу, используя только местных русских буренок. Упорный труд дал свои результаты: коровы бессоновской породы давали очень большие по меркам того времени удои и занимали призовые места на всероссийских сельскохозяйственных выставках³. Видимо, упорство в труде и настойчивость в достижении цели передались и сыну помещика. Специализируясь в области филологии, юный Путята по окончании Катковского лицея в Москве и получения степени кандидата наук в Московском университете перевел с санскрита на русский язык драму драматурга и поэта древней Индии Калидасы «Шакунтала». Изданию этого

первого перевода «Шакунталы» на русский язык была предпослана вступительная статья, которая обнаружила основательные познания А.Д. Путяты в области древнеиндийской литературы⁴.

Благодаря находкам в документальных материалах Архива внешней политики Российской империи и в материалах австралийских газет удалось уточнить послужной список А.Д. Путяты до его назначения на должность российского консула в Мельбурне. Оказалось, что еще до поступления в распоряжения российского Министерства иностранных дел А.Д. Путята служил в Московском учебном округе, а затем непродолжительное время работал в редакции петербургской газеты «Россия». Прежде чем стать русским представителем в Австралии, А.Д. Путята последовательно исполнял обязанности 1-го секретаря российского консульства в Филиппополе (Пловдиве) в Восточной Румелии, бывшей до 1885 г. частью Турецкой империи, затем 2-го секретаря русской миссии в Бухаресте, представителя российского МИД в Одессе, консула России в Кенигсберге, пока, наконец, в 1893 г. не был назначен российским консулом в Мельбурне. С периодом службы А.Д. Путяты в Филиппополе связано семейное предание о том, что, находясь на службе в Восточной Румелии, он выписал из Бессонова двух породистых коров, а по прибытии их в Филиппополь подарил турецким чиновникам. Видимо, подарок понравился, и в 1894 г. специальным фирманом султана Абдул Хамида II А.Д. Путята был награжден турецким орденом. В семье даже бытовала легенда, явно шутовская, что благодаря подаренным молодым консулом коровам Восточная Румелия воссоединилась с Болгарией⁵.

Среди новой информации о деятельности А.Д. Путяты в Австралии можно назвать уточнение даты приезда консула в столицу Виктории. В австралийских газетах по этому поводу была разноречивая информация, назывались различные даты декабря 1893 г. Теперь по документам австралийской иммиграционной службы удалось уточнить, что это произошло 4 января (н. ст.) 1894 г.⁶.

Приезд русского консула – представителя державы, с которой Британская империя находилась в остром соперничестве на международной арене, породил подозрительные и недружественные по отношению к России комментарии в австралийской прессе⁷. А.Д. Путята сразу же начал энергичную деятельность по разоблачению антироссийских инсинуаций и улучшению имиджа России в глазах австралийцев. К настоящему времени удалось обнаружить немало интервью русского консула австралийским газетам, в которых он доказывал исключительно мирный характер своей миссии. Учреждение штатного российского консульства в Мельбурне, убеждал А.Д. Путята австралийских журналистов, не имеет политического значения, хотя, конечно, Австралия представляет для России, как и для всего остального мира, особый интерес по причине своего быстрого развития. Консул говорил о своем стремлении содействовать развитию торгового обмена между Россией, Викторией и другими австралийскими переселенческими колониями. Он убеждал своих

собеседников в миролюбии русской внешней политики, необоснованности опасений подданных Британской империи в намерении русских захватить Индию, доказывал безусловную возможность развития мирных и даже дружественных отношений России с Великобританией и ее колониями⁸. В ходе этих интервью проявились крайне консервативные взгляды консула – убежденного монархиста и сторонника самодержавной формы правления. «Наша система управления не совпадает с вашей, но это хорошая система, – говорил он в одной из своих бесед австралийским журналистам, которая состоялась незадолго до кончины консула. – Ошибочно думать о царе, как о самодержце... Мы не хотим больше вашего демократического правительства в России»⁹. Категорически не соглашался он и с утверждениями своих австралийских собеседников о тяжелом положении крестьянства в России. С точки зрения А.Д. Путяты, и крестьяне в России совершенно свободны. Вы говорите «о якобы жестоком и тираническом отношении к нашему крестьянству? Ну, такого в принципе нет... Мы – помещики – слуги крестьян. Мы зависим от крестьян, так как они обрабатывают нашу землю»¹⁰. Консерватизм воззрений первого штатного консула России в Мельбурне, его неприятие демократической формы правления, утвердившейся в Австралии, возмущение силой и влиянием рабочего движения уже были известны исследователям истории русско-австралийских отношений, однако недавние находки позволили осветить новые грани в мировоззрении русского дипломата. Нельзя сказать, что А.Д. Путяте удалось полностью успокоить австралийцев и покончить с русофобией в Австралии, однако, он, несомненно, добился определенного смягчения антирусских предубеждений австралийцев.

Реакционные по меркам либеральной Австралии взгляды А.Д. Путяты не помешали ему завоевать высокий авторитет и уважение как в правительственных кругах Виктории, так и среди представителей высшего света Мельбурна. Сказывались личное обаяние консула и его умение располагать к себе людей. Получив разностороннее образование и будучи человеком с широким кругозором, русский консул мог поддерживать беседы по самому широкому кругу тем. На привлекательность личности А.Д. Путяты указывали еще его сослуживцы по работе в России времен его молодости. Удалось обнаружить мемуарные заметки популярного на рубеже XIX – начала XX в. русского литератора А.В. Круглова, который работал с А.Д. Путятой в редакции газеты «Россия». А.В. Круглов отзывался о будущем русском консуле в Мельбурне как о «самом симпатичном для меня человеке». «Мягкий, всесторонне образованный, светски воспитанный, – читаем в мемуарах А.В.Круглова, – Путята являлся среди сотрудников “России” аристократом во всех отношениях и в лучшем смысле этого слова. С ним было приятно беседовать, отдыхать... На А[лексее] Д[митриевиче] лучше всего доказывается, как важен в человеке – человек, а не его направление или взгляды»¹¹. В австралийской прессе также подчеркивалось образование консула России, его знание нескольких иностранных языков, склонность к занятиям

литературой и литературными переводами¹². «Любезность его манер ... и тот интерес, который он выказывал к местным делам, очень скоро позволили приобрести ему широкий круг друзей в политическом, социальном и коммерческом мире Мельбурна», – так отзывалась о русском консуле одна из ведущих мельбурнских газет «Эйдж» в некрологе в связи со смертью А.Д. Путяты¹³. «Эта смерть, без сомнения, является большой неожиданностью и породит глубокое сожаление среди всех тех общественных деятелей, с которыми покойный поддерживал отношения», добавляла «Иллюстриейтед Острелиен Ньюс»¹⁴.

Среди новых находок надо отметить также более подробную информацию, полученную как из австралийки, так и из русских источников о причинах болезни и скоростижной смерти А.Д. Путяты. Русский консул почувствовал ухудшение состояния своего здоровья уже вскоре после прибытия в Мельбурн, однако долго отказывался обращаться к врачам. Когда же он, наконец, согласился обследоваться и лечь в клинику известного мельбурнского доктора Л.П. Кривелли, было уже поздно. Проблемы с сердцем и обострение застарелой болезни почек дали о себе знать. 16 декабря 1894 г. А.Д. Путята скончался, успев за несколько дней до смерти передать управление делами консульства Л.А. Дежардену – французскому консулу в Мельбурне, представителю союзной России державы¹⁵. Имущество А.Д. Путяты продали на торгах, и в ноябре 1895 г. новый российский консул в Мельбурне барон Р.Р. Унгерн-Штернберг выслал в Петербург деньги, вырученные от продажи имущества А.Д. Путяты и сундучок с его личными вещами¹⁶. Из извещения о смерти А.Д. Путяты, помещенного в петербургской газете «Новое время»¹⁷, стало известно о том, что у покойного были жена и сын, которые на время его консульства в Мельбурне оставались в России. К сожалению, о них до сих пор ничего не известно.

Следует особо подчеркнуть, что некоторые из находок новых материалов, связанных с биографией и служебной карьерой А.Д. Путяты были сделаны во многом благодаря помощи краеведов Смоленской области, где было расположено имени отца Путяты и где в 1855 г. родился будущий консул. Это, прежде всего, краевед С.С. Дьяченко, сотрудники Вяземского историко-краеведческого музея и учителя и учащиеся Алферовской средней школе в селе Кононово Сафоновского района, расположенном недалеко от Бессоново. Смоленские краеведы ведут кропотливую работу по изучению прошлого своего края сумели, в частности, собрать немало документального материала о семье Путяты. Этот материал размещен на специальном сайте в интернете¹⁸. Главной ценностью, которая благодаря смоленским краеведам была обнаружена и теперь может быть теперь введена в научный оборот, стали подлинные фотографии Алексея Дмитриевича Путяты. До сих пор была известна лишь не слишком качественная гравюра, сделанная, видимо, уже в Австралии, с утраченной фотографии Путяты. Ныне эта гравюра находится в государственной библиотеке Виктории¹⁹. В историко-краеведческом музее

Вязьмы, как оказалось, хранится семейный альбом семьи владельца имения Д.А. Путяты. Именно там оказались фотографии родителей А.Д. Путяты, его сестры и, самое главное, самого А.Д. Путяты в детстве, в гимназические и студенческие годы, и, наконец, фотография Алексея Дмитриевича в зрелом возрасте²⁰.

Найденные документальные материалы позволяют в достаточно полной мере воссоздать биографию А.Д. Путяты и ставят в повестку дня подготовку и публикацию обширного очерка о его деятельности в качестве первого русского консула в Мельбурне и его вкладе в становление и развитие русско-австралийских связей.

¹ Ежегодник Министерства иностранных дел 1894. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1894. С. 262.

² Российская консульская служба в Австралии 1857-1917 гг. (Сборник документов) / Сост. и авторы введ. ст. и коммент. А.Я. Массов, М. Поллард. М.: Международные отношения, 2014. С. 24–26, 74–125.

³ Отчет о Первой всероссийской выставке рогатого скота 1869 года. СПб.: [б. и.], 1870. С. 119–121, 203.

⁴ Сакунтала. Индийская драма Калидасы. Пер. с санскритск. Алексея Путяты. М.: Унив. типография, 1880. 148 с.

⁵ Жаворонков А.К. Хозяйство Путяты // Вязьма с древнейших времен до наших дней. Материалы краеведческой конференции (9 июня 2006 г.). Вязьма: Смоленская городская типография, 2006. С. 158.

⁶ Inward Passenger Lists, Foreign Ports 1890–1899. Mc No 1135. Fiche 286 // Public Record Office of Victoria "Immigration to Victoria" in Australian National Library. P. 2.

⁷ Russia and Australia // Times. 6.03.1894. P. 4.

⁸ A Chat with the New Russian Consul // The Age. 29 January 1894. P. 5.

⁹ A Chat about Russia with her Consul here // The Herald. 19 November 1894. P. 1; Russian Government // Barrier Miner. 20 December 1894. P. 2.

¹⁰ A Chat with the New Russian Consul // The Age. 29 January 1894. P. 5.

¹¹ Круглов А.В. Пестрые странички (из литературных воспоминаний) // Исторический вестник. 1895. № 11. С. 477–478.

¹² A Chat with the New Russian Consul // The Age. 29 January 1894. P. 5.

¹³ Death of the Russian Consul // The Age. 17 December 1894. P. 5.

¹⁴ Death of the Russian Consul // The Illustrated Australian News. 1 January 1895. P. 23.

¹⁵ Protopopov M. A.D. Poutiata. First Imperial Russian Consul to the Australian Colonies. Melbourne: The University of Melbourne, 1995. P. 12.

¹⁶ Sales by Auction // The Argus. 10 October 1895. P. 2; Архив внешней политики Российской империи. Ф. 159 (Департамент личного состава и хозяйственных дел). Оп. 749/4. Д. 157. Л. 121.

¹⁷ Алексей Дмитриевич Путята // Новое время. 10(22) декабря 1894. С. 3.

¹⁸ Алферово. Сафоновский район Смоленской области. URL: <http://www.alferovo.ru/index.html> (дата обращения 11 октября 2018 г.).

¹⁹ The Late Russian Consul, M. Poutiata. Print: wood engraving. Accession No: IAN01/01/95/23, Image No: mp007970 in State Library of Victoria.

²⁰ Бессоново – Алферово. URL: <http://alferovo.ru/alfhistory134bessonovo.html> (дата обращения 11 октября 2018 г.).

Махкамов Гуломжон Мамурович (Республика Узбекистан)

преподаватель

Рузиматов Рузали Екубович (Республика Узбекистан)

преподаватель

Кокандский государственный педагогический институт

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ АНДИЖАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В условиях военного времени экономика страны перестраивалась на военный лад. ЦК ВКП и Совнарком СССР 16 августа 1941 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии определил основные направления перестройки народного хозяйства и прежде всего промышленности на нужды войны [1]. В Узбекистане, как и по всей стране, перестройка промышленности проводилась на основе этого плана.

Андижанская городская парторганизация проделала огромную работу по реализации военно-хозяйственного плана, обеспечению высокопроизводительной работы предприятий, увеличению выпуска продукции для нужд фронта и тыла. Большую роль в этом сыграло решение бюро андижанского горкома партии от 10 сентября 1941 г., согласно которому вся промышленность Андижана переключалась на производство оборонной продукции. Был проведен строгий учет оборудования, организовано экономное расходование ресурсов и материалов, изменена номенклатура производившей продукции. Так швейная промышленность города, в частности горпромкомбинат, артели «Большевик», «Тикувчи» и «Иншвейтруд» стали изготавливать теплую одежду и белье для фронта [2]. Заводы «Коммунар» и «Автотрактородеталь» наладили производство военной продукции. Особое внимание андижанские партийные и советские организации уделяли размещению и быстрейшему вводу в действие эвакуированных из западной части страны предприятий, и это было связано с большими трудностями, так как не хватало подходящих помещений и квалифицированных специалистов.

Благодаря помощи ЦК КПУз и правительства республики, самоотверженному труду рабочих инженеров и техников в короткий срок были введены в строй действующих такие предприятия, как симферопольский консервный завод, Днепропетровская фабрика им. Володарского и целый ряд предприятий Народного комиссариата путей сообщения [3].

Увеличение числа промышленных предприятий требовало усиления энергетической базы. Была пущена в ход электростанция на территории завода им. Сталина, которая обеспечивала электричеством близлежащие предприятия увеличена мощность существующих электростанций. Такие предприятия, как хлопкозавод № 1, маслобойный завод, пивоваренный завод, госмельница, завод «Коммунар» и ряд других были полностью электрифицированы. К 1945 г. в результате строительства в Андижане по решению государственного комитета

обороны первого в Средней Азии газопровода семь промышленных предприятий были газифицированы. Промышленный потенциал Андижана в годы войны увеличился не только за счет эвакуированных промышленных предприятий но и таких крупных как обувная и прядильная фабрики, завод «Автотрактородеталь» и другие[4].

В военные годы продолжали развиваться кустарные промыслы. В Андижане были организованы 7 новых артелей для производства товаров широкого потребления на нужды фронта. С 1940 по 1943 г. количество членов артелей возросло с 2236 человек до 3312 человек [5].

В результате пополнения промышленности города эвакуированными предприятиями, а также создания в нем новых предприятий местной промышленности, Андижан превратился в один из крупных промышленных городов Узбекистана. Значительная часть его промышленной продукции шла на фронт для бойцов Красной армии.

Перестройка промышленности на военный лад, уход в ряды Красной Армии квалифицированных рабочих требовали от партийных советских организаций быстрейшего решения проблемы кадров и умелого использования людских резервов. Эта проблема была одной из самых сложных в годы войны. Бюро Андижанского горкома партии 22 сентября 1941 г. обязало всех руководителей предприятий и партийных организации города серьезно отнестись к делу создания резерва рабочих и обучения их. В результате проведенной работы план подготовки работников массовых квалификаций в 1942 г. был перевыполнен и вместо 3427 подготовлено 3583 рабочих. В 1943 г. на промышленных предприятиях города было обучено массовым профессиям 3413 человек, а в 1944 г. – 4167 и 36,4% их составляли кадры местной национальности.

На фабрики, заводы и в артели приходили женщины. Бывшие домохозяйки, овладев мужскими специальностями, становились основной рабочей силой. К концу 1941 г. количество работниц составляло: на маслозаводе № 6 - 62,5%, хлопкозаводе № 2 - 65,3%, заводе «Комуннар» - 61,7% и мотороремонтном заводе – 61% от общего числа рабочих.

Многое было сделано по подготовке квалифицированных рабочих кадров и на эвакуированных предприятиях. Так, на заводе им Сталина в течение 1942 г. и первого полугодия 1943 г. массовым профессиям было обучено 1958 человек, из них 765 женщин; на консервном заводе – 300 чел., в том числе 241 женщина. Важнейшим источником подготовки квалифицированных кадров для промышленных предприятий явились школы фабрично-заводского обучения и ремесленные училища.

В 1942 г. школа ФЗО № 1 и ремесленное училище № 10 Андижана выпустили 1100 квалифицированных рабочих по специальностям токарей слесарей и фрезеровщиков, из них 200 человек были направлены для работы на крупных промышленных предприятиях Андижана, остальные в другие города

республики. На всех промышленных предприятиях развертывалось массовое социалистическое соревнование.

Так, андижанские железнодорожники одними из первых среди рабочих города добились повышения производительности труда. С первых же дней войны комсомольцы-слесари депо Каюмов и Лемешкин в три раза перевыполняли норму, токарь Черновалов систематически выполнял дневные задания на 500%.

Когда в стране началось движение двух- и трехсотников, одними из первых к нему присоединились коммунистки-многостаночницы андижанского маслобойного завода № 6 С. Станкевич и З. Исламаилова, работницы литерного цеха этого завода Дягилева, Быкова и другие. Они довели выполнение нормы до 260%.

Так включившись в соревнование двухсотников, все работницы литерного цеха перевыполнили августовский план 1941 г. и многие из них добились высоких показателей. Например, М. Исаева систематически выполняла норму на 208 %, Исламова- на 184%, Аскарова на 181 % и т. д. Увеличилось число ударников и стахановцев – подлинных бойцов трудового фронта. К концу 1941 г. на городских предприятиях Андижана было 607 стахановцев и 322 ударника. А всего за четыре месяца 1942 г. число стахановцев и многостаночников в промышленности города увеличилось на 12,9% и достигло 2780 человек.

Список литературы:

1. Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1974. С. 421.
2. ПА Андижанского ОК КП Уз. Ф. 1. Д. 584. Л. 118-119.
3. Там же. Ф. 106\3. Оп. 1. Д. 240. Л. 1.
4. ПА Андижанского ОК КПУз. Ф. 1. Д. 658. Л. 31.
5. Андижанский облагосархив. Ф. 526. Оп. 1. Д. 24. Л. 33. ПА Андижанского ОК КПУз. Ф. 1. Оп. 1. Д. 585. Л. 61.

Минин Александр Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

«В СЛУЧАЕ СДАЧИ ЛЕНИНГРАДА»: ИСТОРИЯ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВКП(Б)

Кризисная ситуация стимулирует обращение к историческому опыту. Катастрофическое начало Великой Отечественной войны заставило вспомнить и перманентную мобилизацию Гражданской войны, и планы подпольной и партизанской борьбы 20-х годов, периода крайней слабости РККА.

25 октября 1941 г. по решению ленинградского горкома ВКП(б) была создана нелегальная партийная организация, основная задача которой состояла

в осуществлении и руководстве народным мщением немецким оккупантам на основе широко развернутой политической работы в тылу врага в случае сдачи Ленинграда. К счастью, по прямому назначению конспиративная организация так и не была использована¹.

Использование партийного, советского и профсоюзного актива в качестве мобилизационного резерва было характерно для 20-30-х гг. В ВУЗах и техникумах вводилось обязательное военное обучение. «В Ленинградской высшей школе профсоюзного движения, готовившей профсоюзных активистов и культмассовых работников, учебно-производственный план военной подготовки на 1938 – 1939 учебный год был рассчитан на целых два семестра 1-го курса (90 час.), хотя на 1939 – 1940 учебной год был разработан план и для 3 семестра 2-го курса, посвященный практическим занятиям, в основном стрельбам. План для первокурсников начинался со вступительной беседы и темы «Стрелковая подготовка» (28 час; из них 9 час. на стрельбы, 5 – на зачет.). Студенты должны были изучить устройство, сборку и разборку, приемы заряжания и разряжания знаменитой мосинской винтовки, ручного пулемета, отработать приемы прицеливания и стрельбы из мелкокалиберной винтовки, получить сведения о баллистике, ознакомиться с устройством и убойной силой ручных и ружейных гранат, уметь пользоваться гранатометом. Разумеется, предусматривалась и строевая подготовка (10 час.) как одиночного бойца (команды, ружейные приемы), так и стрелкового отделения. Тема «Краткие сведения по истории строительства РККА» (8 час.) была посвящена политико-пропагандистским сюжетам, например «Овладение большевизмом, большевистское воспитание бойцов и командиров, сплоченность их вокруг ЦК ВКП(б) и вождя народов тов. Сталина». Предусматривалось знакомство с организацией, вооружением и тактикой родов войск, целых 20 часов отводилось изучению военной топографии, включая не только общее представление об особенностях рельефа, «местных предметах» и их военном значении, условные знаки и навыки чтения карты, но и ориентирование на местности с 4-х часовым «выходом в поле». В завершении курса слушатели профшколы знакомились с тактикой стрелкового отделения (18 час.). Они должны были знать походный порядок, обязанности воздушного и противотанкового наблюдения, дозор и осмотр местности, приемы обороны и наступления отделения (в том числе – «взаимодействие атакующей группы отделения с огнем ручного пулемета и гранатомета, преодоление проволочных сетей, преследование отходящего противника во фланг»), тактику отделения в составе взвода. Учебно-производственный план для 2-го курса на 1939 – 1940 учебный год предусматривал зачеты по стрельбе и военную игру на местности (6 час.). Многим выпускникам эти знания вскоре пригодились»².

Сразу после замыкания блокадного кольца Военный Совет Ленинградского фронта постановил «Выделить в распоряжение Ленинградского горкома ВКП(б) 500 штук карабинов для вооружения партийного, советского и хозяйственного актива»³. Постепенно первоначально

лихорадочные действия обрели должную системность. Этому способствовали снабжение города по Дороге жизни и постоянные активные, пусть и не всегда удачные, действия РККА, которые серьезно затруднили подготовку вермахтом окончательного штурма Ленинграда, но полностью не устранили этой угрозы. Руководство осажденного города с августа 1942 г. перешло к планомерному военному обучению актива: «Постановление бюро горкома ВКП(б) от 12.VIII.1942 г. «О военной подготовке и переподготовке партийного, советского, комсомольского, профсоюзного и хозяйственного актива Ленинграда» внесло организованность в дело военного обучения актива.

«...Всего охвачено по городу военным обучением 5590 чел. (в этом числе около 1500 чел. женщин), из них около 3000 чел. проходят обучение в рабочих отрядах». Обучение проходило без отрыва от основной деятельности: «...Просим Вас санкционировать проведение занятий с активом в утренние часы (с 7.30-8.30 утра до 10-11 час. утра), т.к. в это время актив не будет отрываться от занятий по всякого рода вызовам». Военной подготовкой были охвачены и высокопоставленные партийцы. Из первых секретарей райкомов ВКП(б) предполагалось «сформировать специальный взвод и проводить занятия вместе с аппаратом горкома ВКП(б) (с группой отраслевых секретарей, заведующих и заместителей заведующих отделами). При этом все первые секретари РК ВКП(б) просят включить их (по очереди) на 3-дневные лагерные сборы в Кавголово по прохождению вместе с аппаратом РК ВКП(б) курса огневой подготовки»⁴.

Занимающиеся военной подготовкой активисты и члены нелегальной организации ВКП(б) жили одними проблемами с остальными ленинградцами, помогая близким за счет своего пайка. Сохранилась справка «О смерти члена нелегальной Ленинградской организации ВКП (б) Д. Е. Лаврентьева» от 4 сентября 1942 г., из которой следует, что ««Лаврентьев Дмитрий Егорович ... Работая в качестве руководителя группы в Ленинградском порту, допустил ошибку, заключающуюся в том, что, имея семью в Ленинграде, свои продукты передавал ей, благодаря чему получил истощение и умер в январе 1942 года»⁵.

Летом 1943 г. настало время подвести промежуточные итоги состояния нелегальной Ленинградской организации ВКП(б), так как отказываться от крайних мер пока было рано, повторный захват немцами Харькова в 1943 г. хорошо это иллюстрирует. В составленной руководителем организации М. М. Жагулло справке «О состоянии и работе нелегальной Ленинградской организации ВКП(б)» от 2 июня 1943 г. задачи организации сформулированы следующим образом: «Нелегальная партийная организация (спецформирование) создана по решению бюро горкома ВКП(б) от 25 октября 1941 г. Формирование основного костяка произведено было в октябре и ноябре 1941 г. горкомом и райкомами ВКП(б).

Основная задача формирования – организация и руководство народным мщением немецким оккупантам на основе широко развернутой и действенной политической работы в тылу врага.

Для выполнения основной задачи должны быть и будут выполняться ряд частных задач (как составляющие):

- а) агитационно-пропагандистская – устная и печатная;
- б) диверсионная-террористическая разных направлений как групповая, так и индивидуальная;
- в) разведывательно-информационная внутригородская и внешняя;
- г) рост вооруженных боевых (партизанских) отрядов и руководство активной их боевой деятельностью;
- д) проведение пораженческой, разлагающей политики в армии оккупантов и разных их формированиях и организациях (органы городского управления, филиал и организации «Русского Комитета» и др.)».

В структурном плане организация делится на районные формирования, «Боевой отряд» и производственно-хозяйственные предприятия. Хозяйственно-организационную работу всего формирования проводит «Рабочий комитет», состоящий из 5 человек, а общее руководство деятельностью всего формирования в целом осуществляет городская оргпарттройка. По таблице Количественный состав формирования на 1 июня 1943 г. всего числилось 259 чел., из них в боевом отряде – 16, в районах от 9 (Куйбышевский и Приморский) до 16 (Кировский). «Анализируя количественный состав формирования, следует отметить общую его малочисленность и особенно состава «Боевого отряда», неполный состав районных троек и неравномерное распределение производственно-хозяйственных предприятий по городу»⁶.

При этом за время существования спецформирования отчислено 136 чел, что составляет 52,2% к первоначальному составу. Среди основных причин названы – «грубое нарушение партийной конспирации – 37 чел., эвакуированы по состоянию здоровья и как ошибочно вовлеченные – 23 чел., трусость и рвачество – 18 чел., смертность – 11 чел., отозваны на легальную работу – 8 чел. и др.

«Учтя отдельные редкие сигналы, поступающие из органов нашей разведки, и выполняя указание горкома ВКП(б), все члены формирования с сентября-октября 1942 года работают на производстве, за исключением «Рабочего комитета», редактора «Нашей газеты» и инструктора по печати – всего 7 человек»⁷.

Основное внимание уделялось обучению, причем уже не только военному. Ведь агитатор – пропагандист, политический лидер должен обладать не только военными или специальными навыками, но и широким кругозором, общей эрудированностью. Востребованными оказались фундаментальные знания: «Начиная с сентября 1942 г., одновременно с исправлением отдельных неувязок и нарушений конспирации, было уделено особое внимание политической грамотности, политической зрелости членов формирования и их систематической работе над собой. Для этого использовались различные формы учебы, помощи и контроля. Основные формы – индивидуальные беседы на явках с руководителями районных троек, специальные часы и дни во время

краткосрочных сборов, написание статей и рефератов, написание листовок и воззваний и другие формы.

В связи с разнообразным составом членов формирования, различным уровнем их общей грамотности и политического развития упор делается на возможно полное изучение истории ВКП(б) с подробным разбором отдельных понятий и философских категорий... Все члены формирования обучены простым правилам шифровки и тайнописи, работают над почерком и речью, «чтобы она была простой, ясной, красочной и призывающей. Успехи в этих областях пока незначительные. Подготовлено 16 радистов-операторов, обучается еще 17».

Слабо были освоены навыки конспиративной работы, что показала внезапная проверка Фрунзенского формирования – под надуманным предлогом, районный руководитель не смог собрать на явочной квартире подчиненных для беседы. Для более серьезной проверки при Уголовном розыске организовали Следственный кабинет, куда на вполне настоящий допрос к капитану милиции Чибисову (Телепневу) было вызвано 34 члена организации. Результаты были не утешительны: «Большинство не знали своих биографических данных, место, время и год рождения, место получения паспорта, предыдущего места жительства и места работы. Через следственный кабинет было пропущено 34 человека и трое из них – Селиванова, Успасская и Колесова – сознались в своей принадлежности к конспиративной партийной организации и просили капитана Чибисова никому об этом не говорить».

«Для исправления этих недочетов было сделано указание о систематическом изучении на явках биографических данных и путем перекрестного наблюдения изжить «внутреннюю конспирацию (от своих руководителей)»

Первоначально учебные сборы формирования проходили в октябре-декабре 1942 г. по 6 дней в школе НКВД, где изучалось подрывное дело и опробовалось личное оружие. Но руководство НКВД не отнеслось с должным вниманием к нелегалам-подпольщикам - «слабая загрузка учебного дня, отсутствие дисциплины и нарушение конспирации по вине руководителя школы заставило отказаться нас от услуг НКВД и организовать свой учебный пункт в Выборгском районе на стадионе «Пищевик» под названием учебно-испытательного полигона Научно-исследовательского института №3 (НИИ-3) Наркомата вооружения.

Второй, 7-дневный сбор, группами 12-15 чел. проводится с апреля с.г. по настоящее время на полигоне. Программа второго сбора состоит:

- а) новости взрывного дела – 2 учебных дня;
- б) стрелковое дело – знакомство и стрельба из русской и немецкой винтовок и автоматов, личного оружия всех систем – 3 учебных дня;
- в) политические занятия и семинары – 2 учебных дня;
- г) санитарное дело – оказание первой помощи;

д) элементы конспиративной работы и назначение нашего формирования. Пункты г и д - один учебный день...

Понимая особое, ценное значение агитации и пропаганды путем печатного слова (листовки, газеты, журналы) и надеясь широко его использовать в условиях оккупации, за последние полгода подготовлено 46 человек наборщиков из членов формирования. Наборщик наш является и печатником и автором листовок. Подготовка наборщиков производится индивидуально в течении 5-7 дней с последующей тренировкой дома. 80% обученных наборщиков снабжены походными ручными типографиями.

Стремясь совершенствоваться в деле печатной агитации и пропаганды, с 15 марта 1943 г. организован выпуск двухнедельной газеты. Назначение газеты в данное время – воспитательное, приобретение навыков оформления, техники набора, печатания и распространения.

Газета названа «Наша газета», орган коллектива рабочих и служащих СПК и Б (т.е. советских патриотов, коммунистов и беспартийных). Тираж – 110 экземпляров.

В условиях оккупации намечен выпуск «Ленинградской правды» и «Правды» без указания органа»⁸.

В соответствии с поставленными задачами, на 1 июня 1943 г. материально-техническое оснащение формирования включало, наряду со стрелковым оружием, разную спецтехнику, рации и переносные типографии: «Личное оружие (пистолеты всех калибров) – 252 шт., Винтовки – 4, Автоматы – 3, Станковый пулемет (найден бесхозным в подвале) – 1, Трости огнестрельные – 3, Мины «Сюрпризы» (Портфели – 3, Чемоданы – 4, Бонбоньерки – 40), Яды (Стрихнин – 800 человеко-доз, Мышьяк – 400), Ручные походные типографии – 70 шт., Походные газетные типографии – 4, Рация типа «Север» - 30, Рация типа «Белка» - 2, Оборудованный радиовещательный узел – 1 и т.д.»⁹

Работа была проведена серьезная, В случае трагического развития событий, нелегальная партийная организация вполне могла стать основой сопротивления. В 1943 г. была проведена даже спецоперация по созданию легенды для агента-нелегала во вполне шпионском духе: «Тов. Чистякова отбывает срок тюремного заключения по приговору Военного трибунала за хранение оружия. После 4-х месячного испытания, которое на суде и в тюрьме выдержала хорошо, она освобождается через органы НКВД»¹⁰.

Успешно проходили учебные сборы (кроме 7-дневных на полигоне, были проведены однодневные сборы в выходные дни без отрыва от производства), продолжалась изучение общеобразовательных дисциплин, а также наборного дела и шифрования, кроме «учебной» «Нашей газеты» вышли первые номера журналов «Патриот» и «Глаз Крокодила».

Коренной перелом в Великой Отечественной войне породил естественные сомнения у членов нелегальной организации ВКП(б) в перспективах подпольной работы в Ленинграде. «В процессе работы с людьми

за последнее время выявилась некоторая утомленность у товарищей, особенно находящихся около двух лет на нелегальном положении. Утомленность, военная обстановка, жажда активной партийной работы рождает желание у некоторых товарищей выйти из партийного подполья, о чем они говорят и пишут в своих заявлениях.

Тов. Болотейн пишет, что не верит в возможность прихода немцев в г. Ленинград, считает ненужной нелегальную партийную организацию и требует легализации. Тов. Егоров, Тимофеев, Карпов и др. сделали такие заявления и просят направить их в Красную Армию или же в партизанские отряды...

Такое желание снижает настороженность, требовательность, дисциплину и влечет за собой нарушение конспирации...разъяснительные меры действуют слабо».

М. М. Жагулло видел выход в «переформатировании» организации с отсеком сомневающимися: «Считал бы возможным до 70% состава городского формирования распустить, и в первую очередь желающих, боязливо ожидающих и неоправдывающих назначения. Всем освобожденным дать право выбора временной работы вне города Ленинграда, перехода в Красную Армию или партизанские отряды.

Оставшийся коллектив 70 – 80 чел. переформировать в ячейки и оставить в разных районах города. Все имеющиеся хозяйственные и производственные предприятия ликвидировать, оставить только скрытые склады и тайники.

Такое мероприятие создаст видимость полной ликвидации формирования, и оставшийся костяк организации еще лучше законспирируется.... Группу радистов-операторов (30 чел.) необходимо организованно передать в действующую Красную Армию.

Имущественные ценности хозяйственного значения передать хозчасти горкома ВКП(б) (бумага, одежда, мануфактура, кожа и т.п.), боевое снаряжение – УНКГБ (оружие, мины, взрывчатка, яды, радики, типографии), оставив по одному экземпляру для музея Отечественной войны.

Имеющиеся документы: списки формирования, решения городской оргпарттройки, протоколы капитана Чибисова, экземпляры «Нашей газеты», журналов и листовок – временно будут сложены, опечатаны и сданы в особый сектор горкома ВКП(б) на хранение». Интересно, что в традициях спецслужб было решено сохранить и «протоколы капитана Чибисова»...

Зато была признана необходимость выделения материальной помощи легализуемым подпольщикам для возвращения к нормальной жизни: «Многие товарищи будут нуждаться в приведении своих квартир в порядок, в восстановлении личного имущества, в отдыхе с поездкой к семье.

Необходимо будет оказать помощь товарищам в возврате их жилой площади (многие квартиры заселены), в приобретении одежды и обуви, в приобретении топлива для предстоящей зимы». На дорогу выезжающим к семьям, определялось 1500 руб., на восстановление личного имущества – 5000 руб. и т.д.¹¹

Аргументы были признаны убедительными, и через 3 дня оргпарттройка издала Постановление «О частичном роспуске нелегальной ленинградской организации ВКП(б)», в котором предписывалось «отчислить из состава подпольной городской организации ВКП(б), в связи с частичным роспуском ее, 185 человек...Порядок частичной ликвидации ленинградской городской подпольной организации ВКП(б) был определен в Приложении №1, из перечисленных в нем мероприятий видно, что конспирации придавалось особое внимание и на завершающем этапе:

1. Произвести 8-10 октября с.г. отбор костяка, остающегося на нелегальном положении, с учетом, что некоторые товарищи могут быть перелегандированы и перемещены в другие районы.

В число освобожденных должны войти: все желающие, все имеющие семьи в городе, парторги ЦК ВКП(б) тт. Грудинин – завод им. Ленина и Андриевский – завод №181.

2. Ложное объявление о роспуске всей организации сделать 10-11 октября с предупреждением об увольнении с работы.

3. Собрать с 10 по 15 октября выданные на руки: сюрпризы, типографии, рации и др. имущество на Михайловском складе.

...5. Все мелкие тайники (квартирные) ликвидировать с заделкой образовавшихся пустот, проемов.

6. Произвести проверку всех подлинных документов (паспорт, военный билет, трудовая и пенсионная книжка) и оформление их дополнительными вкладышами и печатями... Использовать печати: «Участок военно-строительных работ №201 Лен. ОВСУ», «Строительство №5 НКПС», «НИИ-3 НКВ», «Мелкоопторг».

...Г) Записей в трудовых книжках не делать, взамен выдавать справки о нахождении на оборонных работах»¹².

Решение об окончательной ликвидации нелегальной ленинградской организации ВКП(б) было принято после полного снятия блокады 11 февраля 1944 г. Роспуск был проведен на основе вышеизложенных принципов¹³.

Хотя нелегальная ленинградская организация ВКП(б) не была востребована по назначению, по ходатайству М. М. Жагулло, «отдельные достойные члены формирования» были награждены медалью «За оборону Ленинграда»¹⁴.

¹ Рассекреченная история. Из фондов ЦГАИПД СПб // <https://spbarchives.ru/-/rassekrecennaa-istoria-iz-fondov-cgaipd-spb> (дата обращения 15.01.2019.)

² Минин А. С. Комсомолец – на самолет // Тенденции развития молодежной добровольческой деятельности в современном мире: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 17 – 19 ноября 2016 г. / под ред. Г. В. Ковалевой. – СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2016. С.179 – 180.

³ Постановление Военного Совета ленинградского фронта «О выдаче оружия партийному, советскому и хозяйственному активу города» 10 сентября 1941 г. // Ленинград в осаде: Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941-1944 / Отв. Ред. А. Р. Дзенiskeвич – СПб.: Лики России, 1995. С.54-55.

⁴ Из Справки Военного отдела ГК ВКП(б) Я. Ф. Капустину «О военном обучении актива» 31 августа 1942 г. // Ленинград в осаде: Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941-1944 / Отв. Ред. А. Р. Дзенискевич – СПб.: Лики России, 1995. С.104.

⁵ Справка «О смерти члена нелегальной Ленинградской организации ВКП(б) Д. Е. Лаврентьева» 4 сентября 1942 г. // Ленинград в осаде: Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941-1944 / Отв. Ред. А. Р. Дзенискевич – СПб.: Лики России, 1995. С.104.

⁶ Справка М. М. Жагулло лично А. А. Кузнецову «О состоянии и работе нелегальной Ленинградской организации ВКП(б)» 2 июня 1943 г. // Ленинград в осаде: Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941-1944 / Отв. Ред. А. Р. Дзенискевич – СПб.: Лики России, 1995. С.113-121.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Докладная записка М. М. Жагулло лично А. А. Кузнецову «О работе нелегальной ленинградской организации ВКП(б)» 5 октября 1943 г. // Ленинград в осаде: Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941-1944 / Отв. Ред. А. Р. Дзенискевич – СПб.: Лики России, 1995. С.121-125.

¹¹ Там же.

¹² Постановление городской оргпарттройки «О частичном роспуске нелегальной ленинградской организации ВКП(б)» 8 октября 1943 г. // Ленинград в осаде: Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941-1944 / Отв. Ред. А. Р. Дзенискевич – СПб.: Лики России, 1995. С.125--126.

¹³ Сообщение М. М. Жагулло «О полном роспуске нелегальной Ленинградской организации ВКП(б)» 11 февраля 1944 г. // Ленинград в осаде: Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941-1944 / Отв. Ред. А. Р. Дзенискевич – СПб.: Лики России, 1995. С.130-131.

¹⁴ Справка М. М. Жагулло лично А. А. Кузнецову «О состоянии и работе нелегальной Ленинградской организации ВКП(б)» 2 июня 1943 г. // Ленинград в осаде: Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941-1944 / Отв. Ред. А. Р. Дзенискевич – СПб.: Лики России, 1995. С.121.

Минин Александр Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ И СМЕНА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НИКОЛАЯ I

Неумолимый бег времени заставляет меняться даже самые стабильные системы. Естественная смена поколений, изменения массового сознания и, как следствие, изменение в образовании следующих поколений способны сформировать базу серьезной эволюции. Николаевская Россия не являлась исключением. Именно на рубеже 1830-40-х гг. произошел постепенный поворот к будущей России «великих реформ». Рассмотрим смену поколений реформаторов на примере «начальника штаба по крестьянской части» Николая I П. Д. Киселева и его племянника, реформатора русской армии при Александре

П. Д. А. Милютина. Несмотря на блестящие генеральские мундиры, дядя и племянник подошли к государственной деятельности с разным «багажом».

Выходец из небогатого, но древнего дворянского рода, Павел Дмитриевич Киселев, получив традиционное для начала XIX в. домашнее образование, пригодное скорее для светской жизни, выбрал военную карьеру, поступив в Кавалергардский полк. В это время Павел Киселев впервые столкнулся с тем, что «светского» образования, изящных манер и безупречного французского недостаточно для успеха, когда рассчитывать можно только на свои способности. Киселев занялся самообразованием, чтобы превратиться в дельного офицера. Этому способствовала не только его внутренняя убежденность в необходимости учиться, чтобы сделать карьеру, но и историческая обстановка: впервые за продолжительный период русская армия стала терпеть поражения, а военные пытались понять их причины, «изучение теории военного дела сделалось обыденным занятием... Парады и разводы отошли на задний план». Киселев пытался найти общие, глобальные корни неудач, постигших Россию в начале XIX в., в том числе и по линии внешней политики, и в системе государственного управления. Об этом говорит обнаруженный Н. М. Дружининым в архиве П. Д. Киселева «Проект представления» Александру I, датированный 25 августа 1808 г. Несмотря на то, что «Проект...» отдает политическим дилетантизмом и показывает слабое ориентирование автора (предположительно им был М. Ф. Орлов, в будущем декабрист) в социально-экономической сфере, он носит ярко выраженный патриотический характер и призывает власть опереться на русское дворянство, готовое жертвовать всем ради Отечества, а не на чиновников-иноземцев¹.

Отсутствие систематического образования заставило Киселева с расширением круга служебных обязанностей интенсивно восполнять пробелы с помощью чтения специальной литературы. В итоге он собрал обширную домашнюю библиотеку. Всего на 1856 год, т.е. на момент отъезда Павла Дмитриевича в Париж, согласно «Описи ящиков, с уложенными книгами и вещами, доставленных в Санкт-Петербург в 1856 г. сентября 25 дня», русские книги были упакованы в 25 ящиков, а французские в 34. Среди них были журналы, причем славянофильской направленности: «Московитянин», «Славянин», «Библиотека для чтения», «Московский телеграф». Численно преобладали журналы специальные (в основном по сельскому хозяйству, журналы разных обществ) и ведомственные: «Журнал сельского хозяйства», «Лесной журнал», «Земледельческая газета», «Журнал коннозаводства и охоты», «Журнал мануфактур и торговли», «Журнал географического общества», «Вольного экономического общества», «Казанского экономического общества», «Записки императорского общества сельского хозяйства Южной России», «Записки Горегоретского института» и «Записки Лебедянского общества», Журналы Министерства народного просвещения, Министерства внутренних дел, и Министерства государственных имуществ, отчеты разных ведомств, сборники постановлений, извлечения из отчетов,

статистические сборники («Сборник статистических сведений о России», «Статистический обзор Сибири», «Список народов Российской империи»), имелись и специальные книги по земледелию: «Руководство к сельскому хозяйству» и «Курс опытного русского сельского хозяйства» Щелихова. Киселев сам был почетным членом разных сельскохозяйственных обществ, улучшение методов земледелия составляло одно из важных положений реформы государственных крестьян. Естественно, он имел под рукой и такие важные для высшего чиновника справочники, как «Списки чиновников ...», «Адрес-календари», «Списки генералов и штаб-офицеров», а также знаменитые сборники законов: «Собрание законов и законы старья», издания 1834 г., «Законы с прибавлениями» издания 1842г. Как боевой генерал и человек, интересующийся развитием вооруженных сил и их историей, Павел Дмитриевич читал «Военный и Морской сборник», «Войну 1799 года Милютина в 5 частях», «Финляндскую войну 1808-1809г.г.», «Описание войны с Наполеоном в 1806-1807 г.г.», «Войну 1812 г.» Данилевского (в войнах с Наполеоном он участвовал лично); «Военную историю походов России в XVIII столетии» Бутурлина в 4 томах, «Наставления Фридриха II», а также «Полный курс фортификации» Сент-Поля и сочинения по разным военным наукам: топографии, инженерному делу, алгебре, геометрии и даже военному судоходству.

Киселев не оставлял без внимания сочинения по истории и экономике («Торговля со Средней Азией», «Труды о развитии мануфактур»). Среди них и знаменитая «История Государства Российского» Н. М. Карамзина, отдельные работы по истории России времен Алексея Михайловича, Петра I, Петра II, Елизаветы и Екатерины II. Кроме того, он имел напечатанные источники дипломатического и генеалогического содержания: «Памятники дипломатических сношений» в 3 томах, «Дворцовые разряды», «Книги Разрядные», «Российская Родословная книга» в двух частях. Интерес к русской старине, появившийся у европеизированной русской знати в это время, подчеркивается наличием «Словаря церковнославянского и русского языка» в 4 частях. Кроме того, он много читал политическую литературу либерального толка - ее влияние на мировоззрение П. Д. Киселева анализировалось Н. М. Дружининым².

Усердными занятиями П. Д. Киселеву удалось приобрести специальные познания, но, несмотря на знакомство с Н. М. Карамзиным, Д. Н. Блудовым, П. А. Вяземским и А. С. Пушкиным, в русской литературе он не разбирался; в приведенном выше обзоре книг, находившихся в библиотеке Павла Дмитриевича в Тульчине и Петербурге, русская «классика» XVIII – начала XIX вв. не упоминается (кроме «Государства Российского» Н. М. Карамзина). А. О. Смирнова-Россет, при описании разговора у великой княгини Елены Павловны о славянофилах, приводит любопытный эпизод, когда Д. Н. Блудов, коллега П. Д. Киселева по Комитету министров и Государственному совету, в прошлом не чуждый литературных занятий, был вынужден прочитать великой княгине и

Киселеву лекцию о русской литературе, которой его слушатели не знали: «...Она и граф Киселев уверяли графа Блудова, что в России не было ни поэтов, ни мыслителей. Блудов пристыдил их и прочел им курс русской литературы с цитатами, его манера так педагогична. То, что старый Киселев не читал ни Державина, ни Ломоносова, ни Пушкина, объясняется очень просто: с 15 лет он был на полях сражений, потом командиром корпуса, потом министром, у него не было времени читать стихи...»³. В 1840-е гг. для чиновников «новой волны» вельможная небрежность Киселева в письменной речи стала предметом насмешек. Служащий в Саратовской губернии по МГИ А. О. Аблесимов отмечал, что министру не давался русский язык и его собственноручные письма и предписания содержали грамматические ошибки (например, он пишет всюду и везде «постаратца»): «В прежние времена во Франции это считалось верным признаком аристократического воспитания. Если судить по письмам наших многих государственных людей, то можно принять их за аристократов, в чем они, однако, никто не грешны».⁴

Супруг сестры П. Д. Киселева Елизаветы Дмитриевны, А. М. Милютин был не знатным дворянином (дворянин во 2-м поколении) без служебных перспектив с расстроенными имущественными делами. Хотя П. Д. Киселев и не был в восторге от этого брака, но старался оказать помощь сестре и, особенно, племянникам. В письме к брату от 4 января 1829 г., Елизавета Дмитриевна писала: «Я не надеюсь обеспечить существование моих детей; я только хочу дать им образование, которое заменит им состояние». Из девяти детей А. М. Милютина до зрелых лет дожили только Мария, окончившая Екатерининский институт, Дмитрий (реформатор русской армии, граф, фельдмаршал), Николай (один из разработчиков реформы 1861 г.) и Владимир (писатель, профессор Санкт-Петербургского университета), прославившие фамилию.

В юности все три брата пользовались покровительством П. Д. Киселёва. Понимая, что будущность племянников будет зависеть от их трудолюбия и настойчивости, Павел Дмитриевич всячески поощрял в них стремление к самостоятельности, например к научным занятиям, не только развивающим ум, но могущих сделать авторов известными и принести небольшой, но верный доход. Наставления не прошли даром – написание научных статей и монографий превратится в хорошее материальное подспорье для братьев Милютиных. Не случайно Д. А. Милютин свою первую работу, удостоившуюся лестной аттестации в «Северной пчеле» - «Руководство для съемки планов», посвятил П. Д. Киселеву. Проходя службу в гвардейской артиллерии юнкером, Дмитрий Алексеевич, постоянно испытывавший недостаток денежных средств, не только приучил себя к экономии, но и изыскивал дополнительные заработки: в 1837-1838 годах сотрудничал с «Энциклопедическим Лексиконом» Плюшара и «Военно-энциклопедическим Лексиконом», составляя статьи по естественным и военным наукам. По оценке Д. А. Милютина, его заработок «в обоих Лексиконах составил немаловажное подспорье к ограниченным ... финансам; он дал ... возможность не только свести концы с концами в ...

годовом бюджете, но еще уделить некоторое пособие сестре, - при выходе ее из института, и брату, - при отъезде его в Крым». Всего дополнительный заработок с мая 1837 г. по май 1838 г составил. 1751 руб. асс (500 руб. с.), из оставшихся за редакциями 2500 рублей в течение 1838 г. было получено 1000 руб. асс. Для сравнения, годовое содержание Д. А. Милютина равнялось всего 1667 руб. асс. (476 руб. с.) В дальнейшем подобные работы были продолжены и составленное Д. А. Милютиным вместе с другими офицерами руководство по тактике «Свод некоторых соображений для движения, расположения и действия в бою войск», с атласом чертежей in folio, понравилось императору Николаю I. Николай Алексеевич, служивший в МВД, «зарабатывал кое-что», сотрудничая с «Библиотекой коммерческих знаний», «Журналом Министерства внутренних дел» и другими подобными изданиями. Подводя финансовые итоги 1838 и 1839 годов перед командировкой на Кавказ, Д. А. Милютин отмечал, что дополнительный заработок почти в 2 раза превосходил размер казенного содержания. Частные работы принесли дохода до 3200 руб. асс. (по словам Д. А. Милютина, 850 руб. с.), «не считая оставшегося за редакциями долга от 2 до 3 тыс. рублей за статьи, еще не напечатанные». Именно этот заработок дал возможность покрыть расходы «общего нашего с братом домашнего хозяйства и мои личные», но и покрыть прошлогодний дефицит в 1000 руб., «уделить небольшую сумму в помощь брату и приберечь средства на предстоящую поездку на Кавказ»⁵.

Кроме финансового подспорья, изначальная нацеленность на фундаментальное образование способствовала более гармоничному развитию личности Дмитрия Алексеевича. Даже «дошкольная подготовка» серьезно отличалась от «французского «воспитания предыдущего поколения: «Рядом с занятиями по математике и технике мы оба, брат Николай и я, начали учиться истории, всеобщей и русской. Поочередно читали мы вслух Историю Карамзина и по прочтении каждой главы должны были пересказать сущность ее содержания. Таким образом мы прочли почти все 12 томов Карамзина, когда мне было всего 10 лет, а брату Николаю – 8. Мне кажется, что занятие это принесло нам громадную пользу не столько потому, что с детского возраста мы ознакомились с историей нашего отечества до XVII столетия, сколько в отношении к языку и слогу»⁶. С русской историей и литературой братья Милютины познакомились в детстве.

Так как «уроки на дому нескольких преподавателей обходились слишком дорого», вместо продолжения домашнего образования или частного благородного пансиона, Милютиных определили в гимназию: «Родители наши убедились в невозможности продолжать домашнее воспитание и решились с наступлением нового учебного года определить двух старших, т.е. меня и брата Николая, в губернскую гимназию, единственную в то время в Москве»⁷. Несмотря на телесные наказания и традиционную зубрежку, гимназия позволила подготовить братьев к зачислению в пансион при Московском университете, который Д. А. Милютин окончил с серебряной медалью.

Детские пересказы «сущности содержания» глав «Истории государства Российского» на гимназической и университетской почве превратились в первые попытки самостоятельных изысканий. В гимназии «во время каникул я был занят печатанием своих скороспелых произведений: «Опыт литературного словаря», «Руководство к съемке планов» и переведенного романа «Якарей Уасу», в университете ходил по рукам некий рукописный литературный журнал с произведениями Милютина. «Но что еще удивительнее – о моих ребяческих творениях появились в тогдашних газетах и журналах весьма снисходительные отзывы... Так, например, «Северная пчела» (1831 г. № 198) дала моей съемке планов такую лестную аттестацию: «Автору сей небольшой книжки 15 лет от роду; сие замечание сделано нами не для того, чтобы извинить могущие встретиться в ней недостатки, а для того, чтобы обратить внимание любителей наук на труды молодого человека, обещающего со временем своими талантами, образованием и любовью к наукам сделаться полезным гражданином отечеству, отличным слугой Государю». Даже строгий П. Д. Киселев написал племяннику «весьма любезное письмо» на французском языке, в котором были поистине пророческие слова: «призываю продолжать Ваши занятия со всевозможным рвением. От этого зависит Ваше будущее»⁸ (пер. с фр.).

Избрав военную карьеру, Милютин не забыл дядюшкин завет. Отличившись в бесконечной Кавказской войне, Дмитрий Алексеевич в чине полковника вернулся в Санкт-Петербург «и начал педагогическую деятельность как профессор Военной Академии. Заняв кафедру Военной географии, он многое сделал для развития военной статистики как науки, ввел ее в академический курс, издал книгу «Опыты военной статистики», занялся военной историей. В годы научных занятий и профессорства (1845-нач.1850-х гг.) Милютин близко сошелся с образованными и просвещенными людьми петербургского общества... он регулярно бывал у брата Николая, служившего тогда в Министерстве внутренних дел и уже известного реформаторскими взглядами и планами, у которого собирался «интимный кружок» единомышленников и друзей. Среди них И. П. Арапетов, А. П. Заблоцкий-Десятовский, Н. И. Надеждин, К. Д. Кавелин, К. С. Веселовский, В. И. Даль, И. И. Панаев, В. Ф. Одоевский, А. А. Краевский и др.

Братья Милютины, как и многие деятели кружка, принимали тогда участие в только что образовавшемся Русском географическом Обществе, председателем которого стал Великий князь Константин Николаевич... Широкая программа Общества, далеко выходящая за рамки собственно географии, позволяла заниматься изучением социально-экономического быта народа, статистикой (так как официальная не внушала доверия), окраинами империи. Здесь приобретались научные и практические знания, навыки общественной деятельности, все, что так понадобится будущим реформаторам, многие из которых прошли школу Русского Географического Общества, сплотились на этом поприще в организованную группу единомышленников, готовых к предстоящим преобразованиям»⁹.

Интерес к научным занятиям позволил Д. А. Милютину вписать свое имя не только в список генералов, реформаторов и политиков, но и ученых, топографов и историков. «В 1848 г. по Высочайшему повелению Милютину было поручено продолжить едва начатое исследование умершего военного историка генерал-лейтенанта А. И. Михайловского-Данилевского об Итальянском походе А. В. Суворова. И уже в 1852-1853 гг. увидел свет главный научный труд Д. А. Милютина, пятитомное классическое исследование «История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование Императора Павла I». За этот труд Д. А. Милютин был удостоен императорской Академией Наук Демидовской премии и избран членом-корреспондентом, а в 1866 г. стал доктором русской истории Санкт-Петербургского университета¹⁰.

Сочетание военной практики с теоретической подготовкой сделало Д. А. Милютина грамотным офицером. Опора на комплексное фундаментальное образование превратила его в государственного деятеля.

¹ Минин А. С. Граф П.Д. Киселев: портрет министра как зеркало эпохи: монография.- СПб.: ФГБОУВПО «СПГУТД», 2012. С.70.

² Там же. С.203-205.

³ Смирнова-Россет А.О. Баденский роман. Из варианта 7. // Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 495.

⁴ Минин А. С. Граф П.Д. Киселев: портрет министра как зеркало эпохи: монография.- СПб.: ФГБОУВПО «СПГУТД», 2012. С. 206.

⁵ Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина.1816-1843 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 1997.... С. 119, 135, 172-175, 190-192.

⁶ Там же. С. 71.

⁷ Там же. С. 82-83.

⁸ Там же. С. 100-101.

⁹ Захарова Л. Г. Дмитрий Алексеевич Милютин, его время и его мемуары // Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1816-1843. / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 1997. С.7.

¹⁰ Там же. С. 8.

СОДЕРЖАНИЕ

Демидов А. В. ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО К УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ «РОССИЯ И МИР В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ - ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ».....	3
Абдуразакова С. М. Алиханова С. А. МОЛОДЕЖНЫЙ ПАРЛАМЕНТ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ.....	4
Абравитов Д. В. Паневин К. В. МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАК ФАКТОР УСПЕХА В ВОЙНАХ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ (ПО ВЗГЛЯДАМ М.И. ДРАГОМИРОВА).....	10
Аверьянова О. В. Семенов С. Л. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛЕТОПИСАНИЯ НА РУСИ.....	15
Акимов Ю. Г. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ В США И КАНАДЕ В КОНЦЕ XIX В. (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ).....	18
Александрова М. Г. Хиневич М. А. ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ БЮДЖЕТНОЙ И НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА 2019-2021 ГОДЫ.....	23
Бадьянов А. Б. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА КАК ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ.....	28
Березкина О. С. ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТОВ И СТАНОВЛЕНИЕ МЕХАНИЗМА «РАТИФИКАЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ».....	31

Богатырёв А. В. ПОМЕТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ В БУМАГАХ МИССИИ В. М. ТЯПКИНА (1673–1677 ГГ.).....	37
Боева Г. Н. ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ КАК ИСТОРИК.....	43
Болтаевский А. А. «РЕЧЬ ИДЕТ О ТОМ, ЧТОБЫ ВЕНГРИЯ ОБРЕЛА СЧАСТЬЕ»: ДЮЛА СЕКФЮ О СУДЬБАХ ВЕНГРИИ ПО ИТОГАМ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	48
Бондаревский А. В. ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН В США И РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ.....	53
Борисова-Лебедева М. Ю. Мунжукова С. И. ОТНОШЕНИЕ ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ К СОБЫТИЯМ 1917 Г. В ПЕТРОГРАДЕ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ Е. А. КОРВИН-КРУКОВСКОЙ И Б. А. ЭНГЕЛЬГАРДТА).....	59
Бугашев С. И. БРИТАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И БОЛЬШЕВИКИ В 1917 ГОДУ.....	63
Бузун Д. Н. Латышева В. А. СПИСКИ «ВОИНЫ-ЗЕМЛЯКИ, КОТОРЫЕ ПОГИБЛИ ИЛИ ПРОПАЛИ БЕЗ ВЕСТИ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ» В БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОЧНИКА.....	66
Бычков М. А. КУМАН НА ГЭЛ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ИРЛАНДИИ В 1922 – 1932 ГГ.....	73
Васильев В. Г. Кугай А. И. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА: КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ 21 ВЕКА.....	77

Васильева С. А. «ВОПРОШАТЕЛЬ» ДЖ. БЕРКЛИ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ.....	81
Вахромеева О. Б. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЯПОНСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК И КЛАССИФИКАЦИЯ «МУКАСИ-БАНАСИ» В. М. МЕНДРИНА.....	84
Вербин А. А. ПСЕВДОРЕАЛЬНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ.....	91
Вревская Н. А. ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ АРХИВОВ НИДЕРЛАНДОВ О РУССКО-ГОЛЛАНДСКОЙ ТОРГОВЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII - ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВВ.....	94
Выходец Р. С. ЦИФРОВАЯ ПОВЕСТКА ЕАЭС: ВОПРОСЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	98
Гагин И. А. ЖИЗНЬ И СУДЬБА ИСТОРИКА НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ М. Г. ХУДЯКОВА.....	103
Горбач В. В. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ГЛОБАЛИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ.....	107
Григорьева Ю. В. КОНЦЕПЦИЯ «МНОЖЕСТВЕННОСТИ РЕАЛЬНОСТЕЙ» КАК ОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.....	112
Гринёв А. В. ИСТОРИЯ РОССИИ – ИСТОРИЯ ЗАСТОЕВ И РЫВКОВ.....	119
Гусаров В. В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОСЛЕДНИХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ УСАДЬБЫ ХМЕЛИТА ВОЛКОВЫХ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.) В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ.....	126

Гусаров В. В. Фролова А. В. УЩЕРБ, НАНЕСЁННЫЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ РАНЕЕ ОККУПИРОВАННЫМ НАСЕЛЁННЫМ ПУНКТАМ НА ТЕРРИТОРИИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЯЗЕМСКОГО И АНДРЕЕВСКОГО РАЙОНОВ).....	131
Девятова М. Э. ЛИНКОР «ТИРПИЦ»: ГИБЕЛЬ И ПРОБЛЕМА МУЗЕЕФИКАЦИИ.....	135
Денисенко Е. П. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА НА СТРАНИЦАХ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЖУРНАЛОВ НАЧАЛА XX В. (ПО ФОНДАМ ЦНБ ИМ. Я. КОЛАСА НАН БЕЛАРУСИ).....	139
Джамбулатов Р. Т. Чекулаев Н. Д. ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ (1921 – 2001 ГГ.) ПО МАТЕРИАЛАМ «ЦГАРД».....	145
Доброштан В. М. ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО И ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СИНЕРГЕТИКА.....	150
Доник К. В. ИСТОРИЯ СЕМЬИ Г. Ф. И Н. А. ПЕТРОВО-СОЛОВОВО И ИХ РОДОВЫЕ ИМЕНЯ В КИРСАНОВСКОМ УЕЗДЕ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.....	155
Дубинина А. П. «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА. ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	161
Жолудов М. В. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И РОССИЯ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.....	166
Жукова В. С. САМОГОНОВАРЕНИЕ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В 1914 – 1928-Х ГГ.....	169

Засорин С. А. ФЕНОМЕН «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ.....	175
Захарова И. Н. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЛАЦДАРМА «НЕВСКОГО ПЯТОЧКА» КАК ПОПЫТКА ДЕБЛОКИРОВАНИЯ ЛЕНИНГРАДА В 1941 ГОДУ.....	180
Зеленов В. И. ВЛИЯНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА ПОЛНОЦЕННОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.....	185
Земцова И. В. А. ДЕМЬЯНОВ: «...ДЕРЗКИХ В СМЫСЛЕ ХРАБРОСТИ МЕЖДУ НАМИ НИКОГО НЕ БЫЛО».....	189
Иванов В. А. МЕМУАРЫ СОВЕТСКИХ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939–1940 ГГ.....	194
Иванова Н. И. ВОЙНА И ПАМЯТЬ ГРАФОВ ЙОРКОВ ФОН ВАРТЕНБУРГОВ (ПАМЯТНИК РУССКО-ПРУССКОМУ «СВОЕВОЛИЮ»).....	198
Изюмова Л. В. ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕСОЗАГОТОВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ).....	203
Ильина О. В. ДОШКОЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1940 – 1950-Е ГГ.....	209
Ильинский И. В. ЧЕЛОВЕК И НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.....	214
Исаченко А. В. Исаченко И. В. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ ЦВЕТА В ДИЗАЙНЕ ИНТЕРФЕЙСА....	218

Каматесов А. М. РОЛЬ ВОЕННО-МОРСКОЙ ПОДГОТОВКИ КАДЕТ В КРОНШТАДСКОМ МОРСКОМ ВОЕННОМ КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ВЫБОРЕ УЧАЩИХСЯ.....	221
Каньшева О. А. СОВРЕМЕННАЯ ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В НАУКЕ.....	225
Кириллов Д. В. ПРИМЕНЕНИЕ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ШКОЛЕ И ВУЗЕ: ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ.....	229
Ковалева Г. В. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СФЕРЕ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ.....	233
Коженова Л. В. ОСНОВЫ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СЕМИОТИКИ Ю.М. ЛОТМАНА.....	236
Корнеева Г. А. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СИБИРИ В СОЦИОПОЛИТИЧЕСКОМ И МЕНТАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 – 1907 ГГ.....	239
Королева Т. О. МИЛОСЕРДИЕ ДЛЯ ВСЕХ. ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА «В ПОЛЬЗУ ОБЩИНЫ СВ. ЕВГЕНИИ» В КОЛЛЕКЦИИ «КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ Г. ЛОМОНОСОВА».....	245
Костюк Р. В. МЕЖДУ КОММУНИЗМОМ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЕЙ: ПРИМЕР ФРАНЦУЗСКОГО СОЦИАЛИЗМА 1920-Х ГОДОВ.....	250
Костякова Ю. Б. ПОТЕНЦИАЛ ТЕЛЕВИДЕНИЯ В КОНСТРУИРОВАНИИ «ОБРАЗА» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	256
Кузнецов В. Д. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	260

Кузнецова О. Н. АДРЕСА ЧЛЕНОВ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ В 1917 ГОДУ В ИСТОРИИ ПЕТРОГРАДА.....	263
Куликова О. Ю. Федорова А. В. ТРУДАРМИЯ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ.....	266
Кулько Е. И. ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ: СВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И МЕНТАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК.....	271
Курыло О. В. НЕОБХОДИМОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ.....	274
Кутепова Е. В. Массов А. Я. РОЛЬ МУЗЕЕВ В ВУЗАХ МОРСКОГО ПРОФИЛЯ В ДЕЛЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ. (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ МУЗЕЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МОРСКОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА).....	277
Ланцов С. А. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЦЕРКОВНОГО РАСКОЛА НА УКРАИНЕ ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	280
Ланцова И. С. КОРЕЙСКИЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.....	284
Ланцова Л. А. ИСТОКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ СТАНОВЛЕНИЯ В РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ.....	288
Левин В. И. С. Ю. ВИТТЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ.....	291

Лизовская В. В. ЦЕНОВЫЕ СТРАТЕГИИ В ОНЛАЙН И ОФФЛАЙН СРЕДЕ.....	294
Липская О. Г. ТЕАТР АБСУРДА КАК ФЕНОМЕН XX ВЕКА.....	297
Лисенкова Л. Н. 1917: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИИ ЭСЕРОВ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ С.П. ПОСТНИКОВА).....	300
Логинова Д. В. ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВИЛ ЭКСПЛУАТАЦИИ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА В РОССИИ ДО РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.....	304
Любезников О. А. ИЗ ИСТОРИИ ЦАНДЕРОВСКОГО ИНСТИТУТА В ЕССЕНТУКАХ: АРХИТЕКТОР Н.П. НИКИТИН И ОРГАНИЗАЦИЯ КАБИНЕТА ТРУДОТЕРАПИИ В 1943 ГОДУ.....	308
Ляпанов А. В. ТРАДИЦИОННЫЕ ЦИКЛЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ (МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ).....	314
Малахов Н. Е. УГЛУБЛЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ ИСТОРИИ КАК ОБЪЕКТИВНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	317
Манько Ю. В. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТЕМАТИКИ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ КАФЕДРЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК ЗА ПОСЛЕДНИЕ 25 ЛЕТ.....	320
Манько Ю. В. ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В IT ЦИВИЛИЗАЦИИ.....	322
Массов А. Я. Поллард М. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О РОССИЙСКОМ КОНСУЛЕ В МЕЛЬБУРНЕ А. Д. ПУТЯТЕ.....	329

Махкамов Г. М. Рузиматов Р. Е. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ АНДИЖАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	335
Минин А. С. «В СЛУЧАЕ СДАЧИ ЛЕНИНГРАДА»: ИСТОРИЯ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВКП(Б).....	337
Минин А. С. СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ И СМЕНА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НИКОЛАЯ I.....	345

Научное издание

**РОССИЯ И МИР В НОВОЕ
И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ – ИЗ ПРОШЛОГО
В БУДУЩЕЕ**

Материалы международной научной конференции

Санкт-Петербург, 22 марта 2019 года

Под редакцией В. М. Доброштан, С. И. Бугашева, А. С. Минина, Т. В. Рабуш

Материалы публикуются в авторской редакции

Подписано в печать 07.03.19. Формат 60×84¹/₁₆

Печать трафаретная Усл. печ. л. 21,0.

Тираж 200 экз. Заказ 180

<http://publish.sutd.ru>

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «СПбГУПТД»

191028, С.-Петербург, ул. Моховая, 26